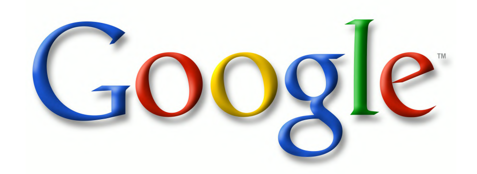
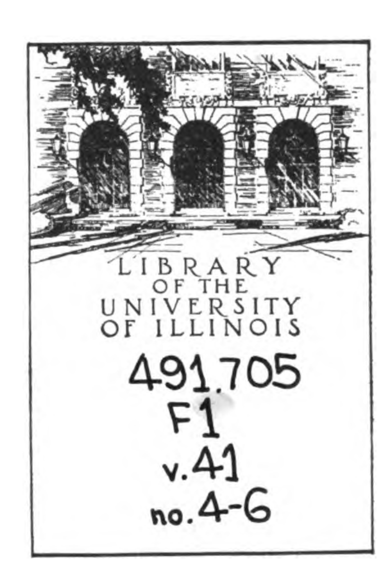



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
491.705
F1
v.41
no.4-6

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ Семинарій и Училищъ. На Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Коммиссіей присужденъ журналу похвальный отзывъ.

ГОДЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

ВЫПУСКЪ IV—V.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.

Типографія В. И. Исаева.

1901.

СОДЕРЖАНІЕ IV—V ВЫПУСКОВЪ.

О ПОДПИСКѢ
на
„ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ"

42-й год изд. въ 1902 году, 42-й год изд.

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ,—также главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ семинарій и училищъ. За изданіе журнала: «Филологическія Записки» редактору А. А. Хованскому на Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 г. Коммиссіей присужденъ похвальный отзывъ.

„Філолологическія Записки" издаются безъ предварительной цензуры.

Журналъ «Филол. Зап.» вступая въ 42-й годъ своего существованія, по прежнему остается вѣренъ своимъ задачамъ, неуклонно преслѣдуя цѣли, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ,—быть печатнымъ полезнымъ органомъ, заботящимся объ улучшеніи преподаванія и правильной постановкѣ русскаго языка и другихъ предметовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Страницы журнала «Ф. З.» открыты для каждаго желающаго внести свою посильную лепту въ общую сокровищницу, высказать свой взглядъ на дѣло преподаванія родного языка. Обмѣнъ мыслей между преподавателями въ спеціальномъ печатномъ органѣ по назрѣвшимъ вопросамъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ великая сила, двигающая впередъ святое школьное дѣло.

Много разъ въ редакцію поступали отъ признательныхъ преподавателей письменныя заявленія, свидѣтельствующія, что «Ф. З.» служатъ необходимой настольной книгой, руководящей ихъ на педагогическомъ поприщѣ. Много было и печатныхъ лестныхъ отзывовъ о журналѣ, давно ставшимъ популярнымъ въ Россіи. Но, къ сожалѣнію, находятся еще и до сихъ поръ лица, по недоразумѣнію, придающія слишкомъ одностороннее научное значеніе «Ф. З.», судя по его заглавію, и тѣмъ болѣе прискорбно, что изъ числа ихъ есть лица, принадлежащія къ учебной корпораціи. Такія лица судятъ о журналѣ по одному его названію, не взглянувъ даже на оглавленіе статей, въ числѣ которыхъ есть много интереснаго и поучительнаго. Желающимъ ознакомиться съ содержаніемъ журнала, редакція охотно высылаетъ по требованію безплатно каталогъ статей, помѣщенныхъ въ «Ф. З.». Кромѣ того, желая принести

посильную пользу педагогамъ, редакція предлагаетъ имъ свое изданіе по уменьшенной цѣнѣ.

Господъ начальствующихъ учебныхъ заведеній, для которыхъ не безызвѣстно, что «Ф. З.» одобрены и рекомендованы высшими Учрежденіями къ пріобрѣтенію въ библіотеки учебныхъ заведеній, контора «Ф. З.» покорнѣйше проситъ заблаговременно сдѣлать должное распоряженіе о подпискѣ на журналъ для ввѣренныхъ имъ учебныхъ заведеній.

Журналъ: «Фил. Зап.», выходитъ безсрочными выпусками **шесть** разъ въ годъ, не менѣе 8 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпуска, не менѣе 16-ти листовъ.

ЦѢНА годовому изданію **6** р. безъ пересылки, **7** р. съ перес., за границу **8** р. съ пер.

ПОДПИСКА принимается въ **Воронежѣ**, въ конторѣ Редакціи журнала «Фил. Зап.», Старо-Москов. ул. (близъ Каменнаго моста), д. № 20 й.

Въ Редакціи имѣются въ продажѣ:

1) «Филол. Записки» за прежніе годы (до 1899 г.),— за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер., за 1899, 1900, 1901 г.г. 7 р. съ пер. за шесть вып.

2) Оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ. Каталогъ этихъ брошюръ по требованію высылается безплатно.

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ—30 к. съ пер., за 13 лѣтъ 25 к. съ пер., за оба «Указателя» 40 к. съ перес. Скоро будетъ напечатанъ «Указатель» и за послѣдніе годы.

Условія для книгопродавцевъ: «Филолог. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто **6** р. **50** к. высылаются за **6** р. **20** к. съ пер., за 1899, 1900 и 1901 года вмѣсто **7** р.—**6** р. **65** к. съ пер., за границу вмѣсто **8** р.—**7** р. **60** к. съ перес.; за соединенные 2 выпуска **2** р. **20** к. съ пер., брошюры со скидкою **15**%.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ «Фил. Зап.», слѣд.: за цѣлую страницу—10 р., ½ страницы—5 р., ¼ страницы—3 р., ⅛ стран.—2 р.

Редакторы*) { **С. Н. Прядкинъ** и **Б. О. Гаазе.**

Издательницы-наслѣдницы **А. А. Хованскаго.**

---

*) **Адресы редакторовъ** { Сергѣя Никаноровича Прядкина— Халютинская ул., д. № 2/21; Бертрама Оскаровича Гаазе—уголъ Богоявлен. и Воскресен. ул., д. Епифанова.

Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ на основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона доводитъ до общаго свѣдѣнія, что на настоящее конкурсное трехлѣтіе (1900—1903 гг.) назначены слѣдующія задачи:

1. Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.

Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіеся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя

представляли тюркскіе говоры *). Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго пріуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлъ эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь однако тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти впослѣдствіи, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2. Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.

Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ:—Какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія.

---

*) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3. Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху.

Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западно-европейскихъ языковъ.—Систематическая выборка заимствованныхъ словъ изъ какого-нибудь, опредѣленнаго самимъ изслѣдователемъ, круга произведенія письменности Петровской эпохи (актовъ, узаконеній, учебниковъ, писемъ и литературныхъ произведеній), съ указаніемъ происхожденій этихъ словъ (слова нѣмецкія, шведскія, голландскія, польскія и т. д.).

4. Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ.

Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственныя) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (обще-славянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.

Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочи-

ненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія *).

На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при Второмъ Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ.

---

*) Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1903 года—печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ и адресованы на имя Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЪ
„Филологическихъ Записокъ“.

Вслѣдствіе не разъ возникавшихъ недоразумѣній по поводу заявленій нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ и подписчиковъ, обращающихся непосредственно къ редакторамъ журнала: «Ф. З.», относительно, напр., задержки вып. журнала или оттисковъ авторскихъ статей и пр., мы честь имѣемъ заявить, что вся матеріальная часть по веденію дѣла изданія «Ф. З.» всецѣло принадлежитъ намъ, издательницамъ-наслѣдницамъ основателя «Ф. З.» А. А. Хованскаго.

Всѣ расходы по изданію, какъ-то: уплата за бумагу, печатаніе выпусковъ журнала и оттисковъ статей, брошюровка и почтовый расходъ, пріемъ подписки, разсылка журнала и оттисковъ, условія съ книжными магазинами и редакціями изданій, веденіе редакціонныхъ книгъ, корректура, корреспонденція по изд. журнала и пр.,—все это находится въ вѣдѣніи нашемъ, почему покорнѣйше просимъ съ запросами, требованіями и заявленіями обращаться или въ контору редакціи, или лично къ намъ, издательницамъ, а не къ редакторамъ, отвѣтственнымъ только за содержаніе журнала, его программу и направленіе.

Издательницы-наслѣдницы

А. А. Хованскаго.

Три политическихъ направленія въ древней Греціи (по „Иліадѣ“—Гомера).

Одиссей: «Не хорошо многовластье: единъ да будетъ властитель» («Ил.» II 204).

Ахиллесъ: «Трусомъ по истинѣ могъ бы прослыть я и мужемъ негоднымъ,
Если бъ тебѣ, Агамемнонъ, уступалъ я во всемъ, что ты ни скажешь.
Прочимъ приказывай такъ, мнѣ же ставить предѣла не думай:
Ибо отнынѣ тебѣ покорствовать я не намѣренъ» («Ил.» I, 293).

Терситъ: «Трусы, постыдное племя: ахеянки вы, не ахейцы!
Дайте вернемся домой съ кораблями, его же (Агамемнона) оставимъ
Здѣсь, подлѣ Трои, добычей своей наслаждаться. Пусть знаетъ,
Пользу ему мы приносимъ хоть сколько-нибудь иль ни мало. («Ил.» II, 235).

Пересматривая на досугѣ „Исторію Греціи“ знаменитаго Грота, я случайно остановился на такомъ замѣчаніи великаго историка о герояхъ Троянской войны. „Грекъ временъ Трои“, пишетъ Гротъ: „не знаетъ никакихъ соціальныхъ мотивовъ (social motives) дѣятельности, почти ничего не знаетъ да и не хочетъ знать о какихъ либо обязанностяхъ къ человѣку, какъ таковому, или объ обязанностяхъ къ обществу, къ которому онъ принадлежитъ, какъ членъ“ [1]).

[1]) «History of Greece», в. II. 79.

Правда ли это? справедливъ ли такой отзывъ? Да, справедливъ, отвѣтилъ я себѣ, но потомъ рѣшилъ пересмотрѣть „Иліаду".

Выводы оказались довольно скудными. Гротъ правъ, нашелъ я: строго говоря, въ Иліадѣ—нѣтъ общества; а, гдѣ его нѣтъ, конечно, не можетъ быть и „общественныхъ мотивовъ" дѣятельности.

Герои „Иліады"—дѣятели меча, всё свое достоинство полагающіе въ количествѣ разрушенныхъ городовъ или снятыхъ вражескихъ доспѣховъ. Какое дѣло имъ до интересовъ общества, общественной жизни?

Гротъ правъ, но... въ то же время чтеніе „Иліады" позволяетъ установить слѣдующій тезисъ, повидимому, противорѣчащій тому, что мы только что сказали.

Этотъ тезисъ такого рода: въ лицѣ героевъ „Иліады" мы видимъ представителей трехъ политическихъ направленій, около которыхъ сосредоточивается вся исторія Греціи. Три направленія, о которыхъ мы говоримъ, это 1) направленіе монархически-тиранническое, 2) олигархическое (типа аристократической олигархіи) и 3) демократическое.

„Не хорошо многовластье:
Единъ да будетъ властитель"...'

„Οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη, εἷς κοίρανος ἔστω, εἷς βασιλεύς, ᾧ ἔδωκε Κρόνου παῖς ἀγκυλομήτεω σκῆπτρόν τ' ἠδὲ θέμιστας, ἵνα σφίσι βασιλεύῃ" [2]).

Таковъ девизъ первой партіи, представителемъ которой является Агамемнонъ съ своимъ сторонникомъ Одиссеемъ.

По существу дѣла намъ слѣдовало бы начать съ вы-

---

[2]) «Ил.» II. 204.

ясненія политической программы этой именно партіи, какъ древнѣйшей. Къ сожалѣнію, однако приходится отступить отъ этого естественнаго порядка. Мы видимъ, что сущность политической программы Агамемнона состоитъ въ охраненіи царскаго единовластія, а это охраненіе выражается въ борьбѣ съ врагами этого единовластія. Поэтому полезнѣе сначала узнать, чего хотятъ враги, съ которыми борется Агамемнонъ, и тогда будетъ само собою ясно, чего хочетъ „великій вождь ахеянъ“.

Извѣстно, что все содержаніе „Иліады“ сосредоточивается около одного событія: ссоры Агамемнона съ Ахиллесомъ.

Въ чемъ причина этой ссоры, причинившей, по словамъ Гомера, „неизсчетныя бѣдства“ ахейцамъ? [3]). На первый взглядъ можетъ показаться, что единственной причиной пагубной для ахеянъ распри между двумя героями было оскорбленіе, нанесенное вождю мирмидонянъ Агамемнономъ, который отнялъ у Ахилла его военную добычу, Бризеиду. Намъ однако думается, что причины этой ссоры гораздо серьезнѣе и кроются гораздо глубже. За доказательствами не придется итти далеко. Просмотримъ съ самаго начала I ю пѣснь „Иліады“, гдѣ описывается случай, едва не погубившій грековъ. Здѣсь мы увидимъ, что враждебныя отношенія между Ахиллесомъ и Агамемнономъ обнаружились ранѣе упомянутой ссоры,—увидимъ даже, что самое похищеніе Бризеиды—не что иное, какъ мщеніе Ахиллу со стороны верховнаго вождя ахеянъ за прежде обнаружившееся непріятное для Агамемнона „политическое направленіе сына Өетиды“. Въ чемъ сущность этого направленія?

„Мужъ сей желаетъ надъ всѣми другими быть первымъ,
Править надъ всѣми желаетъ, надъ всѣми царить, свою волю

---

[3]) «Ил.» I. 1 сл.

Всѣмъ предъявлять" [4])...

Такъ формулируетъ сущность политическихъ стремленій Ахиллеса Агамемнонъ.

Такимъ образомъ, Агамемнонъ видитъ въ Ахиллесѣ противника своего единовластія, сторонника ненавистной ему „πολυχοιρανίη", представителя нарождающихся среди грековъ конституціонныхъ стремленій. Ошибался ли великій владыка народовъ? Едва ли. Можетъ-быть, онъ преувеличивалъ, говоря, будто Ахиллесъ хочетъ владычествовать надъ всѣми другими, но все же онъ былъ правъ, видя въ немъ врага своего единовластія.

Впрочемъ, можетъ быть, онъ даже и не преувеличивалъ. Если правъ Terpstra [5]), думая, что слово „ἄναξ" овначало подчиненныхъ царей, родоначальниковъ племенъ и слово „ἀνάσσειν" власть именно этихъ второстепенныхъ царей, то Агамемнонъ, обвиняя Ахилла въ стремленіи ἀνάσσειν πάντεσσι, въ сущности обвиняетъ его въ стремленіи выдѣлить себя изъ ряда другихъ „ἀνάκτων", усилить свою власть, какъ царя совѣтника („ἄνακτος").

Такое обвиненіе, конечно, было бы справедливо. Во всякомъ случаѣ, желаніе Ахиллеса ослабить власть верховнаго царя въ пользу усиленія власти подчиненныхъ предводителей очевидно.

Оно проглядываетъ во всѣхъ поступкахъ и словахъ Ахилла, прорывается даже тогда, когда ему нѣтъ никакой нужды высказывать свои убѣжденія.

„Не изберу себѣ въ жены я дочери юной Атрида...
...... Пусть другого найдетъ онъ ахейца,

---

[4]) «Ил.» I, 287.

[5]) Terpstra. «Antiquitas Homerica». 1820.

Мужа достойнѣй, чѣмъ я,--мужа болѣе царственной
крови" (βασιλεύτερος) [6]).

Это—отвѣтъ мирмидонскаго героя на предложеніе Агамемнона взять одну изъ его дочерей въ замужество. Повидимому, въ немъ (отвѣтѣ) нѣтъ и намека на политическія стремленія Ахиллеса. А въ дѣйствительности? Въ дѣйствительности однимъ словомъ βασιλεύτερος сказано все.

И недовольство своею властью, какъ подчиненнаго царя, и зависть къ положенію вождя ахеянъ, и желаніе ослабить его власть,—все соединилось въ одномъ ироническомъ эпитетѣ. Само собою разумѣется, что въ болѣе удобныхъ случаяхъ Ахиллесъ высказывался опредѣленнѣе:

„Трусомъ по истинѣ могъ бы прослыть я и мужемъ
негоднымъ,
Если бъ тебѣ, Агамемнонъ, уступалъ я во всемъ, что ты
ни скажешь.
Прочимъ приказывай такъ, мнѣ же ставить предѣла
не думай:
Ибо отнынѣ тебѣ поворствовать я не намѣренъ" [7]).

Этотъ рѣзкій и очень опредѣленный отказъ Ахиллеса повиноваться Агамемнону можно было, пожалуй, счесть за простую вспышку гнѣва, вызванную оскорбленіемъ. Однако ни контекстъ, ни разборъ процитованнаго мѣста не допускаетъ такого предположенія.

Полезно сравнить данное мѣсто съ другимъ, очень на него похожимъ.

„Нынѣ хочу удалиться во Фѳію", говоритъ Ахиллъ въ отвѣтъ на угрозы Агамемнона: „пріятнѣй гораздо мнѣ возвратиться домой на кривыхъ корабляхъ. Ты же едва ли,

[6]) «Ил.» IX, 391.
[7]) «Ил.» I, 293.

здѣсь оскорбивши меня, пріумножишь стада и богатство“ [8]). И первое процитованное мѣсто и второе, повидимому, одинаковы по мысли, а между тѣмъ разница между ними очень значительна.

Заявляя о своемъ намѣреніи возвратиться въ отечественный городъ, вождь мирмидонянъ отказывается повиноваться своему верховному владыкѣ и только. Понятно, что такой отказъ могъ быть и случайной вспышкой гнѣва со стороны оскорбленнаго героя. Совсѣмъ другое видимъ мы въ выше подчеркнутомъ нами мѣстѣ. Здѣсь неповиновеніе верховному владыкѣ народовъ возведено въ постоянное правило дѣятельности, т.-е. въ принципъ, слѣдовать которому Ахиллесъ считаетъ необходимымъ для своего достоинства. „Я“, говоритъ сынъ среброногой богини: „повиновеніе Агамемнону безусловное и безпрекословное считаю недостойнымъ своего княжескаго достоинства: царь въ лицѣ князей долженъ видѣть своихъ соправителей и слушать голоса этихъ соправителей“.

Мы видѣли, что Агамемнонъ понялъ Ахилла. Правда, Ахиллъ не только говорилъ, но и дѣйствовалъ такъ, что не понять его было бы очень мудрено.

Мы видимъ изъ первой пѣсни „Иліады“, что онъ, вопреки хорошо извѣстной ему волѣ царя, созываетъ ἀγορά [9]) и на этомъ собраніи первый предлагаетъ возвратиться домой, зная, что этотъ планъ очень не нравится Агамемнону [10]).

Поэтому фактъ созванія Ахиллесомъ собранія ясно говоритъ о стремленіи Ахиллеса власть князей поставить ря-

---

[8]) «Ил.» I, 169.

[9]) «ἀγορήνδε καλέσσατο λαόν».

[10]) «Ил.» I. 59

домъ съ властью царя, какъ равную послѣдней и, пожалуй, замѣняющую ее.

Поведеніе его во время засѣданія подкрѣпляетъ эту мысль.

Кто, напримѣръ, не согласится, что обѣщаніе Ахилла защищать Калхаса даже противъ Агамемнона, „хвалящагося властью верховною въ рати ахейской" сильно отзывается вызовомъ? [11])

Наконецъ, какъ бы для того, чтобы устранить всякую возможность мысли, будто распря съ Агамемнономъ была случайной ссорой, касающейся исключительно одного Ахиллеса—послѣдній приглашаетъ и всѣхъ другихъ вождей къ возмущенію противъ верховнаго вождя ахеянъ [12]).

Конечно, всѣ эти факты на первый взглядъ не особенно крупнаго значенія, но достаточно сдѣлать небольшую историческую справку, чтобы понять ихъ настоящую цѣну и настоящій смыслъ. Вотъ очень интересное для насъ мѣсто въ III томѣ „History of Greece" Грота: „Подчиненные царю предводители народа", говоритъ знаменитый англійскій историкъ, объясняя происхожденіе олигархіи: „первоначально составлявшіе его совѣтъ, нашли средство замѣнить его, чередуясь между собою въ исполненіи правительственныхъ обязанностей и, вѣроятно, сохраняя обыкновеніе время отъ времени созывать народное собраніе въ томъ же видѣ, какъ и прежде. Царь замѣненъ былъ нѣсколькими сановниками. Таковъ былъ характеръ переворота, совершившагося во всѣхъ государствахъ [13]).

Какъ ни казались бы незначительны выше собранные

---

[11]) «Ил.» I, 90.

[12]) «Иліад.» IX, 370, IX, 417.

[13]) Grote „History of Greece", в. III, 15.

факты, однако, если сопоставить ихъ съ только что приведеннымъ замѣчаніемъ Грота, они достаточны, чтобы признать Ахилла родоначальникомъ олигархіи, первовиновникомъ аристократически-олигархическаго переворота въ Греціи.

Изъ Одиссеи мы можемъ заключить, что протестъ Ахиллеса противъ власти βασιλεὺς'а не остался безъ результата. Въ Одиссеѣ возстаніе ἀνάκτων противъ βασιλεὺς'а выражено уже вполнѣ опредѣленно и ярко [14]).

Такимъ образомъ, повторяемъ, Агамемнонъ былъ вполнѣ правъ, боясь конституціонныхъ стремленій вождя мирмидонянъ,—правъ, видя въ Ахиллѣ врага своего единодержавія. Къ сожалѣнію, онъ отвѣчаетъ Ахиллу немного, не въ томъ тонѣ, какой приличенъ для царя типа βασιλέων πατριχῶν.

„Ты ненавистнѣйшій мнѣ межъ царями, питомцами Зевса:
Только тебѣ и пріятны споры, раздоры да битвы,—
Гнѣвъ твой вмѣняю въ ничто, а, напротивъ, грожу тебѣ такъ я:
Требуетъ богъ Аполлонъ, чтобы я возвратилъ Хризеиду,
Я возвращу... но къ тебѣ я приду и изъ кущи твоей Бризеиду
Самъ увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понялъ,
Сколько я властію выше тебя, и чтобъ каждый страшился
Равнымъ себя мнѣ считать и дерзко верстаться со мною“ [15]).

---

[14]) См. Friedreich. „Die Realien in der Iliade und Odyssee“. 1851. 400, 401.

[15]) «Иліад.» I. 176, 177, 181 сл. Переводъ Гнѣдича, какъ болѣе вѣрный и выразительный въ данномъ мѣстѣ.

Отвѣтъ этотъ силенъ и энергиченъ, но, кажется, очень мало соотвѣтствуетъ патріархально-семейному строю Гомеровскаго царства и званію царя—патріарха. Впрочемъ, объ этомъ послѣ.

Теперь намъ слѣдуетъ перейти ко 2-й партіи, враждебной единовластію Агамемнона. Это—партія демократическая.

„Δῆμος“ представлялъ собою младшихъ членовъ семейно-государственнаго союза. Участіе демоса въ государственныхъ дѣлахъ было очень незначительно. Народъ представлялъ изъ себя массу, вполнѣ подчиненную жезлу царя, безличное и безгласное „τίς“ [16]. Съ развитіемъ государственнаго сознанія, народъ сталъ, повидимому, тяготиться своею безгласною ролью и выражать притязаніе на право нѣкотораго участія въ государственныхъ дѣлахъ.

Первымъ выразителемъ этихъ новыхъ стремленій народа является Терситъ, не только не поддержанный, но даже осмѣянный демосомъ, права котораго онъ защищалъ. Имя Терсита уже давно стало синонимомъ нравственнаго и физическаго безобразія, безсильной зависти и трусливой наглости. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ выразилось только непониманіе личности Терсита и отношенія къ нему Гомера.

„Онъ былъ безобразнѣйшій изъ всѣхъ, кто явился подъ Трою:
Былъ онъ косой и хромой, и его искривленныя плечи
Вмѣстѣ сходились къ груди, а еще заостренною кверху

[16]) ὧδε δέ τις εἴπεσχεν ἰδὼν ἐς πλησίον ἄλλον «Ил.» II. 271. ὧδε δέ τις εἴπεσχεν 'Αχαιῶν τε Τρώων τε». «Ил.» III. 319. и т. п.

Онъ обладалъ головой, и рѣдкій торчалъ на ней волосъ.
Множество словъ безпорядочныхъ въ мысляхъ своихъ сохранялъ онъ,
Чтобы царей задѣвать, говоря, что случится, безъ толку,
Лишь бы онъ думалъ, что греки найдутъ его рѣчи смѣшными" [17]).

Нечего и говорить, что портретъ очень не красивъ, но это обстоятельство болѣе говоритъ за Терсита, чѣмъ противъ него. Всѣ симпатіи Гомера на сторонѣ Агамемнона и, слѣдовательно, онъ—противъ Терсита. Отсюда вполнѣ понятно нерасположеніе поэта къ первому проповѣднику демократическихъ идей и стремленіе представить Терсита въ смѣшномъ видѣ. Это стремленіе представить не въ привлекательномъ видѣ Терсита говоритъ лишь за то, что съ Терситомъ нужно было считаться; что его личность была далеко не такъ ничтожна, какъ это кажется.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не требуется значительная степень гражданскаго мужества для того, чтобы выступить съ протестомъ противъ вождя соединеннаго войска, особенно если правъ Гомеръ, говоря, что и „ахейцы въ сердцѣ своемъ возмущались, страшно на него негодуя".

„Царь вѣдь сильнѣе всегда, чѣмъ подвластный, кто гнѣвъ зародилъ въ немъ;
Если бъ онъ даже свой гнѣвъ превозмогъ, затаивши,
Все же онъ будетъ его въ своемъ сердцѣ лелѣять, покуда
Месть не свершится" [18])...

---

[17]) «Иліад.» II. 216—219, 213—215.

[18]) «Иліад.» I, 80 сл.

Еще менѣе можно отрицать у Терсита краснорѣчіе и умъ. „Нельзя не признать, что рѣчи Терсита небезызвѣстна εὐστοχία (по остроумію и основательности)", говоритъ Гладстонъ [19]), а онъ, конечно, болѣе, чѣмъ кто-нибудь способенъ оцѣнить достоинство политической рѣчи.

Впрочемъ, если бы Терситъ и на самомъ дѣлѣ былъ нравственнымъ и умственнымъ ничтожествомъ, это не помѣшало бы ему оставаться первымъ выразителемъ демократическаго начала въ древней Греціи, первымъ провозвѣстникомъ принципа воли „демоса".

Вотъ въ сокращеніи рѣчь Терсита къ Агамемнону: „Чѣмъ, о Атридъ, ты опять недоволенъ? Въ чемъ нужду имѣешь? Золото ль нужно еще, нужно ль жену молодую? Нѣтъ, тебѣ полководцу не подобаетъ бѣды накликать на ахейское войско. Трусы, постыдное племя! Ахеянки вы—не ахейцы! Дайте вернемся домой съ кораблями. Его же оставимъ здѣсь, подлѣ Трои, добычей своей наслаждаться. Пусть знаетъ, пользу ему мы приносимъ хоть сколько-нибудь иль нимало" [20]).

Думается, что смыслъ изложенной рѣчи очень простъ и опредѣлененъ.

Терситъ прямо и сильно заявляетъ „владыкѣ народовъ", что рядомъ съ царемъ стоитъ „δῆμος", который уже не хочетъ быть, какъ прежде, безличнымъ и безгласнымъ „τίς". Этотъ народъ состоитъ не изъ рабовъ, а изъ свободныхъ ахеянъ, и царю вовсе не мѣшаетъ прислушиваться къ голосу народа, если онъ хочетъ, чтобы народъ слушалъ его голоса. Власть царя хотя и дана ему Зевсомъ, однако зависитъ отъ народа, и потому царь долженъ сообразоваться съ

---

[19]) Gladstone's „Homerische Studien" frei bearbeitet von Schuster. 241 s.

[20]) «Иліад.» II, 225 сл.

интересами народа и народной волей. Но Терситъ не противъ единодержавія. Этотъ первый греческій демагогъ и не могъ знать ничего замѣняющаго: онъ только замѣчаетъ и не равнодушенъ къ тому, „что владыка народовъ“ отступаетъ отъ началъ „πατριχῆς μοναρχιάς“, ставя на ихъ мѣсто монархію „отъединенія“ и каприза, гдѣ глава живетъ не интересами дѣла, а своими личными. Противъ этихъ претензій и выступаетъ Терситъ, какъ защитникъ земли и народа: царь вмѣстѣ съ народомъ и для народа—вотъ чего, повидимому, домогается Терситъ.

Едва ли во время, описываемое въ „Иліадѣ“, можно было выразить демократическіе принципы опредѣленнѣе, сильнѣе противопоставить власть народа власти царя.

Народъ и считался, и былъ—τίς (кто-то), т.-е. безличной массой; теперь онъ хочетъ и начинаетъ быть ἡμεῖς (мы)—сознающей себя крупной силой, заявляетъ Терситъ. Агамемнонъ и Одиссей, очевидно, поняли Терсита и смыслъ его рѣчи. По крайней мѣрѣ, именно по случаю волненія, описаннаго во II пѣсни, Одиссей, сторонникъ монархической партіи, исповѣдуетъ свое политическое credo. „Не хорошо многовластье; единъ да будетъ властитель“ и т. д. Конечно, Агамемнонъ и Одиссей очень крупные авторитеты въ данномъ случаѣ, хотя мы могли бы въ подтвержденіе своего мнѣнія привести авторитетъ и поновѣе [21]).

Все значеніе Терсита и его рѣчи мы поймемъ, если бросимъ взглядъ на позднѣйшую исторію Греціи. Титманъ отмѣчаетъ, что въ древней Греціи замѣна монархической власти демократическимъ образомъ правленія произошла почти незамѣтно и безъ борьбы. Это приводитъ его къ мысли, что замѣна монархіи демократіей подготовлялась медленно,

---

[21]) A. Goebel in Mützells Zeitschr. f. d. G. W. 1854. у Gladstone. Cit. oper. 336 s.

постепеннымъ усиленіемъ демократическаго принципа, начиная съ самыхъ древнихъ временъ [22]). Если Титманъ правъ (а онъ несомнѣнно правъ), то Терситу принадлежитъ, можетъ-быть, честь заложить первый камень въ зданіи греческой демократіи, т.-е. такая честь, которой не постыдился бы и Периклъ.

Такимъ образомъ, мы выяснили, съ какихъ двухъ сторонъ угрожала опасность единодержавію Агамемнона. Теперь намъ можно возвратиться къ началу, можно опредѣлить, въ чемъ состоитъ программа третьей политической партіи, дѣйствующей въ ахейскомъ войскѣ.

Очевидно, что задача партіи Агамемнона должна состоять въ борьбѣ съ Ахиллесомъ, какъ выразителемъ конституціонныхъ стремленій, исходящихъ изъ среды старшихъ членовъ государства—семьи, и—демосомъ, также начинавшимъ выходить изъ повиновенія.

Такъ какъ органомъ, посредствомъ котораго двѣ политическія партіи могли проводить и осуществлять свои идеи, были βουλή и ἀγορά, то реактивныя мѣры Агамемнона естественно должны были коснуться этихъ βουλή и ἀγορά.

Какъ увидимъ, Агамемнонъ дѣйствительно обращаетъ свое вниманіе на эти два учрежденія, по замѣчанію Грота, „бывшія связующимъ звеномъ между монархіей Гомера и демократическими учрежденіями позднѣйшаго времени" [23]).

Однако здѣсь предстояла ему задача, въ какомъ направленіи вести дѣло борьбы съ врагами единовластія: долженъ ли онъ довольствоваться сохраненіемъ существующаго status, или искать усиленія своей власти насчетъ βουλή и ἀγορά.

---

[22]) Tittmann. Darstellung der Griechischen Staatverfassungen. Leipz. 1822. 69 и д.

[23]) Cit. op. в. II. 66.

Въ какомъ направленіи дѣйствовалъ онъ? Само собою разумѣется, что для того, чтобы отвѣтить на такой вопросъ, нужно знать, въ чемъ состоялъ этотъ status.

Царство временъ Гомера Өукидидъ называетъ πατρικὴ βασιλεία [24]). Монархія этого типа развилась изъ семьи и образовалась по аналогіи съ семьею.

Это самая симпатичная форма монархіи — монархія истинная. Въ сущности такое царство и есть не что иное, какъ семья im Grossen [25]).

Характеристическая черта πατρικῆς βασιλείας — своеобразное отношеніе царя къ старшимъ членамъ семейно-государственнаго союза—князьямъ.

Нерѣдко говорятъ, будто царь (βασιλεύς) среди князей (ἀνάκτων) былъ primus inter pares [26]).

Это неправда. Царь никогда не считалъ князей своими соправителями, князья не считали себя равными царю въ совѣтѣ. Этого, повидимому, впервые, а потому робко и неувѣренно ищетъ Ахиллесъ. Но и онъ еще только ищетъ. Въ дѣйствительности же желанный для Ахилла порядокъ былъ установленъ гораздо позднѣе. Князья временъ царя — только „Царская дума" древней Руси, но не Римскій сенатъ или герусія Спарты.

Βουλή лишь совѣтуетъ, но никогда не опредѣляетъ. Отличіе βουλή отъ древне-русской совѣщательной думы состояло развѣ въ томъ, что право быть членомъ этого совѣта давало рожденіе, и, кромѣ того, въ томъ, что этотъ совѣтъ обязательно долженъ былъ созываться въ важныхъ случаяхъ

---

[24]) О Пелопон. войн. 1, 13. Aristotel. Pol. III, 10.

[25]) Friedreich. «Realien». 394 s.

[26]) Fridreich. «Realien». 409 s.

При изученіи „Иліады“ не трудно видѣть, что совѣтъ старѣйшинъ во времена Агамемнона не выражалъ желанія преувеличить свои права. Поэтому, если бы Агамемнонъ желалъ сохранить существующій status, то онъ долженъ бы былъ дѣйствовать противъ одного лишь Ахилла, дѣйствовать въ совѣтѣ, но не противъ совѣта.

Совсѣмъ другое мы видимъ въ „Иліадѣ“. Видя оппозицію въ лицѣ одного члена βουλή, „владыка народовъ“ дѣйствуетъ противъ всего совѣта, хочетъ ослабить его значеніе, поставить въ зависимость отъ царя самый созывъ совѣта геронтовъ.

Агамемнонъ не любитъ совѣта, готовъ, пожалуй, и въ немъ видѣть своего рода πολυχοιρανίην.

Доказательства находимъ также въ I и II пѣсняхъ „Иліады“.

По установившемуся правилу (in der Regel), говоритъ Ницшъ [27]), все должно рѣшаться въ совѣтѣ князей. Между тѣмъ въ самомъ началѣ „Иліады“ мы видимъ, что Агамемнонъ не желаетъ созвать ни βουλή, ни ἀγορά, несмотря на желаніе геронтовъ и очевидную необходимость. Въ этомъ случаѣ созвалъ ἀγορά, можетъ-быть, впервые Ахиллесъ.

То же желаніе Агамемнона поставить этотъ совѣтъ въ новыя отношенія къ себѣ обнаружилось по поводу волненія въ народѣ, описаннаго во второй пѣсни. Правда, здѣсь нѣтъ Агамемнона, а дѣйствуетъ его сотрудникъ—Одиссей.

Когда, благодаря извѣстной малоостроумной выходкѣ Агамемнона, ахейцы устремились къ кораблямъ, Одиссей взялъ у Агамемнона его прародительскій скипетръ,

---

[27]) Nitzsch. «Erklärende Anmerkungen zu Homer's Odyssee» II. 170. Цитата взята у Gladstone'a Cit. op. 400.

„Съ нимъ и отправился къ быстрымъ судамъ мѣднобронныхъ данайцевъ.
Если царя онъ встрѣчалъ или воина, знатнаго родомъ,
Ставши предъ нимъ, онъ его останавливалъ ласковой рѣчью:
О многочтимый! тебѣ не пристало дрожать, словно трусу;
Лучше на мѣсто садись...
.... Ибо еще хорошо не извѣдалъ ты мыслей Атрида,
Онъ искушаетъ теперь, но скоро накажетъ ахейцевъ" [28]).

Въ то же время онъ жезломъ укрощалъ строптивыхъ изъ народа.

„Еще не извѣдалъ ты мыслей Атрида:

Онъ искушаетъ теперь, но скоро накажетъ ахейцевъ"— это мѣсто не нуждается въ комментаріяхъ. Не говоря уже объ угрожающемъ тонѣ рѣчи, думаемъ, что имѣть секреты отъ царей, дѣлать тайну изъ своихъ военныхъ плановъ—не соотвѣтствуетъ сущности того государственнаго строя, котораго представителемъ является Агамемнонъ. См. сочин. Ницша [29]).

Стараясь поставить въ зависимость отъ себя созывъ совѣта, Агамемнонъ желаетъ ограничить свободу рѣчи въ совѣтѣ.

Ахиллесъ, напримѣръ, жалуется своей матери, что Агамемнонъ отнялъ у него Бризеиду за то, что онъ первый посовѣтовалъ искать примиренія съ богомъ, т.-е. просто за то, что онъ не согласенъ во мнѣніяхъ съ вождемъ ахейцевъ, „не былъ въ совѣтѣ владыки народовъ послушенъ".

Конечно, можетъ-быть, мы ошибаемся, но намъ все это кажется несогласнымъ съ традиціями патріархальнаго царства Также мало согласнымъ съ этими традиціями мы счи-

---

[28]) «Ил.» II, 186 сл.

[29]) Cit. op. ibidem.

таемъ обычай Одиссея ударами жезла награждать народъ за ропотъ. Въ истинной монархіи—типа доброй семьи съ царемъ—отцомъ народу представляется не одно только право роптать. Монархія—не деспотія и не тираннія. „Ab orientalium regnorum forma despotica toto quasi coelo Graecorum distabat constitutio“, говоритъ Terpstra [30]). Едва ли это можно сказать о монархіи Агамемнона. Не даромъ онъ идеалъ Пизистрата, правителя прекраснѣйшаго, но во всякомъ случаѣ не любящаго ограниченія [31]).

Итакъ, вотъ наши выводы. Наша ученая неопытность не позволяетъ намъ разъяснить и доказать эти выводы съ той ясностью и убѣдительностью, съ какой мы желали бы. Можетъ-быть, кто-нибудь другой, болѣе искусный въ филологическомъ и историческомъ экзегезисѣ, исправитъ сдѣланное нами. Feci, quod potui...

Въ заключеніе однако считаемъ нужнымъ сдѣлать оговорку по поводу одного кажущагося противорѣчія въ нашей замѣткѣ. Мы представляемъ читателю Агамемнона, Ахилла даже Терсита, безобразнѣйшаго изъ всѣхъ пришедшихъ подъ Трою, служителями опредѣленной политической идеи. Въ то же время мы, повидимому, соглашаемся съ Гротомъ, будто „герои Троянской войны не знаютъ и не хотятъ знать ничего объ общественныхъ интересахъ и обязанностяхъ къ обществу“. Нѣтъ ли здѣсь очевиднаго противорѣчія съ нашей стороны?—Думается, что здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія. Не нужно приписывать героямъ Гомера болѣе то-

---

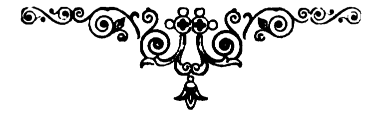
[30]) Terpstra. „Antiquitas Homerica“. 63.

[31]) Если бы послѣдовать примѣру Полья («Société du Homer s. 10 и д.), мы могли бы найти кое-что для характеристики Агамемнона въ его прототипѣ Зевсѣ, но намъ не хочется прибѣгать къ такому сомнительному ученому пріему.

го, что имъ принадлежитъ по праву. Ахиллесъ и Агамемнонъ, пожалуй, служители идей, но служители, почти безсознательные и небезкорыстные. Ихъ цѣли эгоистичны. Они вовсе не думаютъ о будущемъ, хотя служатъ будущему. Болѣе другихъ сознательно и безкорыстно дѣйствуетъ Терситъ. Но, можетъ быть, и относительно его правъ Гомеръ, говоря, будто онъ ищетъ популярности [32]).

Впрочемъ, пожалуй, и строгій приговоръ Грота не мѣшало бы немного ослабить: согласимся съ тѣмъ, что дѣятели Троянской войны плохо знаютъ обязанности къ обществу, но все же они, хотя немного, боятся этого общества [33]).

I. М.



---

[32]) «Ил.» 215.

[33]) См. всю I пѣснь.

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ *).

8.

Мать и дѣти. Матерая вдова.

Но въ семьѣ есть еще дѣти. Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ представляется положеніе русской женщины по отношенію ея къ дѣтямъ. Что говорятъ былины объ отношеніи дѣтей къ родителямъ и о положеніи ихъ въ семьѣ? Между всѣми многоразличными узами, которыя связываютъ людей другъ съ другомъ, самою прочною на первыхъ порахъ оказывается именно связь матери съ ребенкомъ. Вслѣдствіе полной беззащитности его въ теченіе всего періода младенчества связь его съ матерью устанавливается на нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ они неизбѣжно живутъ общими интересами. Такая близость матери и дитяти поддерживалась по крайней мѣрѣ до наступленія юности послѣдняго и предшествовала по времени образованію правильной семьи. Но даже и гораздо позднѣе, когда всѣ общественныя и семейныя узы прочно сложились и окрѣпли, благодаря всей совокупности жизненныхъ условій, ребенокъ чувствуетъ себя гораздо ближе къ матери, чѣмъ къ отцу. Это является общимъ правиломъ для самаго ранняго дѣтства и до сихъ поръ. Наши былины представляютъ весьма любопытныя черты въ этомъ отношеніи. Начнемъ съ того, что, говоря о семейныхъ связяхъ своихъ героевъ, былины почти никогда не упоминаютъ объ ихъ отцахъ, но часто упоминаютъ о ма-

*) Продолж. См. в.в. IV—VI за 1900 г. и I—III за 1901 г.

теряхъ и часто ихъ изображаютъ. Въ этомъ заключается безъ сомнѣнія подтвержденіе того обстоятельства, что основа нашихъ эпическихъ сказаній теряется въ глубокой древности; что начало этихъ пѣсенъ зародилось еще въ то время, когда отцовская семья не успѣла еще сложиться, а существовалъ матріархатъ. Изъ всѣхъ богатырей только одинъ Илья Муромецъ имѣетъ обоихъ родителей: у остальныхъ героевъ былины знаютъ только матерей. Правда, отецъ есть еще у юнаго 12-ти лѣтняго богатыря Ивана (Михайла) Даниловича. но этотъ отецъ, Данила Игнатьевичъ, постригся, посхимился (Кирѣевскій, III, 39—51). Матери богатырей вездѣ представлены „честными вдовами". Добрыня Никитичъ живетъ со своею матушкою, „честною вдовою" Офимьею Александровною, по другимъ пересказамъ, Мамелфою, Амелфою Тимоѳеевною; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ она просто названа молодою княгиней Тимоѳеевной. Вся первая половина былинъ о Хотинѣ занята ссорою двухъ вдовъ—первая вдова—мать Хотина, честно—Блудова жена, а другая вдова была купецъ—жена, мать невѣсты Хотина; по другимъ пересказамъ, онѣ обѣ были жены дворянскія. Мать богатаго Дюка Степановича называется Настасьей Васильевной (а въ другомъ мѣстѣ тоже Мамелфой Тимоѳеевной). Соловей Будимировичъ пріѣхалъ въ Кіевъ съ молодою еще матерью Ульяной Васильевной. Наконецъ, мать новгородскаго удальца, Василія Буслаевича, прозывается то Авдотьей Васильевной, то тѣмъ же именемъ—Мамелфой Тимоѳеевной. Такое постоянное почти выдѣленіе въ былинахъ рядомъ съ личностью самого героя еще и его матери, которая представляется обыкновенно овдовѣвшею, становится положительно типическимъ и имѣетъ свое объясненіе въ тѣхъ бытовыхъ формахъ, которыя выработала древне-русская жизнь. Проф. Всев. Миллеръ въ этихъ женскихъ образахъ видитъ отраженіе въ нашемъ сѣверномъ эпосѣ „того типа властной, самостоятельной

и уважаемой женщины, который возникъ на новгородской почвѣ, не обдѣлившей женщину, по крайней мѣрѣ верхнихъ классовъ, правами и вліяніемъ не только въ семьѣ, но въ обществѣ и государствѣ"; въ такое же положеніе ставитъ онъ и мать Хотина, Часовую вдову, доказывая новгородское происхожденіе и этой былины *). Намъ кажется, что пріурочить его исключительно къ Новгороду—значитъ сузить сферу распространенія этого несомнѣнно оригинальнаго общерусскаго типа матерой вдовы, съ которымъ мы встрѣчаемся и въ кіевскій періодъ, въ образѣ Ольги, и который даже нѣсколько разъ повторяется въ московское время. То уваженіе, которымъ пользовалась вдова—мать, такъ бросалось въ глаза даже и въ московское время, что отмѣчено Костомаровымъ **). Типъ этотъ своими корнями уходитъ далеко въ глубь и самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ родовымъ бытомъ.

Съ точки зрѣнія художественности характеры нашихъ богатырей обрисованы, конечно, черезчуръ общими штрихами, такъ что не могутъ итти въ сравненіе съ героями Гомеровскаго эпоса, надъ каждымъ изъ которыхъ творецъ съ любовью останавливался, отдѣлывая всякую черточку, всякую мелкую подробность и создавая такимъ образомъ разработанный во всѣхъ деталяхъ, вполнѣ законченный художественный образъ. Но и пользуясь тѣмъ, что мы имѣемъ въ наличности въ русскомъ эпосѣ, можно все-таки сказать, что каждый изъ главныхъ его героевъ имѣетъ собственную, опредѣленную физіономію, обладаетъ ему лишь свойственными характерными чертами, которыя не даютъ ему слиться съ другими дѣйствующими лицами. Одни образы отдѣланы въ этомъ отношеніи болѣе, другіе менѣе, но каждый изъ главныхъ по крайней мѣрѣ богатырей представляетъ въ этомъ отношеніи извѣстную, опре-

*) «Очерки русс. народ. словесности», 216, 228.
**) «Очеркъ жизни великорусс. народа», 339.

дѣленную индивидуальность. Богатырство несомнѣнно развиваетъ широкую личную иниціативу и требуетъ проявленія человѣческой личности во всей ея полнотѣ. Спрашивается: при родовомъ строѣ общества была ли возможность для осуществленія того и другого? Надъ всѣми членами рода господствуетъ власть одного лица—старѣйшины; передъ его личностью стушевываются всѣ младшіе члены, обязанные ему повиновеніемъ; единичная воля человѣка уничтожается передъ волею общественной группы—рода, которая олицетворяется въ родоначальникѣ. Гдѣ же тутъ данныя для развитія смѣлости, предпріимчивости, словомъ, для процвѣтанія богатырства? Ихъ трудно, конечно, здѣсь отыскать. Изъ этого, намъ кажется, можно сдѣлать слѣдующіе выводы: во-1-хъ, эта несовмѣстимость богатырства съ родовымъ строемъ жизни является лишь новымъ подтвержденіемъ той глубокой древности, къ которой относится основа нашихъ поэтическихъ сказаній: она возникла не позже того времени, когда самыя родовыя связи лишь начинали складываться. Во-2-хъ, герои позднѣйшей эпохи (ибо таковые были несомнѣнно) могли заявить о себѣ только тогда, когда они освобождались отъ путъ, налагаемыхъ на нихъ родовыми связями. Это могло происходить только въ двухъ случаяхъ: или—когда человѣкъ самъ, по порядку преемственности, становился на мѣсто старшаго въ родѣ, или—когда эта власть временно ослабѣвала. Но богатырскія силы человѣкъ чувствуетъ въ себѣ именно въ юномъ возрастѣ, а тутъ-то онъ и связанъ. Когда ему выпадаетъ на долю самому стать во главѣ рода, онъ большею частью является уже человѣкомъ зрѣлымъ, установившимся, у котораго уже исчезла безумная отвага юности. Раньше же безъ согласія старшихъ пуститься на рискованныя предпріятія немыслимо, не разорвавъ со всѣми преданіями, въ которыхъ человѣкъ родился и воспитался. Даже тридцатитрехлѣтній Илья Муромецъ не смѣ-

етъ уѣхать изъ дому, не испросивши „прощеньица—благословеньица“ у отца съ матерью. Такимъ образомъ, юность проходитъ въ будничныхъ условіяхъ повседневной жизни. Только одно обстоятельство—смерть родоначальника можетъ измѣнить положеніе дѣла. Знакомясь съ юридическимъ бытомъ древней Руси, можно найти указанія на то, что у насъ существовало правило, по которому, въ случаѣ ранней смерти родоначальника и при малолѣтствѣ его дѣтей, временною замѣстительницею такого старѣйшины становилась его вдова. Власть женщины, по крайней мѣрѣ по отношенію къ ея роднымъ дѣтямъ, не могла быть такъ сурова, какъ власть мужчины. Дѣти при ней всегда пользовались большею свободою. Кромѣ того, на старшаго сына смотрѣли, какъ на прямого преемника родительской власти въ недалекомъ будущемъ. Это тоже давало ему еще одинъ ходъ впередъ. Такимъ образомъ, какъ бы юноша ни былъ храбръ и предпріимчивъ, какъ бы ни хотѣлось ему пожить на волѣ, поразмять свое плечо богатырское, въ случаѣ несогласія на это родителя, порывы его воли должны смиряться, и, какъ бы ни была щедро одарена его личность во всѣхъ отношеніяхъ, она должна стушевываться передъ личностью отца. При временномъ завѣдываніи матерой вдовы общими родовыми дѣлами для юноши открывается болѣе простора, болѣе возможности поскорѣе выйти на самостоятельную дорогу. Вотъ почему былины и говорятъ такъ много о матеряхъ богатырей, вотъ почему и являются послѣднія обыкновенно уже вдовами. При жизни отца почти не было возможности для появленія юнаго героя въ семьѣ. Въ этомъ отношеніи показанія былинъ вполнѣ совпадаютъ съ свидѣтельствами исторіи и съ юридическими воззрѣніями древне-русскаго народа.

Матери героевъ, фигурирующія въ былинахъ, пользуются чрезвычайнымъ почетомъ со стороны своихъ сыновей и

со стороны посторонних. На этотъ почетъ имъ даетъ право ихъ личное, исключительное положеніе матерой вдовы, особы, временно стоящей во главѣ семьи-рода. Подобное привилегированное положеніе даетъ имъ много такихъ преимуществъ, которыми далеко не пользовались остальныя замужнія женщины, а тѣмъ менѣе дѣвушки. Такая вдова была полновластною хозяйкою, вершительницею судебъ и членовъ собственнаго семейства, и многочисленной челяди. Со стороны всѣхъ, зависѣвшихъ отъ нея, она пользуется, конечно, всякими знаками вниманія. Мать знаменитаго богача Дюка Степановича живетъ въ сказочномъ великолѣпіи, далеко превышающемъ все виданное въ Кіевѣ. Её окружаетъ цѣлый штатъ всевозможныхъ прислужницъ. По улицѣ она ходитъ не иначе, какъ съ цѣлою свитою; какъ особу, очень высокопоставленную, её водятъ подъ руки:

„Старую старуху, старо—матеру
Подъ руку ведутъ тридцать дѣвицъ
И подъ другую тридцать дѣвицъ;
Надъ нею несутъ подсолнечникъ,
Впереди стелютъ сукна одинцовыя,
Сзади сукна убираютъ“.

Если одежда ея колачницъ, портомойницъ и прочихъ прислужницъ блещетъ золотомъ и серебромъ и отличается такимъ великолѣпіемъ, что посланники Владимира, привыкшіе къ порядкамъ кіевскаго двора, пріѣхавъ въ Индію, постоянно ошибаются и принимаютъ служанокъ за госпожъ, то сама мать Дюка одѣта, конечно, еще роскошнѣе: ея платье „сіяетъ золотомъ такъ, что и смотрѣть нельзя“. Очень интересно это описаніе богатствъ далекой сказочной Индіи. Какъ ни напрягалась при этомъ народная фантазія, она не могла выдумать ничего новаго, ни одного предмета, который бы переходилъ черезъ обычный кругозоръ древне-русскаго человѣка. Богата была Индія. У Дюковой

матушки такъ много добра хранилось, что посланные Владимиромъ оцѣнщики не могли даже и приблизительно описать и оцѣнить ея имѣнія и совѣтовали Владимиру продать на бумагу Кіевъ—градъ, на чернила—перья Черниговъ градъ и тогда только приняться за оцѣнку этихъ неисчислимыхъ богатствъ. Но въ чемъ же заключались они, эти неописуемыя богатства? Городъ въ Индіи богатой выстроенъ такъ же, какъ и Кіевъ-градъ, только по улицамъ настланы калиновы мосточки съ серебряными перилами; по нимъ разостланы сукна кармазинныя. Жители пьютъ тѣ же меды стоялые, пекутъ тѣ же колачики крупичаты; только напитки хранятся у нихъ въ бочкахъ серебряныхъ, а колачики пекутъ такіе, что

„Одинъ съѣшь—другой хочется,
Другой съѣшь—по третьемъ душа горитъ,
Третій съѣшь—четвертый съ ума нейдетъ".

Словомъ, все та же каждодневная обстановка русской жизни, только облеченная въ особое приволье, давала, какъ казалось, достаточно красокъ для описанія самыхъ отдаленныхъ странъ, по всему міру славившихся своимъ богатствомъ. Интересна наивность этого пріема народнаго творчества. Конечно, описаніе богатства Дюковой матушки вполнѣ фантастично, но именно изъ этого описанія мы узнаемъ, что она была полнѣйшею распорядительницею всего въ домѣ. Таково было, конечно, положеніе всякой матерой вдовы, хотя ни одна изъ нихъ не могла достаткомъ потягаться съ Дюковой матушкой. Чрезвычайно вѣрно понято подобное своеобразное положеніе матерой—вдовы Ор. Ѳ. Миллеромъ: въ былинахъ о Хотинѣ, говоритъ онъ: „мать хотя и не королева по имени, но властвующая надъ своей семьей (девятью сыновьями и дочерью), какъ надъ маленькимъ государствомъ.... Обѣ женщины (Чесовая жена и Блудова жена)—вдовы, наслѣдовавшія неограниченную власть надъ своими сыновьями („Илья Муромецъ", 359). „Чесовая жена являетя не матерью въ

человѣческомъ смыслѣ слова, а патріархальною государыней—матушкой“ Онъ находитъ весьма замѣчательнымъ указаніе на зятьевъ, поступающихъ въ такую же зависимость къ государынѣ—тещѣ, становящихся членами не только семейнаго, но и родового патріархальнаго государства (Ibid. 361) Являясь представительницами своего рода—семьи, вдовы во всѣхъ отношеніяхъ замѣняли личность своего мужа. Исполняя его обязанности, онѣ пользовались и его правами. Передъ богатой и знатной вдовою съ почетомъ раскрывались всѣ двери. Родовитыя вдовы въ былинахъ сидятъ даже на княжескихъ пирахъ рядомъ съ могучими богатырями. Онѣ тамъ пьютъ, забавляются, говорятъ рѣчи прохладныя.

Отношенія сыновей къ матери въ былинахъ исполнены почтенія и очень часто проникнуты искреннимъ чувствомъ. Богатырь обыкновенно не отправляется въ поѣздку богатырскую, не испросивши предварительно у матери благословенія. Материнское благословеніе считалось навѣки нерушимымъ; безъ него человѣкъ боялся шагъ ступить; угроза лишить его считалася самою страшною. Мать не всегда охотно даетъ согласіе своему сыну на отъѣздъ изъ дому; случается, что даже запрещаетъ ему уѣзжать. Нужно, впрочемъ, сказать, что взрослый сынъ иногда не обращаетъ вниманія на это запрещеніе и дѣлаетъ по—своему; но ожидающія его на чужой сторонѣ неудачи и злоключенія являются обыкновенно слѣдствіемъ его непослушанія и неисполненія материнскихъ совѣтовъ (Добрыня, Дюкъ, Василій Буслаевъ). Въ былинахъ о Добрынѣ діалогъ героя съ матерью очень интересенъ для характеристики сыновнихъ отношеній взрослыхъ дѣтей къ ихъ матери. Добрыня обращается къ своей матери съ тѣмъ особеннымъ почтеніемъ, котораго древне-русская педагогика предписывала держаться младшимъ по отношенію ко всѣмъ старшимъ. Какъ бы близки по крови ни были эти старшіе, разстояніе между ними и младшими все же строго

соблюдалось, и почтеніе къ нимъ выражалось въ цѣломъ рядѣ чисто условныхъ формъ, нарушить которыя никто никогда и не покушался. При полномъ господствѣ авторитета и при заботливомъ проведеніи его во всѣхъ мелочахъ жизни, между родителями и дѣтьми всегда оставалась нѣкоторая пропасть, и древняя Русь не знавала болѣе могущественныхъ связей, чѣмъ кровная,—связей чисто нравственнаго характера, похожихъ на дружбу, установленіе которыхъ между родителями и дѣтьми возможно только въ томъ случаѣ, когда при воспитаніи любовь со стороны родителей господствуетъ надъ авторитетомъ. Въ древней Руси, наоборотъ, любовь скорѣе считали нужнымъ искусственно подавлять въ себѣ, чтобы она не парализировала главнаго педагогическаго правила—внушать страхъ, который считался началомъ всякой премудрости. При такихъ порядкахъ дружбы между родителями и даже взрослыми дѣтьми не возникало. Отецъ считался господиномъ, который могъ и на возмужалаго, и даже женатаго сына „возлагать раны", и въ этомъ самъ сынъ не видѣлъ никакого превышенія отцовской власти, а, съ другой—не считалъ, чтобы отъ подобнаго наказанія его личное достоинство чѣмъ—нибудь было оскорблено или нарушено. Такою же госпожею была и мать. Господство родителей, безпрекословное подчиненіе ихъ волѣ поддерживалось на Руси высшею санкціею религіознаго авторитета, скрѣплявшаго старыя родовыя традиціи. Мать для сына всегда должна оставаться „государыней", въ самомъ задушевномъ разговорѣ съ которою онъ отнюдь не долженъ былъ переходить въ болѣе фамильярный, дружескій тонъ. Богатыри и величаютъ своихъ матерей не иначе, какъ „государыня-матушка" и —„свѣтъ ты моя матушка": „Что не бѣлая береза къ землѣ клонится, не шелковая трава растилается,—ужъ какъ сынъ передъ матерью кланяется" (Кирѣев. II, 1). Но подъ этою внѣшнею почтительностью, свидѣтельствующею, повидимому, о нѣ-

которой отчужденности, пробивается иногда струя такого теплаго, искренняго чувства, такой глубокой взаимной привязанности между матерью и сыномъ, которая можетъ удовлетворить самаго притязательнаго читателя. Лучшимъ мѣстомъ въ этомъ отношеніи является указанное нами прощаніе Добрыни. Мать героя оказывается все-таки самымъ близкимъ, самымъ дорогимъ человѣкомъ, которому можно вполнѣ открыть свою душу, которому можно безбоязненно повѣдать свои горести и печали, зная, что тутъ, а не въ другомъ мѣстѣ, найдется для страждущаго самое искреннее участіе и вниманіе, самое полное сочувствіе. Тяжела была служба богатырская. Не легкое бремя несли наши витязи, денно и нощно стоявшіе на стражѣ родной земли, боровшіеся съ погаными Идолищами, змѣями проклятыми и прочими проявленіями дикой враждебной силы, точно кольцомъ опутывавшей жизнь древней Руси. Кн. Владимиръ былъ къ нимъ большей частью милостивъ и ласковъ, но и бремя часто возлагалось на нихъ почти непосильное. Иной разъ при назначеніи на такую новую службу горько становилось на душѣ у молодого храбреца. Наступала минута тяжелаго отчаянія, сомнѣнія въ самомъ себѣ. Человѣкъ начиналъ сомнѣваться и въ силахъ своихъ, и въ пригодности къ дѣлу, и совсѣмъ уже переставалъ вѣрить въ свою счастливую звѣзду. Съ такимъ отчаяніемъ въ душѣ Добрыня, посылаемый Владимиромъ на страшную борьбу съ лютою змѣею, несетъ свои жалобы не иному кому, а матери:

„Государыня моя матушка!
Для чего, скажи, меня несчастнаго спородила,
Несчастнаго и неталаннаго?“

Лучше бы былъ я такъ счастливъ, какъ кн. Владимиръ,—такъ силенъ, какъ Илья Муромецъ,—такъ смѣлъ, какъ Алеша Поповичъ, продолжаетъ далѣе изливаться въ жалобахъ Добрыня.

„Чадо ты мое милое,
Чадичко ты мое любимое!“

отвѣчаетъ ему мать, и отвѣтъ ея проникнутъ глубокой нѣжностью къ сыну. Его горе ей близко, какъ свое собственное. Ея личныя мечты только въ томъ и заключаются, чтобы видѣть его сильнѣйшимъ, славнѣйшимъ, счастливѣйшимъ изъ всѣхъ людей. Съ глубокимъ тактомъ, который дается только любовью, пытается она разсѣять его мрачныя мысли, облегчить его горе, которое онъ съ такимъ довѣріемъ несетъ къ ней. Она вмѣстѣ съ нимъ вникаетъ въ его положеніе и показываетъ ему, что дѣло его еще не такъ плохо, какъ это представляется его мрачно настроенному уму. Она пытается вдохнуть ему снова прежнюю увѣренность въ свои силы и указываетъ на тѣ преимущества, какими онъ располагаетъ въ дѣйствительности, и чѣмъ онъ выгодно отличается отъ своихъ товарищей. Такимъ образомъ, несмотря на отсутствіе равенства, наперекоръ всякимъ условіямъ, сковывавшимъ въ древней Руси проявленія искренняго чувства, въ матери скорѣе, чѣмъ въ комъ-нибудь нибудь другомъ, человѣкъ могъ найти истиннаго, вѣрнаго друга. Материнская привязанность была такимъ неоцѣненнымъ и прочнымъ сокровищемъ, что даже допускалось для „разумнаго“ хвастать родной матушкой, тогда какъ похвальба молодой женой являлалась, какъ мы видѣли, признакомъ безумія. Насколько въ глазахъ древне русскаго человѣка положеніе матери выше и почетнѣе положенія жены, видно изъ словъ оскорбленнаго Добрыни къ Алешѣ Поповичу. Когда замыселъ Алеши, покушавшагося отнять у него жену, не удался, Добрыня говоритъ своему брату названному, униженно вымаливавшему себѣ прощеніе, что его Богъ проститъ за коварныя намѣренія относительно жены, но что онъ, Добрыня, ни за что не проститъ его въ той винѣ, что онъ ложнымъ слухомъ о смерти Добрыни огорчилъ его родну матушку, которая

„Жалешенько по мнѣ тосковала,
Слезила свои очи ясныя,
Скорбила свое лицо бѣлое.
Съ этой вины тебя не прощу“.

И даже слѣдуетъ обычная въ былинахъ сцена наказанія: Добрыня ухватилъ Алешу за желты кудри, бросилъ о кирпиченъ мостъ и сталъ его бить шалыгою подорожною.

Мать заботливо слѣдитъ за подвигами своего сына, боится его слишкомъ рискованныхъ предпріятій, предостерегаетъ его своими благоразумными совѣтами отъ излишней опасности. Несчастье подстерегаетъ Добрыню за нарушеніе материнскаго приказанія: налетѣлъ на него Змѣище—Горынчище за то, что онъ выкупался во Пучай—рѣкѣ, отъ чего удерживала его мать; она же старается удержать его отъ знакомства съ Маринкою; она же, провожая его, снабжаетъ плеткою и даетъ совѣты, какъ ему лучше справиться со змѣенышами, съ которыми ему предстоитъ бороться. Горько матери выпроваживать сына любимаго во чисто поле. Не на радость ѣдетъ туда ея чадо любимое: всевозможныя лишенія, опасности и борьба кровавая ожидаетъ его тамъ. Но родная земля, служба княжеская зовутъ настоятельно сильныхъ, мужественныхъ русскихъ людей. И многія русскія матери испытывали то же, что и Добрынина родна матушка, которая провожала его:

„Простилась, воротилась,
Домой пошла, сама заплакала,
Учала по полаты похаживать,
Начала голосомъ поваживать—
Жалобнехонько она съ причетью“.

Не у одной русской матери, подобно матери Василія Буслаевича, обливалось сердце кровью въ тревогѣ за судьбу своего милаго дѣтища, своего неугомоннаго сына. Какъ въ ранней юности человѣкъ чувствуетъ въ себѣ избытокъ силъ,

которому часто не скоро умѣетъ найти правильное приложеніе, бросается изъ стороны въ сторону, не будучи ещё въ состояніи разобраться точно въ задачахъ жизни и тѣхъ серьёзныхъ требованіяхъ, которыя она къ нему предъявляетъ: такъ и въ періодъ юности цѣлаго общества въ послѣднемъ бродятъ въ избыткѣ безпокойныя силы, могучія страсти, которыя улягутся гораздо позже, когда народъ подвинется уже много впередъ по дорогѣ правильной и мирной гражданственности. До тѣхъ поръ самые неугомонные и часто самые даровитые изъ его членовъ бываютъ прямо подавлены избыткомъ собственныхъ силъ и, не умѣя додуматься до примѣненія ихъ къ какому-нибудь общеполезному дѣлу и будучи выбиты изъ колеи мирной жизни часто какою—нибудь случайностью, превращаются во враговъ общественнаго порядка, и тогда богатая, можетъ—быть, даже и творческая сила становится въ ихъ рукахъ изъ созидательной разрушительною. Примѣровъ такихъ удальцовъ въ древне-русской исторіи и въ поэзіи много. Не даромъ же пѣсни разбойническія составляютъ въ ней особенный циклъ! Личная судьба подобныхъ удальцовъ, конечно, бывала весьма печальна и исполнена всевозможныхъ тревогъ и волненій. Типическимъ образчикомъ подобнаго сорта людей, контингентъ которыхъ былъ весьма многочисленъ въ древней Россіи, является въ былинахъ знаменитый новгородскій удалецъ Василій Буслаевичъ. До открытаго разбоя съ корыстной цѣлью на большой дорогѣ онъ не дошелъ; но изъ этого именно типа людей формировались банды ушкуйниковъ, разносившихъ болѣе войну, чѣмъ мирную культуру по всему финскому сѣверу и не отказывавшихся отъ грабежа каравановъ и русскихъ судовъ, когда таковые попадались. Природа одарила Василія Буслаевича огромною физическою силою, но онъ не нашелъ ей полезнаго примѣненія: предавался дикимъ и жестокимъ забавамъ; отъ его „нелегкихъ шуточекъ“ плохо приходилось мужикамъ новгородскимъ, и

всѣ встрѣчные возвращались домой жестоко избитыми.

Буйство Василія вызываетъ противъ него совершенно основательное неудовольствіе согражданъ. Когда слухи о той враждѣ, которую возбудилъ во всѣхъ сынъ ея, доходятъ до матери Василія, то она искренно этимъ озабочена и первая подаетъ сыну совѣтъ подумать о своей безопасности и набрать себѣ для защиты дружину храбрую. Она же уговариваетъ своего сына быть благоразумнымъ, не итти на пиръ княжескій, куда его не звали, ибо предчувствуетъ, что изъ этого не выйдетъ добра. Когда, наконецъ, дикія выходки Василія продолжаются, когда распря его съ новгородцами принимаетъ уже очень опасный характеръ, и онъ возстанавляетъ противъ себя и князей, и народъ: тогда въ тревогѣ за своего сына мать прибѣгаетъ къ послѣднему средству: она хочетъ прямо не допустить сына до послѣдняго боя, не выпускать его изъ дому а, такъ какъ словами она его не могла бы удержать, то она и заперла его въ клѣтку желѣзную. Между тѣмъ сама, собравъ богатые дары, три чаши золота, серебра и жемчуга, спѣшитъ къ князю новгородскому въ надеждѣ вымолить у него прощеніе сыну. Ея хлопоты оказались безуспѣшными: князь не принялъ ея даровъ. Закручинилась она, запечалилась и разсѣяла свои сокровища по чисту полю:

„Не дорого мнѣ ни золото, ни серебро, ни скатенъ жемчугъ,
А дорога мнѣ буйная головушка
Своего сына любимаго“.

Между тѣмъ Василій, освобожденный изъ своей клѣтки служанкою, уже побѣжалъ на Волховскій мостъ, гдѣ билась его дружина съ мужиками новгородцами. Чисто Гомеровскимъ размахомъ отличается это описаніе борьбы Василія на мосту чуть не противъ цѣлаго Новгорода. Толпами надвигаются на него мужики, а онъ, знай, работаетъ своимъ вязомъ, который схватилъ въ руки вмѣсто всякаго оружія: помахиваетъ онъ

своимъ вязомъ да поколачиваетъ новгородцевъ по головамъ, и падаютъ подъ его ударами одни за другими мужики новгородскіе: „И лежатъ-то мужики увалами, увалами лежатъ, перевалами." Битва обратилась въ настоящее избіеніе. Рука у молодца расходилась, и онъ уже не въ состояніи разбирать, кого онъ бьетъ, а колотитъ по головѣ всякаго, кто только подвернется. Такъ свернулъ онъ голову даже своему крестному батюшкѣ. Затѣмъ уже Василій бросился дальше—напустился онъ на домы на каменные, значитъ, прямо началъ нападать на всѣхъ безъ разбора, на самыхъ мирныхъ и спокойныхъ гражданъ. Дѣйствительно, приходилось подумать о томъ, чтобы Василій „хоть бы оставилъ народу на сѣмена!" Сама Богородица приказала теперь матери Василія заклинать свое чадо милое. Выходила Авдотья Васильевна, заклинала его. По другому варіанту, матери удалось усмирить своего сына только хитростью: она подошла къ нему сзади и пала на плечи могучія (Рыбниковъ I, 335—363; „Дрв. Рос. стих.", IX, XVIII; Кирѣевскій V, 3—33). Грустное чувство оставляетъ въ читателѣ эта былина: куда силы огромныя, дарованія недюжинныя уходили у множества русскихъ людей? Не на службу обществу, не на мирное преуспѣяніе родной земли, а становились прямо вреднымъ противообщественнымъ элементомъ. И съ какимъ по истинѣ эпическимъ спокойствіемъ это разсказывается! Физическая сила сама по себѣ въ глазахъ пѣвцовъ представлялась такимъ великимъ даромъ небесъ, такимъ громаднымъ достоинствомъ, что даже столь возмутительное дѣяніе, какъ избіеніе своихъ собственныхъ согражданъ, не вызываетъ ни слова порицанія, ни одного недружелюбнаго замѣчанія. А между тѣмъ, какъ мы видѣли, подобныя замѣчанія допускались иной разъ народнымъ творчествомъ, когда рѣчь шла о женщинѣ. На одномъ только образѣ въ этой былинѣ можетъ отдохнуть наше чувство— на образѣ матери. Бѣдная старушка, вѣчно дрожащая за

судьбу своего безпокойнаго сына, вѣчно старающаяся отвратить отъ него всѣ опасности, она нѣжно любитъ этого сына, который для нея дороже всего на свѣтѣ. Она знаетъ, что сынъ ея идетъ не по хорошей дорогѣ,—хочетъ предостеречь его, вернуть къ честной жизни: „Коли ты пойдешь на добрыя дѣла, дамъ благословеніе великое; коли ты, дитя, на разбой пойдешь, я не дамъ его а и не носи Василія мать сыра земля.“ Отпуская его въ послѣдній походъ, она только и думаетъ, что объ его безопасности: „побереги ты, Василій, буйну голову свою!“ Трогательна скорбь ея по погибшемъ сынѣ. И какъ мало счастья и радости принесъ ей этотъ сынъ, въ тревогѣ изъ-за котораго прошла вся ея жизнь! Въ окончаніи второго варіанта былины, о которомъ мы говоримъ, Василій, выронивши уже ось желѣзную изъ рукъ, говоритъ матери, что она хорошо сдѣлала, догадавшись зайти на него сзади, а иначе „не спустилъ бы тебѣ, государынѣ—матушкѣ: убилъ бы за мѣсто мужика новгородскаго“. Такія рѣчи идутъ совершенно въ разрѣзъ съ древне русскими представленіями о почитаніи родителей и съ общимъ указаннымъ нами выше характеромъ сыновнихъ отношеній, болѣе близкихъ и мягкихъ, чѣмъ какія—нибудь другія. Правда, въ третьемъ варіантѣ мы слышимъ отъ самого Василія уже совсѣмъ другое:

„Никого я не послухалъ бы,
А послушалъ тебя, родну-матушку:
Не послухать мнѣ законъ не даетъ“.

Это уже гораздо ближе къ правдѣ и господствовавшему въ древней Руси общему настроенію.

Объ этомъ настроеніи прекрасно говоритъ пр. Всев. Миллеръ при разборѣ былинъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, проданномъ за безпутство своей матушкою купцамъ заморянамъ—вавилонянамъ за то, что онъ былъ не кормитель родной матери, а разоритель золотой казны (Кирѣевскій III,

148—153). Эта мать очерчена только съ одной стороны, со стороны авторитета надъ непокорнымъ сыномъ. Онъ объ ней говоритъ:

„По закону ты была родна матушка,
А по житью-бытью-змѣя лютая,
Змѣя лютая, подколодная".

Этому суровому авторитету сынъ однако же покоряется безропотно. Въ этой былинѣ Всев. Миллеръ видитъ отраженіе реальнаго русскаго быта („Ж. М. Н. Пр.", 1896 г., кн. IV; также „Очерки рус. народн. словесн." 247—262).

9.

Общій выводъ: преобладаніе физической силы надъ нравственною.

Неудовлетворительно была устроена жизнь семейная въ древней Руси. Хотѣли создать для нея только одну опору—покорность младшихъ передъ старшими, безпрекословное повиновеніе слабыхъ сильнымъ. Слишкомъ много недеждъ возлагали на авторитетъ власти и слишкомъ мало считались съ другою, самою могущественною связью между членами семьи, съ любовью.

Пренебреженіе этой единственно прочной основы семейной жизни на каждомъ шагу давало о себѣ знать. Оно именно подрывало то, что сплачивалось христіанствомъ, по ученію котораго семья должна являться союзомъ кровныхъ родственниковъ, объединенныхъ сверхъ всего и общностью нравственныхъ стремленій. Откуда было взяться этой общности, этому духовному единенію, когда самая семья часто возникала, даже вопреки личному желанію своихъ главныхъ членовъ—мужа и жены, соединявшихся по чистой случайности, по приказанію своихъ родителей? Откуда было взять-

ся взаимному довѣрію, когда скрѣплялась семейная жизнь не лаской и другими проявленіями любви, а силою, съ одной стороны, и подчиненіемъ, съ другой. Это именно были явленія, разлагавшія семейную жизнь и производившія въ ней рядъ величайшихъ ненормальностей, съ которыми удобнѣе познакомиться при изученіи лирическихъ пѣсенъ русскаго народа. Просматривая картины древне-русской семейной жизни, насколько онѣ открываются намъ съ своихъ невеселыхъ сторонъ въ произведеніяхъ народнаго эпическаго творчества, мы отдыхали лишь на одномъ, на изображеніи именно отношеній матери къ дѣтямъ. Слишкомъ близка уже здѣсь кровная связь, голосъ самой природы говорилъ здѣсь ужъ слишкомъ громко и заглушалъ всѣ требованія педагогики и всѣ предписанія благоразумія. Связь матери съ дѣтьми, является все-таки самою прочною, самою могущественною и самою близкою. На изображеніи ея отдыхаетъ нравственное чувство современнаго читателя, часто слишкомъ возмущаемое картинами другого, иной разъ слишкомъ мрачнаго, свойства.

Сдавленная въ теченіе всей древне-русской исторіи предписаніями чужой воли, потомъ запертая въ отдаленныхъ домашнихъ покояхъ, лишенная умственнаго образованія и того смягчающаго вліянія, которое распространяетъ лишь развитая общественность, женщина нашихъ былинъ мало представляетъ блестящихъ качествъ. Русская поэзія не выработала ни одного изъ тѣхъ одухотворенныхъ, идеальныхъ женскихъ образовъ, которыми такъ богата поэзія западная. Ни одного граціознаго, проникнутаго мечтательностью женскаго лица мы не найдемъ въ ней. Лучшая, умнѣйшая изъ всѣхъ героинь русскаго эпоса—жена Ставра, но и въ ней видны не женская грація, мягкость и изящество, которыя развиваются только послѣ того, какъ народъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній пользуется благами развитой обществен-

ности, о которой только что упомянуто, а она отличается чисто мужскими качествами: отвагою, физическою силою и ловкостью, которыя уцѣлѣли въ ней отъ той предшествующей эпохи, когда женщина свободно поляковала наравнѣ съ мужчиною Ея увеселенія отличаются грубостью. На пирахъ женщина пьетъ нехуже мужчины; честной вдовѣ на пирахъ подносятъ, какъ и любому богатырю, чару тоже въ $1^1/_2$ ведра. Преступная жена Потыка, Настасья—Лебедь Бѣлая, приковавши своего мужа къ стѣнѣ, съ радости „привернула во царевъ кабакъ и пила зелено вино шестеры сутки“ У царя Саламана хитростью увозятъ царицу его Саламанію въ жены для царя Василія Окульевича. Догадливый Ивашко Поварейный, отправленный отъ Василія Окульевича съ этою миссіею, завлекаетъ царицу на корабль и предлагаетъ ей пивную чашу въ полтора ведра,

„И тутъ она принапилася,
Съ рѣзвыхъ ногъ она свалилася“.

Когда она очнулась уже въ морѣ, Иванъ опять её угощаетъ пивомъ и соблазняетъ тѣмъ привольемъ, которое ожидаетъ её въ жизни съ Василіемъ Окульевичемъ: „И будешь ты, царица, и сытешенька, и пьянешенька“. И тутъ царица снова „принапилася“, опять свалилася съ рѣзвыхъ ногъ и не прохмелилася до самаго до берега (Рыбниковъ II, 281).

Какая разница въ граціи образовъ съ запад. эпосомъ, гдѣ Тристанъ и Изольда по ошибкѣ выпиваютъ любовный напитокъ, назначенный для Изольды и ея мужа, короля Марка. У насъ забвеніе прошлаго и привлеченіе сердца женщины достигается просто огромными чарами зелена вина безъ всякихъ лишнихъ прикрасъ и хитростей.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами женскихъ типовъ, которые всѣ принадлежатъ къ женщинамъ, имѣющимъ легальное положеніе въ обществѣ, живущимъ въ семьѣ, въ былинахъ есть еще типъ и другого рода женщинъ, разорвавшихъ со-

ціальныя связи, живущихъ въ свое удовольствіе, словомъ, типъ русской гетеры. Несимпатичными чертами рисуетъ народная поэзія женщинъ этого сорта. Разгульный образъ жизни, кажется, вытравилъ у нея лучшія стороны человѣческой натуры. Тутъ уже нечего искать стыдливости, скромности, которыя остаются привилегіею честныхъ дѣвушекъ, и лучшимъ средствомъ сохранить которое считалось теремное воспитаніе—средство, какъ мы видѣли, далеко недостаточное, доставлявшее часто дѣвушкѣ лишь одну обманчивую внѣшность, за которою иногда скрывались весьма некрасивые инстинкты. Но въ классѣ свободныхъ, „ярыжныхъ" женщинъ и внѣшности подобной не было. Её странно было бы и искать въ подобномъ классѣ, но и тутъ возможно возникновеніе искренняго чувства, горячей привязанности къ человѣку, сближеніе съ которымъ было результатомъ чистой случайности. Подобные случаи, конечно, и бывали, но народная поэзія о нихъ умалчиваетъ. Слабымъ намекомъ на это можетъ служить лишь особая привязанность Марины къ Тугарину, которая предпочитаетъ этого мила-друга храброму, но благородному Добрынѣ. Но въ этой привязанности злой чародѣйки къ чудовищу, по народнымъ представленіямъ, не было, конечно, ничего возвышеннаго: это было только естественное тяготѣніе двухъ злобныхъ существъ другъ къ другу, соединяющихся въ страшный союзъ лишь для того, чтобы вѣрнѣе дѣйствовать на пагубу людямъ. Эта М а р и н к а и с т р а т н и ц а является самымъ характернымъ лицомъ для русской Аспазіи. На пиру она вполсыта наѣдается, вполпьяна напивается. Она обладаетъ сверхъестественными способностями. Силою своей красоты и своихъ чаръ она привораживаетъ къ себѣ мужчинъ и губитъ ихъ безпощадно. Добрыню эта „еретница, кореньщица" оборачиваетъ то лошадью, то гнѣдымъ туромъ, оборотивъ такимъ же образомъ и девять прежнихъ жениховъ; заставляетъ его

ѣсть траву со ржавчиною, запивать водою болотною. Правда, противъ Маринкинаго колдовства находятся средства тоже въ колдовствѣ: сестра Добрыни Катерина (по другому пересказу, его крестная матушка Анна Ивановна) оказывается знающею еще болѣе сильные заговоры и грозитъ обернуть Маринку собакою. Былина, къ сожалѣнію, совершенно не выясняетъ намъ, какъ она смотритъ на занятія колдовствомъ этихъ женщинъ, принадлежащихъ къ хорошимъ родамъ; вдова Анна Ивановна попрежнему остается „честною" (Кирѣевскій, II, 40—60; „Древ. Росс. стих.", VIII).

Но, очерченный въ былинахъ только общими чертами, этотъ типъ женщинъ подробнѣе разработанъ въ пѣсняхъ лирическихъ, къ разбору которыхъ, для уясненія положенія русской женщины, мы и перейдемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ нашей работы.

Н. Шеметова.

Продолженіе будетъ.

Значеніе Гончарова въ исторіи русской литературы.

«Я жилъ въ трехъ эпохахъ, и онѣ оттиснулись во мнѣ и моихъ сочиненіяхъ, въ доступномъ мнѣ быту, насколько у меня хватило силъ и таланта».

Гончаровъ: «Лучше поздно, чѣмъ никогда». Собр. соч. VIII, 225 стр.

«Никакихъ эпохъ въ сочиненіяхъ Гончарова не оттиснулось».

Протопоповъ. «Рус. М.» 1891 г. за ноябрь, 128 стр.

Въ текущемъ году, 15 сент., исполнилось десять лѣтъ со дня смерти И. А. Гончарова.

Но десятилѣтняя давность не страшна для такой литературной величины, какую представляетъ изъ себя Гончаровъ въ исторіи русской литературы. Эта давность даетъ только поводъ еще разъ вспомнить о почившемъ писателѣ и бросить взглядъ на его значеніе и мѣсто среди другихъ именъ нашей литературы.

Порядочный періодъ времени, отдѣляющій насъ отъ писателя, имѣетъ свое значеніе при оцѣнкѣ его произведеній: въ перспективѣ времени физіономія писателя становится рельефнѣе, его роль—понятнѣе и яснѣе, отзывы о немъ—безпристрастнѣе.

Къ сожалѣнію, въ протекшее десятилѣтіе почти ничего, имѣющаго чисто литературное значеніе, о Гончаровѣ не появлялось, кромѣ журнальныхъ статей по поводу его смерти. Вслѣдствіе этого поневолѣ пишущему о Гончаровѣ приходится считаться съ тѣми отзыва-

ми о его литературной дѣятельности, которые появились при жизни писателя, или съ этими послѣдними, журнальными статьями.

I.

«Гончаровъ — поэтъ-художникъ и больше ничего», утверждалъ Бѣлинскій еще при началѣ литературной дѣятельности нашего писателя [1]).

Подобную же характеристику таланта Гончарова давалъ и Добролюбовъ.

«Гончаровъ», писалъ онъ: «не запоетъ лирической пѣсни при взглядѣ на розу и соловья; онъ будетъ пораженъ или остановится, будетъ долго всматриваться, задумается. Какой процессъ въ это время произойдетъ въ душѣ его, этого намъ не понять хорошенько... Но вотъ онъ начинаетъ чертить что-то... Вы холодно всматриваетесь въ неясныя еще черты.... Вотъ онѣ отдѣляются яснѣе, яснѣе, прекраснѣе.... и вдругъ, неизвѣстно какимъ чудомъ, изъ этихъ чертъ возстаетъ предъ вами и роза, и соловей со всей своей прелестью и обаяніемъ. Вамъ рисуется не только ихъ образъ, вамъ чуется ароматъ розы, вамъ слышатся соловьиные звуки. Пойте лирическую пѣснь, если роза и соловей могутъ возбуждать ваши чувства; художникъ начертилъ ихъ и, довольный своимъ дѣломъ, отходитъ въ сторону; болѣе онъ ничего не прибавитъ» [2]).

Самъ Гончаровъ своей литературной самооцѣнкою подтвердилъ мнѣніе о себѣ, какъ о строго объективномъ писателѣ — художникѣ, заявивъ, что онъ съ точ-

---

[1]) Сочин. Бѣлин. изд. 3 (1884 г.) стр. 392.

[2]) Сочин. Добролюб. т. II, стр. 475.

ностью рисуетъ образы, тѣснящіеся въ его фантазіи съ ясностью и рельефностью живыхъ людей [3])

Въ виду такихъ авторитетныхъ свидѣтельствъ о сущности таланта Гончарова цѣнителямъ и читателямъ его оставалось бы, повидимому, только восторгаться силою и мастерствомъ кисти художника и наслаждаться красотой созданныхъ имъ картинъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякій, кто только не лишенъ эстетическаго чутья, долженъ признать, что созданные Гончаровымъ типы необыкновенно живы и рельефны. Послѣ прочтенія его романовъ, герои еще долго стоятъ передъ нашими глазами. Намъ такъ и чудится, что мы гдѣ-то видѣли ихъ.

Но у людей, единодушно признающихъ художественность картины, могутъ возникнуть противорѣчія и споры относительно подлинности, вѣрности изображенныхъ на ней лицъ, мѣстъ, обстановки событій, достоинства самого сюжета картины, однимъ словомъ, ея содержанія. Такъ и относительно Гончарова. Единодушіе между цѣнителями существуетъ только тогда, когда разсуждаютъ о внѣшней, формальной сторонѣ его творчества; да и тутъ оно иногда нарушается, подъ вліяніемъ несимпатизированія содержанію произведеній.

Одинъ изъ «критиковъ», напримѣръ, такъ отзывается о знаменитомъ «Снѣ Обломова», который намъ извѣстенъ съ дѣтства по хрестоматіямъ, какъ рядъ живѣйшихъ поэтическихъ картинъ: «Во всемъ романѣ нѣтъ ничего болѣе сухого, болѣе отталкивающаго, чѣмъ этотъ эпизодъ» [4]).

Что же касается внутренней стороны творчества Гончарова, то въ этомъ отношеніи споры и противо-

---

[3]) Т. VIII: «Лучше поздно, чѣмъ никогда», стр. 230.

[4]) Елагинъ: «Рус. Вѣстн.» 1892 г., янв., стр. 339.

рѣчія начались съ появленія «Обыкновенной исторіи» и никогда не прекращались. Они возникали каждый разъ, когда критики обращались къ содержанію его произведеній и начинали рѣшать вопросъ: то ли и такъ ли изобразилъ Гончаровъ въ своихъ романахъ, что и какъ хотѣлъ изобразить?

Его собственныя разъясненія (въ авторской исповѣди: «Лучше поздно, чѣмъ никогда») не только не рѣшили вопроса, но лишь подлили въ огонь масла.

Гончаровъ заявилъ, что въ своихъ романахъ онъ хотѣлъ изобразить пережитыя имъ три эпохи русской жизни, отъ 30 до 70 годовъ, и что эти эпохи отразились въ его произведеніяхъ, какъ солнце отражается въ каплѣ воды. Напрасны были его заявленія, что въ своихъ изображеніяхъ онъ чуждъ тенденціозности.

По поводу кончины Гончарова во всѣхъ нашихъ литературныхъ органахъ появились оцѣнки его писательской дѣятельности, но единодушнаго признанія за нимъ значенія безпристрастнаго изобразителя извѣстныхъ эпохъ русской жизни мы совсѣмъ здѣсь не найдемъ.

«Гончаровъ прежде всего и именно писатель тенденціозный, и только большой талантъ рисовальщика спасаетъ его отъ писанія диссертацій въ лицахъ и разсужденій, прикрытыхъ романической фабулой» [5])—вотъ сужденіе, повторяемое на различные лады многими критиками покойнаго писателя.

Удивительнѣе всего, повидимому, то обстоятельство, что при разрѣшеніи вопроса, въ чемъ же выразилась тенденціозность Гончарова, цѣнители его произведеній діаметрально расходятся.

Все зависитъ отъ того, подъ какимъ угломъ зрѣ-

---

[5]) Ю. Елагинъ: «Лит. критич. очерки». «Р. Вѣстн.» 1892 г., янв., 331 стр.

нія смотрятъ на нарисованныя Гончаровымъ картины, съ какими требованіями приступаютъ къ нимъ.

А уголъ зрѣнія критиковъ совсѣмъ не одинаковъ, требованія противоположны; не мудрено, поэтому, и то, что они видятъ въ произведеніяхъ писателя совершенно противоположные недостатки.

Изреченіе: «О вкусахъ не спорятъ», въ этомъ отношеніи имѣетъ не меньшее приложеніе, чѣмъ въ какой-либо другой области.

Въ то время, какъ однимъ критикамъ, прикладывающимъ свою мѣрку къ произведеніямъ Гончарова, кажется, что онъ не симпатично относится къ русской жизни и является рьянымъ и пристрастнымъ западникомъ, другіе находятъ, что Гончаровъ симпатизируетъ исключительно только русской жизни крѣпостной эпохи и крайне пристрастно и недоброжелательно относится къ «новымъ людямъ». «Онъ доктринеръ—западникъ, но западникъ довольно узкій» [6]), заявляетъ одна сторона; «онъ идеализируетъ крѣпостныя времена, исчезнувшія для насъ безвозвратно, и серьезно проповѣдуетъ, что счастье только въ быломъ русскомъ обскурантизмѣ» [7]), слышится—съ другой.

Какъ бы то ни было, но та и другая сторона не признаетъ Гончарова безпристрастнымъ изобразителемъ современной ему жизни, и каждая представляетъ для такого приговора свои основанія.

Нѣкоторые изъ судей нашего писателя идутъ еще дальше. Они утверждаютъ, что въ произведеніяхъ Гончарова нѣтъ никакого изображенія обществен-

---

[6]) См. выше поименован. ст. Елагина. стр. 331.

[7]) Шелгуновъ. Собр. сочин. II т.: «Талантливая безталантливость».

ной жизни Россіи. Гончаровъ, по ихъ мнѣнію, совершенный индиферентистъ въ отношеніи къ ея вопросамъ и явленіямъ, онъ никогда не касается соціальныхъ идеаловъ, а неизмѣнно остается поэтомъ жизненной трезвости, прозы, хотя кругомъ его чувствовалось исканіе новой правды, являлись новые люди. Что же онъ описываетъ въ своихъ произведеніяхъ? Да, съ одной стороны, онъ мастерски рисуетъ картины помѣщичьей крѣпостной жизни, которыя самъ наблюдалъ; съ другой—кисть его касается отчасти и новыхъ людей, но это имя онъ присваивалъ ловкимъ дѣльцамъ-аферистамъ, которые только что начали появляться тогда на Руси, а настоящихъ новыхъ людей представилъ въ крайне пристрастномъ видѣ. Вообще же типы Гончарова обнаруживаютъ семейную наблюдательность, а не гражданскую [8]). Слишкомъ рискованно считать его типы отраженіемъ жизни всей Россіи. Для этого нужно изучить русскую жизнь и русскаго человѣка. А Гончаровъ былъ не особенно-то подвижнымъ человѣкомъ: 40 лѣтъ онъ прожилъ безвыѣздно въ одной квартирѣ, до самой смерти, гдѣ и солнце-то рѣдко показывается; людей сторонился, былъ старымъ холостякомъ. И вотъ при огромномъ талантѣ Гончаровъ изображаетъ себя, свою жизнь и своихъ немногихъ знакомыхъ. Лучшій его романъ: «Обломовъ», напримѣръ,—его автобіографія [9]). За образецъ онъ беретъ типы великихъ писателей и по нимъ построяетъ свои типы. Идеалъ его—чисто мѣщанскаго свойства, имя ему—житейская мудрость и безжизненная сухая практичность; онъ весь выражается

---

[8]) См., напр., К. Головинъ: «Характеристика Гончарова». «Ист. Вѣстн.» 1891 г. за окт.

Л. Оболенскій «Художникъ-индиферентистъ». «Рус. Богат.» 1891 г. за сент. и мн. др.

[9]) Газ. «Новости», 91 г. № 269-й.

въ пословицѣ: «Не сули журавля въ небѣ, дай лучше синицу въ руки» [10]).

Такъ разнообразны сужденія о смыслѣ произведеній Гончарова. Разногласіе въ оцѣнкѣ произведеній Гончарова обнаружилось, какъ мы сказали, послѣ появленія его перваго романа; съ появленіемъ послѣдующихъ—разногласіе усилилось.

II.

Первый романъ Гончарова: «Обыкновенная исторія», появился въ 1847 году. Въ своемъ предсмертномъ «обзорѣ русской литературы въ 1847 г.» Бѣлинскій съ свойственнымъ ему чутьемъ отмѣтилъ новый талантъ и охарактеризовалъ Гончарова, какъ безпристрастнаго художника. Онъ находилъ только неестественной развязку романа: обращеніе Александра Адуева въ практичнаго человѣка и считалъ болѣе соотвѣтствующимъ личности героя заставить его заснуть въ апатіи или обратить его въ какого-нибудь фанатика—сектанта, «а всего лучше и естественнѣе сдѣлать его славянофиломъ», иронически замѣтилъ Бѣлинскій: здѣсь для утопій его открылась бы благодарная почва. Вообще же о типахъ перваго романа Гончарова и самъ знаменитый критикъ писалъ: «у него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ; они его не веселятъ, не сердятъ; онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю» [11]).

Но далеко не всѣ были согласны съ такою оцѣнкой. Ап. Григорьевъ, напротивъ, не сомнѣваясь въ высо-

---

[10]) Протопоповъ «Рус. Мысль» 91, Дек.

[11]) Бѣл. XI т. 3 изд. 1884 г. стр. 392 и далѣе.

комъ художническомъ талантѣ Гончарова, видѣлъ въ «Обыкновенной исторіи» натянутое развитіе напередъ заданной, пошлой и антипоэтической темы,—эпопею чиновническаго воззрѣнія и азбучной мудрости, разящую ироніей и смѣхомъ протестъ личности и возводящую въ апоѳеозу сухую, безжизненную безусловную практичность [12]). Также понялъ это произведеніе и Писаревъ. «Эхъ, молодые люди, протестанты жизни! бросьте вы ваши стремленія вдаль, къ усовершенствованіямъ, къ лучшему порядку вещей! Надѣньте вицмундиры».... [13]) саркастически воскликнулъ онъ, выражая свой взглядъ на идею «Обыкновенной исторіи». Подобный взглядъ на этотъ первый романъ Гончарова повторяется и теперь. Адуевы—не характеры, а простыя олицетворенія двухъ противоположныхъ взглядовъ на жизнь... Весь романъ «представляетъ изъ себя безчисленные разговоры-диспуты на тему: какъ смотрѣть на жизнь: восторженно-довѣрчивыми глазами чувствительнаго юноши или насмѣшливо черствымъ взглядомъ сухого и умнаго дѣльца? Невзгоды племянника—примѣры и доказательства въ пользу тезиса дяди» [14]), писалъ недавно одинъ изъ критиковъ; «Гончаровъ любуется на своего героя, заставляетъ смотрѣть на него съ уваженіемъ потому, что онъ добылъ себѣ и карьеру, и фортуну», говоритъ другой. [15]) Что касается общественнаго значенія этого романа, то его, пожалуй, готовы признать и отрицательно относящіеся къ роману критики; они согласны, что въ немъ явле-

[12]) Соч. Ап. Григ. изд. Страхова I т. стр. 416 и др.

[13]) См. у. О. Миллера. «Русскіе писатели послѣ Гоголя». Гончаровъ.

[14]) Головинъ: «Истор. Вѣстн.» 91 г. См. также Чуйко ст. о Гонч. въ «Наблюд.» 91 г. за дек. стр. 120.

[15]) Протопоповъ. «Р. Мысль». Ноябрь 91 г. 116 стр.

нія дѣйствительной жизни эпохи русскаго общества (когда въ немъ царствовалъ романтизмъ) схвачены вѣрно, хотя романъ нѣсколько запоздалъ; когда онъ явился, типъ Адуева уже исчезалъ.

Еще болѣе жаркіе споры поднялись по поводу второго романа Гончарова: «Обломовъ», появившагося въ 1858 году. Этотъ романъ по справедливости считается за главное и центральное произведеніе нашего писателя всѣми его критиками, и пристрастными, и безпристрастными. Здѣсь съ полною мощью развернулся его талантъ. Время, когда появился «Обломовъ», было исключительное. Въ общественной атмосферѣ уже слышалось приближеніе великихъ реформъ. Это было за три года до освобожденія крестьянъ. Общество было сильно возбуждено, готовилось стряхнуть съ себя гражданскую апатію, открещивалось отъ прежняго застоя и стремилось дружно пойти по новому пути. И вотъ появляется романъ, который необычайно живо и талантливо рисуетъ эту русскую спячку. Добролюбовъ восторженно привѣтствовалъ новое произведеніе Гончарова, какъ «новое слово нашего общественнаго развитія, произнесенное ясно и твердо, безъ отчаянія и безъ ребяческихъ надеждъ, но съ полнымъ сознаніемъ истины» [16]). Онъ видѣлъ въ «Обломовѣ» ключъ къ разгадкѣ многихъ явленій русской жизни и главныхъ типовъ русской литературы: и Онѣгинъ, и Печоринъ, и Тентетниковъ страдали одной болѣзнью—обломовщиной. Добролюбовъ только находитъ пристрастную и несправедливою похвалу Гончарова прекраснымъ качествамъ души Обломова, «противнаго въ своей ничтожности».

Но въ это же время послышались голоса Дружини-

[16]) Соч. Добров. «Что такое Обломовщина?» II т.

на и Аполлона Григорьева,—голоса совершенно другого тона. Ап. Григорьевъ, противопоставляя Обломова Лаврецкому («Дворянское гнѣздо»—Тургенева), связанному авторомъ глубоко физіологически съ почвою, съ преданіями и жизнію родной страны, писалъ, что «Обломовъ» Гончарова—«отвлеченный математическій итогъ недостатковъ, или дефицитовъ того, что авторъ называетъ Обломовкой»; «польстилъ онъ только тѣмъ, кто вѣритъ, что врагъ нашъ въ дѣлѣ развитія—наша собственная натура, наши существенно бытовыя черты, и что все спасеніе для насъ заключается въ выдѣлкѣ себя по какой-то узенькой теоріи». Вообще въ «Обломовѣ» А. Григорьевъ видѣлъ тенденціозное произведеніе, но находилъ, что безсознательныя симпатіи автора болѣе на сторонѣ Обломовки: Обломова и Агафьи Ѳеодосѣевны, чѣмъ на сторонѣ превозносимой имъ Ольги и Штольца. Воззрѣнія послѣдняго онъ называетъ татарско-нѣмецкими, а Ольгѣ пророчитъ судьбу преотвратительной нервной барыни, мучительницы окружающихъ. Съ удивленіемъ останавливаясь передъ художественностію «Сна Обломова», Григорьевъ упрекаетъ Гончарова за «непріятно рѣзкую струю ироніи въ отношеніи къ тому, что все-таки выше Штольцевщины и Адуевщины» [17]).

Недоволенъ былъ произведеніемъ Гончарова и Писаревъ. Онъ возмущался, зачѣмъ авторъ взялъ за идеалъ нѣмца; кромѣ того, онъ не хотѣлъ признать лѣнь и апатію Обломова общей чертой русскаго человѣка, а его личной болѣзнью. Этотъ взглядъ находитъ горячихъ приверженцевъ и теперь [18]). Самъ Гончаровъ объяснилъ, что

---

[17]) Ап. Григ. Соч. т. 1. изд. Страхова. СПБ. 1576 г. Статья по поводу «Дворянскаго гнѣзда».

[18]) Напр., Протопоповъ см. его статью въ «Р. М.».

въ Обломовѣ онъ думалъ «изобразить лѣнь и апатію во всей ея широтѣ и закоренѣлости, какъ стихійную русскую черту, и только это одно» [19]). Такое объясненіе для многихъ кажется неубѣдительнымъ. Такъ, одинъ изъ упомянутыхъ уже нами литературныхъ судей, обвиняя Гончарова въ доктринерствѣ, увлеченіи внѣшней стороной западной цивилизаціи, находитъ, что, несмотря на предвзятую идею, совершенно противоположнаго характера, въ Обломовѣ подъ перомъ Гончарова вылился лучшій русскій типъ, воплотившій въ себѣ благороднѣйшія черты русскаго характера: Обломовъ—это «мѣра красоты русскаго человѣка». Причина бездѣятельности Обломова та, что онъ еще не созналъ таящейся въ его душѣ великой идеи, а дѣятельность, на которую призывали его Штольцъ и Ольга—пошла и ничтожна; цѣль ея—комфортъ. Описаніе русской жизни въ «Снѣ Обломова»—тенденціозная клевета; эта жизнь вовсе не представляла изъ себя мертвое, а только заколдованное, но готовое воспрянуть царство [20]).

Въ доказательство того, что дореформенная русская жизнь не была такъ мертва, какъ описываетъ ее Гончаровъ, защитники послѣдней указываютъ на то, что изъ среды ея вышло много дѣятельныхъ мировыхъ посредниковъ, храбрыхъ защитниковъ Севастополя [21]); что, наконецъ, Обломовъ совсѣмъ не единственный типъ и помѣщика: что истинный типъ русскаго народа лучше выражаетъ великій преобразователь Россіи своей широкой натурой [22]).

---

[19]) «Лучше поздно»... 87. 244 стр.

[20]) Елагинъ—въ выше поименован. статьѣ «Рус. Вѣстн.»

[21]) Увлекающіеся критики забываютъ, что насъ подъ Севастополемъ все-таки поколотили, здѣсь мы вполнѣ об-

Вообще въ приведенныхъ отзывахъ о первыхъ двухъ романахъ Гончарова критиковъ, современныхъ этимъ романамъ (Добролюбова, Григорьева, Писарева и др.),— отзывахъ, какъ мы видѣли, часто противоположныхъ другъ другу, какъ бы слышится неувѣренность въ томъ, куда въ самомъ дѣлѣ тяготѣютъ симпатіи ихъ автора: въ сторону ли западной цивилизаціи, или къ русской народной жизни? На основаніи «Обыкновенной исторіи» и «Обломова», впрочемъ, большинство дѣлало предположеніе, что Гончаровъ свои по крайней мѣрѣ сознательныя симпатіи переноситъ на типы лицъ, стремящихся оторваться отъ родныхъ преданій и пойти по новой дорогѣ.

Но вотъ чрезъ 11 лѣтъ послѣ «Обломова» появляется новый романъ Гончарова: «Обрывъ», въ которомъ нарисовано много свѣтлыхъ, дышащихъ теплотой картинъ русской дореформенной жизни, вѣрной историческимъ преданіямъ, такъ что романъ представляетъ изъ себя написанную съ любовью и правдой эпопею помѣщичьей жизни. Въ романѣ изображаются появляющіеся на Руси новые люди, съ новыми взглядами, бѣгущіе отъ старой жизни и отрицающіе её; но старые люди оказываются и опытнѣе новыхъ, и выше душой, и болѣе крѣпкими морально. Естественно, что романъ долженъ былъ въ однихъ возбудить недоумѣніе, со стороны другихъ, горячихъ поклонниковъ новаго порядка вещей и новыхъ людей, поднять противъ авто-

наружили свою Обломовскую безпечность и неподготовленность.

[22]) Головинъ. «Истор. Вѣсти». Выше поименов. статья, стр. 374 и др. Если Петръ Великій—типъ русскаго человѣка, то много ли подойдетъ русскихъ подъ этотъ типъ?

ра цѣлую бурю. На Гончарова посыпались жестокіе упреки разочаровавшихся въ немъ,—упреки, доходящіе до жестокой брани. Чтобы не быть голословными, указываемъ на отзывы объ этомъ романѣ Шелгунова и Скабичевскаго. Не отрицая таланта внѣшней живописи, достигшаго въ этомъ произведеніи полнаго расцвѣта и выраженія, Шелгуновъ заявляетъ, что «въ мышленіи Гончаровъ ясно обнаружилъ задній ходъ» [23]). Скабичевскій начинаетъ свое разсужденіе объ «Обрывѣ» сравненіемъ романа со статуей, отдѣльныя части которой удивительной художественной работы, но такъ соединены между собою, что въ общемъ статуя производитъ впечатлѣніе безобразнаго чудовища, чего-то несоразмѣрнаго, тяжолаго, какъ кошмаръ, и ежеминутно готоваго повалиться всею своею массою» [24]). Въ стараніяхъ повалить эту безобразную статую, т.-е. новый романъ Гончарова, Скабичевскій истощилъ всѣ свои литературныя силы и иступилъ свое перо въ ругательствахъ по адресу Гончарова, который «обросъ мохомъ романиста, видящаго вездѣ одну—клубничку»; романъ котораго прямо «пропагандируетъ безнравственныя идеи». И Шелгуновъ, и Скабичевскій съ замѣчательнымъ единодушіемъ заявляютъ, что «Обрывъ» полонъ художественнаго, умственнаго и нравственнаго безобразія [25]). Весь этотъ шумъ, всѣ ожесточенныя нападки поднялись противъ Гончарова за созданный имъ типъ Марка Волохова, въ которомъ Гончаровъ, по ихъ мнѣнію, высказалъ свой взглядъ и судъ на стремленія молодаго поколѣнія 60—

---

[23]) Шелгуновъ. Собраніе Сочин. изд. Павленкова, II т. «Талантливая безталантность».

[24]) Скабичевскій. соч. т. 1. «Старая правда», стр, 217.

[25]) Скабич. т. I, 221 ст. Шелгуновъ, соч. II т. 301 стр.

70 годовъ. За Волохова бранятъ и Райскаго, находя его существомъ безполезнѣйшимъ,—ни на что непретендовавшаго Обломова, съ половою раздражительностью и съ неисправнымъ спиннымъ мозгомъ,—и Вѣру, которая просто-напросто «зрѣлая дѣвушка, изнывающая въ любовномъ мистицизмѣ» и весь «степной хламъ» [26]).

Въ общемъ «Обрывъ» не болѣе, какъ «театръ маріонетокъ. Все въ немъ пружины и красиво размалеванныя куклы; но русскихъ людей и русскихъ типовъ въ немъ нѣтъ ни одного, ни одной живой души, ни одного новаго, своеобразнаго характера» [27]). Само собой разумѣется, что «ни о какихъ эпохахъ, ни о какомъ представительствѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи [28]).

Итакъ, что же такое Гончаровъ? Западникъ онъ, или его тенденція, во что бы то ни стало, пріукрасить и идеализировать русскую жизнь, или наконецъ, онъ, будучи западникомъ, потомъ разочаровался, и послѣднимъ его романомъ заправляла уже совершенно иная тенденція, и, такимъ образомъ, «прогрессивное вначалѣ, его мышленіе превратилось въ отступательное».

III.

Стóитъ только перечитать романы Гончарова и безпристрастно отнестись къ нимъ, и мы легко увидимъ, что, какая бы то ни было, тенденція болѣе всего чужда таланту Гончарова. Она навязывалась автору извнѣ, она руководила не авторомъ, а критиками его произведеній. Приходилъ одинъ критикъ и,

[26]) Шелг. Ibid. 297 стр.

[27]) Шелгуновъ. стр. 289.

[28]) Протопоповъ. 122 стр.

пользуясь своею мѣркой, сшивалъ для Гончарова мундиръ своей партіи; примѣривая его, онъ, естественно, замѣчалъ, что мундиръ этотъ слишкомъ узокъ для таланта Гончарова; приходилъ другой и примѣнялъ къ нему иную мѣрку, опять-таки свою, и испытывалъ ту же неудачу. И тотъ, и другой начинали высказывать свое неудовольствіе. Приверженецъ западной цивилизаціи и новыхъ людей смущался рисуемыми съ любовью картинами русской старины и типами русскихъ старыхъ людей; неумѣренно строгій націоналистъ съ упрекомъ качалъ головой предъ типами Адуева—дяди и Штольца.

Когда мы читаемъ эти противоположные отзывы о Гончаровѣ, невольно приходятъ на мысль слова басни:

«Лебедь рвется въ облака, ракъ пятится назадъ,
А щука тянетъ въ воду».

Неудача критиковъ, навязывавшихъ противоположныя тенденціи Гончарову, ясно доказываетъ, что талантъ Гончарова не знаетъ никакихъ тенденцій: ни западническихъ, ни славянофильскихъ; что онъ вполнѣ объективенъ. Объективность—главная характеристическая черта его таланта, опредѣляющая собою всѣ другія его свойства. Она была замѣчена Бѣлинскимъ при самомъ началѣ его литературной дѣятельности, и ей Гончаровъ остался вѣрнымъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ. «Нигдѣ онъ», выражаясь словами Бѣлинскаго: «не высказываетъ открытой любви или вражды къ своимъ героямъ и не читаетъ нравственныхъ уроковъ. Гончаровъ—самый безпристрастный эпикъ, художественно рисовавшій картины того, что самъ видѣлъ и слышалъ въ современной ему русской жизни, подобно тому русскому древнему лѣтописцу, который нелицепріятно заносилъ на страницы пергамента всѣ событія русской жизни, и радостныя, и печальныя, имѣя въ виду одну цѣль:

«Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу».

Пушкинскій лѣтописецъ говоритъ:

«Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ».

Это же вполнѣ могъ сказать про себя и нашъ писатель, изобразившій въ своихъ романахъ цѣлыя три эпохи русской жизни: періодъ глубоваго сна общественной жизни и романтизма,—періодъ смутнаго, какъ бы сквозь сонъ, сознанія необходимости труда и, наконецъ, періодъ перваго потягиванья послѣ сна и пробужденія, первые неувѣренные шаги на пути общественной дѣятельности. Его романы—такія же эпопеи русской жизни, захватывающія историческіе періоды ея отъ 30 до60 годовъ, какъ «Иліада» и «Одиссея» древнихъ грековъ. Пользуясь греческими эпопеями, теперь находятъ возможнымъ возстановить во всей выпуклости жизнь древнихъ грековъ въ бытовомъ отношеніи, общественномъ, религіозномъ и т. д.

И нашимъ потомкамъ, которые будутъ изучать романы Гончарова, русская жизнь описываемаго имъ періода предстанетъ также во всей ясности и наглядности, какъ живая. По его романамъ можно написать цѣлую книгу о воспитаніи въ Россіи въ 30—60 годахъ, объ аристократіи и чиновничествѣ, о помѣщичьемъ бытѣ и т. д. И понятіе о русской жизни за данный періодъ будетъ вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительности, вслѣдствіе полной объективности автора. Безпристрастному читателю можетъ прямо даже страннымъ показаться утвержденіе, что симпатіи Гончарова—исключительно западническія или исключительно славянофильскія. Развѣ можно назвать его узкимъ западникомъ за то, что по его роману дядя—Адуевъ выходитъ выше своего пле-

мянника-сентименталиста? Да дядя и въ самомъ дѣлѣ лучше племянника. Тотъ поставилъ себѣ цѣлью карьеру, выгоду и комфортъ и прямолинейно стремится къ ней, не скрывая своихъ истинныхъ намѣреній. И племянникъ стремится къ тому же и, когда достигаетъ карьеры, то и успокаивается; но это стремленіе прикрыто у него фальшивыми чувствами, заученными фразами. Онъ идеалистъ только на словахъ да, можетъ быть, въ его собственномъ мнѣніи о себѣ, а на дѣлѣ мы видимъ въ немъ пустого человѣка, разыгрывающаго изъ себя роль невиннаго и униженнаго страдальца, когда его разсмотрѣли и разлюбили, и кидающаго вѣрную ему женщину, а въ концѣ концовъ только по независящимъ отъ него обстоятельствамъ не погубившаго неопытную дѣвушку. Да, онъ хуже дяди: какъ опаснѣе волкъ въ овечьей шкурѣ волка въ своемъ собственномъ, нескрываемомъ видѣ. И исходъ его фальшиваго сентиментализма самый естественный. Вмѣстѣ съ тѣмъ и дядя, по изображенію нашего писателя, далеко не идеалъ: при всемъ своемъ черствомъ самообладаніи онъ въ концѣ романа является предъ нами морально прибитымъ и физически разслабленнымъ старикомъ, съ тяжолымъ сознаніемъ, что онъ загубилъ жизнь своей жены, натура которой никакъ не могла удовлетвориться его холодной разсудочной привязанностью къ ней.

Чиновниковъ-карьеристовъ Гончаровъ устами Штольца называлъ «городскою обломовщиной». Но Адуевъ-дядя былъ не только чиновникомъ, бюрократомъ, а вмѣстѣ и фабрикантомъ и самъ дѣятельно и трудолюбиво занимался этимъ дѣломъ. Съ этой стороны да еще, какъ обладающій здравымъ смысломъ, для котораго нетерпимо все напускное, дядя уже положительно заслуживаетъ бо́льшаго уваженія, чѣмъ племянникъ, представитель

бездѣятельнаго, мечтательнаго всероссійскаго застоя.

Только какъ человѣкъ энергичный, жизнь котораго полна движенія (а не въ какомъ-либо другомъ отношеніи), симпатиченъ и Штольцъ, фигура, впрочемъ, по сознанію самого Гончарова, слабо и блѣдно очерченная, типъ болѣе предугаданный Гончаровымъ и окончательно сформировавшійся на русской почвѣ—позднѣе. Это зеркало, въ которомъ Обломовъ могъ видѣть степень своей апатіи и непробуднаго сна. Какого-нибудь особеннаго сочувствія автора къ Штольцу нигдѣ не видно, и странно думать, что онъ—идеалъ Гончарова. Онъ представляется намъ человѣкомъ, стремящимся только къ личному счастію, и Ольга, съ несомнѣнно болѣе развитой душой, не нашла удовлетворенія въ его эгоистической, чуждой высшей цѣли, дѣятельности и, замѣтно, въ концѣ романа начинаетъ разочаровываться въ немъ. Конечно, трудно судить, не имѣя въ романѣ данныхъ, броситъ ли она Штольца, какъ думалъ Добролюбовъ, или обратится къ воспитанію дѣтей, какъ полагаетъ О. Миллеръ, или просто-напросто останется ноющей барыней, по предсказанію Ап. Григорьева.

Герой второго романа также изображенъ весьма безпристрастно. Обломовъ совсѣмъ не состоитъ изъ однихъ недостатковъ. Онъ безконечно лучше и умнѣе, напримѣръ, всѣхъ этихъ беззаботно-пустыхъ Волковыхъ, интересующихся одними визитами да модными фраками,—карьеристовъ Судьбинскихъ, ничтожныхъ Алексѣевыхъ, Тарантьевыхъ и Пенкиныхъ, съ которыми авторъ сводитъ Обломова въ первой главѣ своего романа. Гончаровъ не скрываетъ въ немъ хорошихъ качествъ русской натуры. Устами Штольца онъ даетъ горячую и задушевно-трогательную характеристику Обломова, которою такъ возмущался Добролюбовъ. «Хочешь, я скажу тебѣ,

почему онъ тебѣ дорогъ», говоритъ Штольцъ Ольгѣ: «за что ты еще любишь его?»

«За то, что въ немъ дороже всякаго ума честное, вѣрное сердце! Это его природное золото; онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь .. Это хрустальная, прозрачная душа. Его сердца не подкупишь ничѣмъ; на него всюду и вездѣ можно положиться... Узнавъ разъ, его разлюбить нельзя» *). Не унижаетъ Гончаровъ и русской жизни. Рисуя безпощадными чертами сонную Обломовку, онъ какъ бы приподнимаетъ одинъ край занавѣски и показываетъ одну картину помѣщичьей жизни, но этой картиной совсѣмъ не исчерпываетъ русской жизни крѣпостного періода. Онъ выводитъ предъ нами Ольгу, которая происходитъ изъ той же барской среды, какъ и Обломовъ, но уже совершенно другого закала, и, очевидно, получила иное воспитаніе; а въ своемъ послѣднемъ романѣ: «Обрывъ», раскрываетъ уже совершенно другія, полныя мирной прелести картины этой же помѣщичьей жизни. Очевидно, что никакого предвзятаго и всецѣло отрицательнаго взгляда на старинную русскую жизнь Гончаровъ не имѣлъ. Конечно, для характеристики русскаго человѣка лестно предположеніе, что Обломовъ потому не пошелъ за Ольгой, что она, какъ и Штольцъ, звала его къ пошлой погонѣ за матеріальными благами, а лучшей, таящейся въ его душѣ, идеи Обломовъ не сознавалъ; но такое предположеніе имѣетъ мало основаній. Для безпристрастнаго читателя ясно, что Обломовъ не рѣшился соединить свою судьбу съ Ольгой просто потому, что Ольга звала его оставить свою спячку, а онъ сознавалъ, что это для него органически невозможно.

«Я приросъ къ этой ямѣ больнымъ мѣстомъ: по-

*) «Обломовъ»; II т., стр. 130-ая.

пробуй оторвать,—будетъ смерть», грустно признавался Илья Ильичъ. Трудно повѣрить, чтобы человѣкъ, который даже въ періодъ горячей любви къ женщинѣ, когда не щадятъ никакихъ жертвъ для любимаго лица, не могъ исполнить одной ея легкой просьбы, служащей его же интересамъ—похлопотать объ устройствѣ своей Обломовки,—трудно повѣрить, чтобы такой человѣкъ двинулся энергично на выполненіе какой-либо благородной идеи, если бы ее и сознаіъ. Такъ его поняла и Ольга, которая совсѣмъ не такое уже ничтожное, эгоистическое существо, какою представляютъ ее защитники Обломова. Если бы она звала Обломова къ одной только погонѣ за матеріальными благами, то откуда же это ея томленіе, когда Штольцъ, ея мужъ, такъ успѣлъ въ этой погонѣ? Нѣтъ, она искала высшей жизненной цѣли: «Ты нѣженъ, какъ голубь; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ крылей, да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще»...—говорила она Обломову и ради этого стремленія покинула горячо любимаго ею Илью Ильича.—Ничтожные, эгоистичные люди личнаго счастья не приносятъ въ жертву идеѣ.

Не видно особаго пристрастія автора и къ героямъ «Обрыва». Рельефнѣйшее лицо этого романа—бабушка—совсѣмъ не собраніе всѣхъ добродѣтелей, что непремѣнно вышло бы у писателя, тенденціозно восторженно рисующаго крѣпостной бытъ, а именно типичнѣйшее лицо съ своими достоинствами и недостатками, яркая фигура, съ одной стороны, женщины, горячо любящей своихъ внучекъ и внука, открытой, честной, гостепріимной,—съ другой—помѣщицы, возросшей на крѣпостническихъ воззрѣніяхъ, не считающей своихъ крѣпостныхъ людей даже достойными помощи врача, долго преклонявшейся предъ сановнымъ взяточникомъ

и, наконецъ, женщины небезупречнаго прошлаго.

И въ личности Марка Волохова, противъ которой возстаютъ покровители молодаго поколѣнія, такъ и видится что-то знакомое. Этого Марка Волохова въ той или другой дозѣ и теперь, пожалуй, каждый изъ насъ встрѣчалъ въ захолустныхъ городахъ: такъ туго переводятся эти герои! Гончаровъ рисуетъ его совсѣмъ не въ односторонне-непріязненномъ тонѣ: онъ не лишаетъ его и хорошихъ чертъ характера: Маркъ правдивъ и сострадателенъ; онъ ходитъ, какъ нянька, за покинутымъ женой Козловымъ; онъ умѣетъ горячо любить, но эта любовь не ослѣпляетъ его настолько, чтобы онъ измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ. Нападенія на Гончарова за этотъ типъ основаны просто на недоразумѣніи.

Гончаровъ совсѣмъ и не думалъ въ типѣ Марка Волохова воплотить все молодое поколѣніе 60—70-хъ годовъ. Представителемъ «новой правды», т.-е. носителемъ лучшихъ идей новаго времени, Гончаровъ назначилъ быть Тушину, фигурѣ, къ сожалѣнію, не ясной, не обрисованной такъ живо, какъ многія другія. Но «въ жизни рядомъ съ правдой, къ несчастью, гнѣздится и ложь», объясняетъ Гончаровъ.—Волоховъ и является представителемъ этой «новой лжи». И нужно замѣтить, что этой лжи было много въ захватываемый «Обрывомъ» періодъ; она, наряду съ носителями правды изъ молодаго поколѣнія, приложившаго всѣ свои силы къ принятію и проведенію въ жизнь реформъ 60 годовъ, тоже развивалась и, когда всплыла наверхъ, то такъ грозно заявила о своемъ существованіи, что поколебала всю Россію, обнаруживши себя въ печальномъ событіи 1 марта 1881 года. Очевидно, Гончаровъ писалъ съ того, что видѣлъ. Нападеніямъ за этотъ типъ критиковъ прогрессистовъ, какъ они любятъ называть

себя, удивляться много ненужно: вѣдь и типъ Базарова, болѣе изящный и, пожалуй, симпатичный (изъ чего не слѣдуетъ, чтобы Тургеневъ былъ безтенденціозенъ, вопреки Гончарову,—естественнѣе обратное заключеніе) тоже не нравился такимъ критикамъ. Если бы эти типы не говорили правды, то не вызвали бы и такихъ ярыхъ нападеній. Извѣстно классическое изреченіе: «Юпитеръ, ты сердишься!»... Есть на этотъ предметъ, впрочемъ, и русская пословица: «Правда глаза колетъ».

Совершенно живымъ человѣкомъ представляется намъ и Райскій, этотъ идеалистъ, у котораго слово роковымъ образомъ расходится съ дѣломъ,—эта талантливая отъ природы натура, но еще болѣе лѣнивая, не развившая своихъ талантовъ предварительными упражненіями и размѣнявшая ихъ на мелочи. Всѣ его увлеченія очень понятны, потому что онъ художникъ, ищущій красоты и въ жизни и восторгающійся ею, въ какой бы формѣ она ни проявлялась. Райскаго Гончаровъ тоже не выставляетъ человѣкомъ идеальнымъ, не говоритъ, что Райскій полезнѣе или безполезнѣе Обломова, а рисуетъ лишь типъ, наблюдавшійся имъ въ моментъ, когда русское общество только что очнулось отъ долгой бездѣятельности.

Въ созданіи Вѣры также никакой тенденціозности мы не видимъ. Кажется даже страннымъ возраженіе неблаговолящихъ Гончарову критиковъ, что онъ нигдѣ не показываетъ въ романѣ, чтобы Вѣра была такъ умна и начитана, какою ее объявляетъ: въ своихъ диспутахъ съ Маркомъ она постоянно занимается однимъ вопросомъ о бракѣ и вѣчной любви. Но такіе критики прямо уже требуютъ тенденціозности отъ Гончарова: имъ пріятно было бы, если бы Вѣра читала политическіе и соціальные трактаты. Такой пріемъ противорѣ-

чилъ бы и таланту Гончарова, и понятію о романѣ, какъ художественномъ произведеніи. Образецъ романа въ такомъ вкусѣ мы знаемъ въ пресловутомъ произведеніи Чернышевскаго: «Что дѣлать?» Немного нужно имѣть литературнаго вкуса, чтобы рѣшить, что такъ романовъ не пишутъ. А страстный споръ Вѣры съ Маркомъ о бракѣ и любви вполнѣ естественъ, потому что отъ рѣшенія его зависѣло ея «быть или не быть»: удовлетворить свою глубокую любовь къ Марку и возвратить полезнаго члена обществу или разбить свою любовь.—Такъ она думала, хотя не такъ случилось, какъ и всегда почти бываетъ въ жизни.

Замѣчательно, что даже и сочувствующіе Гончарову критики высказываютъ сожалѣніе, что на этомъ типѣ авторъ фальшивитъ. Въ чемъ же эта фальшь? А въ томъ, говорятъ они, какъ могла Вѣра, устоявшая въ теоретическихъ спорахъ съ Волоховымъ и такъ горячо отстаивавшая свои убѣжденія, спуститься съ обрыва?—Этимъ поступкомъ она вдругъ разбиваетъ свои убѣжденія и практически доказываетъ справедливость теоріи Марка, что сила влеченія есть верховная сила [30]. Но намъ кажется, что тенденціозный писатель никогда такъ не сдѣлалъ бы изъ боязни стать въ противорѣчіе съ самимъ собою. А, если нашъ авторъ допустилъ до паденія свою героиню, изображенную имъ въ такихъ прекрасныхъ чертахъ, то, очевидно, потому, что такъ наблюдалъ въ жизни, самъ видѣлъ эти паденія стремящихся къ развитію женщинъ и, въ силу объективности своего таланта, не могъ исказить своего жизненнаго впечатлѣнія и не за-

---

[30]) О. Миллеръ. «Русскіе писатели послѣ Гоголя». Гончаров. «Обрыв.».

писать того, что наблюдалъ. Это подтверждаетъ и самъ Гончаровъ: «Стоило оглянуться вокругъ», говоритъ онъ: «и слегка пробѣжать въ памяти, что всѣ видѣли и пережили съ 1860 по 1870 годъ, чтобы рѣшить, вѣрно или невѣрно мое изображеніе... Упрекаютъ за то, что я записалъ явленіе, явно совершавшееся» [31]).

Нѣтъ, въ объективной, художественной обрисовкѣ типовъ Гончаровъ и въ послѣднемъ романѣ нисколько не обнаружилъ упадка своего таланта, а, напротивъ, обнаружилъ его высшій подъемъ, давши намъ цѣлую серію вѣрно и правдиво схваченныхъ и рельефно очерченныхъ художническою кистію цѣльныхъ типовъ чисто русскихъ людей. Вспомнимъ хоть только бабушку и Мароиньку. А сколько у него второстепенныхъ, но до поразительности мѣтко схваченныхъ типовъ: напримѣръ, этотъ разжившійся на взяточничествѣ, надутый Тычковъ, или дамскій кавалеръ, старичокъ Титъ Никоновичъ,— эта, наконецъ, старуха—кокетка, Полина Карповна, со своими: «вижю, вижю»? А типы дворни: эта расплывшаяся Василиса, ревнивый и горячо любящій Савелій и его жена Марина—развѣ это не живые русскіе люди? Имѣетъ ли какое-нибудь значеніе отзывъ объ «Обрывѣ», что «русскихъ людей и русскихъ типовъ въ немъ нѣтъ ни одного, ни одной живой души, ни одного новаго своеобразнаго характера?» Да, имѣетъ— одно значеніе, какъ доказательство крайней близорукости и пристрастія нѣкоторыхъ нашихъ критиковъ.

П. Щукинъ.

Продолженіе будетъ.

[31]) «Лучше поздно, чѣмъ никогда», стр. 265.

Д. В. Григоровичъ, какъ народный писатель*).

Не менѣе широкая картина народной жизни изображается въ другомъ крупномъ произведенiи Григоровича.—въ романѣ: «Переселенцы».

Здѣсь опять является на сцену крѣпостное право: помѣщичья воля играетъ въ романѣ большую роль: въ зависимости отъ нея устраивается жизнь изображаемой въ романѣ крестьянской семьи; по прихоти помѣщика Бѣлицына, мечтающаго эксплоатировать лугъ въ Саратовской губернiи, семья бросаетъ насиженныя родныя мѣста и пускается на неизвѣстныя новыя, здѣсь терпитъ цѣлый рядъ злоключенiй и потомъ опять возвращается домой, когда помѣщикъ въ доходности своего луга разочаровался.

Въ романѣ предъ читателями развертываются, съ одной стороны, картины помѣщичьей жизни, съ другой—крестьянской, съ ихъ характерными особенностями, съ ихъ своеобразной обстановкой. Здѣсь предъ нами проходятъ длинной вереницей помѣщики и помѣщицы, дворня, представители уѣздной власти, крестьяне и крестьянки, деревенскiя дѣти, бродячiе нищiе и т. д. и т. д.

Дѣйствительнымъ главою крестьянской семьи, о которой ведется въ романѣ повѣствованiе, является женщина — Катерина. Писатель этою личностью дополняетъ галлерею женскихъ типовъ, которые въ предыдущихъ произведенiяхъ не получили достаточной выпуклости, чему мѣшало ихъ зависимое, подавляющее инди-

---

*) Продолж. См. в. VI 1900 г. и III—1901 г.

видуальныя черты характера положеніе. Катерина— вполнѣ самостоятельный хозяинъ своей семьи. Это— энергичная и умная натура, не предающаяся отчаянію въ самыя тяжелыя минуты жизни, съ сильно развитымъ материнскимъ чувствомъ, примѣрная жена, полная великодушной любви къ своему убогому мужу. Вообще подъ художественнымъ перомъ автора этотъ типъ вышелъ крупнымъ и яркимъ. Мужъ Катерины Лапша—безхарактерный, немощный духомъ и тѣломъ, наивно хвастливый, своею мизерностью какъ бы еще болѣе оттѣняетъ достоинства своей жены. Къ положительнымъ мужскимъ типамъ въ романѣ относятся—добродушный дѣдушка Василій, странствующій торговецъ, подрядчикъ, хозяинъ Пети, послѣ бѣгства его отъ нищихъ, и столяръ Иванъ. Есть въ романѣ и любовная интрига, выраженная, впрочемъ, и здѣсь весьма слабо: это любовь Ивана къ Машѣ, старшей дочери Катерины. Изображенія любовнаго чувства съ его сложными психологическими перипетіями мы не найдемъ и въ этомъ романѣ. Самые герои этой любовной исторіи стоятъ на второмъ планѣ и не вліяютъ на ходъ происшествій. Наиболѣе характерно очерченъ изъ нихъ Иванъ,—съ его простымъ, открытымъ и доброжелательнымъ нравомъ.

Обращаютъ на себя вниманіе въ этомъ романѣ дѣтскіе типы. Изображеніе дѣтской жизни мы находимъ во многихъ произведеніяхъ Григоровича: таково повѣствованіе о горемычной сиротской долѣ Акулины въ «Деревнѣ», таковы дѣтскіе типы Ванюшки маленькаго мужика, которому величайшее удовольствіе доставляетъ держать вожжи и распрягать лошадь,—въ «Антонѣ Горемыкѣ»; непослушнаго и избалованнаго Гришки—сына Акима, Вани и Дуни въ «Рыбакахъ» и др. Въ указанныхъ характеристикахъ дѣтей виденъ опытный наблюдатель дѣтской

жизни и писатель въ высшей степени гуманный, съ сердечной теплотой относящійся къ своимъ маленькимъ героямъ. Въ «Переселенцахъ» дѣтская жизнь изображается разносторонѣе и полнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ произведеніяхъ. Выдающуюся роль въ романѣ играетъ мальчикъ Петя, проданный безхарактернымъ отцомъ нищихъ и испытывающій всевозможныя мытарства, пока онъ не отыскиваетъ своихъ родныхъ. Въ обрисовкѣ его мы не встрѣчаемъ ни одного ложнаго штриха: предъ нами отъ начала до конца романа настоящій деревенскій мальчикъ, оторванный отъ родного гнѣзда и постоянно о немъ мечтающій, дѣтски наивный, легко поддающійся впечатлѣніямъ, одержимый сильнымъ страхомъ предъ своимъ властелиномъ-нищимъ Верестаномъ. Авторомъ въ трогательныхъ чертахъ изображена дружба Пети съ сотоварищемъ, по несчастію чахоточнымъ, Мишей. Вотъ какъ авторъ описываетъ начало этой дружбы.

«Петя боязливо оглянулся вокругъ, но глаза его до того полны были слезъ, и при томъ такъ темно было въ избѣ (лучина, вынесенная за перегородку, сообщала слабый полусвѣтъ въ первую половину мазанки), что онъ сначала не замѣтилъ маленькаго товарища, все еще сидѣвшаго въ углу своемъ. Петя робко подошелъ къ лавкѣ, прижался къ стѣнкѣ и крѣпко зажалъ ладонью ротъ, чтобъ не слышно было его рыданій. Онъ ни о чемъ не думалъ; въ минуты, какія переживалъ онъ, мысли являются въ неопредѣленномъ, непослѣдовательномъ видѣ, быть—можетъ, потому именно, что ихъ тогда слишкомъ много.

Уже нѣсколько времени находился онъ въ этомъ положеніи, когда почувствовалъ прикосновеніе чьей-то руки на плечѣ своемъ. Онъ быстро привсталъ, не сомнѣваясь, что то былъ его хозяинъ, и устремилъ кверху

испуганные глаза. Передъ нимъ никого однакожъ не было: грубый голосъ Верстана раздавался за перегородкой; на задней стѣнѣ, ярко освѣщенной лучиною, мелькала тѣнь исполинской головы его. Петя оглянулся направо,—и тамъ никого не было.

Это я, шепнулъ слѣва подъ самымъ его ухомъ чей-то слабый голосокъ.

Петя обернулся и почти носъ къ носу встрѣтился съ блѣднымъ лицомъ Миши.

— Ты меня не бойся, сказалъ послѣдній, видя, что Петя откинулся въ сторону: я тебѣ худа не сдѣлаю. Такія слова и еще болѣе тщедушный видъ собесѣдника нѣсколько успокоили Петю; но, когда онъ всмотрѣлся въ лицо и узналъ въ немъ того самаго мальчика, который наканунѣ приходилъ къ нимъ въ избу; когда, вмѣстѣ съ этимъ открытіемъ, воображенію Пети, и безъ того уже устремленному къ родному дому, представился вчерашній вечеръ со всею его счастливою обстановкой; когда онъ вспомнилъ, что было съ нимъ вчера и что теперь,—сердце его снова наполнилось тоскою и отчаяньемъ; онъ хотѣлъ превозмочь себя, но напрасно: и закрылъ обѣими руками лицо, и такъ горько заплакалъ, что слезы въ одинъ мигъ показались между его пальцами. Миша между тѣмъ подсаживался къ нему то съ одного боку, то съ другого; задумчивые глаза мальчика не покидали товарища. Наконецъ, онъ подсѣлъ ближе и тихо взялъ его за обѣ руки, стараясь отвести ихъ отъ лица.

— Полно, ты лучше не плачь, право не плачь, шепнулъ онъ, снова наклоняясь къ уху товарища,—слышь? какъ тебя звать то-ась?

Петя проговорилъ свое имя.

— Слышь, Петя, не плачь; услышитъ твой-то, хуже вѣдь будетъ! добрѐ сердитъ, не любитъ онъ этого, хуже

его нѣтъ у васъ... Ужъ такой-то злющій!.. Мой смирнѣе, да и то другой разъ за вихорь таскаетъ, коли заплачешь.... Право, перестань, услышитъ.... Али тебѣ жаль кого?

— Мать жаль, жаль ее. Она ничего не знаетъ, что меня увели, проговорилъ Петя, тяжело вздыхая и прерываясь на каждомъ словѣ.

— Стало силой тебя отнялъ? спросилъ Миша, кивая головою на тѣнь Верстана.

— Силой....

— А меня такъ отдали, проговорилъ Миша съ дѣтскимъ простодушіемъ,—мачеха отдала; отца уговорила: онъ послушалъ да и отдалъ ... То-то житье-то было худое! хуже, кажись, здѣшняго! подхватилъ онъ, потряхивая головою,—мой, по крайности, вотъ слѣпой-то, видѣлъ?... Этотъ хоть не дерется, смиренъ; а мачеха-то, было, нѣтъ такого дня, чтобъ не прибыла. Разъ такъ кулакомъ вотъ сюда, въ грудь, ударила.... До сихъ поръ больнó....

И какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго мальчикъ закашлялся какимъ-то глухимъ, хриплымъ кашлемъ, похожимъ на шелесть сухихъ осеннихъ листьевъ» *).

Дружба между мальчиками крѣпнетъ, Петя мечтаетъ, какъ они убѣгутъ отъ нищихъ въ родное Марьинское и тамъ вмѣстѣ будутъ жить, а болѣзнь больше и больше подтачиваетъ маленькаго мученика, и онъ умираетъ, оставленный нищими въ деревенскомъ сараѣ, поразивши горемъ своего маленькаго друга.

Но не однихъ только хорошихъ дѣтей выработываетъ деревенская жизнь; иногда неблагопріятныя условія развращающимъ образомъ дѣйствуютъ на воспріимчивую

*) Т. VI, стр. 189—190.

дѣтскую душу и кладутъ на нее неизгладимый отпечатокъ порока. Въ романѣ Григоровича есть и подобный, отрицательный дѣтскій характеръ—это сынъ негодяя Филиппа—Степка, глубоко уже развращенный и отчаянный головорѣзъ, потерянный для честной жизни.

Вообще нашъ авторъ не закрываетъ глазъ на отрицательныя явленія крестьянской жизни, на ея темныя стороны, и романы его—далеко не одна сплошная идиллія. Гроза своей деревни, разбойникъ Филиппъ; его несчастная жена Дуня, сшедшая съ ума отъ горя по похищенномъ отцомъ ребенкѣ,—все это явленія совсѣмъ не идиллическія.

Нельзя къ свѣтлымъ явленіямъ причислить также взяточничество писаря, обирающаго крестьянъ на ярмаркѣ; правосудіе станового, на рѣшенія котораго большое вліяніе оказываютъ подносимые гуси и утки; поступки его письмоводителя, дѣлающаго изъ ладони правой руки подобіе чашечки и тыкающаго этой чашечкой мужиковъ въ ногу для полученія монетъ,—все это неприкрашенныя картинки печальной дореформенной русской дѣйствительности, не мало вносившія горя въ жизнь крестьянъ.

Григоровичъ въ «Переселенцахъ» знакомитъ своихъ читателей также съ бытомъ, возникшимъ уже всецѣло на русской почвѣ,—бытомъ странствующихъ нищихъ. Передъ нами три представителя этой спеціальности, каждый съ довольно опредѣленно очерченной физіономіей: хозяинъ Пети, мрачный и жестокій, не знающій сострадація къ своему больному поводырю Верстану; скряга Мизгирь, въ свободныя минуты пересчитывающій свои деньги, запрятанныя въ обуви, и веселый балагуръ и не злой человѣкъ Фуфаевъ. Авторъ водитъ читателей вмѣстѣ съ нищими по притонамъ, по селамъ и деревенскимъ ярмаркамъ; знакомитъ со своеобразнымъ языкомъ

этихъ нищихъ, съ ихъ пѣснями, прибаутками и разсказами. Образцомъ послѣднихъ можетъ служить сказка Фуфаева о «горькухѣ».

— Жилъ, братцы вы мои (заговорилъ Фуфаевъ), жилъ—поживалъ на бѣломъ свѣтѣ сермяжникъ одинъ, мужикъ по-нашему; звали его Тюря—такое прозвище было; имѣлъ онъ капиталъ не то, чтобъ малый, — капиталъ былъ дюжій: ребятишекъ дюжину да бабу-жену лихую! Мелочи вотъ только никогда у него не важивалось: значитъ, то-есть не было хлѣбушка, капустки, рѣпки и всякой тамъ другой потребы, что этотъ вотъ кошель набиваютъ (присовокупилъ Фуфаевъ, хлопая себя по животу), - ничего этого не было. Да ну ихъ, куда бы ни шло! Ни по чемъ было ему ходить съ пустымъ брюхомъ: привыкъ сызмаленьку! Главная причина—женой пуще обижался: онъ слово—она десять; онъ едва слово—она его за волосы, за виски да оземь!... Такъ колотила, братцы—ходитъ бывало Тюря весь синій, совсѣмъ синій человѣкъ ходитъ.... Въ одинъ синякъ всего избивала, проклятая!... Ну, хорошо... Вотъ приходитъ разъ такъ-то время весеннее; подулъ вѣтеръ утренній; запѣли пташки-малиновки.... Взялъ Тюря послѣднюю корку хлѣба, которая была,—взялъ, сунулъ за пазуху и пошелъ въ поле: время такое къ самой пахотѣ приспѣло. Ладно. Пашетъ онъ часъ, пашетъ другой,—поѣсть захотѣлось. «Нѣтъ, говоритъ-такъ, примѣрно самъ съ собой разговоръ ведетъ: нѣтъ, обожду, говоритъ; поѣмъ, какъ пуще проголодаюсь!» Взялъ, положилъ корку на межу и пошелъ опять къ сохѣ ко своей; пошелъ къ сохѣ, а самъ и не видитъ, что на межѣ-то на той творится, гдѣ корку то оставилъ: отколь ни возмись, прыснулъ чортъ, облапилъ корку, взялъ да подъ кустъ и схоронился... Любо ему, анаѳемѣ, поглядѣть, какъ человѣкъ голодать станетъ!... Ладно. Вотъ прихо-

дитъ Тюря къ межѣ, хвать—похвать, искать—поискать,— нѣтъ корки! индо страхъ взялъ, за кожей подираетъ, въ глазахъ митўситъ; шапчонка, какая была на ёмъ, и та на бекрень... Ну, сталъ пооперяться». «Что-й-то за диво— самъ съ собою опять разговоръ повелъ: никого, кажись не было, а корку стибрили!.. А ну, говоритъ, на здоровье ему!» Сотворилъ молитву, перекрестился и поѣхалъ домой. А чортъ тѣмъ временемъ въ адъ шаркнулъ расказывать про всѣ дѣла свои; расказывалъ, гдѣ рыскалъ, примѣрно, что видѣлъ, не забылъ упомянуть сатанѣ объ мужиковой коркѣ, а самъ, анаѳема, такъ вотъ и заливнется, грохочетъ—очень, значитъ, забавляется. Какъ крикнетъ набольшій сатана, даже стеклы въ аду задрожали: «Чего ты, кричитъ, дьявольское отродье, потѣшаешься? молчать, говоритъ; расказывай толкомъ: чтò говоритъ, мужикъ сказалъ, какъ ты хлѣбъ то у него отнялъ?» Такъ и такъ, говоритъ, сказалъ: «А ну ему, говоритъ, на здоровье!»— «Ахъ, вы пострѣлы!» закричалъ опять набольшій чортъ (осерчалъ добрè): «вотъ всѣ вы такъ, кричитъ, натворите дѣлъ безъ толку безо всякаго, а я за васъ отвѣчать должòнъ. Лети, кричитъ, лети на землю скорѣй къ мужику тому и сослужи ему чѣмъ ни на есть!» Отправился малый чортъ на землю, согнулся въ три погибели, прикинулся смирячкомъ такимъ, пришелъ къ Тюрѣ и просится въ батраки. «Гдѣ мнѣ нанимать! говоритъ Тюря: вишь, самъ голодаю!»—«Ничего, молвилъ бѣсъ, будемъ голодать вмѣстѣ; платы, говоритъ, не полагается—не надо: служилъ я за плату, говоритъ, а самъ вишь въ заплатахъ; по-моему все одно: есть копейка, нѣтъ ея—все единственно», говоритъ. Сталъ жить чортъ у Тюри; пашетъ онъ ниву, дивуется мужикъ: навозу на лопату взять нечего, а онъ унавозилъ все поле; хлѣбъ растетъ, словно лѣсъ какой; колосъ пошелъ, почитай, съ самаго корня!

Ну сталъ, это маленько словно оправляться Тюря; хлѣба стало въ досталь, и жена словно присмирѣла... знамо, съ сытаго—то брюха! Вотъ чортъ и говоритъ разъ Тюрѣ: слышишь, говоритъ, хлѣба у насъ съ залишкомъ; чѣмъ его такъ держать, давай говоритъ, засѣемъ болото». Тюря въ надеждѣ былъ, что такой батракъ нанялся,—не сталъ перечить. Выѣхали на болото; пашетъ чортъ болото, а оно такъ и сохнетъ подъ сохою; взборонилъ, засѣялъ; а жара не унимается,—хлѣбъ растетъ, словно на степной пашнѣ. Сначатія—то больно смѣялись сосѣди: «и то, молъ и сё;» а, какъ видятъ, жара не унимается, хлѣбъ на болотѣ выросъ лѣсомъ, стали себя попрекать, зачѣмъ, дескать, не придумали прежде .. на ту же статью норовили... Убралъ Тюря хлѣбъ, разбогатѣлъ пуще прежняго. Жена не токмà бить стала къ нему ластиться; а онъ ей нонѣ коты, завтра платокъ врозь—концы, послѣ—завтра калачъ: пуще задабриваетъ, чтобъ смирнѣй была. Приходитъ опять весна; мужики кинулись на болото; а чортъ тащитъ Тюрю на горы. «Не замай, оставь!» говоритъ. Тюря опять перечить не сталъ. Погодили недѣльку—другую; подули вѣтры сѣверные, полили дожди ливьмя: на поляхъ лужи, на болотахъ потопъ; батракъ, сирѣчь чортъ, зачалъ пахать пески да горы; вспахалъ и засѣялъ. Дожди не перестаютъ, вѣтры не унимаются; на поляхъ всходы плохи, въ болотахъ пропало зерно,—у Тюри хлѣбъ родился на диковинку, дѣвать некуда! Вотъ и думаетъ чортъ, самъ про себя такъ—то мерекаетъ: «за корку, что̀ стибрилъ тогда у Тюри, отслужился я ему на порядкахъ; надо, говоритъ, ему всучить бы волчка теперича!» Служба службой, бѣсъ бѣсомъ говоритъ. Вотъ разъ сидятъ оба на завалинкѣ, чортъ и говоритъ: «придумалъ я, слышишь, затѣю: хлѣба у тебя въ достаткѣ; сваримъ—ка, говоритъ, пивца!»—«Ладно, говоритъ

Тюря (простой такой былъ), служилъ ты вѣрно, перечить не хочу; дѣлай, какъ поволится!» Принялся чортъ за новую работу; затиралъ брагу, подхмеливалъ, гналъ, перегонялъ, умудрялся всякими бѣсовскими манерами; къ утру приносить Тюрѣ: «на, говоритъ, попробуй!» а у самаго—то рожа такъ на сторону и лѣзетъ, насмѣхается надъ мужикомъ: хлебнулъ Тюря: «У—ва! горько!»

— Ну, вотъ, братецъ ты мой, какъ попробовалъ Тюря этой горькости—то, что̀ чортъ сварилъ, больно она ему не понравилась, даже плевать началъ. «Ничего, говоритъ чортъ: и пиво горько, и соль солена; пей, ѣшь кисло да солоно, говоритъ, на томъ свѣтѣ не сгніешь! Чего ты опасаешься? это такъ только спервака̀ не по скусу; тотъ же вѣдь хлѣбъ, только пожиже, говоритъ; качай, говоритъ, починъ дороже денегъ!» Сталъ его такъ—то присударивать; знамо, чортъ на свое тянетъ, подольщается. Взялъ Тюря посудинку, опять хлебнулъ: «Ништо, говоритъ, горька—то, горька, а ништо!»

— «А хвати—ка еще!» присталъ опять чортъ. Хватили вмѣстѣ. «Словно какъ и не горька», говоритъ Тюря.

— «То--то не горька! Она такъ тебѣ спервака̀ показалась; знатное дѣло, братецъ ты мой, говоритъ чортъ: а нука—сь еще!» Опять тяпнули по чаркѣ. «Нѣтъ, не горька, говоритъ Тюря, право—слово не горька!»— «И по-моему не горька, молвилъ чортъ: такъ индо горло смазываетъ, по животику расхотится да по косточкамъ!» Тутъ ужъ Тюря самъ тяпнулъ не дожидаючи. «Слышишь, хозяинъ, заговорилъ опять чортъ: что тебѣ задается? нечего не задается—ась?

— «Сдается, говоритъ Тюря, еще бы хватить маленько!» —

— «И то дѣло; качай во здравіе!» Качай да качай, только и разговору было. «Стой, кричитъ опять чортъ: слышь хозяинъ, что тебѣ задается? ничего не задается?» —«Сдается, говоритъ Тюря, словно изба кругомъ пошла... стой, держи! закружитъ, завертитъ, проклятая... да еще уйдетъ пожалуй... пру... пру... безъ избы останемся на зиму!» —«Не замай, не уйдетъ, говоритъ чортъ: она отъ роду никуда не хаживала; побоится итти по незнакомой дорогѣ!» Лѣзло имъ обоимъ такимъ манеромъ то то, то другое; повалились оба и заснули. Проснулись; сталъ Тюря на голову жалиться; не подымешь никакъ; чортъ опять «горькухи» принесъ. «Нѣтъ, не помогутъ», говоритъ Тюря, а самъ даже стонетъ: «не могу,» говортъ «Да ты, братецъ, разомъ только; завсегда такъ и водится: клинъ клиномъ выбивать надыть. Я ужъ выпилъ—отлегло!» Послушалъ мужикъ: выпилъ бычкомъ, и то словно отлегло... «А ну-ка, говоритъ, принеси—ка еще!» Еще выпили, и пошла у нихъ лей—перелей гулянка! Варятъ горькуху, пьютъ, словно въ бочку наливаютъ! Жена вступилась было: Тюря ее въ ухо; ребятенки пристали—онъ кого о̀—земь, кого объ уголъ, а самъ кричитъ, горло деретъ: «вари, кричитъ, вари, батракъ, горькуху на весь міръ крещеный, на всю деревню; всѣхъ, кричитъ, угощать хочу! Позвали сосѣдей. Пришли всѣ. Сначатіа никто не пьетъ; тамъ одинъ попробовалъ, тамъ другой, подъ конецъ всѣ втравились, запили знатно, и пошелъ разгулъ, такой разгулъ, что не видано отъ роду. Андрей пѣсенъ не пѣлъ—запѣлъ во всю глотку, схватившись за оба уха; Власъ подтыкалъ полы за поясъ, засучилъ рукава: «выходи, кричитъ: выходи—только и жилъ!» Никитка голоситъ, плачется внуку: «нѣтъ—де у меня ни отца, ни матери!» Селифанъ бьетъ кулакомъ въ печку:

«дорогу, говоритъ, давай!» Михѣшка ходитъ, у всѣхъ прощенья проситъ... То-то была потѣха! Плакали, плясали, пѣли, бились, а подъ конецъ всѣ съ ногъ сгорѣли, повалились и заснули: кто гдѣ стоялъ, тутъ и повалился! Чортъ былъ при этомъ при всемъ. Вотъ и ждетъ онъ другого утра. Стала у всѣхъ голова болѣть; стали всѣ жаловаться: «опоилъ ихъ Тюря бѣсовскимъ зельемъ!» а чортъ и говоритъ: «ничего, говоритъ, ребята, не печалуйся! клинъ клиномъ выгоняй!» Всѣмъ поднесъ горькухи, и опять всѣ загуляли... Видитъ это чортъ, возьми да каждому на ухо и разскажи, повѣдай всѣмъ, какъ ее дѣлаютъ, горькуху-то, и пошла она послѣ того, окаянная, гулять по свѣту по бѣлому» *).
Тонъ расказа—чисто народный; онъ носитъ всѣ признаки записаннаго дословно изъ устъ народа. Этотъ самый разсказъ впослѣдствіи послужилъ содержаніемъ для «Перваго винокура» Л. Н. Толстого.

Середину между типами чисто народными и помѣщичьими въ романѣ занимаютъ типы дворовыхъ людей, какъ необходимый придатокъ помѣщичьей жизни и крѣпостного права. Очевидно, это бытъ—наиболѣе знакомый писателю, и поэтому характеристики дворовыхъ людей всѣ набросаны живо и реально: управляющій Бѣлицыныхъ, старикъ Герасимъ—«сухопарый старичокъ, хлопотливаго, озабоченнаго вида, съ маленькимъ краснымъ лицомъ ,выражавшимъ самую безвредную суетливость»; съ волосами, обстриженными подъ гребенку, бѣлыми, какъ снѣгъ; съ головой, держащейся нѣсколько на бокъ, съ сережкой въ лѣвомъ ухѣ, всегда чисто одѣтый, учтивый и приличный, представитель тѣхъ «вѣрныхъ преданныхъ слугъ, которые подъ старость дѣлаются какъ бы членами

*) Т. VI, стр. 303—305.

барскаго семейства»; скотница Василиса «среднихъ лѣтъ баба, въ котахъ, клѣтчатой понявѣ, коротайкѣ и темномъ платкѣ на головѣ», съ непривлекательнымъ лицомъ: круглымъ носомъ, толстыми губами, калмыцкими скулами, съ узенькими карими глазами, въ которыхъ написано было лукавство, пронырство и хитрость; съ множествомъ полукруглыхъ морщинъ вокругъ глазъ и висковъ, дѣлавшихъ лицо бабы плачущимъ, когда онѣ собирались,—особа вообще чрезвычайно хитрая и плутоватая, умѣющая поживиться отъ барскаго добра; Пьяяка—дворовая баба помѣщицы Анисьи Петровны, маленькая, вся состоящая изъ суеты, болтливости и любопытства,—все это фигуры чрезвычайно живыя, просящіяся на полотно живописца: такъ хорошо и рельефно онѣ изображены.

Наиболѣе подробно изображенными въ романѣ представителями помѣщичьей власти надъ мужикомъ въ «Переселенцахъ» являются—помѣщикъ Бѣлицынъ, его жена и мелкопомѣстная владѣлица Анисья Петровна. Бѣлицынъ—это петербургскій баринъ, совершенно незнающій мужика, исполненный разнообразныхъ проектовъ насчетъ сельско—хозяйственныхъ преобразованій; но всѣ эти проекты при своемъ практическомъ осуществленіи оказываются мыльными пузырями и влекутъ за собой глубокое разочарованіе для ихъ составителя. Внутренній смыслъ народной жизни для этого, въ существѣ дѣла добраго барина, совершенно закрытъ; деревенская жизнь наводитъ на него скуку. Такое же впечатлѣніе производитъ она и на жену Бѣлицына Александру Константиновну. Бѣлицыны и Марьинскіе мужики—два совершенно различныхъ міра, между которыми ничего нѣтъ общаго: они не понимаютъ другъ друга, говорятъ на разныхъ языкахъ. Все это вполнѣ естественно, и въ

силу историческихъ причинъ не могло быть иначе. Такая отчужденность отъ народа проникаетъ весь бытъ Бѣлицыныхъ: съ презрѣніемъ смотритъ на грязныхъ мужиковъ ихъ городская горничная, совершенно не понимаетъ ихъ француженка—гувернантка. Но, по волѣ автора, написавшаго романъ, какъ онъ самъ выражается «для назиданія», стѣна, стоящая между Бѣлициными и мужиками, рушится. Жена Бѣлицына, Александра Константиновна, подъ вліяніемъ расказа управляющаго о злоключеніяхъ крестьянской семьи Лапши, вдругъ сознаетъ всю ненормальность своей жизни, произноситъ предъ мужемъ горячую рѣчь о необходимости жить для мужика, встрѣчаетъ съ его стороны полное сочувствіе и начинаетъ примѣнять свои благородныя убѣжденія къ жизни. Въ чемъ выразилось это примѣненіе, изъ романа не видно: здѣсь разказывается только объ устройствѣ семьи Катерины, а далѣе просто замѣчается, что Александра Константиновна стала заниматься дѣлами, хозяйствомъ и судьбою ввѣренныхъ ей крестьянъ съ настойчивосью и твердостью; что распоряжалась она умно, такъ что, благодаря ея усиленному труду, дѣла Бѣлицыныхъ стали замѣтно улучшаться. Какъ извѣстно, для успѣшнаго веденія, какого бы то ни было, дѣла, кромѣ желанія, нужно еще умѣнье. Откуда взялось умѣнье вести деревенское хозяйство у помѣщицы, которая доселѣ представлялась въ данномъ отношеніи самой наивной особой,—остается совершенно непонятнымъ для читателя. Въ этомъ—слабая сторона романа: «Переселенцы».

Совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ Бѣлицыны, полуграмотная, здоровая и грозная помѣщица Анисья Петровна. Она никакими высокимии цѣлями не задается, хлопочетъ больше всего объ увеличеніи своихъ доходовъ да еще о томъ, какъ бы поскорѣе найти для своей доч-

ки жениховъ, пока въ той «не взыгралась кровь». О веденіи ею хозяйства крѣпостной мужикъ даетъ такой отзывъ: «Помѣщица хорошая; одно развѣ—ужъ очень хлопотлива, во всякую, самую нестоющую мелочь, до всего сама доходитъ; у ней нѣтъ этого: позвала крестьянина или бабу, сказала то, молъ, и то дѣлай—сама идетъ! Пахать рано выѣдешь, съ солнцемъ выѣдешь,—(а поля наши не ближнія), смотришь—она тамъ тебя дожидаетъ! И женщина уже не молодая да тучная, ражая такая, а ничего нѣтъ этого въ ней, никогда, то-есть, устали не знаетъ! Особливо дивимся мы въ жниво: такъ съ поля тогда, почитай, и не сходитъ; прійдетъ на зарѣ, вечеромъ уходитъ; да какъ, братецъ ты мой, добро бы сидѣла да поглядывала, какъ жнутъ—сама жнетъ! Возьметъ это серпъ... «эхъ, скажетъ, какія вы бабы слабыя да лѣнивыя! вотъ, говоритъ, какъ надо!» Станетъ впереди всѣхъ и почнетъ жать, и почнетъ... никто за ней не угонится. Въ полдень даже и то вздохнуть не даетъ; тутъ же у бабы какой-нибудь возьметъ хлѣбца, хлебнетъ кваску и опять пошла» *). Вообще, Анисья Петровна—личность съ вполнѣ опредѣленными цѣлями въ жизни, каждый ея шагъ сопровождается яснымъ сознаніемъ личной выгоды. Крестьянамъ Анисьи Петровны живется—не дурно; но это происходитъ отнюдь не отъ альтруистическихъ чувствъ помѣщицы, а отъ того же сознанія личной выгоды. Въ сравненіи съ Бѣлицыными это типъ—гораздо болѣе реальный и понятный. Первые служатъ выразителями взглядовъ автора, послѣдняя дѣйствительный продуктъ помѣщичьей жизни. Разсмотренными нами типами почти и исчерпывается содержаніе главныхъ произведеній Григоровича.

*) Собр. соч. изд. Маркса, VI, 266.

Въ своихъ мелкихъ повѣстяхъ и расказахъ авторъ касается частныхъ сторонъ и отдѣльныхъ фактовъ крестьянской жизни. Въ расказѣ: «Быль», изображается горькая участь старика, выбрасываемаго на улицу въ минуты предсмертной агоніи совсѣмъ не злой помѣщицей, изъ боязни судебной волокиты. Повѣсть: «Четыре времени года», рисуетъ скромныя радости крестьянской семейной жизни въ зависимости отъ природы. Въ расказѣ: «Мать и дочь», предъ нами встаетъ крестьянка—мать, безумно любящая своихъ дѣтей, лишающаяся разсудка отъ предположенія, что ея сынишка померъ. Въ расказѣ: «Смедовская долина», мы знакомимся съ тяжелой и сложной семейной деревенской драмой, повѣствованіе о которой авторъ влагаетъ въ уста стараго пастуха. Сынъ пастуха подпадаетъ губительному вліянію фабрики, научается пить, гулять. Онъ обольщаетъ деревенскую дѣвушку и по волѣ родителей женится на ней. Женитьба на первыхъ порахъ дѣйствуетъ на парня благотворно: она приковываетъ его къ семьѣ, но съ теченіемъ времени фабричная зараза обнаруживается, и свою добрую жену парень мѣняетъ на безобразную, сварливую батрачку, тоже продуктъ фабричной культуры. Жизнь для бѣдной жены и уже матери становится адомъ. Она не въ силахъ выдержать этого ада и вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ бѣжитъ изъ семьи... Мужъ ни разу и не вспомянулъ о женѣ. Связь съ батрачкой и водка наполняли все его существованіе. Какъ вдругъ онъ узнаетъ отъ проѣзжаго купца, что его жена жива; купецъ видѣлъ ее въ городѣ. Парень начинаетъ задумываться, происходитъ нравственный переломъ. Онъ рѣшается возвратиться къ семейной жизни. Но жена нашла уже для себя счастье: сказавшись вдовой, она вышла въ городѣ замужъ за полюбившаго ее человѣка. Она отказывается

возвратиться къ своему прежнему мужу. Тотъ приходитъ въ отчаяніе и начинаетъ пьянствовать. Товарищи фабричные посовѣтовали парню подать жалобу на жену. Бывшая жена попадаетъ въ острогъ. Парень мучится, окончательно сбивается съ пути, идетъ въ бурлаки. Жену отправляютъ въ Сибирь.

Разсказы: «Свѣтлое Христово воскресеніе» и «Прохожій», подъ тенъ народныхъ легендъ повѣствуютъ, какъ жестоки и не чувствительны къ человѣческимъ страданіямъ и безпріютности оказываются люди богатые, и какъ отзывчивы на нихъ люди, сами испытывающіе бѣдность; за такую отзывчивость бѣдняки и получаютъ неожиданно чудесную помощь, дѣлающую ихъ богатыми.

Повѣсть: «Пахарь», представляетъ изъ себя сплошной дифирамбъ деревнѣ, съ кроткой красотою ея полей и проселковъ, и вмѣстѣ дифирамбъ жизни пахаря, простой, «исполненной безропотного, неусыпнаго труда и дѣтскаго простодушія».

Въ разсказѣ: «Въ ожиданіи парома», изъ устъ неожиданно очутившихся вмѣстѣ помѣщиковъ, принужденныхъ коротать время въ крестьянской избѣ, мы слышимъ двѣ весьма любопытныхъ въ психологическомъ отношеніи и глубоко трагическихъ исторіи изъ крестьянской жизни. Въ одной изъ нихъ фигурируетъ мужикъ; повидимому, скудно надѣленный духовными дарами, онъ однако, подъ вліяніемъ страстной любви къ женщинѣ, готовъ жертвовать всѣмъ и не останавливается предъ преступленіемъ, когда убѣждается въ измѣнѣ любимой женщины. Въ другой исторіи дѣйствующимъ лицомъ является крестьянская дѣвушка, продѣлками ловеласа—купчика и нелѣпымъ нравомъ своей матери, отдавшей свою невинную дочь въ грязныя объятья ухаживателя, доведенная до полнаго отчаянія, заставившаго ее покончить съ собою.

Въ параллель этимъ разсказамъ здѣсь приводится еще третій, напоминающій собою Гоголевскую «Повѣсть о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ», передающій подробности мелочныхъ ссоръ и взаимныхъ оскорбленій и кляузъ двухъ почтенныхъ по лѣтамъ помѣщиковъ. Всѣ три разсказа иллюстрируютъ ту мысль, что и крестьянамъ не чужды благородныя движенія души, высшія человѣческія чувства, вопреки мнѣнію одного изъ собесѣдниковъ, что всѣ мужики мошенники, которыхъ нужно чаще сѣчь; жизнь помѣщиковъ, обезпеченныхъ чужимъ трудомъ, напротивъ, часто такъ мелка и нравственно пошла, что сравненіе мужика съ бариномъ совсѣмъ не въ пользу послѣдняго.

Въ повѣсти: «Кошка и мышка», предъ читателемъ предстаетъ мужикъ рядомъ съ богатымъ откупщикомъ: мужикъ трудолюбивъ и честенъ; онъ долголѣтней неусыпной работой создалъ себѣ благосостояніе. Откупщикъ, человѣкъ глупый и безнравственный, благодаря мошенничеству, сдѣлался первымъ человѣкомъ въ губерніи, наслаждается жизненными благами, вертитъ уѣздными властями. По отношенію къ мужику онъ является «кошкой», могущей проглотить его живьемъ вполнѣ, разрушить созданное потомъ и спиной скромное благосостояніе. Мальчишка, посланный за водкой, попадаетъ въ кабакъ другой губерніи и нарушаетъ, такимъ образомъ, законъ, обязующій крестьянъ брать лишь откупщицкую водку. Начинается судебная волокита, одинъ страхъ передъ которой готовъ съ корнемъ разрушить созданное лѣтами благосостояніе крестьянской семьи: родительница, испуганная пріѣздомъ кордоннаго, дѣлается больна; младенецъ лишенный хорошаго молока, умираетъ; глава семьи изнываетъ подъ арестомъ, пока ни отдаетъ письмоводителю исправника послѣднихъ 30 рублей.

Параллель между жизнью мужика и барина, связанныхъ между собою правомъ крѣпостничества, проводитъ и повѣсть: «Пахатникъ и бархатникъ». Мужикъ въ ожиданіи хорошаго урожая, надѣется справить себѣ новую хату, что составляетъ важный шагъ въ жизни мужика, что составляетъ его первую заботу, предметъ постоянныхъ его помысловъ. Но вотъ пришла отъ барина бумага съ требованіемъ немедленной уплаты оброка, и мечты мужика разбиваются въ прахъ: хлѣбъ продается не во время кулаку за безцѣнокъ, и семья остается коротать зиму въ сырой, полуразрушившейся хатѣ. А помѣщикъ, получивши деньги, швыряетъ ихъ на актрисъ, на лошадей и на всѣ прихоти избалованной жизни...

Всѣ эти десять мелкихъ произведеній Григоровича далеко не одинаковаго литературно-художественнаго достоинства. Выше другихъ въ этомъ отношеніи стоятъ — «Бобыль», «Мать и дочь» и «Смедовская долина». Разсказы: «Пахарь», «Прохожій» и «Свѣтлое Христово Воскресеніе», отдаютъ искусственною наивностью, слащавостью изложенія. Особенно такимъ тономъ проникнутъ разсказъ: «Пахарь»; здѣсь намѣренная сентиментальная идилличность бросается въ глаза съ первыхъ же строкъ. Но и въ этихъ разсказахъ мы найдемъ страницы, написанныя съ натуры, вполнѣ естественно рисующія картинки бытовой деревенской жизни. Такова, напримѣръ, сцена въ разсказѣ: «Прохожій», изображающая пирушку у мужика Савелія. Беремъ отсюда небольшой отрывокъ:

— «Кондратій Захарьичъ, милости просимъ!...

— Много довольны, кушайте сами; много довольны вашимъ угощеніемъ, отвѣчалъ пономарь, принимая стаканъ и раскланиваясь на стороны.

— Кума, Матрена Алексѣвна, не обезсудь, просимъ покорно, продолжалъ хозяинъ, осклабляя зубы на мель-

ничиху, которая сидѣла, понуривъ голову, съ видомъ крайняго изнеможенія: понатужьтесь еще; дай тебѣ Господи долго жить да съ нами хлѣбъ-соль водить...

Мельничиха допила вино, потупила глаза и прокатила стаканъ по столу, что значило, что она напрямикъ отказалась.

— Сватъ Давида, угощайтесь,—ну, червивка тебѣ что ли!...

— Такъ и быть, согрѣшу,—обижу свою душу,—выпью, во здравіе и многолѣтіе!...

— Вотъ такъ то... Эй, Авдотья, давай перемѣну! крикнулъ хозяинъ, упираясь спиною и локтями въ толпу, которая чуть не сидѣла на его шеѣ, и оборачиваясь назадъ къ печкѣ, гдѣ слышался пискливый говоръ бабъ и звяканье горшковъ.

— Сейчасъ! отозвался пронзительный голосъ, покрывшій на минуту шумъ гостей; вслѣдъ за тѣмъ послышались звуки, похожіе на то, когда ломаютъ щепки, но означавшіе въ сущности, что хозяйка отвѣсила нѣсколько подзатыльниковъ ребятамъ, осаждавшимъ блюда; минуту спустя, изъ середины хаты выступила жена Савелья, сопровождаемая двумя снохами, державшими въ каждой рукѣ по огромной чашкѣ.

— Куманекъ, сватушка, кушайте, угощайтесь, милости просимъ; кумушка Матрена Лексѣвна, прикушай, касатка: ты у насъ дорогая гостюшка, сказала хозяйка— сухая, высокая баба, съ сморщеннымъ лицомъ и провалившимися губами, которыя корчились и ежились, чтобы произвести привѣтливую улыбку: кушайте, родные вы мои,—не судите хлѣбъ-соль, укланялись, угощаючи васъ, продолжала она отвѣшивать маховой поклонъ мельничихѣ, тогда какъ обѣ снохи подставляли чашки гостямъ, сидѣвшимъ съ своими ложками на лавкахъ.

— Много довольны вашимъ хлѣбомъ и солью! спасибо за ласку и угощенье! дай тебѣ и дѣткамъ твоимъ всякаго благополучая отъ Царя небеснаго! раздалось отовсюду.

— Авдотья, давай перемѣну! крикнулъ снова Савелій, качавшійся во всѣ стороны, несмотря на то, что сильно упирался на старосту.

— Кумушка, Матрена Лексѣвна, не побрезгай, возьми хоть орѣшковъ... говорила хозяйка, кланяясь и подносся чашку съ орѣхами мельничихѣ.—Возьми, не прогнѣвайся, возьми, ужотко дѣткамъ твоимъ зубки позабавить, себѣ на потѣху...

— Пули и картечи . летѣли... къ намъ навстрѣчу! пробормоталъ неожиданно Щегловъ, поднимая голову.

— Ну, Господь съ тобой, касатикъ, отвѣчала хозяйка,—кушай во здравіе!..

— Авдотья, давай перемѣну! крикнулъ снова Савелій.—Эге...ге. ..братъ Щеголевъ, присовокупилъ онъ, размахивая руками предъ сотскимъ, который клевалъ носомъ корку пирога,—что ась ты хотѣлъ-то всѣхъ лоскомъ положить?...

— Давай!... прохрипѣлъ Щеголвеъ, болтнувъ головою, какъ будто кто далъ ему подзатыльника.—Ничего не боюсь! .. пули... картечи... летѣли...» *).

Подобныя сцены, невозможно «взять изъ головы», выдумать; онѣ могутъ явиться только плодомъ дѣйствительнаго наблюденія надъ деревенской жизнью. О такомъ наблюденіи говоритъ и масса народныхъ примѣтъ и повѣрій, разсѣянныхъ во всѣхъ перечисленныхъ мелкихъ произведеніяхъ Григоровича: таковы, наприм., смываніе лихоманокъ и разсказъ о нихъ Домны въ

*) Т. VII, 30—31 стр.

«Прохожемъ», примѣты пахаря въ повѣсти того же имени *) и мн. др.

Дѣйствующія лица въ мелкихъ расказахъ Григоровича часто достигаютъ полной художественности и являются предъ читателемъ съ ясно очерченной, типической физіономіей. Умный мужикъ—мельникъ Савелій, благодаря своей природной сметкѣ и трудолюбію, вышедшій въ люди и однако совершенно теряющійся въ ожиданіи суда въ разсказѣ: «Кошка и мышка», хвастливый, изолгавшійся бѣднякъ Ѳедотъ («Пахатникъ и бархатникъ»); флегматичный Яковъ, который, однако, подъ вліяніемъ любви, дѣлается преступникомъ,—все это живыя лица, нарисованныя сочно и правдиво, обнаруживающія въ авторѣ большого мастера.

Итакъ, въ произведеніяхъ Григоровича мы находимъ цѣлую серію народныхъ типовъ; не всѣ они одинаково реально изображены, но между ними есть и такіе, которые нарисованы, такъ сказать, «во весь ростъ», таковы, напримѣръ, Глѣбъ Савинычъ и Захаръ въ «Рыбакахъ», и Катерина въ «Переселенцахъ»; находимъ изображеніе различныхъ сторонъ бытовой жизни крестьянина: знакомимся съ бытомъ крестьянина—земледѣльца, фабричнаго, рыбака; на сцену выступаетъ даже мало доступный для посторонняго наблюденія міръ цыганъ и нищихъ съ ихъ своеобразнымъ языкомъ; встрѣчаемъ массу примѣтъ, поговорокъ, присловій; встрѣчаемъ изображенія деревенской пирушки, снаряженія невѣсты къ вѣнчанію, сельской ярмарки и т. д. Все это обнаруживаетъ въ авторѣ знатока народной жизни, добросовѣстно изучившаго изображаемый бытъ.

*). Собр. соч. Изд. Маркса т. VII, 242 стр.

Въ самомъ концѣ шестидесятыхъ годовъ литературная дѣятельность Григоровича вдругъ, какъ мы уже сказали, круто прерывается, и послѣ этого къ сюжетамъ изъ народной жизни онъ уже не возвращался.

Объясняютъ это уклоненіе отъ дальнѣйшаго изображенія крестьянской жизни сознаніемъ автора, что наступили «другія времена», въ народной жизни появились новыя теченія, въ изображенію которыхъ Григоровичъ почувствовалъ себя неспособнымъ и поэтому добровольно сошелъ со сцены. Но, судя по воспоминаніямъ Григоровича, дѣло обстояло проще. Онъ пересталъ писать произведенія изъ народнаго быта именно въ то время, когда его общеніе съ деревнею прекратилось. Отсутствіе новыхъ впечатлѣній отъ деревенской жизни, когда прежнія свѣдѣнія о деревнѣ были уже достаточно эксплуатированы, заставило автора немедленно прекратить навсегда свою литературную дѣятельность въ этомъ направленіи. Данное обстоятельство еще разъ доказываетъ, что Григоровичъ изображалъ только то, что наблюдалъ самъ.

IV.

Но, говоря о знаніи Григоровичемъ народной жизни, мы не должны забывать, что это знаніе не было плодомъ непосредственнаго инстинктивнаго общенія съ народомъ, какое можетъ быть только у человѣка, вышедшаго изъ среды самаго народа, внутреннее я котораго отожествляется съ духовной жизнью народа, который вмѣстѣ съ молокомъ матери впитываетъ въ себя народное міросозерцаніе. Знаніе Григоровича явилось плодомъ изученія народной жизни, изученія добросовѣстнаго и тщательнаго, заставлявшаго автора записывать

каждое услышанное народное слово, внимательно приглядываться къ различнымъ проявленіямъ народнаго быта. Но самое добросовѣстное и тщательное изученіе, пусть оно пройдетъ даже чрезъ горнило творчества талантливаго писателя, никогда не замѣнитъ собою непосредственнаго проникновенія въ духѣ народа со всею его ширью и глубиною. Прежде всего, какъ бы ни разнообразны были наблюденія автора надъ проявленіями народной жизни, они все-таки будутъ ограничены извѣстнымъ горизонтомъ.

Это мы и видимъ у Григоровича. Можно пальцемъ на картѣ указать, гдѣ происходитъ дѣйствіе его произведеній изъ народнаго быта: это прибережья рѣки Оки на границѣ губерній Московской, Рязанской и Тульской. Ограниченность, такъ сказать, тѣснота горизонта сильно чувствуется въ произведеніяхъ Григоровича. Въ изображеніи мѣстностей и ландшафтовъ, среди которыхъ происходятъ событія, даже въ названіи этихъ мѣстностей Григоровичъ весьма однообразенъ: читатель не разъ встрѣчается съ описаніемъ окрестностей Оки и рѣчки Смедвы въ произведеніяхъ Григоровича, съ фабричнымъ селомъ Комаревымъ и т. п. То же однообразіе мы встрѣчаемъ и въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ: всѣ, напр., фабричные, выводимые авторомъ въ его произведеніяхъ, чрезвычайно похожи другъ на друга: пьяница и совершенно испорченный человѣкъ — вотъ примѣты этого сорта людей, совершенно исключающія другія индивидуальныя черты ихъ характера. Григорій, мужъ Акулины въ «Деревнѣ», чрезвычайно близокъ къ пріемышу Григорію въ «Рыбакахъ» и оба необычайно похожи на Мишку въ «Смедовской долинѣ».

Подобныя повторенія можно найти и въ характеристикѣ другихъ дѣйствующихъ лицъ. Бобыль напри

міръ, въ разсказѣ того же имени, весьма напоминаетъ прохожаго (въ разск «Прохожій»).

Приведемъ еще два примѣра, говорящіе о повтореніи типовъ въ произведеніяхъ Григоровича.

Вотъ характеристика кабатчика Герасима въ «Рыбакахъ».

«Чахлое существо это было насквозь проникнуто вялостью: его точно разварили въ котлѣ; блѣдное, отекшее лицо, мутные глаза, окруженные красными распухнувшими вѣками; желтые, прямые волосы, примазанные, какъ у дѣвки; черты его были необыкновенно тонки и мягки; самое имя его отличалось необыкновенною мягкостью и вялостью; не то, чтобы Агапитъ, Ваѳулій, Ѳедулъ или Ероѳей, — нѣтъ! его звали Герасимомъ. Со всѣмъ тѣмъ, этотъ безжизненный, меланхолическій Герасимъ, который съ трудомъ, казалось несъ, бремя жизни, былъ негодяй первой руки, плутъ первостатейный, «темный» плутъ, какъ говорится въ простонародьи.

Подъ этой мертвенной личиной скрывался самый расторопный, пронырливый, дѣятельный человѣкъ изо всего дѣятельнаго и промышленнаго Комарева Выходило всегда какъ-то, что онъ поспѣвалъ всюду, даромъ что едва передвигалъ своими ногами; ни одно дѣло не обходилось безъ Герасима; хотя самъ онъ никогда не участвовалъ на мірскихъ сходкахъ, но всѣ почему-то являлись къ нему за совѣтомъ, какъ словно никто не смѣлъ помимо него поднять голоса. Бо́льшую половину села, нѣсколько окрестныхъ деревушекъ держалъ онъ въ костлявыхъ рукахъ своихъ. Не было почти и человѣка въ околоткѣ, который не нуждался бы въ Герасимѣ, не имѣлъ съ нимъ дѣла и не прибѣгнулъ къ нему хоть *) разъ въ качествѣ униженнаго просителя.

*) Т. V, 271.

Для сравненія съ этой характеристикой Герасима выписываемъ другую характеристику—фабриканта Никанора изъ повѣсти «Пахатникъ и бархатникъ».

«Наружность Никанора ставила втупикъ: такъ рѣзко противорѣчила она его дѣйствіямъ. На всемъ свѣтѣ не было, казалось, тупоумнѣе человѣка. Безцвѣтные на выкатѣ глаза, какъ у разварной рыбы, смотрѣли мутно, какъ будто угасла въ нихъ способность осмысливать предметы; плоскіе, какъ щепки, волосы мертвенно висѣли по обѣимъ сторонамъ пухлаго, но крайне болѣзненнаго лица, окруженнаго рѣдкими бакенами и такою же чахлой, жидкой бородкой; всѣ черты выражали одну сонливость, вялость, неспособность. Все въ немъ было одно къ одному; говорилъ онъ вяло, словно клещами хомутъ натягивалъ; ногами своими, обутыми въ башмаки, передвигалъ медленно, словно противъ воли. Ходилъ онъ всегда запахивась въ длинный бумажный набивной халатъ такого же почти грязновато—больного цвѣта, какъ и лицо его. Словомъ, не было возможности повѣрить, чтобы такой человѣкъ былъ на что—нибудь годенъ. Дѣла его между тѣмъ шли блистательно» *).

Еще примѣръ: характеристика мужика Акима (въ «Рыбакахъ»).

«Уживался онъ недолго на одномъ и томъ же мѣстѣ. Этому не столько содѣйствовала лѣнь, сколько безалаберщина и какая-то странная мелочность его нрава. Требовалось ли починить телѣгу, онъ съ готовностью принимался за работу, и стукъ его топора немолчно раздавался по двору битыхъ два часа; въ результатѣ оказывалось однакожъ, что Акимъ накромсалъ на цѣлыя три подводы дерева, а дѣла все—таки никакого

*). Т. VIII, 276—277

не сдѣлалъ,—запрягъ прямо, какъ говорится, да поѣхалъ криво! Хозяинъ поручаетъ ему плетень заплести: ладно! Акимъ отправляется въ болото, нарубаетъ цѣлый возъ хворосту, возвращается домой, съ пѣснями садится за работу, но вмѣсто плетня выплетаетъ настилку для подводы или верши для лова рыбы. Въ самонужную, рабочую пору онъ забавляется издѣліемъ скворечницъ или дудочекъ для ребятишекъ. Требуется ли исправить хомуты, онъ идетъ покрывать крышу; требуется ли покрывать крышу, онъ прочищаетъ колодецъ. Но зато въ разговорѣ,—разговорѣ дѣльномъ, толковомъ, никто не могъ сравняться съ Акимомъ; послушать его,—стоя ѣдетъ, семерыхъ везетъ! Жаль только, что слова его никогда не соотвѣтствовали дѣлу: наговорилъ много, да толку мало—ни дать, ни взять, какъ пузырь дождевой: вскочилъ—загремѣлъ, а лопнулъ—и сталю ничего! Со всѣмъ тѣмъ, Боже сохрани, если недовольный хозяинъ начнетъ упрекать Акима: Акимъ ничего, правда, не скажетъ въ отвѣтъ, но ужъ зато съ этой минуты бросаетъ работу, ходитъ, какъ словно обиженный, живетъ, какъ вонъ глядитъ; тамъ кочергу швырнетъ, здѣсь ногой пихнетъ; съ хозяиномъ и хозяйкой слова не молвитъ, да вдругъ и перешелъ въ другой домъ» *).

Сравнимъ эту характеристику съ характеристикой Ѳедота въ повѣсти: «Пахатникъ и Бархатникъ».

«Къ какому бы мѣсту Ѳедотъ ни приживался, ему нигдѣ не уживалось; онъ самъ отходилъ, или его разсчитывали.

Въ первые два—три дня онъ приводилъ въ восхищеніе самаго взыскательнаго хозяина; расторопность его и усердіе въ работѣ—не имѣли границъ; онъ ра-

*) Т. V, стр. 110—111.

зомъ хватался за все, и все кипѣло и выправлялось въ рукахъ его; не только прикладывалъ онъ старанiе къ той части, для которой собственно его наняли, но ра дѣлъ и надсаживался тамъ, гдѣ, казалось, его вовсе не спрашивали, онъ выметалъ дворъ, чистилъ хозяйскiй самоваръ, приколачивалъ жерди или доски, гдѣ онѣ доставляли удобство, и вдругъ на третiй или четвертый день все это радѣнiе плашмя падало; онъ ни съ того, ни съ сего насупливался, переставалъ говорить, словно чѣмъ его обидѣли, и, наконецъ, вовсе бросалъ заниматься дѣломъ: проводилъ день деньской, сидя у воротъ, или такъ билъ баклуши. И все это происходило вовсе не потому, чтобы дѣйствительно нашелъ онъ поводъ быть чѣмъ нибудь недовольнымъ: такой ужъ видно капризъ напалъ. Вдругъ казалось ему, что хозяева не довольно его цѣнятъ и не отдаютъ должнаго уваженія; или выходило все изъ того, что онъ вдругъ обижался, зачѣмъ, при возвращеніи съ работы, хозяева не поставили ему самовара, тогда какъ онъ прежде вовсе не думалъ объ этомъ, никогда этого не случалось; никогда даже и не думали уговариваться насчетъ самовара ни хозяева, ни самъ Ѳедотъ. Какъ только такая дурь попадала Ѳедоту въ голову, онъ дѣлался невыносимъ. Онъ начиналъ смотрѣть на всѣхъ свысока, дѣлался недоступно—гордымъ и уже съ этой минуты никого не удостоивалъ словомъ; едва-едва даже отвѣчалъ хозяевамъ, когда тѣ спрашивали о самомъ важномъ дѣлѣ» и т. д. *).

Очевидно, что Герасимъ и Никаноръ представляютъ изъ себя копіи одного оригинала, подмѣченнаго авторомъ въ наблюдаемомъ имъ районѣ, равно какъ и Акимъ съ Ѳедотомъ. Замѣтимъ кстати, что вѣчно ною-

*) Т. VIII, 158 стр.

щій и жалующійся на свою судьбу Акимъ состоитъ въ близкомъ родствѣ и съ Лаптой въ «Переселенцахъ». Такія же повторенія мы встрѣчаемъ въ произведеніяхъ Григоровича и при изображеніи цѣлыхъ картинъ изъ народной жизни: описанія ярмарки въ «Переселенцахъ» и «Рыбакахъ» имѣютъ между собою много сходнаго; въ «Антонѣ Горемыкѣ» мужики на постояломъ дворѣ живо сочувствуютъ несчастью Антона и негодуютъ противъ содержателя двора, а потомъ легко переходятъ на сторону этого содержателя; совершенно также поступаетъ въ «Переселенцахъ» толпа на ярмаркѣ, выступившая было на защиту Пети и поддерживавшая добряка Василія, думавшаго отнять ребенка у нищихъ, а потомъ вдругъ перешедшая на сторону нищихъ и т. п.

Подобныя повторенія и въ характеристикѣ личностей, и въ построеніи цѣлыхъ сценъ нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ опредѣленнымъ и болѣе или менѣе ограниченнымъ запасомъ свѣдѣній о народномъ бытѣ, которыя и приходилось автору комбинировать всякій разъ, когда онъ обращался къ изображенію народной жизни. Это больше всего вредитъ достоинству произведеній Григоровича изъ народнаго быта. Однообразіе ихъ построенія невольно бросается въ глаза: оно сообщаетъ читателю впечатлѣніе монотонности и шаблона.

Самые типы, выводимые Григоровичемъ, чрезъ это много теряютъ въ своихъ художественныхъ достоинствахъ.

Было какъ-то указано *) на то, что ни одинъ изъ типовъ Григоровича не вошелъ въ обыденное, разговор

*) Михайловскій: «Памяти Григоровича», «Рус. Бог.» 1900, 1 кн.

ное употребленіе, какъ напр.: Плюшкинъ Гоголя, Обломовъ—Гончарова.

Въ этомъ, по нашему мнѣнію, виноваты отчасти и мы сами: мы слишкомъ мало знаемъ еще народъ и мало интересуется имъ, чтобы типы изъ народнаго быта имѣли у насъ такую же популярность, какъ типы, взятые изъ жизни помѣщичьяго или чиновничьяго быта. Но справедливо, конечно, и то, что Григоровичъ не только не Гоголь, но и не Гончаровъ. При всей солидности своего таланта, онъ по искусству изображенія типовъ долженъ стать далеко позади Гончарова. Высшее художественное достоинство типамъ даетъ изображеніе внутренней жизни личности; чѣмъ авторъ глубже сумѣлъ заглянуть въ душу человѣка, тѣмъ рельефнѣе становится онъ предъ глазами читателя. Григоровичъ не мастеръ раскрывать предъ нами душевныя движенія своихъ героевъ. Если ему и приходится знакомить читателей съ думами и чувствами своихъ героевъ, то онъ дѣлаетъ это всегда какъ бы мимоходомъ и чисто, такъ сказать, внѣшними чертами. Григоровичъ добросовѣстно отмѣчаетъ какія-нибудь часто случайныя черты, съ какими является личность, но непосредственнаго изображенія собственно внутренней физіономіи героевъ у него не найдемъ. Дѣйствующія лица его произведеній являются уже съ сформировавшимися характерами, постепенное развитіе этихъ характеровъ остается внѣ наблюденія читателя. Послѣдній знакомится только съ проявленіями характера въ жизненныхъ обстоятельствахъ среди той или иной обстановки, съ извѣстными дѣйствіями героевъ: изображать то, что происходитъ до этихъ дѣйствій въ душѣ героевъ,—не въ манерѣ нашего писателя. Даже тамъ, гдѣ изображается цѣлая жизнь героя, съ дѣтства до полной возмужалости, какъ напримѣръ, въ «Рыба-

кахъ» жизнь пріемыша Гришки,—предъ нами только рядъ дѣйствій, поступковъ, дающихъ основаніе заключить о нравственныхъ качествахъ личности, но что творится въ душѣ этой личности, путемъ какихъ комбинацій въ душевныхъ настроеніяхъ она доходитъ до совершенія того, а не иного ряда дѣйствій,—этого мы въ произведеніяхъ Григоровича не найдемъ. Психологическій анализъ чуждъ таланту Григоровича. Вотъ почему и герои его произведеній не оставляютъ въ читателѣ впечатлѣнія такой глубокой жизненной правды, не получаютъ такого широкаго общечеловѣческаго значенія, какъ типы нашихъ первоклассныхъ писателей.

Способность читать въ человѣческой душѣ и изображать ея жизнь дѣлаетъ героевъ художественныхъ произведеній близкими намъ, ихъ страданія и немощи глубоко понятными каждому; по сродству человѣческой духовной организаціи, мы какъ бы сливаемся съ жизнью этихъ героевъ. Григоровичъ словно чувствовалъ отсутствіе въ своемъ талантѣ этой способности обнаруживать душу своихъ героевъ передъ читателемъ и тѣмъ возбуждать въ немъ сочувствіе къ нимъ: онъ прибѣгнетъ къ другому средству съ цѣлью возбудить такое сочувствіе и широко пользуется имъ. Средство это—сентиментализмъ въ изображеніи народной жизни.

Сентиментализмомъ проникнуты очень многія произведенія Григоровича: онъ слышится въ «Деревнѣ», въ «Рыбакахъ», въ «Прохожемъ», въ «Пахарѣ». Онъ замѣтенъ въ самомъ тонѣ повѣствованія, въ характеристикѣ отдѣльныхъ лицъ, въ воспроизведеніи цѣлыхъ сценъ. Вотъ, напр., небольшой отрывокъ, ясно дающій понять, въ какомъ тонѣ написана «Деревня».

«Мать ли плетется съ коромысломъ на рѣку стирать бѣлье—и дочка тащится вслѣдъ за нею вмѣстѣ съ

драгоцѣнною своею ношей (т.-е. съ дитятею); развлеченная какимъ-нибудь камешкомъ или травкою, она вдругъ покидаетъ питомца на крутомъ берегу или на скользкомъ плоту... Бѣгутъ ли подъ вечеръ ребята навстрѣчу несущемуся съ поля стаду, нѣжная головка младенца уже непремѣнно мелькаетъ въ рѣзвой, шумливой толпѣ; когда наступаетъ сырая холодная осень, сколько разъ бѣдняжка, брошеный на собственный произволъ, заползаетъ на середину улицы, покрытой топкой грязью и лужами, и платится за такое удовольствіе злыми недугами и смертью! А весною, когда отецъ и мать, поднявшись съ разсвѣтомъ, уходятъ въ далекое поле на работу и оставляютъ его одного—одинохонькаго вмѣстѣ съ хилою и дряхлою старушонкой-бабушкой, столько же нуждается въ присмотрѣ, сколько и трехлѣтніе внучата ея,—о! тогда, выскочивъ изъ избы, несется онъ съ воплемъ и крикомъ вслѣдъ за ними, мчится во всю прыть маленькихъ своихъ ножекъ по взбороненной пашнѣ, по жесткому, колючему жнивнику; рубашонка его разрывается на части о пни и кустарники, а онъ бѣжитъ, чтобъ прижаться скорѣе къ матери... и вотъ, сбивается запыхавшійся, усталый ребенокъ съ дороги; онъ со страхомъ озирается кругомъ: всюду темень лѣсная, все глухо, дико; а вотъ уже и ночь скоро застигнетъ его... онъ мечется во всѣ стороны и все далѣе и далѣе уходитъ въ чащу бора, гдѣ Богъ вѣсть что̀ съ нимъ будетъ» и т. д. *).

Еще въ болѣе сентиментальномъ тонѣ написанъ «Пахарь». Авторъ здѣсь воспѣваетъ поэзію деревни.—

«Я страшно тяготился городомъ»! пишетъ онъ здѣсь. «Разлука съ нимъ чувствительна для тѣхъ, кто

*) Т. 1, 88—89 стр.

оставляетъ за собою особенно близкихъ людей или особенно дорогія воспоминанія; но, когда нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ; когда покидаешь одну суетную, мелкую жизнь, оставляющую послѣ себя чувство умственной и душевной усталости, и непремѣнно чувство какого—то неудовольствія и даже раскаянія—разлука съ городомъ дѣлается сладостною выше всякаго описанія. Понятно тогда, почему такъ заботливо стараешься забыть все прошлое; понятно, почему сердце такъ только вотъ и рвется впередъ и впередъ къ этому безкрайному горизонту, полному такой невозмутимой, такой торжественной тишины» *).

Герой разсказа, пахарь Анисимычъ, поразилъ автора «необычайною кротостью нрава, чистотой помысловъ и благочестіемъ».

Приподнятый, сентиментальный тонъ до такой степени проникаетъ весь разсказъ, что дѣлаетъ его до приторности слащавымъ и скучнымъ.

Чрезмѣрная чувствительность автора кладетъ отпечатокъ и на характеристику выводимыхъ имъ личностей; она часто переходитъ въ замѣтную идеализацію ихъ. Такая идеализація чувствуется даже въ мелочахъ. Герой романа: «Рыбаки», Ваня, истый деревенскій рыцарь чести и великодушія, въ дѣтствѣ имѣетъ «свѣжее румяное личико», бѣлокурую миловидную и нѣжную голову (т. V, стр. 170); а героиня Дуня—хорошенькая дѣвочка, съ голубыми, какъ васильки, глазами; румяными щечками и красивыми, смѣющимися губками; длинныя пряди бѣлокурыхъ шелковистыхъ волосъ ея сбѣгали золотистыми изгибами по обѣимъ сторонамъ ея загорѣлаго, но чистенькаго, словно обточеннаго личика» (Т. V, стр. 173). Такъ и чувствуется, что это дѣйствующія

*) I т., 219 стр.

лица идилліи, а не правдиваго бытописанія деревни и ея обитателей. Авторъ, правда, не скрываетъ, какъ, мы говорили, и темныхъ явленій деревенской жизни, но какъ будто считаетъ ихъ наносными, какъ результатъ постороннихъ вліяній: крѣпостного права и фабрики. Внѣ этихъ явленій, народъ рисуется съ идеально хорошихъ сторонъ. Народная жизнь разсматривается какъ бы сквозь розовыя очки. Получается идиллическое изображеніе этой жизни. Такія произведенія, какъ «Рыбаки» и «Пахарь», и должны быть по всей справедливости названы идилліями изъ народной жизни.

Но такой характеръ изображенія народной жизни Григоровичемъ не должно ставить ему въ большой упрекъ. На его литературную дѣятельность нужно смотрѣть въ исторической перспективѣ. Только теперь въ полной силѣ можетъ чувствоваться идеализація народной жизни въ сочиненіяхъ Григоровича,—послѣ того, какъ эта жизнь уже освѣщена нашими писателями, когда обнаружены всѣ ея язвы и неустроенія цѣлымъ рядомъ талантливыхъ беллетристовъ: Левитовымъ, Рѣшетниковымъ, Н. и Г. Успенскими, Чеховымъ и др. Для современниковъ же Григоровича народная жизнь была въ полномъ смыслѣ слова terra incognita, и изображеніе ея въ произведеніяхъ талантливаго автора было своего рода откровеніемъ. Въ нихъ все-таки много было горькой, не сочиненной правды, и она—то дѣйствовала на его читателей; мужицкое горе и слезы въ его произведеніяхъ были не выдуманными, а дѣйствительнымъ фактомъ, результатомъ наблюденія надъ деревенской жизнью Сентиментальный тонъ и идиллическія картинки были только оболочкой, подъ которой ясно видна была настоящая русская деревенская жизнь. Эта оболочка не только не вредила успѣху его произведеній, а, напротивъ, даже

увеличивала его. Добродушному, гуманному и идеалистически настроенному русскому образованному человѣку сороковыхъ годовъ мягкій идиллическій тонъ изображенія народной жизни какъ разъ былъ по вкусу и могъ привлечь къ себѣ его симпатіи. Это былъ плащъ, накинутый сверху исхудалаго, покрытаго язвами тѣла и грязнаго рубища, чтобы прикрыть ихъ непріятный видъ и дать имъ право на вниманіе непривыкшаго къ грубымъ впечатлѣніямъ общества.

Говоря о характеристическихъ чертахъ литературной физіономіи Григоровича, нельзя обойти молчаніемъ еще одно свойство его произведеній—это комическій элементъ. Обаяніе Гоголя и Диккенса въ значительной степени сказалось на литературной дѣятельности Григоровича. Цѣлый рядъ произведеній Григоровича проникнутъ комическимъ духомъ. Сюда относятся— «Сосѣдка», «Похожденіе Накатова», «Школа гостепріимства», «Столичные родственники», большой романъ: «Проселочныя дороги» и др.

Но комизмъ произведеній Григоровича не высокаго пошиба. Онъ не только никогда не возвышается до Гоголевскаго юмора—благороднаго смѣха сквозь слезы, но даже и въ предѣлахъ безпритязательнаго смѣха ради смѣха не достигаетъ высокой пробы. Въ воспоминаніяхъ о Григоровичѣ, появившихся послѣ его смерти, не разъ упоминалось, что въ обыденной жизни нашъ писатель былъ замѣчательно осторожный собесѣдникъ. Но въ его произведеніяхъ истиннаго, глубокаго остроумія мы не видимъ: оно всегда имѣетъ чисто внѣшній характеръ и производитъ впечатлѣніе дѣланнаго, тяжелаго и утомительнаго.

Въ произведеніяхъ изъ народнаго быта комическій элементъ занимаетъ второстепенное мѣсто. Дѣйствующихъ лицъ комическаго характера въ этихъ произведе

ніяхъ очень немного, и всѣ они принадлежатъ къ второстепеннымъ персонажамъ. Комизмъ ихъ всегда заключается въ утрировкѣ одной опредѣленной черты характера. Комическими лицами можно назвать хвастливаго Лаппу въ «Переселенцахъ», хвастливаго горбуна Егора въ тѣхъ же «Переселенцахъ» и, наконецъ, хвастливаго же мужика Ѳедора въ разсказѣ: «Пахатникъ и бархатникъ». Какъ видно отсюда, и въ этомъ отношеніи Григоровичъ замѣчательно однообразенъ. Можно, впрочемъ, сюда еще причислить нищаго Куфаева: на это даетъ намъ право его постоянное балагурство. Но прибаутки и присказки, которыми сыплетъ Куфаевъ, чисто народнаго происхожденія. Въ нихъ мы встрѣчаемъ неподдѣльный юморъ, но это юморъ народа, а не писателя. Въ большинствѣ же случаевъ комизмъ изображенія въ народныхъ произведеніяхъ Григоровича состоитъ въ изобрѣтеніи авторомъ комическихъ положеній, въ родѣ сваливающагося на голову мужика, работающаго въ ригѣ,—маленькаго бродяги Пети (въ «Переселенцахъ») или постоянно попадающей подъ ноги деревенской дѣвочки, принужденной повсюду таскать своего пузатаго братишку (въ «Пахатникѣ и бархатникѣ»), а иногда—отдѣльныхъ чертъ, которыми надѣляется лицо,—въ родѣ постоянно съѣзжающей на сторону шапки дяди Василія (въ «Переселенцахъ»). Отъ всѣхъ такихъ положеній и отдѣльныхъ чертъ отзываетъ натянутостью, дѣланностью; такъ и чувствуется, что авторъ дѣлаетъ усиліе развеселить читателя, заставить его улыбнуться; впечатлѣнія непосредственнаго, искренняго комизма мы здѣсь никогда не получимъ: мы видимъ только попытки автора къ комическому изображенію дѣйствительности, но самаго этого комическаго изображенія не видимъ.

П. Щукинъ.

Продолженіе будетъ.

Матеріалы для біографіи И. С. Никитина.

Нѣсколько словъ по поводу напечатанныхъ ниже матеріаловъ для біографіи И. С. Никитина.

16 октября въ тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первомъ году злая немочь—чахотка свела въ могилу нашего воронежскаго поэта, можно сказать, въ расцвѣтѣ силъ. Недавно Воронежъ вспоминалъ про И. С., въ 75-ю годовщину со дня его рожденія; въ этомъ году—сороколѣтіе со дня его смерти. Предположено увѣковѣчить память поэта-страдальца постановкою ему памятника на собираемыя по всей Россіи лепты въ предполагаемомъ въ Воронежѣ Никитинскомъ саду *); но до сихъ поръ мало сдѣлано для того, чтобы собрать матеріалы для уясненія личности поэта и его жизни. Напечатанныя ниже письма проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на жизнь, взгляды его въ послѣдніе годы жизни. Въ нихъ, между прочимъ, затрогивается вопросъ о поэтѣ, какъ владѣльцѣ книжнаго магазина. Намъ уже приходилось говорить **), что даже самые близкіе люди не

---

*) Лучше бы устроить Никитинскій народный домъ въ предполагаемомъ саду—1) для чтеній народныхъ и 2) библіотеки Никитинской, которая не имѣетъ собственнаго пристанища: памятникъ вѣдь это роскошь! Отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, сначала не построить домъ? Памятникомъ полюбуются, если онъ изященъ, годъ, два, а затѣмъ къ нему охладѣютъ; въ домъ же приходили бы и послушать чтеніе съ картинами, и почитать книгъ въ Никитинской библіотекѣ, въ которой можно бы было поставить хорошій бюстъ поэта и имѣть портретъ, и, кто знаетъ, можетъ-быть, народный домъ далъ бы впослѣдствіи средства, на которыя бы можно было соорудить и памятникъ.

**) См. «Памяти И. С. Никитина»—въ «Филол. Зап.» за 1899 г. и отд. брошюру.

понимали поэта. Сдѣлавшись хозяиномъ магазина и библіотеки для чтенія, И. С. остался вѣренъ своимъ взглядамъ на дѣлѣ: плѣняли его не деньги, а идея: «...ну её къ чорту эту коммерцію», пишетъ онъ своему другу. «Я за это время заработалъ много денегъ, писалъ стихами и прозою, но... одно душевное потрясеніе, кажется, окончательно добило мое здоровье. Будь, что будетъ! посылаю все къ чорту, даже деньги, къ которымъ, сказать правду, я не имѣлъ пристрастія» (Письмо № 15-й, стр. 15-я). Не деньги, не нажива была у него на первомъ планѣ, а мысль о чистотѣ совѣсти: книжный магазинъ нисколько не вліялъ на неё отрицательно: «Занятія по откупу», пишетъ онъ (см. кон. письма № 8, на стр. 10) тому же другу: «хотя они вознаграждаются прекраснымъ жалованьемъ, не совсѣмъ чисты и пожалуй, незамѣтно для тебя самого, внесутъ въ твой характеръ и образъ мыслей много такого, на что ты самъ теперь смотришь съ презрѣніемъ и съ чѣмъ потомъ, вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ и обстановки, освоишься и присмотришься. Впрочемъ я не совсѣмъ противъ службы по откупу. Послужишь два—три года, не бѣда, но не больше. ...Твое счастье и твое человѣческое достоинство мнѣ... дороги»...

Въ этихъ же письмахъ мы находимъ данныя объ отношеніи его къ высокопоставленнымъ лицамъ, къ воронежской лжеаристократіи, губернатору, уѣздному бургомистру и др. По нимъ мы можемъ прослѣдить за тѣмъ, съ какимъ интересомъ онъ читалъ новости литературы, научныя сочиненія; въ нихъ ясно видно его отношеніе къ своему отцу и вообще отношеніе къ родителямъ. Видимо, отношенія его друга къ отцу были не сыновнія, и вотъ по этому поводу И. С. пишетъ: по полученіи извѣстія о твоихъ отношеніяхъ къ отцу, «я цѣлый день

былъ грустно настроенъ. Ты знаешь какую я проходилъ и прохожу школу, слѣдовательно опытность у меня есть, вотъ тебѣ мой совѣтъ: будь строже къ самому себѣ, не предпринимай никакихъ мѣръ въ раздражительномъ состояніи, даже избѣгай въ это время разговаривать съ отцемъ, если не чувствуешь себя достаточно твердымъ сохранить къ нему сыновнее почтеніе. Такой образъ дѣйствія доставитъ тебѣ внутренній покой, а съ нимъ, какова бы не была жизнь, жить будетъ легче. Я говорю не въ видѣ морали, ты можешь быть увѣренъ въ искренности и чистотѣ моего совѣта»...

Слышатся въ нихъ стоны, хотя и глухіе, вызванные болѣзнями физическими и душевными: «тѣло болитъ, а главное душа болитъ, страшно болитъ» (№ 6-й, 8 стр.). Въ началѣ января 1861 г. Никитинъ чувствовалъ себя плохо (см. № 15), въ концѣ іюля въ одномъ письмѣ (№ 16) онъ говоритъ, что «писать болѣе нѣтъ мочи», но болѣзни онъ не поддается: 10-го октября (за 6 дней до смерти) онъ пишетъ письмо, и въ немъ ни слова о ней! Объяснить это можно тѣмъ, что онъ имѣлъ желѣзную силу воли, мало думалъ о своемъ здоровьи, о своей жизни:

«Тише!.. о жизни покончeнъ вопросъ:
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слёзъ»...

говоритъ поэтъ въ «Дневникѣ семинариста», имѣя въ виду себя. Нечего было и дорожить жизнью, потому что она была «невеселая, одинокая», почему, по пессимистическому взгляду поэта, и для его окружающихъ «ненужная»:

«Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна»...

Что нужно было сдѣлать въ виду открытой гробо-

вой доски, то онъ и сдѣлалъ: своею скорбною лирою воспѣвъ нужду, страданія, горе «бѣдныхъ», обездоленныхъ, обезсмертивъ свое имя; создалъ книжный магазинъ для просвѣщенія темнаго въ то время общества, много работалъ, не думая о томъ, что жизнь его догораетъ, «какъ степной огонекъ», несмотря на то, что отъ природы онъ имѣлъ крѣпкій организмъ, большую силу. Какова эта была сила, можно судить по слѣдующему. Недавно намъ пришлось узнать отъ сверстниковъ И. С. Никитина, товарищей по духовной семинаріи, про одно состязаніе. Собрались къ поэту названные товарищи и стали пробовать свои силы. Въ условіе было поставлено взобраться на сѣновалъ по лѣстницѣ аршинъ пять высотою, привязавъ по пудовой гирѣ къ каждой ногѣ и рукѣ и, кромѣ поэта, никто не въ состояніи былъ подняться на сѣнникъ по названной лѣстницѣ!

Что же сокрушило преждевременно его желѣзный по истинѣ организмъ? Не погоня его за наживой, не купеческіе расчеты, не работы въ магазинѣ, на постояломъ дворѣ, а жизненныя обстоятельства, ложившіяся на душу тяжолымъ бременемъ, на что онъ самъ намекаетъ въ письмѣ № 15: ...«одно душевное потрясеніе, кажется, окончательно добило мое здоровье»...

Редакція очень благодарна о. С. Е. Звѣреву за предоставленіе для напечатанія въ «Фил. Зап.» писемъ нашего поэта и проситъ лицъ, у которыхъ хранятся еще документы, важные для біографіи его, не скрывать ихъ подъ спудомъ, а также—и тѣхъ, у которыхъ живы въ памяти воспоминанія о немъ, подѣлиться ими съ почитателями поэта при помощи печати. Эти данныя несомнѣнно прольютъ новый свѣтъ на личность поэта-страдальца.

С. Прядкинъ.

Воронежъ.
1901 г.

Матеріалы для біографіи И. С. Никитина.

(письма *) къ назван. ниже лицу за время отъ 10 апр. 1856-го по 10-е окт. 1861-го года.

№ 1-й.

Я напередъ былъ увѣренъ въ твоемъ сочувствіи, мой дорогой Иванъ Ивановичъ. Да и кому же было бы естественнѣе выразить это сочувствіе, если не малому кругу близкихъ, равныхъ мнѣ по общественному положенію людей? Знаешь ли что я думалъ, когда князь Ю. А. Долго-

---

*) Доставлены въ редакцію «Филологическихъ Записокъ» членомъ Воронежской ученой архивной коммиссіи священникомъ о. Ст. Звѣревымъ. Въ архивную же коммиссію эти письма поступили отъ Е. Л. Маркова, который ихъ получилъ изъ С.-Петербурга отъ Мих. Ив. Алтухова при письмѣ отъ 8 дек. 1900 г. слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь

Евгеній Львовичъ!

Я имѣлъ честь получить Ваше письмо отъ 24 Ноября и, согласно его содержанію, препровождаю Вамъ при семъ 17 шт. имѣющихся у меня писемъ нашего Воронежскаго поэта И. С. Никитина, предоставляя ихъ вполнѣ въ Ваше распоряженіе.

Прошу Васъ принять увѣреніе въ искреннемъ почтеніи

уважающаго Васъ

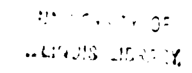
М. Алтухова».

Письма адресованы такъ:

Въ Нижнедѣвицкъ

на имя милостив. государя

Ивана Ивановича Брюханова.



рукій передалъ мнѣ драгоцѣнный знакъ Высочайшаго вниманія? Первая моя мысль была о нашемъ миломъ Дураковѣ. Я увѣренъ, что его радость была бы глубже моей; я только теперь оцѣнилъ его ко мнѣ любовь, безкорыстную преданность, всегдашнюю готовность служить почти рабски... Бѣдный Дураковъ! Мнѣ тѣмъ болѣе грустно, что настоящее время я почитаю какимъ-то свѣтлымъ исключеніемъ въ моей жизни. Представь: кромѣ перстня и рескрипта Великаго Князя Константина Николаевича я имѣлъ удовольствіе получить полное собраніе соч. Пушкина отъ генералъ-маіора Комсена изъ Кременчуга и „Мервыя души" Гоголя, въ золотомъ переплетѣ отъ другой почтенной особы.

За твой разсказъ о Лукичахъ очень благодаренъ Собирай, пожалуйста, типическія черты, привози ихъ въ Воронежъ. Кстати: почему это ты такъ долго у насъ не былъ? А вѣдь обѣщался, бестія! Впрочемъ ты держишься теперь отъ меня на благородномъ разстояньи, не считаешь даже нужнымъ передать мнѣ то̀, что знаетъ и разсказываетъ о тебѣ какой-нибудь рыжій дьяволъ. Жаль! Впрочемъ вольному воля, я въ наперстники не навязываюсь. Но за твою тиранію надъ Анной Ивановной я непремѣнно сверну тебѣ шею. Ты скажешь, что это значитъ? А вотъ посмотри черезъ нѣсколько строкъ и увидишь, что значитъ, да собственно говоря тебѣ то и смотрѣть не слѣдуетъ, я не съ тобою буду имѣть дѣло...

Книжку стихотвореній тебѣ посылаю, насилу отыскалъ: было 150, всѣ до тла распроданы. Въ маѣ еще получу изъ Петербурга. Передъ Гавриловымъ меня извини, ей-Богу, книгъ нѣтъ, потому и не прислалъ ему. Да! чортъ знаетъ, мѣшаютъ... совсѣмъ было забылъ... Вчера вечеромъ я имѣлъ счастіе получить отъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны золотые часы съ таковою же цѣпью. Замѣть это письмо пишется два дня. Вотъ каковы дѣла! До сви-

данья. Теперь съ твоего позволенія я скажу нѣсколько словъ Аннѣ Ивановнѣ.

Милостивая Государыня,

Анна Ивановна!

Глаза мои съ особеннымъ удовольствіемъ остановились на Вашихъ первыхъ собственноручныхъ строкахъ. Но Вы безъ сомнѣнія это предвидѣли и благоразумно удержали порывъ моего восхищенія словами въ родѣ слѣдующихъ: „позвольте, позвольте М. Г. благодарю васъ не *я*, моею рукою водитъ другая рука: я покоряюсь необходимости изъ уваженія къ мужу“. Позвольте же и мнѣ въ свою очередь сказать вотъ что: покорность дѣло прекрасное, но должна имѣть свои границы и не ставить насъ въ неловкое положеніе— писать благодарности противъ убѣжденія. Вы благодарите меня за радушный пріемъ. Честью увѣряю, что я принималъ Васъ радушно, разумѣется какъ умѣлъ: я человѣкъ не получившій паркетнаго образованія. Но согласитесь къ чему было говорить объ этомъ пріемѣ, ставя его на ряду съ концертомъ? Положимъ за память о послѣднемъ Васъ отъ души благодарятъ и ждутъ перваго случая, чтобы грянуть по клавишамъ въ Вашемъ присутствіи, но я не люблю фальшивой монеты, смѣю Васъ увѣрить. Я былъ бы истинно счастливъ если бъ Ваша приписка обошлась безъ оговорокъ, но такъ какъ Вы нашли это нужнымъ, да будетъ по Вашему. Ради Бога не подумайте что я читаю Вамъ мораль! Слова просто вырвались изъ души; можетъ быть и не умѣстно, но мое къ Вамъ уваженіе глубоко и неизмѣнно. Повѣрьте, пиша это я не покоряюсь никакой необходимости.

Честь имѣю быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

И Никитинъ.

NB Стихотвореніе „Новой утраты“ нѣтъ времени пе-

реписать: вчера не приготовилъ, сію минуту ѣду къ князю Ю. А. Долгорукому.

1856 г.
Апрѣля 10.

№ 2-й.

Воронежъ 1858 г. февр. 27.

Благодарю, мой милый Иванъ Ивановичъ, за твое письмо и за нѣкоторыя подробности о личности Скар.... Я желалъ бы знать о немъ поболѣе. Постарайся о немъ поразвѣдать, но имѣй въ виду одно: свѣдѣнія свои черпай изъ достовѣрнаго источника, факты болѣе замѣчательные на память запиши. Но вотъ тебѣ мой дружескій совѣтъ: въ письмахъ своихъ о литературѣ извѣстнаго рода не распространяйся, причину я тебѣ скажу при свиданіи. Что же ты молчишь о своихъ дѣлахъ, о своей торговлѣ, о своихъ удачахъ или неудачахъ? Пріѣзжай, пожалуйста въ Воронежъ, наговоримся дóсыта. Признаюсь, братъ, я страшно скучаю, и, что хуже того, бѣшусь, ничего не дѣлаю, потому что дѣлать невозможно: старая исторія!

Скажи, пожалуйста, самъ ли Гавриловъ говорилъ тебѣ, что я подарилъ ему „Кулака“ или кто другой? Но какъ же, чортъ возьми, я ему подарю, когда и самъ я не видалъ изданной книжки? Процессъ печатанія совершается, какъ видишь, мѣсяца четыре, а дѣло не подвигается ни взадъ ни впередъ. На дняхъ я получилъ письмо изъ Москвы, что Кулакъ скоро выйдетъ изъ типографіи, но когда онъ будетъ въ Воронежѣ, рѣшительно не знаю, и эта медленность выхода до того мнѣ насолила, что и говорить о ней недостаетъ терпѣнія. Стихотворенія я бы радъ тебѣ прислать, да новыхъ нѣтъ, старыя тебѣ извѣстны. Плохота, братъ, большая плохота! Иногда и возьмешься за работу, глядь тутъ и есть запятая... Ты спрашиваешь какъ я поживаю, очень просто, какъ живутъ многіе, т. е. ты хочешь нá гору,

а чортъ тебя за ногу- -вотъ и все! Лѣтомъ непремѣнно у тебя побываю, если буду живъ да здоровъ; Май думаю провести въ деревнѣ, не знаю, удастся-ли, а хорошо если бы удалось. Новостей особенныхъ нѣтъ. Н. И. Второвъ прожилъ въ Воронежѣ цѣлый мѣсяцъ, обѣдалъ у меня, квартировалъ у сосѣда, поеливу... и такъ далѣе... Чулки при семъ тебѣ посылаются. Засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе твоей женѣ, да пиши ко мнѣ когда вздумаешь, скучно! меня за лѣность извини.

Любящій тебя *И. Никитинъ*.

NB А Гаврилову скажи, что онъ вретъ! и на какой дьяволъ ему нуженъ Кулакъ? Онъ самъ почище „Лукича".

№ 3-й.

Ну, мой милый Иванъ Ивановичъ, невесело твое письмо!

Твои отношенія къ отцу напомнили мнѣ Дуракова, его трагическую судьбу—и признаюсь, я цѣлый день былъ грустно настроенъ. Ты знаешь какую я проходилъ и прохожу школу, слѣдовательно опытность у меня есть, вотъ тебѣ мой совѣтъ: будь строже къ самому себѣ, не предпринимай никакихъ мѣръ въ раздражительномъ состояніи, даже избѣгай въ это время разговаривать съ отцемъ, если не чувствуешь себя достаточно твердымъ сохранить къ нему сыновнее почтеніе. Такой образъ дѣйствія доставитъ тебѣ внутренній покой, а съ нимъ, какова бы не была жизнь, жить будетъ легче. Я говорю не въ видѣ морали, ты можешь быть увѣренъ въ искренности и чистотѣ моего совѣта.

Угрозы твоего отца, я думаю, не больше какъ вздоръ. Но все-таки странно: что̀ заставляетъ его грозить? Развѣ вліяніе какихъ нибудь мерзавцевъ, которые готовы мѣшаться во все и пакостить всѣмъ иногда не по чувству злости, а просто отъ нечего дѣлать? О мѣщанство, мѣщанство! да,

мой другъ! воздухъ, въ которомъ мы живемъ не очень свѣжъ, общество, которымъ мы окружены не подѣйствуетъ освѣжительно на душу, а какъ ни горько, надо держать себя умно, тихо и осторожно въ отношеніи этого общества. Низкопоклонничать передъ нимъ было бы подло, но и задирать его опасно. По моему мнѣнію ты напрасно погорячился съ бургомистромъ: твое дѣло отъ этого не подвинулось, а бургомистръ, я думаю, не забудетъ твоей выходки. Вообще о подобныхъ вещахъ нужно бесѣдовать лично, на бумагѣ такія разсужденія много займутъ мѣста и, что всего досаднѣе, могутъ походить на поученія, которыя никто не любитъ, которыя и мнѣ грѣшному страшно надоѣли.

Что касается твоей просьбы—быть воспріемникомъ твоего будущаго дитяти, я исполнилъ бы ее съ величайшимъ удовольствіемъ, еслибы между нами нелегло порядочное число верстъ. Пріѣхать въ Нижнедѣвицкъ конечно не трудно, но на дняхъ я отправляюсь на житье въ деревню, въ этомъ дано мною слово одному помѣщику; долго ли тамъ пробуду, не знаю, но полагаю возвратиться въ Воронежъ не ранѣе послѣднихъ чиселъ Мая.

Поклонись отъ меня твоей женѣ и пожелай ей здоровья. Письмо, адресованное тобою въ Казенную Палату, передастся сегодня непремѣнно, вчера не было присутствія (день рожденія Государя).

Любящій тебя

И. Никитинъ.

1858 г.
Апрѣля 18.

№ 4-й.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ.

Сдѣлай милость, пришли ко мнѣ по первой почтѣ три стихотворенія слѣдующія: 1) Пряха, 2) Смерть извощика и 3) Гулящій въ деревнѣ купчикъ, я

самъ не понимаю, какъ они у тебя очутились, мнѣ нужно немедленно ихъ исправить и отослать въ Петербургъ. Чтобы письмо не было тяжело, что найдешь нужнымъ ко мнѣ написать, напиши на этихъ же стихотвореніяхъ. Я помню они на клочкахъ и переписывать ихъ все равно придется. Яковъ Петровичъ такъ добръ, что принялъ на себя коммиссію доставить тебѣ это письмо, я нарочно думалъ писать тебѣ по почтѣ. Пожалуйста пришли. Новостей нѣтъ—ни хорошихъ, ни дурныхъ.

Весь твой *И. Н.*

1858 г
Ноября 2 дня.

№ 5-й.

Отъ души сожалѣю, мой милый другъ, что твои дѣла не измѣняются къ лучшему. Я слышалъ о нихъ отъ одного изъ вашихъ Нижнедѣвицкихъ жителей. Что дѣлать? Терпѣніе и осторожность Пожалуйста не грусти и не волнуйся, иначе потеряешься, тебѣ необходимо присутствіе духа для правильнаго хода твоей торговли и спокойствія твоей кроткой подруги.

Я поручилъ Я. П. Гаврилову передать тебѣ мое письмо, не знаю, сдѣлалъ ли онъ это. Отыщи, сдѣлай милость, мои стихотворенія, написанныя, кажется на клочкахъ: Смерть извощика, Пряху, Купчикъ гуляющій въ деревнѣ, начало Городского головы и статью въ прозѣ объ извощикахъ. Эти вещи мнѣ очень нужны въ настоящее время, запечатай ихъ въ пакетъ и вручи подателю этого письма. Новаго въ Воронежѣ нѣтъ. Небо проясняется... Передай мое глубочайшее почтеніе Аннѣ Ивановнѣ.

Весь твой *И. Никитинъ.*

1858 г.
Декабря 1.

№ 6-й.

Мой милый Иванъ Ивановичъ!

Ты говорилъ моему человѣку и писалъ мнѣ, что по

слалъ ко мнѣ три стихот.—слѣдъ простылъ... по полученіи сего письма въ туже минуту французскія книги возврати мнѣ, зашей ихъ въ одинъ мѣшокъ и зашей хорошенько, кучеру прикажи за ними смотрѣть какъ можно не потерять... оставшееся у тебя кое-что написаннаго мною въ годы глупостей, какъ нестоющее вниманія, ради Бога сожги; къ чему тебѣ и мнѣ заниматься дрянью, я тебя прошу объ этомъ, понимаешь? теперь мнѣ некогда разсказывать и тѣло болитъ, а главное болитъ душа, страшно болитъ. Если ты списалъ для себя купчика, смерть извощика и пряху пришли мнѣ, нужно отослать въ Петербургъ, а я рѣшительно не помню этихъ стихотвореній, такая невыносимая досада. Гдѣ то они гуляютъ? Исполни, мой милый, до малѣйшей точности мою просьбу и безъ всякой отсрочки, если я къ тебѣ посылаю нарочно стало быть нужно. Родственника твоего я еще не видѣлъ; нужны будутъ ему деньги, я могу дать, покамѣстъ онѣ у меня есть. Касательно твоего отца—не горячись. Не знаю дома ли ты, если нѣтъ, все о чемъ я здѣсь прошу я надѣюсь исполнитъ глубоко уважаемая мною Анна Ивановна. Не пріѣдешь-ли ты Иванъ Ивановичъ въ Воронежъ? Я былъ бы радъ.

Весь твой

И. Никитинъ.

1858 г.
8 Декабря.

№ 7-й.

Воронежъ.
1859 г. 17 Марта.

Мой милый другъ Иванъ Ивановичъ.

Позволь обратиться къ тебѣ съ покорнѣйшею просьбою: у васъ въ г. Нижнедѣвицкѣ есть священникъ отецъ Андрей Александровъ, какъ говорятъ, родственникъ покойнаго Преосвященнаго Инокентія, нашего знаменитаго проповѣдника. Этотъ отецъ Андрей, по дошедшимъ до меня слу-

хамъ, имѣетъ будто-бы у себя подъ рукою всѣ сочиненія Инокентія и продаетъ ихъ. Итакъ вотъ въ чемъ дѣло: по полученіи сего письма, ради Бога, немедля отправься къ отцу Андрею и разузнай, дѣйствительно ли у него упоминаемые мною сочиненія, если есть, то непремѣнно купи, именно вотъ что: Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа, посмотри, всѣ ли части, заплати 3 р. даже 4 р. серебр. Что касается до проповѣдей Инокентія дорого не давай, а за сходную цѣну купи всѣ. Если послѣдніе дни земной жизни І. Хр. въ 2-хъ экземплярахъ или въ 3-хъ всѣ бери, лишь бы части были полны и листы не вырваны. Да нѣтъ ли у отца Андрея другихъ дѣльныхъ книгъ духовнаго содержанія. За сходную цѣну все куплю; разумѣется мнѣ нуженъ ихъ списокъ, пусть онъ его сдѣлаетъ и дастъ тебѣ, назначивъ цѣну на серебро каждому сочиненію отдѣльно. Бога ради, мой другъ, купи то, о чемъ я тебя прошу: эти книги мнѣ необходимы для моего магазина. Деньги, которые ты затратишь, я вышлю тебѣ съ первою почтою.

А когда же ты пріѣдешь взглянуть на мое хозяйство? Какъ идутъ твои дѣла? Пиши, мой другъ обо всемъ. Если купишь книги, тотчасъ же пришли мнѣ ихъ по почтѣ.

Аннѣ Ивановнѣ засвидѣтельствуй отъ меня мое глубочайшее почтеніе.

А я братъ, полтора мѣсяца былъ боленъ при смерти и теперь только начинаю выѣзжать въ свой магазинъ.

Весь твой

Иванъ Никитинъ.

№ 8-й.

Воронежъ 1859.
Апрѣля 17.

Благодарю тебя, мой милый Иванъ Ивановичъ, за исполненіе моей просьбы. Жаль только, что ты понапрасну

убилъ и трудъ и время, выслушивая глупѣйшую болтовню мнимаго владѣтеля сочиненій Инокентія. Но довольно объ этой особѣ. Что касается твоего выѣзда изъ Нижнедѣвицка, я скажу: медлить нечего, ступай съ Богомъ, удались отъ грѣха и принимайся за новую дѣятельность. По моему мнѣнію торговля желѣзомъ въ Эйскѣ представляетъ для тебя болѣе благородную дорогу, хотя надобно сознаться она вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ болѣе риска: Богъ вѣсть какъ она пойдетъ! Занятія по откупу, хотя они вознаграждаются прекраснымъ жалованьемъ, не совсѣмъ чисты и пожалуй, незамѣтно для тебя самаго, внесутъ въ твой характеръ и образъ мыслей много такого, на что ты самъ теперь смотришь съ презрѣніемъ и съ чѣмъ потомъ, вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ и обстановки, освоишься и присмотришься. Впрочемъ я не совсѣмъ противъ службы по откупу. Послужишь два—три года, не бѣда, но не больше. Вообще объ этомъ дѣлѣ я желалъ бы поговорить съ тобой лично. Твое счастье и твое человѣческое достоинство мнѣ такъ же дороги, какъ мои собственныя. Ульи, о которыхъ ты пишешь, я не прочь купить, въ особенности если мѣстоположеніе пчельника хорошо и неслишкомъ удалено отъ города. Эта покупка по крайней мѣрѣ будетъ напоминать мнѣ тебя. Пріѣзжай въ Воронежъ и мы потолкуемъ о многомъ. Извини, что пишу кратко: сегодня почтовый день, работы бездна, а письмо твое я получилъ только вчера.

Весь твой
И. Никитинъ.

№ 9-й.

Отъ души благодарю тебя, мой другъ, за исполненіе моей просьбы. Пришло менѣе бумаги, нежели я ожидалъ, ну да что дѣлать! и № 8-й съ необрѣзанными краями просто дрянь, впрочемъ сойдетъ по немногу.

За пріобрѣтеніе „Кто виноватъ“ крѣпко жму тебѣ руку, пришли его Христа ради скорѣе. „Дворянское гнѣздо“ къ тебѣ отправляется. Засвидѣтельствуй мое глубочайшее почтеніе Аннѣ Ивановнѣ! Дай Богъ Вамъ обоимъ счастья и здоровья.

80 стопъ бумаги получено въ исправности. Извощику я денегъ не давалъ.

Весь твой

И. Никитинъ.

1859. Декабря 15 дня.

№ 10-й.

Отъ души благодарю тебя, мой милый, Иванъ Ивановичъ, за исполненіе моей просьбы. Скажи пожалуйста отцу мальчика, чтобы онъ немедленно отправлялся съ нимъ въ Воронежъ, потому что дѣло не терпитъ отсрочки. Право, душа моя, скучно: на минуту нельзя оставить магазина. Миша окончательно теряется въ мое отсутствіе, малый онъ не дурной, но лишенный совершенно смѣтливости и живости.

Вотъ тебѣ новость: 9 Апрѣля въ экзаменной залѣ кадетскаго корпуса было публичное чтеніе въ пользу нуждающихся литераторовъ и ученыхъ (объявленіе о немъ при семъ прилагаю) публика, спасибо ей, приняла меня хорошо и мое стихотвореніе заставила меня прочитать два раза. За всѣми расходами собрано и отослано въ С.-Петербургъ въ Общество вспомоществованія нуждающимся литераторамъ **416** руб. серебр. Затѣяли это я и Де-Пуле. Но если бы ты зналъ какой шумъ подняла Воронежская аристократія! Сколько оказалось затронутыхъ самолюбій, сколько взбѣсилось лицъ, неприглашенныхъ нами участвовать въ чтеніи. И теперь еще все идутъ разговоры: что это за чтеніе? зачѣмъ оно? для кого оно? и прочее и проч. Но публика не

обратила вниманіе на этотъ крикъ: въ залѣ не достало мѣстъ. Вотъ такъ Воронежъ!

Передай мое глубочайшее почтеніе Аннѣ Ивановнѣ.

Преданный тебѣ

Иванъ Никитинъ.

Воронежъ.
13 Апрѣля 1860.

№ 11-й.

Воронежъ
1860 маія 10 дня.

Спасибо тебѣ, мой другъ, за твои хлопоты объ отправленіи ко мнѣ мальчика. Пожалуйста его поторопи, потому что я скоро ѣду въ Москву и не желалъ бы оставить своего магазина на одного Михайлу.

Ну какъ ты себѣ поживаешь и что гласитъ твоя торговля? А я мечусь какъ угорѣлый, отыскивая денегъ. Впрочемъ обѣщали въ двухъ мѣстахъ по тысячѣ руб. сер., не знаю, что то Богъ дастъ, если не откажутъ, дѣло въ Москвѣ можно повести хорошо да и ѣхать туда съ большимъ кушомъ будетъ веселѣе.

Толки о нашемъ литературномъ вечерѣ до сихъ поръ не умолкли въ Воронежѣ. Обижены, изволите ли видѣть, аристократы, но за то они отлично отдѣланы въ 93 № „Сѣверной пчелы". Театръ нашъ, кажется уничтожается. Въ послѣдній разъ я видѣлъ „Гамлета", котораго сломали непостижимымъ образомъ: Короля Клавдія игралъ Борисовъ, ну можешь себѣ представить какъ былъ онъ хорошъ. Особенныхъ новостей нѣтъ.

Будь здоровъ и счастливъ

весь твой *И. Никитинъ.*

№ 12-й.

Воронежъ.
1860 Октября 21.

Мой милый другъ Иванъ Ивановичъ!

Извини, что я тебѣ надоѣдаю своими просьбами: пожалуйста прими на себя трудъ, о чемъ я уже просилъ тебя лично, купить мнѣ сѣрой бумаги Русанова стопъ 60 или болѣе или менѣе № 7-й мнѣ все равно; какъ устроить покупку,—это я предоставляю твоему благоразумію. За деньгами дѣло не станетъ, можешь быть вполнѣ увѣренъ, что они вышлются тебѣ съ первою почтою.

Пишу къ тебѣ изъ новой моей резиденціи, сирѣчь новой квартиры, на которую перешелъ третьяго дня. Повѣришь ли, всѣ кости болятъ отъ работы при постановкѣ книгъ.

Весь твой *И. Никитинъ*.

№ 13-й.

Воронежъ.

Книжный магазинъ
и
библіотека для чтенія
НИКИТИНА.

Продажа русскихъ и французскихъ книгъ, географическихъ картъ, атласовъ и письменныхъ принадлежностей.

Октября 21. 1860.

Отъ души благодарю тебя, мой другъ, за покупку бумаги. Деньги 75 р. 50 к. отданы тому, кто доставилъ мнѣ бумагу. Я послалъ сегодня къ тебѣ письмо съ просьбою

купить ее, но теперь слѣдовательно не нужно. Еще разъ спасибо. Прощай! Некогда.

Весь твой *И. Никитинъ.*

№ 14-й.

Ноября 4
1860.
Воронежъ.

Виноватъ душа моя! Я забылъ увѣдомить тебя о полученіи мною прочитанныхъ тобою книгъ. Что дѣлать! Поневолѣ одурѣешь, когда ни на минуту нѣтъ отдыха.

Книгъ не посылаю къ тебѣ съ тѣмъ господиномъ, который привезъ мнѣ бумагу потому, что ты самъ писалъ о скоромъ своемъ пріѣздѣ въ Воронежъ и о личномъ выборѣ. Теперь онѣ посылаются къ тебѣ съ г. Потеряхинымъ. „Тысячу душъ" возьмешь въ другой разъ потому что всѣ экземпляры въ чтеніи. Исторія Петра только и есть въ печати, что ты читалъ и что теперь отправляется т. е. 1, 2, 3 и 6-й томы. Богдановича, душа моя возьмешь въ слѣдующій разъ.

Пріѣзжай пожалуйста въ Воронежъ и, разумѣется, прямо ко мнѣ въ домъ. Я радъ тебѣ буду отъ души.

Торгуемъ помаленьку—ни хорошо, ни дурно.

Весь твой *Ив. Никитинъ.*

№ 15-й.

Воронежъ
1861
Января 17.

Спасибо тебѣ, мой другъ за твое письмо. Дѣло, о которомъ ты пишешь, дѣйствительно вопіющее но помочь ему путемъ гласности невозможно. Сказать объ этомъ Графу *)? Но какъ? Если бы старуха пошла съ жалобою, я бы ска-

*) Графъ Д. Н. Толстой, въ то время воронежскій губернаторъ.

залъ. Пожалуйста пріѣзжай въ Воронежъ денька на два, всего, братъ, не перекупишь; умремъ—и послѣ насъ будутъ покупать- ну ее къ чорту эту коммерцію. Я за это время заработалъ много денегъ, писалъ стихами и прозою, но... одно душевное потрясеніе, кажется, окончательно, добило мое здоровье. Будь, что будетъ! посылаю все къ чорту, даже деньги, къ которымъ, сказать правду, я не имѣлъ пристрастія.

Пріѣзжай, душа моя, право я буду тебѣ радъ.

Если пропуститъ цензура написанный мною „дневникъ семинариста" вопросъ о семинарскомъ воспитаніи, кажется подвинется впередъ. Дай только Богъ, чтобы пропустила. Но цензура свирѣпствуетъ. Улучшеніе быта крест. отложено до осени—передаю тебѣ, что слышалъ. Пріѣзжай! прочитано многое и многое... до свиданья. Кланяйся женѣ и не сердись, что скверно пишу—некогда.

Весь твой

И. Никитинъ.

P. S. Бумаги покамѣстъ не нужно. Богдановича теперь ей ей нѣтъ подъ рукою. Погоди пожалуйста. Еще забылъ: мнѣ присланы изъ Спб—а два стихотв. одно уже было въ печати т. е. въ станкѣ типографіи, но увы! прихлопнуты... пропало 50 руб. сер. и теплое слово за Бѣдныхъ.

№ 16-й.

Милостивая Государыня

Анна Ивановна!

Искренно благодарю Васъ за Ваше ко мнѣ участіе. Здоровье мое плохо. Портретъ свой я далъ бы Вамъ съ удовольствіемъ, но у меня только одинъ и есть хорошій т.-е.

вѣрный, съ нимъ я не могу разстаться. Другой же такая дрянь, что хоть брось. Ивану Ивановичу передайте мой поклонъ. Писать болѣе право нѣтъ мочи.

Глубоко уважающій Васъ

И. Никитинъ.

1861
21 іюля.

№ 17-й.

Воронежъ
Окт. 10.

Благодарю тебя душа моя за присылку „рус. вѣстника“. Очень радъ, что дѣла твои, по твоимъ словамъ, принимаютъ лучшій видъ. Ничего, мой милый, перемелится,— все будетъ мука или прахъ, даже и мы сами. Графъ Д. Н. Толстой пріѣхалъ, я былъ у него и, разумѣется, какъ старый его знакомый, имѣлъ честь говоритъ съ нимъ долгое время. Онъ вообще, по отзывамъ людей его знающихъ, добрый человѣкъ. Что-жъ, добрыхъ людей дай намъ Господи. Когда же ты пріѣдешь въ Воронежъ? ужъ какъ бы я былъ тебѣ радъ! Ну, братъ дѣлъ пропасть! Книгъ извини— нѣтъ, подписчиковъ 128 чел. все расхватали. Богъ дастъ получу новые транспорты и тогда къ твоимъ услугамъ.

Весь твой *И. Никитинъ.*

Эпитеты въ русскихъ былинахъ *).

Эпитетъ **красный** по значенію родствененъ словамъ: крѣсъ—огонь, крѣсины—время лѣтняго поворота солнца, крѣсникъ—іюнь или купало, солнечный праздникъ, яросл.—красить—свѣтить, сіять. Коренное значеніе слова «красный»—свѣтлый яркій, блестящій. Въ этомъ первичномъ смыслѣ «красный» служитъ древнѣйшимъ эпитетомъ при названіяхъ небесныхъ свѣтилъ и солнечнаго сіянья, подновляя коренной смыслъ опредѣляемыхъ. Краснымъ называется солнце (sûr санскр.—блистать, разбрасывать лучи, метать копья; sûris, sûnas—солнце; Sura—богъ, т. е блистающій; svar—небо, Ἥλιος, sol, наше «солонь»; санскр. sûris, sirius, Аѳ. I, 245 и 129), заря, день (то же, что «бѣлый=ясный, украсливый»), мѣсяцъ, лѣто, весна **) (Р. 311), свѣтъ (въ «Поученіи»—Мономаха). Въ былинахъ «крыльцо» часто зовется «краснымъ»:—переднее, парадное, выходящее на улицу изъ «красной» избы, т.-е. свѣтлой, съ большими окнами.

Есть выраженія: «красное окно» (со стеклами, не волоковое), «красный уголъ» (передній). «Красная горка»- весенній праздникъ. Другіе эпитеты при «солнце» также повторяютъ основное его значеніе: въ «Словѣ о Полку Игоревѣ»—«солнце свѣтьлое, тресвѣть-

*) См. начало въ I—II в.в. 1901 г.

**) Потебня: («Симв народн. поэзіи», 44) замѣчаетъ: эпитетъ «красный» такъ сжился съ «весна», что клюква въ Псков. г. зовется «весняпками». Едвали такъ: вѣроятнѣе,—потому, что клюкву собираютъ весною, а на зиму она остается невредимой подъ снѣгомъ.

лое»; въ былинахъ:—«мѣсяцъ свѣтелъ». Свѣтлыми называются комнаты съ большими окнами, сильно освѣщенныя: гридня свѣтлая (т.-е. столовая: Р. I, 6—40: «гридня столовая»), «свѣтлица свѣтлая». Но чаще всего въ былинахъ эпитеты «свѣтлый», «свѣтъ» почти тожественны эпитету «милый». Вообще понятія свѣта, блеска служатъ для выраженія понятій блага, счастья, богатства, здоровья, красоты. Выраженія «свѣтъ», «свѣтикъ», «красное солнышко» стали ласкательными. Въ пѣсняхъ «свѣтъ» означаетъ иногда «свѣтлое» и «милое» вмѣстѣ: «милыи наши теремы, свѣты браныи брусы, свѣты-золоты ширинки, свѣты яхонты», Бусл. «Ист. Хр.» 1034. При названіи человѣка «свѣтлымъ» разумѣется символъ, уподобленіе солнцу: «свѣтикъ, батющки-свѣты!» «гости наши... свѣты наши», «Ск. р. н». 1, 3, 135; «свѣтъ мои сѣни»... «свѣтъ мой соловей», 142; «свѣтъ чадо» (Г. 470, 483); свѣтъ родна матушка (Гильф. 484); Владиміръ свѣтлый (Кир. IV, 3), свѣтъ (I, 72; III, 85), пресвѣтлый (К. IV, 20), красное солнышко, Кіевское солнышко, (К. III, 32, 78), солнышко (II, 26, 36), солнце Кіевско (II, 53). Въ сербскомъ эпосѣ—«оружје свијетло» (т.-е. блестящее, Кар. III, 1, 91; II, 15, 431). Далѣе, въ сербскомъ эпосѣ «сунце» называется «огрејано» (К. II, 15, 8). Понятія «грѣть—горѣть» и «свѣтить» тожественны: серб. «гријати», малр. «гріять»—свѣтить и грѣть. Засимъ, «сунце јасно» (К. III, 1, 383). Если въ словѣ «ясный» видѣть тотъ же корень, какъ въ словахъ: яти, «пріятный», то «ясный» означаетъ способность быть легко воспринимаемымъ, особенно въ отношеніи къ звуку и свѣту. И дѣйствительно, въ сербскомъ јасан—эпитетъ голоса, звука литавръ (Пот. «Симв. нар. поэзіи» 39)—јасни таламбаси, въ болгарскомъ—ржа-

нія коня. Солнце въ такомъ случаѣ представляется все видящимъ окомъ, глаза называются ясными по своей способности «схватывать», обнимать предметы, находящіеся въ полѣ зрѣнія, соколъ—какъ хищная птица: быстро схватывающая добычу. Но, съ другой стороны, постоянное соотвѣтствіе понятія «яснаго» съ понятіями свѣта, зрѣнія заставляетъ видѣть и въ словѣ «ясный» признакъ свѣта. И въ самомъ дѣлѣ, понятія звука и свѣта въ слав. нарѣчіяхъ часто смѣшиваются: мр. лунà—эхо; польск. brzask—мерцаніе звѣзды, чеш. břésknу́, břeskot—о громкомъ звукѣ, напр. барабана; чеш. šumnу́—красивый; въ словацкой пѣснѣ звукъ свирѣли изображается блескомъ поля (Потебня, «Симв. нар. поэзіи» 39). Очи называются въ русскомъ эпосѣ ясными, потому что понятія зрѣнія и свѣта постоянно смѣшиваются: зрѣть, взоръ и зоря, зирка—мр. звѣзда, зарница, зóрить—о молніи: сверкать, зарево, зорко—ясно (вятск.), серб. зрак—солнечный лучъ, нѣм. stern—зрачокъ глаза и звѣзды; серб. видjело—свѣтъ; мр. бачить, дивитьця,—санс. bhâs—блистать; div—свѣтить; бѣльмы—глаза; зѣница и зѣнка—стекло, отъ зѣ(і)ять: лунить—хлопать глазами (Аѳ. I, 153). Теперь слово «ясный» употребляется только въ смыслѣ «свѣтлаго» (небо, день, взоръ, вода, восходъ). Соколъ называется яснымъ, по своей зоркости; можетъ-быть, эпитетъ отчасти имѣлъ основаніе въ быстротѣ сокола, бросающагося внезапно на добычу; сродство понятій быстроты и свѣта видимъ, напр., въ луж. jесно—быстро; серб. бистар—свѣтлый; «свѣтъ ясенъ соколъ»—быстрый, какъ молнія. Въ сербскомъ эпосѣ «соколъ» имѣетъ еще эпитеты: сив и сивзелен. Си—сродно съ «сіять, синій» (=свѣтлый). «Зелен»—какъ увидимъ ниже—выражаетъ также понятіе свѣта и огня. Въ малор. пѣсняхъ—«со-

колъ сивый, ясный; равно и кукушка съ постояннымъ эпитетомъ «сива», что серб. «кукавица сиња». Въ русскомъ эпосѣ яснымъ называется еще «небо» и «звѣзды»—здѣсь эпитетъ наиболѣе древняго происхожденія. Кромѣ указанныхъ двухъ эпитетовъ солнце въ сербскомъ эпосѣ называется еще «румено» (К. III, 1, 333) и «јарко» (II, 15, 321). Корень «яр» означаетъ прежде всего понятіе свѣта, особенно весенняго, соединеннаго съ приливомъ теплоты: карп. ярь (польск. jar, чеш. gar) весна, ярецъ—май; костр. яръ—жаръ, серб. јара—жаръ печи, нѣм. jar; Ярило—солнечный праздникъ. У насъ эпитетомъ бываетъ чаще слово «ярый»—отъ того же корня, но почти всегда съ второстепенными уже значеніями. Весна—время высшаго развитія половыхъ побужденій: «ярый»—стало означать именно юную, неистовую силу и похотливость (ярунъ—похотливый, быкъ—яровикъ); отсюда перешло къ понятію силы, свирѣпости (ярый, арх.—сильный, луж. jara—очень; ярый конь, вѣтеръ, морозъ, буря, пламя; яровой хлѣбъ—быстро растущій, быстрѣе озимаго; яровать—кипѣть,—подходитъ къ корню «грѣть»; серб. јаро жито, польск. jare zboże, ярица—пшеница). Съ другой стороны, «ярый» перешло къ понятію «весенній, молодой» (ярыя пчелы—весенняго роенья, «ярій скотъ» курск.—второгодній, «яръ»—размоина отъ весенней воды, овцы «ярки»—молодыя. Отъ кореннаго значенія слова «ясный» пошла другая вѣтвь понятій потому же пути, какъ и отъ «бѣлый»: «ярый» стало означать именно бѣлый цвѣтъ. Въ этомъ-то значеніи мы и находимъ «ярый», какъ эпитетъ, при «пшеница»—серб. белица пшеница, хорв. rumena pšenica—свѣтлая, золотистая. Обычный эпитетъ пшеницы «бѣлояровая» (Р. 3, 11; Г. 148, 450, 452, 529 и

т. д.) представляетъ редупликацію одного и того же понятія (ср. ярый воскъ—чистый, бѣлый; ярый чугунъ—бѣлый, хрупкій; ярые гоголи—«Др. росс. ст.» 74).

Подъ пшеницей или пшеномъ въ былинахъ разумѣется кукуруза, джугары. (Аѳ. 1, 439).

Въ русскихъ былинахъ «солнце» изрѣдка имѣетъ эпитетъ «теплое» (Г. 1134); также называется и «лѣто» (Р. 311). Изъ другихъ эпитетовъ съ понятіемъ свѣта, повторяющихъ понятіе, лежащее въ основѣ опредѣляемаго, упомянемъ «зорюшка лучная» (Р. 3, 27—123): лучъ, луна—lux; «лучи» въ былинахъ называются «солнопечными» (Г. 1107),—позднѣйшій эпитетъ; мѣсяцъ—«лунным»ъ» (не различаются «луна» и «мѣсяцъ»); «луна»—«небесною» (Г. 1063).

Итакъ, эпитеты небесныхъ свѣтилъ, особенно солнца, повторяютъ понятіе свѣта, лежащее въ основѣ названій свѣтилъ.

Выше мы сказали, что въ древнѣйшихъ соединеніяхъ эпитетъ «красный» заключаетъ въ себѣ понятіе свѣта. Свѣтъ солнца считался источникомъ красоты, свѣтлое считалось прекраснымъ (ср. красоваться—жить весело, красная жизнь—счастливая, краситься—играть, гулять; мр. «гарний» родственно съ «горѣть—грѣть» (Аѳ. 1, 98), хорут. zal, gorši—красивый. Дѣйствіе красоты на другихъ изображается свѣтомъ: Метл. 331: «Оришечка... у церковъ війшла, тай засіяла». Солнце представляется народной фантазіи въ видѣ «красной дѣвицы» (загадка: красная дѣвушка по небу ходитъ); у нѣмцевъ frû sôle=frau sonne, heilige frau (Аѳ. 1, 71). Былинное выраженіе «красная дѣвица» (Г. 472, 502, 512) находитъ себѣ повтореніе и въ другихъ случаяхъ: въ «Словѣ о полку Игоревѣ»: «красьному Романови», «красьныя Глѣбовны»; въ гал. пѣснѣ: «два молодці

красних, дві дівоньци красних, красний панычу» (Пот., «Слово о полку Игоревѣ» 12 стр.); Якушк. Н. р. п. 67: «красны бережки»; въ былинахъ: красный Волынецъ, красенъ Кіевъ городъ (Г. 1296). Палаты называются иногда «красовитыми» (Р. 3, 3—39). Теперь понятіе «красный» въ смыслѣ «прекраснаго» довольно рѣдко (пора, житье, словцо, столъ, смерть, похороны—когда мужъ жену хоронитъ; «жена мужемъ красна»); въ былинахъ «прекрасный» явилось поздно, кое-гдѣ: «красавица прекрасная» (Г. 1173). Краснымъ называется еще «золото» (Г. 472, 502, 512), т. е. прекрасное, украшающее, дорогое; иначе оно называется «червоннымъ».

Понятіе свѣта заключается и въ эпитетѣ **синій** въ его древнѣйшихъ соединеніяхъ. Синій—отъ «сіять». Это древнѣйшій эпитетъ молніи, въ блескѣ которой видѣли подобіе огоньковъ, перебѣгающихъ по догорающимъ угольямъ: въ «С. о п. И»· «синіи млъніи»; серб. «пучекао сињи гром»; синее пламя почиталось особенно священнымъ (Аѳ. 1, 283); пословица: «врагъ силенъ, валяетъ и въ синемъ» —намекаетъ на молнію (Буслаевъ, «Др. эп. пр. сл»· 1, 87). «Море синее» и серб. «сиње» (Кар. 5, 25; II, 2) значитъ «свѣтлое» (противоположеніе: туманъ на синемъ морѣ и тоска на сердцѣ)· «С. о п. И».: вино синее—серб. бистрица ракиjа; «ни синя пороха» о солнечной пыли. Рѣки называются иногда «синими»: «С. о п. И». «Синій Донъ»; Шеинъ, «Др. п.» 476: «синяя рѣчинька». Серб. сjajна мjесечина (К. 2, 46)—ясный лунный свѣтъ

Въ соединеніи съ «небо» эпитетъ «синій» раздвоился: принялъ значеніе синяго цвѣта, небеснаго. Въ послѣднемъ значеніи рѣдко въ былинахъ; воронъ си-

ній, кафтанъ (Г. 1330); у сербовъ «сињи»—эпитетъ кукушки—сѣропепельная, сѣрая.

Зеленый первоначально тоже означало понятіе свѣтлаго: родственно съ «золото, горѣть». Древнѣйшее соединеніе «зелено вино» (Г. 59, 60, 164, 181, 184 и т. д.) заключаетъ въ себѣ первичный смыслъ. Въ серб. «мач» (мечъ) зеленъ (К. II, 138, 449), т.-е. свѣтлый, мр. ясний; «сивъ—зелен» соко (ib. 383)—ясный; зелено језеро, зелена Бояна (К. II, 98, 105)=свѣтлая; конь «зеленко»=сѣрый (Пот.: «С. о П. И.» 46). Слово «зеленый» означало, можетъ-быть, свѣтъ какъ живительную силу, производящую растенія на землѣ; растенія, какъ получавшія жизнь отъ солнца, стали называться зелеными; послѣ подъ понятіемъ «зеленый» стали разумѣть единственно окраску растеній:—съ эпитетомъ «зеленый» въ былинахъ: садъ (Г. 486, 403), дуброва, лугъ (Г. 875, 409), затресье (Р. 1, 72—22: часть водъ, покрытая трестою), лукоморье (тоже—по цвѣту растительности наводяной, Р. 1, 53), серб. трава зелена (К. II. 14, 104; 158, 170; II. 15; 615, 704), поље зелено (К. 2, 14, 99; 113), крапива (Р. 265), листочки (Г. 1178), «не носимъ зеленога вѣнца» (К. I, 334); Шеинъ, «Др. п.» 250: зяленый лясочикъ, 473: зеленая траука». Послѣ «зеленый» стало отвлеченно означать цвѣтъ зелени,—въ былинахъ: зеленъ сафьянъ (Г. 123, 170), колпакъ (Г. 1134—изъ сафьяну), долама зелена (Кар. II, 15, 208: нижнее длинное платье) чадар зелен (К. II, 15, 318: шатеръ; также: бијел К. II, 5, 478), «стаметъ дорогой» зеленый (Г 1062; самитъ Р. 3, 122; въ «С. о П. Иг». аксамитъ=бархатъ).

Съ «зеленый» въ близкой семазіологической связи эпитетъ **золотой**: корни этихъ словъ общи и близ-

ви къ «горѣть». Въ древнѣйшемъ смыслѣ этотъ эпитетъ видимъ при «звѣзда»—«златая»,—соединеніе довольно рѣдкое (aurum—aurora, aura). Вторую ступень въ развитіи значенія слова «золотой» видимъ въ эпитетахъ: туръ златорогій, лань златорогая (Р. 288), олень златорогій (Г. 1179), кобылица златогривица, златошерстая. Подъ видомъ этихъ животныхъ олицетворяются въ былинахъ различныя явленія природы, въ которыхъ играетъ видную роль свѣтъ. Молніи, заря, радуга и т. п. олицетворялись въ видѣ животныхъ съ свѣтлыми рогами, шерстью, гривою, какъ бы сдѣланными изъ золота или позолочеными. Обычное значеніе эпитета «золотой» = сдѣланный изъ золота: труба золота, гривна, казна (Г. 67, 113, 165, 190), столъ, серб. стол злат (К. 4, 4 = престолъ), стремя златое (въ «Словѣ о полку Иг.»), пелы золоты (Р. 146; пело, пелька—передняя часть рубахи, покрывающая грудь); вѣнецъ златой (Г. 52, 155, 163, 565); Шеинъ, Р. п. 48: «леберушку душу, златокрыльцату свою»,—со свѣтлыми крыльями; латы златы серпентинныя (Р. 240, серпентинъ—зеленоватый твердый камень, змѣевикъ, кремнекислая магнезія). Чаще употребляется эпитетъ «золоченый» или «злаченъ»: золоченое колечко, подзолоченое колечко, перо, золоченыя пуговки (Кир. 1, 23), струны, злаченый шеломъ, стрѣла (въ «С. о полку Иг».), карета, стулъ, перстень (Г. 479, 507, 638, 538), позолоченая блеста (Р. 1, 46; блеста—кольцо, вдѣланное въ металлическую доску и прибитое къ воротамъ), узда позлаћена (2, 14, 83), рата (конское украшеніе—К 3; 1, 327). Теремъ называется: «злаченый, златоверхія головки (Р. 2, 137), златоверховатый, златоверхій (Р. II,

20, «С. о П. Иг.»). «Золотой» въ смыслѣ «прекраснаго» рѣдко бываетъ эпитетомъ: серб. јабука злата (II, 15, 320), слово злато (Сл. о П. Иг.); въ смыслѣ «дорогой» явилось еще позднѣе (человѣкъ, время, пора, правило). Такъ какъ «столъ златъ, латы» и «пелы златы» вѣроятнѣе всего нужно понимать только позолочеными, а «вѣнецъ золотой» — понятіе церковно книжное, то, значитъ, сдѣланными изъ золота въ былинахъ оказываются только деньги. И указанные нами «золоченые» предметы очень рѣдко употребляются съ этимъ эпитетомъ, только перстень постоянно называется «злаченымъ», да теремъ постоянно — съ позолоченой крышей (символизируетъ небесный сводъ съ свѣтилами — «золотыми»).

Серебренными въ былинахъ называются слѣдующіе предметы: подносъ, сваечка, колечко, чаша (Г. 1129), цѣпочка, пряжечки, подброздья (Р. 3, 34: конецъ удилъ, бροзды — удила), златница (Г. 640: ящикъ для денегъ), гвоздочекъ, шахматы, чернилица, шпилька, стол сребрн (III, 1, 99). «Серебренный» въ другихъ смыслахъ явилось послѣ, не въ былинахъ: въ пѣсняхъ — серебрянъ голосокъ = высокій, чистый; въ «Словѣ о П. Иг.»: серебреная сѣдина, струя (=бѣлая, свѣтлая), берега. Почти во всѣхъ случаяхъ «золоченый», «золотой» и «серебренный» — суть эпитеты ornantia: многія изъ нихъ употреблены только для того, чтобы показать богатство Чурилы или Дюка (такъ: чернильца, шахматы, пряжечки, перо, пуговки и др.).

По матеріалу въ былинахъ **мѣдными** называются: труба, (Г. II, 43), пушечка, монета (поздній эпитетъ), заслоны (эп. ornans — въ домѣ Чурилы). Мѣдь получалась съ востока — изъ Аравіи,

послѣ изъ Сибири; эпитеты при «мѣдь» показываютъ ея происхожденіе: «аравитская» (Г. 1169),—искажено въ «яровицкую» (и «журавицкую (Г. 2012); сибирская; казанская, казарка (Г. 1070): съ востока привозили ее казанскіе, казарскіе и аравійскіе купцы.

Желѣзными называются: запоры, обруча, щупалы, ось (Г. 1186). Всѣ эти предметы могли бы быть и деревянными: эпитетомъ указывается прочность (ornans). «Желѣзо» получалось съ Запада и имѣетъ эпитетъ «нѣмецкое», т. е. привозное.

Съ востока привозили и булатъ—азіатская узорочная сталь, иначе дамаскъ: «булатный» постоянный эпитетъ при «палицѣ» и «ножѣ» (палица: Г. 558, 561, 613). «Булатнымъ» называется: кольцо, стремена, топорикъ, пятникъ (пятничекъ: крюкъ у воротъ, Р. 3, 26), спеньки (спенекъ, шпенекъ, шипъ—застежка у пряжки, у подпруги).

Хрусталь—тоже съ востока (восточный—Р. III, 21); въ былинахъ находимъ «хрустальное стекло» и «зеркало». При названіяхъ частей дома, мебели, зданій и вообще громоздкихъ предметовъ, приготовляемыхъ изъ дерева, въ эпитетахъ находимъ указаніе, изъ какого именно дерева они приготовлены. Чаще всего здѣсь встрѣчаемъ кленъ и дубъ—съ прочной, крѣпкой древесиной. Эпитетъ **дубовый** находимъ при слѣдующихъ предметахъ: дверь, столъ (Г. 127, 164, 448, 457), скамеечка, конюшня (Г. 1321), рель (висѣлица—Р. 3, 56), плаха (Г 882), колода, лодочка, дощечка (для шашекъ). Особую породу дубъ составляетъ «бѣлый дубъ»; но эпитетъ «бѣлодубовый» едва ли не указываетъ на бѣлый цвѣтъ, чистоту пред-

мета, выдѣланнаго изъ обыкновеннаго дуба, тѣмъ болѣе, что породы растенія обыкновенно не различаются въ народномъ обиходѣ; «бѣлодубовыми» называются ворота (Г. 557), столъ, колода, дверь и покой (комната). «Кленовые» предметы уже ниже по достоинству: мосты (полы, Р. Ш, 30, 288), ступеньки, конюшня, столъ, шашечки. «Калиновы», постоянный эпитетъ при «мосты» (иногда и въ другихъ случаяхъ: порученьки калиновы=перила, Р. 1, 48; каленовая скамеечка,—вѣроятно= кленовая), очень древняго происхожденія: можетъ быть, здѣсь намекъ на миѳическаго кузнеца, сковывающаго воду морозомъ (Аѳ. 584), или на радугу, являющуюся въ видѣ небеснаго моста. «Калина» въ пѣсняхъ имѣетъ эпитеты: ясная, красная, жаркая, червонная; вездѣ повторяется понятіе, заключающееся въ словѣ «калина» (отъ «калить»—понятіе огня).

Обычный эпитетъ при «гусли»—яворчатыя: яворъ—красивое кавказское дерево—чинаръ, platanus orientatis, въ мр.—acer pseudoplatanus, нѣмецкій кленъ. Въ серб. јавор сув (=сухой, К. 2, 15); вѣроятно, онъ былъ наиболѣе удобнымъ матеріаломъ для музыкальныхъ инструментовъ. Встрѣчается и «скамеечка» яворчатая, рядомъ съ обыкновенной «кленовой» или «дубовой». Липа въ эпосѣ почти неизвѣстна: встрѣчается «липовая плаха» —однажды. «Лапти» впрочемъ обыкновенно называются «липовыми» (Г. 60): изъ липовой коры. Постоянный эпитетъ кровати— «тисовая». «Тисъ»—taxus, baccata, иначе: зеленица, печно (квк.), красное дерево Но Потебня («С. о п. Иг.» 87) находитъ совершенно невѣроятнымъ, чтобъ на Руси дѣлали изъ тиса столы, кровати, ворота. Подъ тисомъ онъ разумѣетъ серб. тисово дрво, тисовина, pinus la-

гіх, лиственницу, которая и теперь водится въ Ю.-З. Руси. Метл. 270: вм. «зроби мені тісовую труву» — въ другихъ варіантахъ стоитъ «кедровую»; цел. тисние — кедры, тиса - πεύκη. Даль видитъ въ «тисовый» искаженіе изъ «тесаная»; фонетически «и» не могло измѣниться въ «е», но въ «тесовой кровати» ничего нѣтъ страннаго: тонкая выдѣлка кровати изъ теса могла останавливать на себѣ вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ былинахъ «тесовыми» называются и «ворота».

Обычный эпитетъ «палаты» — «бѣлокаменная» (постоянный эпитетъ при камнѣ — «бѣлый») — Г., 77, 122, 129, 163, 198; «тюрьма» иногда съ тѣмъ же эпитетомъ. «Полъ», «мостъ» (тоже, что полъ), «печка», «стѣна», «серéда» (Г. 1131: мѣсто передъ печью, вся куть, отдѣленная перегородкою; въ старину: поднятая на одну ступень половина избы, бабья и дѣтская часть, Даль) имѣютъ при себѣ эпитетъ «кирпичный», печка иначе называется «глиняною».

Особенно часто указываетъ на матерію эпитетъ «шелковый»; части лошадиной сбруи, нѣкоторые виды одежды чаще всего называются шелковыми: шелковая тетивушка, подпруга, поводъ, путинка (Р. 1, 1), плеточка, платокъ (Г. 1216), порты, чоботы семишелковые, кушачекъ (Г. 1330), поясъ (Р. I, 79—73); также: неводы, путо (Р. I, 1 путевья—сѣти). Въ переносномъ смыслѣ «шелковый» служитъ постояннымъ эпитетомъ «травы»: по глянцу и на ощупь трава похожа на шелкъ. Шелкъ получался съ востока и носитъ эпитеты: китайскій, шемахатный, — отсюда искаженія: маханскій, муханьскій.

Въ былинахъ извѣстенъ и «бархатъ» — съ эпи-

тетомъ «рытый», т.-е. разрѣзной и пушистый (узорочный), и «черный»: кафтанъ черна бархата (Г. № 156). Бархатъ въ былинахъ называется и «аксамитомъ», «саметомъ». Предметовъ изъ бархату очень мало упоминается въ былинахъ: стулъ бархатный (Г. 1128), котомочки (обитыя бархатомъ).

«Пуховый» служитъ эпитетомъ при словахъ: перина (Г. 170), шляпа.

На матеріалъ, изъ котораго сдѣланъ, составленъ предметъ, эпитеты указываютъ еще въ слѣдующихъ случаяхъ: «ядрышко чугунное» (Г. 1132); «попона пестрядинная»: — пестрядь пеньковая грубая ткань, пестрая, полосатая, синеполосая; въ «Др. рос. ст.»: столы дорогъ рыбій зубъ (109), подворотня дорогъ рыбій зубъ (519), кровать рыбій зубъ (Г.), гребеночка рыбная (Г. 1107),—т.-е. изъ рыбьяго зуба—моржевыхъ клыковъ; «соболиными» называются—одѣяло, шуба; «лосиновыми»—кожаники (Г. 954), платье кожанолосиное; штаны гололписовые (Г. 1099); платье скурлатъ сукна («скурлатъ» имѣетъ эпитетъ «голубой»), однорядочки голубь скурлатъ—«Др. р. ст.» 156; кровать слоновыхъ костей—ib. 9; покрыша сѣдыхъ бобровъ—ib. 14, бебрянъ рукавъ—«С. о п. Иг.»; сапожки сафьянные (сафьянъ—выдѣланная козловая кожа; «сапожки» иначе называются «козловыми», «сафьянъ турецкій» — Г. 1076), сапожки турецъ сафьянъ, зеленъ сафьянъ (Др. р. ст. 45); чулки кармазинные (Г. 1048: кармазъ—тонкое яркоалое сукно); кафтанъ камки рудожелтой (Кир. I, 22: камка—шелковая китайская ткань съ разводами—имѣетъ эпитеты: крущатая Г. 547, иначе: кручатая, хрущатая=крупчатая—Р. I, 53;

Ш, 32: «паруса флаки крупчатой камки=плотная; «крупчатою» называется и «жемчужина» Р. 3, 27; другой эпитетъ камки «двослитная»—безъ изнанки); шапочка турья рогъ; гуня парчевая; шуба кунья; рукавчичекъ тонкольняный; «медвяными» называются напитки, приготовленные изъ меда: изваръ Р. 3, 22, 131, питье 442, 455, 477 Г., кушанье медовое (=сладкое, какъ и «ѣства сахарныя»); калачъ крупичатый (129 Г.: изъ крупичатой муки—лучшей пшеницы, самаго тонкаго размолу; крупичатый медъ—крупчатый, сахаристый, стоялый); сарафаны рядные (Р. 2, 11, 155=холщевые). Въ большинствѣ перечисленныхъ соединеній эпитетъ указываетъ на матеріалъ не заурядный, а почему-либо считающійся рѣдкимъ, роскошнымъ: то это иноземныя ткани, сукна; то мѣха рѣдкихъ звѣрей, то моржевые клыки и др.

Многіе изъ перечисленныхъ выше эпитетовъ (бѣлый, красный, синій и др.) указывали на цвѣтъ предметовъ: цвѣтъ и матерія чаще всего обозначаются въ эпитетахъ.

Изъ эпитетовъ, означающихъ цвѣтъ, кромѣ упомянутыхъ чаще всего встрѣчается черный. Чернымъ всегда называется «воронъ». Слово это сближаютъ съ «врѣти, варъ»: «воронъ» названъ такъ по смуглому, загорѣлому цвѣту («смуглый» отъ «смажить»—жарить, волог. смага—сажа, чеш. smed—жажда). Ср. гало—вран=черная ворона, въ былинахъ: черная галка, галица. Черный цвѣтъ означаетъ безобразіе, ненависть, печаль, скорбь: воронъ—зловѣщая птица, змѣиный хоботъ названъ чернымъ (Г. 1140). Съ эпитетомъ «черный» имѣемъ названія животныхъ: конь (иначе: «вороной»=черный, какъ воронъ, подобно тому,

какъ и пиковая масть называется «галками»), козелъ, соболь (самый цѣнный—съ черною мочкою (остью) и голубымъ подшерсткомъ), куница (породы ея: каменная, горская, бухарская, бѣлодушка; лучшая—лѣсная, желтодушка—съ черною спиною: mastela martes). По цвѣту же «чернымъ» названы: порохъ (у сербовъ эпитеты пороха: «брз» и «пуст»: К. Ш, 43, 60: «брзијем прахом», ib. 200: «пустога праха пушчанога»; обя эпитета относятся первоначально къ пыли: ср. прахъ—напрасьно, стсл.=statim, серб. напрасан = praeceps; да и корень прѣх=прѣск,— прыснуть, ч. prchnauti, быстро бѣжать, - Пот. «С. н. п.» 59), пушечка (Г. 1132), шляпа, тафта (1142 Г.), корабль, брови (признакъ красоты: на бѣломъ лицѣ), земля, земља црна (К. 3, 83; Ш, 1, 177; Ш, 1, 127), гора чарна, тучи черныя (мр. «хмара чорна» —Метл. 51; Шеинъ, «Др. п.» 240: «туча грозная снѣговая, непогодливая; Р. Ш, 403: нанесло тучу черную со громамы со трескучима, со молоньями со сверкучими), лѣсъ (въ смыслѣ «темнаго» или въ смыслѣ «чернолѣсья»), вязъ одна изъ породъ). «Ночь» называется; «темною» (еще: «осенняя», какъ наиболѣе темная), срб. (1, 490): тавна ноћи! Далѣе: темный лѣсъ, облака (Г. 1281); въ переносномъ смыслѣ: орда темная, серб. таван, црн=печальный. «Темною» называется и «темница», погребъ. Срб. брк мрк (черный усъ—II, 15—156), вино мрно (II, 14, 151).

Эпитетъ черленый Аѳанасьевъ (3, 666) производитъ отъ имени насѣкомаго «червца», употребляемаго на окраску: іюль называется «червень», какъ время собиранія этого насѣкомаго,—«датское слово ormemaaned, названіе іюля, именно означаетъ это собираніе. «Червленый»—черленый—темнокрасный: черленый

корабль (Р. I, 318, «Др. р. ст.» 74), насадъ или носатъ (Р. II, 278), въ «Словѣ о п. И.» стягъ чьрлєнъ, чърлєна чолька (на красномъ древкѣ красный бунчукъ, щитъ чрленый; одинъ изъ видовъ вяза въ былинахъ называется черленымъ, червленымъ. Въ серб.: К. I, 335: не пиjем «црвенога вина» — отсюда и вода црвени (К. II, 15, 24). «Вино» носитъ еще эпитеты: руjно (К. 2, 14 184: желтовато красное), и «поjити вином руменијем» (К. 1, 229). Въ былинахъ очень рѣдко упоминается румянецъ, какъ признакъ красоты: румяна дѣвица. Отъ того же корня происходитъ эпитетъ «русый» и «рудой». «Русый» — постоянный эпитетъ при «коса» и «кудри» (въ пѣсняхъ: темнорусы брови): въ ведахъ руçат—rutilans, санскр. руч—lucere, splendere (Аѳ. 3, 122). «Рудожелтый—руjи, говорится о пескахъ: пески рудожелтые (Г. 564, 568), желтые, желтые разсыпные (и въ «Др. р. ст.» 106); о кафтанѣ: рудожелтъ кафтанъ (К. 1, 16: иначе кафтанъ по цвѣту называется: «смуръ» К. 1, 18, и «вишневой», т. е. изъ вишневаго атласу, вишневаго цвѣта, исчерна малиновый). Желтый обычный эпитетъ при «волоса» и «кудри» (Г. 137, 149, 180), въ серб. жут воск (К. 2, 5, 27): вѣроятно, здѣсь чувствовалось понятіе свѣтлаго, т. е. прекраснаго (корень близокъ къ «золото» и «горѣть»). Конь по масти называется «бурушкой» («бурый» — смурый искрасна черноватый — роднится съ «буря», «буранъ», «бурунъ»; бурый конь напоминаетъ цвѣтъ тучи); къ коню же прилагается сложный эпитетъ: «сивушка бурушка вѣщая ковурушка» (каурая масть то же, что бурая, только съ темнымъ ремнемъ по спинѣ; сивый—сіяющій, послѣ—сѣдой или съ просѣдью): можетъ-

«быть, въ этомъ игривомъ соединеніи мастей нужно видѣть перемѣны въ окраскѣ облаковъ, тучъ, тѣмъ болѣе, что «вѣщій» необходимо указываетъ на миѳологическій смыслъ указанныхъ эпитетовъ.

«Вѣщею» (птица-вѣщица) обыкновенно называются и «сорока»—птица предсказывающая. Въ сербскомъ эпосѣ эпитеты коня по масти: ђоhо-бѣляк (II, 15, 13), скуле (=кулаш, названіе коня мышинаго цвѣта), пуљат ђогат (пестробѣлый, К. II, 15, 575), ђого—вран (К. II, 15);—также: ђого—сокол (К. 2, 15: уподобляется соколу по быстротѣ). Не разъ упоминается въ былинахъ «соловая кобыла» (Г. 160 437:=желтоватая; со свѣтлымъ хвостомъ и гривой). Эпитетъ сизый находимъ при названіяхъ: орелъ, голубь; гнѣдой—туръ (Г. 1179); сѣрый—гусь, ласточка (1206 Г.), утушка, котъ (иначе: «кубоватый. Р. 3, 59, 86—жирный, бочковатый, округлый и раздутый въ бокахъ, ребристый), камешекъ. Камешекъ иначе называется синимъ, самоцвѣтнымъ; въ послѣднемъ случаѣ разумѣется какой-нибудь частный видъ драгоцѣнныхъ камней, напр. «яфонтъ» тоже носитъ эпитетъ «самоцвѣтный». «Латырь» называется «лазоревымъ» и вообще «цвѣтнымъ»; «цвѣтное платье», т.-е. разноцвѣтное; «цвѣтики лазуревы (лазурь—густой небесный цвѣтъ; въ Ряз. г. лазоревымъ цвѣткомъ спеціально называются «шапки», Tagetes, махровый яркожелтый цвѣтокъ). По цвѣту названы: сукна багрецовыя (1074 Г.), одинцовыя (Р. 143; 2, 30 =темнозеленыя), аздија коласта (К. 3, 53: верхняя одежда—пестрая, въ пятнахъ); сајалија црвлени (К. Ш, 1, 131: тонкое красное сукно, саржа), сарафанъ дубяный (Р. 2, 11:=окрашенный ивовою корою или дубовою; дубить—класть въ

дубъ, т.-е. вымачивать въ отварѣ дубоваго корья для выдѣлки, окраски и охраны отъ гнилости; дубленый полушубокъ). Трудно объяснить эпитетъ травы—**муравая**. Очевидно, этотъ эпитетъ самаго древняго происхожденія. Корень «мур» (см. Рыбн. CXLVII и CLIX) заключаетъ «представленіе мрака, цвѣта тучи, ночи (смуръ, пасмурный, хмурый),—ср. греч. μαυρὸς черный, μόρος—сынъ мрака и ночи, μορμὼ—пугало; марать—чернить, серб. мрк, польск., чеш. muřin, murzyn—арабъ. Но тотъ же корень заключалъ въ себѣ элементъ понятія свѣтлаго, развившійся послѣ въ словахъ: маръ—жаръ солнечный, марный—жаркій; морковь—т. е. желтый; «заря маряна въ южной Сибири, вечеръ маряный—когда небо покрыто розовыми облаками (Пот.: «Симв. нар. п.» 48).

Такимъ образомъ «муравый» выражало сначала понятіе чернаго съ элементомъ свѣта—блестящее черное. На этой ступени развитія значенія «муравый» соединилось съ «трава» и стало указывать на глянецъ послѣдней, на отраженіе на ней солнечныхъ лучей, особенно, когда она покрыта росою. Эпитетъ «шелковая», которымъ трава сравнивается по глянцу съ шелкомъ, показываетъ, что именно глянецъ травы, блескъ ея, особенно подъ росою, останавливалъ больше всего вниманіе первобытнаго человѣка. Въ этомъ случаѣ въ эпитетѣ значеніе свѣта пересилило значеніе чернаго, хотя онъ все-таки означалъ именно блескъ, замѣчаемый на темной, зеленой и др. окраскѣ. Подобный смыслъ видимъ и въ словѣ «смородина»—смуродина: черная блестящая ягода. Вскорѣ «муравый» въ смыслѣ глянцевитаго стало соединяться и съ другими названіями: мурава, муръ, пск., тв. му́ромъ—полива, стекловитая оболочка на гончарной посудѣ, на изразцахъ, изъ гле-

ат и оловяннаго пепла; греч. μορόεις—блестящій, глянцевитый и черный—при названіяхъ плодовъ (смородина), μουρρίνη, μορρίνη, murrea, murrina—посуда, перенесенная въ Римъ изъ Азіи, изъ обожженной глины съ глазурью. А такъ какъ глиняная муравленая посуда обыкновенно дѣлалась съ нарѣзками, травчатою, эпитетъ «муравленый» сталъ соединяться съ названіями и другихъ предметовъ, окрашенныхъ въ пестрый цвѣтъ, съ фигурами,—отсюда въ былинахъ: печка муравленая (Р. 3, 16—182—росписная разводами), чердаки помуравлены (Р. II, 31); муравчатый—мелкокрапчатый. Эпитетъ «муравая» до того освоился съ «травою», что «муравый» и отдѣльно получило значеніе зеленаго, цвѣта травы: новг. муравый, муравой—зеленый, пск. муръ—май, вор.—цвиль, плѣсень. Съ другой стороны, отъ «трава» явилось прилагательное «травчатый», означающее то же, что муравленый въ позднѣйшемъ его смыслѣ, т.-е. съ нарѣзками, фигурками, крапчатый: въ былинахъ находимъ: «рубашка бѣлотравчатая».

Понятіе свѣтлаго заключается рѣже въ эпитетахъ «чистый» и «святой». Въ первичномъ смыслѣ чистымъ называется небо и вода. обл. чисть—ясень, вёдро; также «серебро». «Чистый шелкъ»—блестящій, съ глянцемъ.

Такъ какъ огонь, свѣтъ прогоняетъ темныя силы, то «чистый» получило смыслъ нравственнаго очищенія (очищеніе—прыганье черезъ огонь—религіозный обрядъ; нечистый—діаволъ): въ этомъ смыслѣ (=святой) въ былинахъ христіанское понятіе «Пречистая Богородица». Эпитетъ «святой» потерялъ уже значеніе свѣтлаго (святой—свѣтъ: серб. свет, чеш. swaty, лит.

szwentas, зенд. çpenta), употребляется въ христіанскомъ смыслѣ: вѣнецъ святой, мощи.

Итакъ, чаще всего эпитеты указываютъ на матерію и цвѣтъ предмета.

П. Первовъ.

Продолженіе будетъ.

встн

а ки

ъ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ:

„ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ"—Пушкина, II. „ЛѢСНОЙ ЦАРЬ"—Жуковскаго, III. „БѢСЫ", IV. „ТУЧА" и V. „КЪ МОРЮ"—Пушкина, VI. „ТРИ КЛЮЧА"—его же и VII. „ЛѢСЪ"—Кольцова *).

IV.

«Т у ч а» —Пушкина.

Въ стихотвореніи: «Туча», Пушкинымъ изображены измѣненія въ явленіяхъ природы. Поэтъ рисуетъ (во 2-ой строфѣ) картину недавней бури. Темныя тучи облегали кругомъ небо, молнія зловѣщимъ свѣтомъ пронизывала ихъ, и глухо раздавались громовые удары... Грозная туча, наконецъ, разразилась проливнымъ дождемъ, напоившимъ алчную землю.

Буря промчалась. Насталъ свѣтлый, ликующій день, небо—ясная лазурь. Тихо. Лишь легкій вѣтерокъ шелеститъ листочками деревъ. Освѣженная природа еще прекраснѣе, чѣмъ была до грозы: ее освѣжила буря, напоивъ дождемъ алчную землю...

Но на небѣ еще осталась одна тучка—послѣдній слѣдъ разсѣянной бури. Она одна, «носясь по ясной лазури, наводитъ унылую тѣнь, печалитъ ликующій день». Ей-то и говоритъ поэтъ: «Довольно, сокройся! пора миновалась: земля освѣжилась, и буря промчалась».

Остановимся на внутренней сторонѣ, на мысли стихотворенія.

---

*) Продолж. См. III вып. 1901 г.

Перенесенныя человѣкомъ душевныя потрясенія, душевныя бури, тяжолыя душевныя муки, оставляютъ слѣдъ въ его душевномъ настроеніи. И хотя бы обстоятельства, вызвавшія означенныя душевныя муки и потрясенія, прошли, все-таки послѣ нихъ остается въ душѣ грустный оттѣнокъ, который, по образному выраженію поэта: «одинъ наводитъ унылую тѣнь, одинъ печалитъ ликующій день».

Грустный оттѣнокъ, оставшійся въ душевномъ настроеніи человѣка послѣ пережитыхъ тяжолыхъ душевныхъ мукъ, обыкновенно проглядываетъ при самыхъ радостныхъ, веселыхъ обстоятельствахъ жизни. Про этотъ-то грустный оттѣнокъ, такъ не гармонирующій съ новыми свѣтлыми обстоятельствами жизни, поэтъ и говоритъ:

«Довольно, сокройся! пора миновалась: земля освѣжилась, и буря промчалась».

Тучка, оставшаяся послѣ бури на ясномъ небѣ и наводящая унылую тѣнь, и служитъ художественнымъ образомъ для выраженія грустнаго оттѣнка, остающагося въ душевномъ настроеніи человѣка послѣ пережитаго имъ тяжелаго чувства.

Обращаясь къ тучкѣ, омрачающей ликующій день, со словами: «Довольно, сокройся!» —поэтъ тѣмъ самымъ выражаетъ желаніе, чтобы мрачный слѣдъ, оставшійся въ душѣ послѣ пережитой душевной бури, изгладился изъ воспоминанія и не омрачалъ свѣтлаго настроенія духа. Но, съ другой стороны, какъ грозовая туча, пролившаяся дождемъ, и освѣжаетъ воздухъ, и напояетъ «алчную землю», такъ и душевныя бури нерѣдко просвѣтляютъ и очищаютъ душевную жизнь человѣка, и способствуютъ выработкѣ въ немъ нравственнаго характера. «Несчастія дѣлаютъ насъ лучшими».

При стилистическомъ разборѣ даннаго стихотворенія можетъ быть обращено вниманіе учащихся на образность и гармоничность рѣчи, при чемъ можетъ быть указано на построеніе стиха. Четырехстопный амфибрахическій стихъ наиболѣе удобенъ для элегическихъ стихотвореній, каковымъ и является разбираемое произведеніе.

Для возбужденія самодѣятельности учениковъ, направленной къ уразумѣнію произведенія и составленію нужныхъ выводовъ, могутъ быть предлагаемы слѣдующіе вопросы:

Передайте содержаніе второй строфы,—первой,—третьей. Въ какой связи находятся эти строфы между собою? Не служатъ ли изложенныя картины образомъ для выраженія извѣстныхъ явленій въ душевной жизни человѣка? Изображеніе бури чему соотвѣтствуетъ въ душевной жизни человѣка?

Что обозначаетъ тучка, оставшаяся послѣ бури? Какая основная мысль произведенія, и какъ она выражена?

Заучиваніе стихотворенія наизусть.

Для письменной работы можетъ быть предложена одна изъ слѣдующихъ темъ: 1) Описаніе бури; 2) Основная мысль стихотворенія: «Туча», и выраженіе ея.

V.

«Къ морю»—Пушкина.

Въ періодъ съ 1820 по 1824 годъ Пушкинъ временами жилъ на берегу Чернаго моря, именно, въ Крыму, на Кавказѣ и затѣмъ—въ Одессѣ.

Черное море производило на него сильное впечатлѣніе. Въ 1824 году онъ долженъ былъ уѣхать изъ Одессы на сѣверъ, въ свое родовое имѣніе Михайловское Псковской губ. Въ стихотвореніи: «Къ морю», поэтъ прощается съ моремъ и выражаетъ тѣ чувства, мысли и желанія, которыя оно вызвало въ немъ.

Все стихотвореніе состоитъ изъ 14 строфъ.

Въ первыхъ двухъ строфахъ поэтъ, прощаясь съ моремъ, говоритъ, что онъ въ послѣдній разъ видитъ его блестящую, гордую красу и въ послѣдній же разъ слышитъ его «грустный шумъ, шумъ призывный». Шумъ моря поэтъ уподобляетъ заунывному ропоту друга, зовущаго его въ прощальный часъ.

Въ слѣдующихъ трехъ строфахъ онъ выражаетъ свои воспоминанія, связанныя съ моремъ; именно: въ третьей строфѣ онъ говоритъ, что «тихій и туманный, завѣтнымъ умысломъ томимый», бродилъ онъ по берегамъ моря; въ четвертой строфѣ говоритъ, что онъ любилъ и «глухіе звуки» моря, и «тишину въ вечерній часъ», и «своенравные порывы» моря. Въ пятой строфѣ поэтъ яснѣе раскрываетъ значеніе выраженія: «и своенравные порывы». Тихо море, и—небольшія рыбачьи лодки смѣло скользятъ по его поверхности; взбурлитъ оно, и—тогда ничто не одолѣетъ его, не противостоитъ ему: «стая тонетъ кораблей». Въ шестой строфѣ поэтъ выражаетъ сожалѣніе, что ему «не удалось навѣкъ оставить скучный, неподвижный брегъ», привѣтствовать море восторгами, имъ же вызванными, и унестись своимъ поэтическимъ вдохновеніемъ въ міръ, навѣянный моремъ («по хребтамъ твоимъ направить мой поэтическій побѣгъ»).

Въ седьмой строфѣ поэтъ говоритъ, что онъ стремился къ морю: оно влекло его («Ты ждалъ, ты звалъ»);

но напрасно рвалась душа его (поэта): онъ, очарованный моремъ, остался на сушѣ.

Съ восьмой до двѣнадцатой строфы поэтъ говоритъ о тѣхъ двухъ геніяхъ, представленіе о которыхъ связалось въ его сознаніи съ представленіемъ о морѣ.

Въ восьмой строфѣ поэтъ, задавшись вопросомъ: «Куда бы нынѣ я путь безпечный устремилъ?» говоритъ, что одинъ предметъ въ океанѣ поразилъ бы его: предметъ этотъ— «одна скала—гробница славы» (островъ св. Елены).

Въ девятой строфѣ говорится, что тамъ, на островѣ св. Елены, угасалъ, среди мученій, Наполеонъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ забывались («погружались въ хладный сонъ») и тѣ «величавыя воспоминанія», которыя связаны съ этимъ героемъ.

Въ десятой и одиннадцатой строфахъ поэтъ говоритъ, что вслѣдъ за Наполеономъ скончался другой геній, «властитель нашихъ думъ», именно Байронъ; онъ исчезъ, «оплаканный свободой» (Байронъ въ своихъ произведеніяхъ воспѣвалъ свободу; онъ же вступилъ въ число войскъ, сражавшихся для освобожденія грековъ отъ гнета турокъ, и умеръ во время войны), «оставя міру свой вѣнецъ» (т.-е. свои поэтическія произведенія). Въ концѣ одиннадцатой строфы поэтъ, обращаясь къ морю, говоритъ: «Шуми, волнуйся непогодой», выражая тѣмъ свою тоску, ибо скончался тотъ, кто воспѣвалъ (изображалъ) море («онъ былъ, о море, твой пѣвецъ!»).

Въ двѣнадцатой строфѣ поэтъ характеризуетъ Байрона. Поэтическое чувство подсказало ему сходство нѣкоторыхъ чертъ характера Байрона съ чертами моря, и онъ характеризуетъ перваго чертами послѣдняго;

«какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,—какъ ты, ничѣмъ не укротимъ».

Въ послѣднихъ двухъ строфахъ (13 и 14) поэтъ снова прощается съ моремъ, при чемъ въ первой изъ этихъ строфъ онъ говоритъ, что не забудетъ его торжественной красы и его гула, а во второй—что унесетъ «въ лѣса, пустыни молчаливы» воспоминаніе о скалахъ и заливахъ моря, о блескѣ, тѣни его и говорѣ волнъ. . И дѣйствительно, мы видимъ, что въ стихотвореніи: «Опять на родинѣ», написанномъ десять лѣтъ спустя, поэтъ говоритъ, что, сидя на холмѣ имѣнія Михайловскаго, онъ «вспоминалъ иные берега, иныя волны», именно берега и волны Чернаго моря. Попутно съ выясненіемъ содержанія стихотворенія выясняются и тѣ выраженія, которыя, будучи не выяснены, мѣшаютъ ясному пониманію стихотворенія. Къ такимъ выраженіямъ относятся—«свободная стихія» (древніе различали четыре стихіи: воздухъ, огонь, землю и воду; «свободная»—въ смыслѣ: ни отъ кого не зависимая); «моей души предѣлъ желанный» (море названо «предѣломъ», поэтъ стремился къ этому предѣлу; сравни съ выраженіемъ: «ближе къ милому предѣлу», въ стихотвореніи: «Брожу ли я») *): «завѣтнымъ умысломъ томимъ» (поэтической думой, идеей, которая овладѣвала душой поэта и ложилась въ основаніе художественнаго произведенія); «тебя восторгами поздравить» (выразить чувство восторга, восхищенія, вызванное моремъ и его явленіями) «и по хребтамъ твоимъ направить мой поэ-

*) Какъ жившій въ ссылкѣ, поэтъ не имѣлъ права отправиться по морю на кораблѣ; слѣдовательно, берегъ моря («предѣлъ») для него былъ рубежомъ, за который онъ не могъ переступать. *Ред.*

тическій побѣгъ» (унестись воображеніемъ, поэтическою мыслью въ тотъ міръ, куда, по связи идей и образовъ, могло бы унести море); «ты ждалъ, ты звалъ» (сказуемыя поставлены въ мужескомъ родѣ, такъ какъ подъ подлежащимъ «ты» подразумѣваются слова море—другъ); «куда бы нынѣ я путь безпечный устремилъ» (куда бы теперь я унесся своимъ воображеніемъ, поэтической думой); «погружались въ хладный сонъ» (забывались, засыпали).

Изъ приведеннаго выше краткаго изложенія содержанія всѣхъ строфъ стихотворенія: «Къ морю», видно, что это стихотвореніе по предмету можетъ быть раздѣлено на три главныя части: I. море и чувства поэта, вызванныя имъ; II. воспоминаніе о двухъ геніяхъ, и III. обѣщаніе не забыть море. Каждая изъ этихъ частей можетъ быть раздѣлена на второстепенныя части. Такъ, первая часть раздѣляется на слѣдующія второстепенныя части: 1) прощаніе съ красотой и шумомъ моря; 2) воспоминаніе о томъ, какъ онъ (поэтъ), «томимый завѣтнымъ умысломъ», бродилъ по берегамъ моря и любилъ его глухіе звуки, его тишину, его порывы; 3) выраженіе сожалѣнія, что не удалось оставить берегъ и удовлетворить своему стремленію умчаться въ море. Вторая часть раздѣляется на слѣдующія второстепенныя части: 1) воспоминаніе о Наполеонѣ I и островѣ св. Елены; 2) воспоминаніе о Байронѣ и характеристика его. Третья часть раздѣляется на двѣ второстепенныя части: 1) поэтъ не забудетъ моря; 2) онъ перенесетъ образы моря въ лѣса и пустыни. Нѣкоторыя изъ второстепенныхъ частей могутъ быть раздѣлены на третьестепенныя части.

Графически планъ стихотворенія можетъ быть изображенъ такъ:

Мысли и чувства, вызванныя у поэта

- I. моремъ:
  - 1) прощаніе
    - а) съ красотой моря,
    - б) съ шумомъ его;
  - 2) воспоминаніе:
    - а) бродилъ съ поэтической думой,
    - б) любилъ
      - глухіе звуки,
      - тишину,
      - порывы
        - лодки скользятъ,
        - стая кораблей тонетъ;
  - 3) сожалѣніе:
    - а) не удалось
      - оставить берегъ,
      - восхищаться моремъ,
      - умчаться поэтической думой;
    - б) не осуществилось стремленіе:
      - былъ очарованъ моремъ, но
      - остался у береговъ его.
- II. Воспоминаніе о геніяхъ:
  - 1) Наполеонѣ:
    - а) забывались воспоминанія,
    - б) угасалъ Наполеонъ,
    - в) почилъ Наполеонъ.
  - 2) Байронѣ:
    - а) скончался поэтъ,
      - а) оплаканный свободой,
      - б) оставившій міру свой вѣнецъ,
      - в) воспѣвшій море;
    - б) характеристика Байрона:
      - послѣдній могущъ,
      - глубокъ,
      - мраченъ,
      - неукротимъ.

III. Обѣщаніе поэта { а) не забыть { красы, гула моря; б) унести образы моря въ лѣса, пустыни.

Поэтъ съ глубокимъ чувствомъ относится къ морю и, подъ вліяніемъ этого чувства, обращается къ нему, какъ къ живому существу, придавая ему качества и дѣйствія живого существа. Ученики указываютъ въ стихотвореніи олицетвореніе моря. Напр.: «Ты катишь... и блещешь»; «твоею прихотью хранимый»; «ты взыгралъ, неодолимый»; «тебя восторгами поздравить»; «ты ждалъ, ты звалъ»; «твой образъ былъ на немъ означенъ, онъ духомъ созданъ былъ твоимъ» и друг.

Чувство поэта носитъ отпечатокъ грусти: поэтъ прощается съ моремъ, которое нравилось ему, было близко, дорого ему. Сознаніе, что не осуществилось завѣтное желаніе (жить у моря) усиливаетъ грустное чувство поэта.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ разсматриваемомъ стихотвореніи, какъ и во многихъ другихъ того же поэта, грусть не переходитъ въ отчаяніе. Поэтъ находитъ примиряющую мысль. Вопросъ: «О чемъ жалѣть?» показываетъ, что поэтъ примиряется съ необходимостью разстаться съ моремъ.

Стихотвореніе, проникнутое грустнымъ чувствомъ, вызваннымъ лишеніемъ чего-нибудь дорогого или сознаніемъ несбывшихся надеждъ, называется элегіей. Разсматриваемое стихотвореніе—элегія.

Стихотвореніе: «Къ морю», заучивается учениками наизусть для выразительнаго произношенія.

При объяснительномъ чтеніи стих.: «Къ морю», эвристическимъ путемъ могутъ быть предлагаемы ученикамъ слѣдующіе вопросы: По какому поводу написано стихо-

твореніе: «Къ морю»? На какія главныя части раздѣляется стихотвореніе? Изложите содержаніе каждой строфы первой главной части. На какія второстепенныя части раздѣляется первая главная часть? Изложите содержаніе каждой строфы второй главной части. На какія второстепенныя части дѣлится вторая главная часть? Изложите содержаніе каждой строфы второй главной части. На какія второстепенныя части дѣлится вторая главная часть? Изложите содержаніе каждой строфы третьей главной части. На какія второстепенныя части можетъ быть раздѣлена третья главная часть? Въ какомъ стихотвореніи поэтъ вспоминаетъ о Черномъ морѣ («иные берега, иныя волны»)? Объясните выраженія: «свободная стихія», «завѣтнымъ умысломъ томимъ», «тебя восторгами поздравить» и т. д. Какъ поэтъ относится къ морю? какъ онъ изображаетъ его? Укажите выраженія, показывающія олицетвореніе поэтомъ моря. Укажите образныя выраженія. Что поэтъ говоритъ о Наполеонѣ? Что онъ говоритъ о Байронѣ и какъ характеризуетъ его? Какимъ чувствомъ проникнуто все стихотвореніе? Какимъ взглядомъ умѣряется грустное чувство поэта? Къ какому виду лирическихъ произведеній относится стих.: «Къ морю»—Пушкина?

Для письменной работы ученикамъ можетъ быть предложена одна изъ слѣдующихъ темъ: 1) Изложеніе содержанія стихотворенія: «Къ морю» —Пушкина. 2) Картины моря (по стихотворенію: «Къ морю»—Пушкина). 3) Сравненіе стихотвореній: «Море»—Жуковскаго и «Къ морю»—Пушкина. 4) Что говоритъ Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи: «Къ морю», о Наполеонѣ и Байронѣ и какъ относится къ нимъ?

VI.

«Три ключа»—Пушкина.

Основная мысль стихотворенія: «Три ключа», выражена въ аллегорической формѣ:

«Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа».

Подъ «степью мірской, печальной и безбрежной» подразумѣвается людской міръ, жизнь людей. Сообразно съ этимъ, подъ «тремя ключами», которые «таинственно пробились въ степи мірской», подразумѣваются три направленія, трояваго рода внутреннія силы, опредѣляющія и поддерживающія жизнь и дѣятельность людей, и придающія извѣстный характеръ этой жизни и дѣятельности.

Первый ключъ,

«Ключъ юности, ключъ быстрый и мятежный,
Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча».

Подъ этимъ ключомъ разумѣется та внутренняя сила, которая побуждаетъ людей, обладающихъ въ значительной мѣрѣ этой силой, всю свою жизнь отдаваться кипучей дѣятельности. Жизнь ихъ, по образному выраженію поэта, «кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча». Они всегда обладаютъ юношескимъ жаромъ, юношескими стремленіями; имъ «по плечу все тяжолое»; они вѣчно полны силъ и энергіи; такихъ-то людей и «поитъ мятежный, быстрый ключъ юности».

Второй—«Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ».

«Кастальскимъ ключомъ» древніе называли источникъ на горѣ Парнасѣ,—источникъ художественнаго

вдохновенія, творчества. Этотъ источникъ поитъ служителей искусствъ: поэтовъ, живописцевъ, музыкантовъ и вообще художниковъ. Въ творческой дѣятельности художники находятъ внутреннее удовлетвореніе и охотно отдаются ей. Поэтовъ и вообще художниковъ Пушкинъ называетъ «изгнанниками». Живя высшею духовною жизнью, глубже чувствуя и яснѣе понимая явленія жизни и міра, они сами не всегда бываютъ понимаемы окружающими людьми, которые потому и чуждаются ихъ.

Пушкинъ говоритъ молодому художнику:.... «услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы народной; но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ» («Поэту»). Лермонтовъ въ стихотвореніи: «Пророкъ», говоритъ, что когда пророкъ сталъ проповѣдывать людямъ «любви и правды чистыя ученья», то они бросали въ него «бѣшено каменья». Да и самъ художникъ, по словамъ Пушкина, въ минуты вдохновенья «тоскуетъ въ забавахъ міра, людской чуждается молвы».... «Бѣжитъ онъ, дикій и суровый, и звуковъ и смятенья полнъ, на берега пустынныхъ волнъ, въ широкошумныя дубравы».

«Послѣдній ключъ—холодный ключъ забвенья».

Изъ этого ключа, «ключа забвенья», пьютъ тѣ, которые забываютъ о с е б ѣ, холодно, безучастно относятся къ собственному матеріальному благополучію, менѣе всего думаютъ о собственномъ земномъ счастьѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетворяя присущей имъ внутренней потребности, они отдаются до самозабвенія дѣятельности на пользу ближнихъ. Къ такимъ лицамъ относится и мать, которая, заботясь о многочисленной своей семьѣ, трудясь для блага каждаго изъ членовъ этой семьи, менѣе всего думаетъ о самой себѣ, о собственномъ отдыхѣ и о своемъ здоровьѣ. Къ такимъ же лицамъ относится и сестра милосердія, которая ухаживаетъ

за больными и ранеными воинами и не думаетъ о тѣхъ тягостяхъ и непріятностяхъ, которыя ей приходится переносить. Къ такимъ лицамъ относится и врачъ, который во время эпидеміи отдается лѣченію больныхъ, не думая о томъ, что каждую минуту онъ можетъ заразиться болѣзнью. Онъ служитъ больнымъ, заботится о нихъ, забывая о самомъ себѣ. Къ такимъ лицамъ относятся и всѣ тѣ, которыя посвятили себя въ той или иной формѣ служенію ближнимъ, не заботясь о собственномъ благополучіи, и вообще такія лица, которыя исполняютъ заповѣдь Спасителя: «Кто хочетъ по мнѣ итти, тотъ отвержется себя (забудетъ о себѣ), возьметъ крестъ свой и по мнѣ идетъ»... Такіе люди, забывая о себѣ, не заботясь о собственномъ счастьѣ, а заботясь лишь о благополучіи ближнихъ, на самомъ дѣлѣ испытываютъ высокое духовное наслажденіе. «Иго мое», сказалъ Спаситель: «благо, и бремя мое легко»... «Возьмите иго Мое и найдете покой душамъ вашимъ» (Матѳ. XI, 28, 29). «Ключъ забвенья», сказано въ стихотвореніи: «слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ». *)

Разсматриваемое стихотвореніе распадается на три главныя части: въ первой говорится, что въ степи мірской таинственно пробились три ключа; во второй—характеризуется сущность каждаго ключа и въ третьей говорится о преимуществѣ послѣдняго ключа. Вторая часть, сообразно тому, что говорится о каждомъ ключѣ, распадается на три второстепенныя части: а) ключъ юности, б) Кастальскій ключъ и в) ключъ забвенья.

---

*) Подъ «ключомъ забвенья нѣкоторые понимаютъ забвеніе обо всемъ, что тревожитъ человѣка (Нирвана). Но въ педагогическихъ цѣляхъ мы считаемъ болѣе умѣстнымъ и даже болѣе вѣрнымъ предложить учащимся приведенное нами объясненіе.

Пересказъ учениками содержанія стихотворенія и затѣмъ заучиваніе его наизусть.

Вопросы, предлагаемые ученикамъ при объяснительномъ чтеніи стихотворенія: «Три ключа». Что подразумѣвается въ стихотвореніи подъ «тремя ключами», пробившимися «въ степи мірской»? Что изображено подъ первымъ ключомъ? Кого поитъ второй ключъ, и что изображено имъ? Кто въ стихотвереніи названъ изгнанниками? Что изображено подъ третьимъ ключомъ? Какой ключъ «слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ»? Укажите планъ стихотворенія.

Тема для письменной работы: Разоблаченіе аллегорической формы и выясненіе мысли стихотворенія: «Три ключа»—Пушкина.

VII.

«Лѣсъ»—Кольцова.

Стихотвореніе: «Лѣсъ», состоитъ изъ двадцати строфъ. Въ каждой строфѣ по четыре стиха. Въ первыхъ пяти строфахъ поэтъ рисуетъ печальный видъ лѣса осенью.

Начинается стихотвореніе вопросомъ (фигурой вопрошенія):

«Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился»?

Этимъ вопросомъ поэтъ рисуетъ картину лѣса и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ изумленіе, отчего онъ, дремучій лѣсъ, «призадумался», «затуманился».

Поэтъ олицетворяетъ лѣсъ, приписывая ему признаки одушевленнаго предмета («призадумался», «не ратуешь») и сравниваетъ его со сказочнымъ богатыремъ—Бовой, придавая ему признаки этого богатыря:

«Что Бова—силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,
Ты стоишь, поникъ
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?»

«Съ непокрытою головой»... Куда же дѣвался покровъ лѣса? Отвѣтомъ служитъ четвертая строфа и первые два стиха пятой строфы:

«Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Бурный вихрь сорвалъ
И разсѣялъ въ прахъ;
Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался».....

Очевидно, что подъ «густолиственнымъ зеленымъ шлемомъ» изображены зеленые листья верхушекъ деревьевъ, и эти листья сорваны вихремъ и развѣяны по землѣ. Подъ «плащомъ» изображены листья боковыхъ частей деревьевъ. Эти листья опали и разостлались у корней деревьевъ.

Осенью лѣсъ принялъ печальный видъ. Онъ будто «призадумался», «затуманился». Онъ лишенъ своей зеленой листвы и почернѣлъ. Не слышно въ немъ веселыхъ весеннихъ и лѣтнихъ звуковъ, и только въ непогодь слышенъ жалобный вой.....

Печальный видъ лѣса вызываетъ въ поэтѣ воспо-

минаніе о видѣ его лѣтомъ, въ періодъ его могущества и силы. Поэтъ изумленъ происшедшей перемѣной, что и выражаетъ тоже вопросомъ (фигурой вопрошенія):

«Гдѣ жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?»

Въ слѣдующихъ восьми строфахъ поэтъ подробнѣе раскрываетъ характерные признаки лѣса лѣтомъ, при чемъ преимущественно останавливается на изображеніи мощной борьбы лѣса съ бурей. Лѣтомъ, «въ ночь безмолвную» раздается заливная пѣснь соловьиная. Въ жаркій день, когда на открытомъ воздухѣ душно, въ лѣсу—роскошь; каждый, другъ и недругъ, находитъ въ немъ прохладу и отдыхъ. Случится вечеромъ буря: лѣсъ мощно ведетъ съ нею борьбу:

«Распахнетъ она (буря)
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ холодомъ,
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ,
Держи около!»

Буря разыграется, лѣсъ разбушуется, и кругомъ слышны свистъ, голоса и гулъ. Не одолѣть бурѣ мощнаго лѣса. Она «всплачется лѣшимъ вѣдьмою и несетъ свои тучи зá море».....

Вотъ каковъ былъ лѣсъ лѣтомъ! Не таковъ онъ теперь. Это снова вызываетъ въ поэтѣ вопросъ:

«Гдѣ жъ теперь твоя
Мочь зеленая?»....

Въ слѣдующихъ (17—20) строфахъ поэтъ выражаетъ причину перемѣны въ лѣсѣ.

Лѣсъ всю жизнь свою маялъ битвами; сильные враги не могли одолѣть его, но его подрѣзала осень черная.

Планъ стихотворенія—естественъ: образы рисуются въ томъ порядкѣ, въ какомъ они возникаютъ въ сознаніи поэта.

По условіямъ своей жизни, Кольцовъ былъ близокъ къ природѣ. Осенью онъ въѣзжаетъ въ лѣсъ и поражается его скучнымъ, печальнымъ видомъ: нѣтъ зеленыхъ листьевъ, не слышно пѣсенъ, нѣтъ веселья. И поэтъ рисуетъ этотъ образъ. По ассоціаціи противоположности, въ душѣ поэта возникаетъ образъ зеленаго, веселаго, шумнаго лѣса лѣтомъ, и онъ (поэтъ) рисуетъ также и этотъ образъ. Сопоставленіе картинъ лѣса лѣтомъ и осенью вызываетъ въ поэтѣ вопросъ: что послужило причиной перемѣны лѣса, отчего онъ «почернѣлъ» «одичалъ», «замолкъ»? Изложеніемъ этой причины оканчивается стихотвореніе.

Главныя части стихотворенія могутъ быть обозначены такъ:

I. Состояніе лѣса осенью.

II. Прежнее (лѣтомъ) состояніе его.

III. Печальное состояніе лѣса осенью.

IV. Причины, доведшія лѣсъ до печальнаго состоянія.

Каждая изъ этихъ главныхъ частей стихотворенія можетъ быть раздѣлена на второстепенныя части, и планъ всего стихотворенія можетъ быть графически обозначенъ такъ:

I. Состояніе лѣса осенью:	1) призадумался, затуманился, 2) съ непокрытой головой и не ратуешь; 3) шлемъ сорванъ вихремъ, 4) плащъ упалъ къ ногамъ.

II. Прежнее (лѣтомъ) состояніе лѣса:
- 1) рѣчь высокая, сила гордая, доблесть царская,
- 2) заливная пѣснь соловьиная,
- 3) роскошь, прохлада,
- 4) борьба съ бурей:
  - а) туча обойметъ,
  - б) лѣсъ молвитъ: «держи около».
  - а) буря разыграется,
  - б) лѣсъ зашатается, разбушуется;
  - а) буря уносится.

III. Печальное состояніе лѣса осенью:
- а) лишенъ зелени,
- б) почернѣлъ,
- в) одичалъ,
- г) воетъ жалобно.

IV. Причины, доведшія лѣсъ до печальнаго состоянія:
- 1) маялъ битвами;
- 2) не осилили сильные,
- 3) подрѣзала осень;
- 4) враги нахлынули во время сна и «сняли голову соломинкой».

Путемъ сопоставленія частей стихотворенія и разоблаченія аллегорической формы его выводится основная его мысль Лѣтомъ лѣсъ полонъ жизни, силы и красоты. Враги не могутъ одолѣть его. Черная осень ослабляетъ внутренія силы лѣса, онъ какъ бы засыпаетъ, и враги, напавши на него во время сна, легко побѣждаютъ его: снимаютъ голову «не большой горой, а соломинкой». Въ образѣ лѣса въ различныхъ его состояніяхъ изображенъ человѣкъ въ соотвѣтственныхъ положеніяхъ. Мысль стихотворенія, такимъ образомъ, можетъ быть выражена такъ:

Пока человѣкъ обладаетъ внутренними силами, под-

держивающими его душевную и физическую жизнь, онъ успѣшно противоборствуетъ всѣмъ вреднымъ вліяніямъ; но лишь только ослабѣютъ означенныя силы, онъ являет ся жертвой вредныхъ вліяній (Основная мысль стихо творенія болѣе выяснится послѣ указанія отношенія его къ личности и смерти Пушкина).

Языкъ стихотворенія въ высшей степени образный, живой. Стихотвореніе написано размѣромъ народныхъ пѣсенъ, въ одно основное удареніе (⌣ ⌣—⌣ ⌣), что отчетливо слышно при чтеніи стихотворенія. Но оно удовлетворяетъ и литературному размѣру, именно, каждый стихъ представляетъ собою двѣ полныя хореическія стопы и третью—неполную стопу. Стихи безъ риѳмы, бѣлые.

Отношеніе стихотворенія: «Лѣсъ», къ личности и смерти Пушкина.

Кольцовъ благоговѣлъ передъ поэтическимъ геніемъ Пушкина. Смерть послѣдняго поразила его и вызвала въ немъ грустныя чувства, выраженіемъ которыхъ и явилось стихотвореніе: «Лѣсъ». Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ оно выражаетъ личность и смерть Пушкина.

«Темный лѣсъ, богатырь—Бова», по словамъ Кольцова, «всю жизнь свою маялъ битвами». И для Пушкина вся жизнь была борьбой: ему приходилось бороть ся и съ завистниками, и съ лицами, не понимавшими прелести его поэзіи, и съ лицами, не способными подняться до его воззрѣній, и, наконецъ, съ тѣми житейскими дрязгами, которыя нерѣдко отравляютъ жизнь человѣка.

Въ борьбѣ сильные не могли одолѣть мощности лѣса, но его «подрѣзала осень черная». Осень мало-по-малу ослабляетъ жизненныя силы лѣса, послѣ чего достаточно небольшого порыва вѣтра, чтобы листья

посыпались съ него. Въ примѣненіи къ Пушкину «осенью» служили тѣ мелкія непріятности, которыя постоянно раздражали поэта, лишали его самообладанія и, наконецъ, довели его до того, что онъ вышелъ на дуэль съ Дантесомъ.

Къ лѣсу, «во время сна, силы вражія понахлынули».... И Пушкинъ, когда выходилъ на дуэль, несомнѣнно находился въ томъ состояніи, про которое онъ самъ говоритъ въ стихотвореніи: «Поэтъ»: «Въ заботахъ суетнаго свѣта онъ (поэтъ) малодушно погруженъ: молчитъ его святая лира, душа вкушаетъ хладный сонъ».

Про лѣсъ Кольцовъ говоритъ, что «съ богатырскихъ плечъ сняли голову не большой горой, а соломинкой». И Пушкина врагъ легко сразилъ, послѣ того, какъ онъ (Пушкинъ) доведенъ былъ до состоянія, при которомъ находилъ нужнымъ выставлять свою грудь подъ выстрѣлъ врага. И у каждаго, узнавшаго о смерти Пушкина, невольно возникла та же мысль, которую такъ художественно выразилъ Кольцовъ въ приведенныхъ уже выше стихахъ: «Съ богатырскихъ плечъ сняли голову—не большой горой, а соломинкой».....

Видя лѣсъ угрюмымъ, лишеннымъ зеленой листвы, поэтъ обращается къ нему съ вопросомъ: «Гдѣ жъ дѣвалася рѣчь высокая, сила гордая, доблесть царская?» И всякій, видѣвшій Пушкина во гробѣ, невольно задавался тѣмъ же вопросомъ. Подъ «рѣчью высокою» разумѣются чудныя произведенія Пушкина. Послѣдній высоко ставилъ творческую дѣятельность. Самъ Богъ указалъ поэту цѣль его дѣятельности: «Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли, исполнись волею Моей, и, обходя моря и земли, глаголомъ жги сердца людей». Пушкинъ своими произведеніями, такъ сказать, покорялъ умы и сердца читателей, и въ этомъ состояла его «сила гордая,

доблесть царская». Рисуя признаки лѣса лѣтомъ, Кольцовъ ярко изображаетъ значеніе Пушкина: «У тебя ль было—въ ночь безмолвную заливная пѣснь соловьиная?» Стихотворенія Пушкина по истинѣ могутъ быть названы «заливною пѣснью соловьиною»: «Прелестью живой стиховъ онъ (Пушкинъ) былъ полезенъ»: ибо ими (стихами) «чувства добрыя пробуждалъ» и «милость къ падшимъ призывалъ». «У тебя ль было—дни—роскошество, другъ и недругъ твой прохлаждаются»... Произведенія Пушкина доставляли высокое духовное наслажденіе современникамъ, доставляютъ такое наслажденіе и намъ. Друзья и враги поэта одинаково наслаждались и наслаждаются его произведеніями.

Затѣмъ Кольцовъ говоритъ, что когда у лѣса грозно съ бурею разговоръ пойдетъ», онъ, лѣсъ, только «молвитъ ей шумнымъ голосомъ: «Вороти назадъ, держи около!» И эти строки стихотворенія всецѣло относятся къ Пушкину, который, благодаря своему генію, до послѣднихъ дней своей жизни давалъ мощный отпоръ своимъ врагамъ...

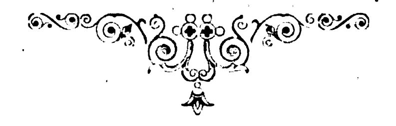
Но вотъ подошла черная осень, подрѣзала силы лѣса, и враги напавши, на него, безоружнаго, «съ плечъ сняли голову». И теперь онъ «почернѣлъ», «замолкъ».

И Пушкинъ, какъ выше сказано, доведенъ былъ до состоянія, при которомъ врагъ «съ его богатырскихъ плечъ снялъ голову—не большой горой, а соломинкой». И поэтъ въ гробу «почернѣлъ», «замолкъ».....

Темы для письменной работы: 1) Изображеніе лѣса въ хронологическомъ порядкѣ: 1) лѣсъ лѣтомъ; 2) причины измѣненія лѣса къ осени; 3) лѣсъ осенью). 2) Отношеніе стихотворенія: «Лѣсъ»—Кольцова къ личности и смерти Пушкина.

Вопросы, которые могутъ быть предлагаемы учени-

камъ при объяснительномъ чтеніи стихотворенія: «Лѣсъ»: Какое значеніе имѣютъ вопросы, съ которыми поэтъ обращается къ лѣсу? Какъ и въ какихъ мѣстахъ стихотворенія поэтъ олицетворяетъ лѣсъ? Съ какимъ богатыремъ поэтъ сравниваетъ лѣсъ? Каковъ лѣсъ осенью? Каковъ лѣсъ лѣтомъ? Что изображено подъ образомъ шлема? Что изображено подъ образомъ плаща? Отчего произошла перемѣна въ лѣсѣ? Какое значеніе въ стихотвореніи имѣетъ выраженіе: «не большой горой, а соломинкой»? На сколько частей можно раздѣлить стихотвореніе? Обозначьте планъ стихотворенія. Какая основная мысль стихотворенія? Какой размѣръ стиховъ въ стихотвореніи? Укажите отношеніе стихотворенія къ личности Пушкина и его смерти.



Объяснительное чтеніе народныхъ пѣсенъ: „Ужъ какъ палъ туманъ на сине море“, „Ахъ, ты, поле мое, поле чистое“ и „Ахъ, кабы на цвѣты не морозы“.

„Ужъ какъ палъ туманъ на сине море“

(Народная пѣсня).

Народная пѣсня: «Ужъ какъ палъ туманъ», раздѣляется на пять частей.

Въ первой части говорится, что тоска—кручина пала на сердце, и «не выйти ей изъ сердца вонъ». Во второй части изображено печальное положеніе молодца. Среди поля теплится огонекъ. У огонька на коврикѣ лежитъ добрый молодецъ; онъ прижимаетъ платкомъ рану смертную, «унимаетъ кровь горячую». Возлѣ стоитъ его вѣрный конь. Въ третьей части говорится, что товарищъ раненаго, его конь, отъ нетерпѣнія бьетъ копытомъ о сырую землю и какъ бы хочетъ вымолвить: ты садись на меня, своего слугу: отвезу тебя на родину, къ отцу, матери, малымъ дѣтямъ и молодой женѣ. Эти слова будто читаетъ молодецъ въ глазахъ умнаго животнаго, но несомнѣнно, что они являются плодомъ мысли и желанія самого раненаго. О чемъ было молодцу и вспоминать въ его печальномъ положеніи, какъ не объ отцѣ, матери, дѣтяхъ и женѣ? Чего ему было и желать, какъ не возвращенія на родину, къ своимъ близкимъ?

Въ четвертой части говорится, что у молодца вырвался тяжолый вздохъ, при чемъ приподнялась его грудь, и онъ ослабѣлъ. Рука, прижимавшая рану, опустилась,

и кровь потекла сильнѣе. Въ пятой части говорится, что молодецъ, почувствовавъ приближеніе смерти, высказываетъ свои послѣднія мысли и чувства коню. Обращаясь къ нему съ нѣжной лаской, называя его «товарищемъ въ полѣ ратномъ, пайщикомъ службы царской», онъ поручаетъ ему передать женѣ, что женился онъ на другой женѣ, именно на могилѣ (смерти); что въ приданое за нею взялъ онъ «поле чистое», и сосватала ихъ (соединила его съ могилой) сабля острая.

Обозначая коротко содержаніе каждой части, получимъ слѣдующее оглавленіе частей пѣсни:

1) Грусть—тоска.

2) Раненый молодецъ среди поля.

3) Онъ вспоминаетъ о семьѣ и родныхъ.

4) Онъ ослабѣваетъ отъ напряженія чувства.

5) Послѣднее желаніе молодца.

Изъ разсмотрѣнія частей пѣсни видно, что предметомъ ея служатъ одинокая смерть молодца и чувства и мысли, возникающія въ немъ при этомъ.

Изъ текста пѣсни мы можемъ опредѣлить, кто такой былъ добрый молодецъ, умирающій среди поля. Обращаясь къ коню, онъ называетъ его «товарищемъ въ полѣ ратномъ», «добрымъ пайщикомъ службы царской». Очевидно, что молодецъ былъ ратникъ, слуга царю и отечеству. Онъ получилъ рану въ честномъ бою, защищая родину и исполняя свой долгъ.

Вся пѣсня проникнута грустнымъ чувствомъ, что соотвѣтствуетъ и самому содержанію ея. Молодецъ, умирая одинокимъ среди поля, грустить не столько о своей печальной участи, сколько объ оставляемыхъ имъ родныхъ, дѣтяхъ и женѣ. Онъ посылаетъ вѣсть о своей смерти только женѣ и не извѣщаетъ объ этомъ мать, отца, дѣтей: ибо знаетъ какимъ безконечнымъ горемъ

вѣсть эта отразится въ ихъ сердцѣ, почему онъ желалъ бы скрыть отъ нихъ (если бы это можно было) свою одинокую смерть.

Раскрывши содержаніе пѣсни, обратимъ вниманіе на форму ея.

Прежде всего мы замѣчаемъ въ пѣснѣ отсутствіе союзовъ, связывающихъ предложенія между собою. Мысли въ ней связаны лишь внутренней, логической связью (или по смежности, или по однородности, или по причинной связи). Затѣмъ чувства молодца выражаются или а) посредствомъ изображенія воплощенія (выраженія вовнѣ) ихъ (напр.: «Какъ вздохнетъ тутъ удалъ добрый молодецъ,—подымалась у удалого его крѣпка грудь; опустились у молодца его бѣлы руки»), или б) посредствомъ словъ и дѣйствій, приписываемыхъ безсловесному животному (коню).

Что касается особенностей поэтическаго слога и языка, то въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее:

1) сравненія

а) положительныя: «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море, а злодѣй—тоска въ ретиво сердце» (тоска сравнивается съ туманомъ); «не сходить туману съ синя моря, ужъ не выйти кручинѣ изъ сердца вонъ» (безысходность тоски--кручины сравнивается съ постоянствомъ тумана на морѣ),—

б) отрицательныя: «Не звѣзда блеститъ въ чистомъ полѣ, курится огонечекъ малешенекъ». Отрицательныя сравненія составляютъ особенность русскаго языка. Понимать приведенное отрицательное сравненіе слѣдуетъ такъ: можно подумать, что звѣздочка блеститъ въ чистомъ полѣ, но это не звѣздочка, а мерцаетъ слабый огонекъ,—

2) частое употребленіе эпитетовъ (украшающихъ выраженій), при чемъ одни и тѣ же эпитеты прибавляются къ однимъ и тѣмъ же предметамъ: «сине море», «злодѣй-тоска», «ретиво сердце», «чисто поле», «шелковый коверъ», «удалъ добрый молодецъ», «рана смертная», «кровь горячая», «добрый конь», «мать-сыра земля», «матерь родимая», «малымъ дѣтушкамъ», «молодой женѣ», «крѣпка грудь», «бѣлы руки», «сабля острая»,—

3) олицетвореніе, т.-е. приписываніе неодушевленнымъ предметамъ или безсловеснымъ существамъ мыслей, чувствъ, желаній и рѣчи человѣка. Въ разсматриваемой пѣснѣ коню приписаны чувства и желанія молодца. Онъ (конь) «будто слово хочетъ вымолвить своему хозяину: ты вставай, вставай, удалъ добрый молодецъ; ты садись на меня, своего слугу: отвезу я добра молодца на родиму сторону, къ отцу, матери родимой, къ роду-племени, къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ»,—

4) метафоры: «подымалась у удалого его крѣпка грудь»; «насъ сосватала сабля острая»,—

5) аллегорическій способъ выраженія: «женился я на другой женѣ, за ней я взялъ поле чистое; насъ сосватала сабля острая»,—

6) употребленіе уменьшительныхъ и ласкательныхъ именъ: «огонечекъ малешенекъ», «на коврикѣ», «къ малымъ дѣтушкамъ»,—

7) фигуры повторенія и тождесловія: «ахъ, ты конь мой, конь, лошадь вѣрная»; «къ роду-племени»,—

8) описательныя выраженія: «ты товарищъ въ полѣ ратномъ, добрый пайщикъ службы царской» (конь).

Послѣ разъясненія содержанія и формы пѣсни, ученики пересказываютъ содержаніе ея, при чемъ получается приблизительно такой пересказъ:

Сырая, туманная ночь. Среди поля мерцаетъ огонекъ. У огонька на коврикѣ лежитъ ратникъ и прижимаетъ платкомъ глубокую рану. Около него стоитъ вѣрный конь и отъ нетерпѣнія бьетъ копытомъ о землю. Въ своемъ печальномъ положеніи раненый невольно вспоминаетъ милую родину, дорогого отца, родимую мать, малыхъ дѣтей и молодую жену. Воспоминаніе о нихъ вызываетъ въ немъ тяжёлое, грустное чувство. Онъ глубоко вздыхаетъ. Отъ напряженія чувства силы его ослабѣваютъ, руки опускаются, и изъ раны, которую онъ прежде прижималъ платкомъ, струится кровь. Сознавая, что смерть приближается, ратникъ обращается къ коню съ просьбой сообщить женѣ о его смерти.

Въ народныхъ пѣсняхъ тоскующій молодецъ или тоскующая дѣвица обыкновенно обращается или къ вѣтру, или къ рѣчкѣ, или къ ласточкѣ, или къ коню съ просьбой отнести вѣсточку близкому человѣку.

Пѣсня заучивается учениками наизусть.

Для письменной работы можетъ быть предложена одна изъ слѣдующихъ темъ: 1) Содержаніе пѣсни: «Ужъ какъ палъ туманъ». 2) Смерть молодца въ чистомъ полѣ (по пѣснѣ: «Ужъ какъ палъ туманъ»). 3) Указать въ пѣснѣ художественныя выраженія. 4) Мысли и чувства, выраженныя въ пѣснѣ: «Ужъ какъ палъ туманъ», и способъ выраженія ихъ.

При веденіи объясненія пѣсни эвристическимъ путемъ могутъ быть предлагаемы ученикамъ слѣдующіе вопросы: Чье положеніе изображено въ пѣснѣ? На сколько частей можно раздѣлить пѣсню? Передайте содержаніе каждой части. Чья смерть изображена въ пѣснѣ? Изъ какихъ словъ пѣсни можно заключить, что умирающій былъ ратникъ (воинъ)? Въ какой формѣ переданы мысли и чувства молодца? Какую роль въ этомъ отно-

шенія играетъ конь? Есть ли причинная связь между возникновеніемъ глубокаго чувства въ молодцѣ, приподнятіемъ его груди, опусканіемъ рукъ и пролитіемъ крови? Съ кѣмъ умирающій воинъ посылаетъ вѣсть о себѣ? Кого онъ извѣщаетъ о своей смерти? Отчего онъ не извѣщаетъ отца, мать, дѣтей? Что разумѣется подъ другой женой, на которой женился молодецъ? Въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать выраженіе: «Насъ сосватала сабля острая»? Укажите въ пѣснѣ образныя выраженія (сравненія, эпитеты, олицетворенія и др.).

„Ахъ, ты, поле мое, поле чистое"

(Народная пѣсня).

Основная мысль народной пѣсни: «Ахъ, ты, поле мое, поле чистое», можетъ быть выражена слѣдующими словами этой же пѣсни: «Увивается тутъ (надъ трупомъ сына) родная матушка: она плачетъ, какъ рѣка льется». Безпредѣльна печаль, тоска матери по сынѣ, безвременно погибшемъ въ бою. Ничто не сравнится съ материнской тоской—печалью. Она такъ же велика, какъ велика любовь матери къ своему дитяти.

Содержаніе пѣсни слѣдующее:

Чистое зеленое поле усѣяно цвѣтами. Посреди его растетъ ракитовъ кустъ, на которомъ сидитъ сизый орелъ, держитъ въ когтяхъ черна ворона. Подъ кустомъ лежитъ трупъ молодца; онъ весь избитъ, израненъ, исколотъ. Надъ трупомъ «увиваются», плачутъ мать, сестра и жена убитаго.

По предмету пѣсню можно раздѣлить на двѣ глав-

ныя части: I. описаніе поля съ трупомъ подъ кустомъ и II. изображеніе плача родныхъ убитаго. Изъ первой части можно выдѣлить, какъ главную часть, изображеніе трупа молодца. Такимъ образомъ получаются три главныя части пѣсни. Каждую изъ этихъ частей можно раздѣлить на второстепенныя части.

Планъ пѣсни можетъ быть изображенъ графически такъ:

I. Поле:
- 1) обращеніе къ полю;
- 2) изукрашено оно
  - а) травушкой,
  - б) цвѣточками;
- 3) обезчещено
  - а) ракитовымъ кустомъ, выросшимъ на немъ:
  - б) орелъ на этомъ деревѣ сидитъ и точитъ кровь ворона.

II. Трупъ молодца
- а) избитъ,
- б) израненъ,
- в) исколотъ.

III. Надъ трупомъ плачутъ
- 1) мать
  - а) увивается, какъ ласточка вкругъ гнѣзда;
  - б) плачетъ, какъ рѣка льется;
- 2) сестра плачетъ, какъ ручей течетъ;
- 3) жена плачетъ, какъ роса падетъ.

Разсматриваемая пѣсня по своему содержанію является продолженіемъ выше разсмотрѣнной пѣсни: «Ужъ какъ палъ туманъ»: молодецъ умираетъ среди поля и желаетъ увѣдомить о своей кончинѣ родныхъ (жену). Здѣсь, т.-е. въ пѣснѣ: «Ахъ, ты, поле мое, поле чистое», родные, узнавъ о смерти молодца, «увиваются», плачутъ надъ его трупомъ.

Главными предметами въ разсматриваемой пѣснѣ являются—«убитый молодецъ» и «родная матушка»:

мать «увивается», плачетъ надъ своимъ убитымъ сыномъ. Все остальное въ пѣснѣ служитъ лишь для болѣе сильнаго, живого, образнаго выраженія основной мысли ея.

Поэтъ (въ данномъ случаѣ—народъ, у котораго сложилась и въ полности хранится пѣсня), обращаясь къ полю, говоритъ, что оно всѣмъ изукрашено: «травушкой и муравушкой, цвѣточками и василечками». Синонимическія выраженія: «травушкой» и «муравушкой», употреблены для возбужденія въ слушателяхъ болѣе живого образа зеленаго поля. Слова: «цвѣточками», «василечками», будучи тоже синонимами, служатъ для возбужденія въ слушателяхъ образа поля, усѣяннаго красивыми цвѣтами; употребленіемъ этихъ синонимовъ народъ какъ бы хочетъ сказать: «поле усѣяно всякими красивыми цвѣтами». Ласкательныя формы приведенныхъ синонимовъ («травушкой», «муравушкой», «цвѣточками», «василечками») выражаютъ то нѣжное чувство, съ которымъ народъ относится къ полю, которое кормитъ его, и надъ которымъ онъ трудится.

Въ слѣдующихъ стихахъ поэтъ переходитъ къ противоположному образу. Раньше говорилось, что поле всѣмъ изукрашено, теперь же поэтъ говоритъ: «Ты однимъ, поле, обезчещено». Чѣмъ же оно обезчещено?—Тѣмъ,

«Что посреди его, поля чистаго,
Выросталъ частъ ракитовъ кустъ;
Что на кусточкѣ, на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Въ когтяхъ держитъ черна ворона;
Онъ точитъ кровь на сыру землю».

Для русскаго человѣка кажется «безчестіемъ», что его любимое поле, которое онъ поливалъ своимъ потомъ, обработывалъ своимъ трудомъ, явилось ареной драки

двухъ хищниковъ, изъ которыхъ одинъ (орелъ) заклевалъ другого (ворона) и «точитъ его кровь на сыру землю».

Но это еще не все. Образъ хищныхъ птицъ, слетѣвшихся къ кусту, только подготовляетъ слушателя къ болѣе печальной картинѣ, поистинѣ «безчестящей» поле чистое. Не напрасно хищныя птицы слетѣлись сюда: ихъ привлекла пожива:

«Подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ, Что лежитъ, убитъ добрый молодецъ, Избитъ, израненъ, исколотъ весь».

Синонимы: «избитъ», «израненъ», «исколотъ», обращаютъ особенное вниманіе слушателей на убитаго молодца. Видно, что онъ не скоро поддался напавшей на него вражьей силѣ: долго боролся, и врагу не сразу удалось уложить его. Онъ скончался въ полѣ подъ кустомъ. Вотъ чѣмъ поле обезчещено!....

Надъ трупомъ молодца «увивается» его родная матушка; «она плачетъ, какъ рѣка льется». Для живого изображенія печали и плача матери въ пѣснѣ употреблены два сравненія: отрицательное и положительное. Первое, т.-е. отрицательное сравненіе:

«Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родная матушка».

Будто ласточки, касаточки кругъ тепла гнѣзда увиваются,—это не ласточки, не касаточки увиваются, а увивается родная матушка.

Приведеннымъ сравненіемъ поэтъ (народъ) утверждаетъ сходство и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что это сходство только кажущееся: на самомъ дѣлѣ не ласточки увиваются, а увивается родная матушка.

Второе (положительное) сравненіе:

«Она плачетъ, какъ рѣка льется», изображаетъ безутѣшность и глубину горя матери. Какъ рѣка постоянно течетъ и никогда не истекаетъ, такъ и горе матери и неразлучный спутникъ его—слезы ея не уменьшаются.

Самыя слова: «ласточка и касаточка», «тепла гнѣзда», «родная», «увивается», очень подходятъ къ изображенію описанія материнской скорби и любви.

Плачъ сестры («сестра плачетъ, какъ ручей течетъ») и жены («жена плачетъ, какъ роса падетъ») еще болѣе оттѣняетъ силу плача матери. Что ручей или роса передъ рѣкой, то слезы сестры или жены передъ слезами матери.

Безконечность материнскаго горя, ея слезъ по убитомъ сынѣ подмѣтилъ не только народъ, но также и многіе поэты, что они и выразили въ своихъ произведеніяхъ. Некрасовъ, напр., въ стихотвореніи: «Слезы матери», говоритъ:

«Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самаго героя... .
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна:
Она до гроба помнить будетъ!
.... Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей».

Дѣйствительно, пройдутъ годы, и лучшій другъ, и даже родные позабудутъ о погибшемъ воинѣ,—только

рана въ одномъ сердцѣ никогда не заживетъ—это въ сердцѣ матери: до самой смерти не излѣчится ея сердечная рана, и, умирая, она (мать) вспомитъ своего сына.

Кромѣ указанныхъ уже особенностей народнаго поэтическаго языка (сравненій, синонимическихъ и ласкательныхъ выраженій), ученики, по требованію учителя, выдѣляютъ и другія особенности того же языка (постоянные эпитеты, напр.: «поле чистое», «младъ сизъ орелъ», «черна ворона», «сыру землю»; повтореніе словъ съ цѣлью подольше остановить вниманіе слушателей на предметѣ изложенія, напр.: «поле мое, поле чистое»; метафоры, напр.: «поле обезчещено» и друг.). Кромѣ того, они (ученики) указываютъ, съ какою послѣдовательностью слушатели подводятся къ главному предмету пѣсни: отъ поля поэтъ переходитъ къ ракитову кусту, затѣмъ къ орлу, терзающему ворона; далѣе онъ говоритъ о трупѣ молодца и въ концѣ уже говоритъ о безконечной скорби матери, при чемъ для большей рельефности сопоставляетъ эту скорбь съ плачемъ сестры и жены.

При веденіи объясненія пѣсни: «Ахъ, ты, поле мое», могутъ быть предлагаемы ученикамъ слѣдующіе вопросы: Какая основная мысль пѣсни? Передайте содержаніе пѣсни. Укажите главныя и второстепенныя части пѣсни. Составьте планъ пѣсни. Укажите послѣдовательность, съ которою слушатели подводятся къ главному предмету пѣсни. Объясните сравненія и другія образныя выраженія, приведенныя въ пѣснѣ.

Для письменной работы можетъ быть предложена одна изъ слѣдующихъ темъ: 1) Основная мысль пѣсни: «Ахъ, ты, поле мое», и выраженіе ея. 2) Сравненіе, по основной мысли и способу выраженія, пѣсни: «Ахъ, ты, поле мое», съ стихотвореніемъ Некрасова: «Слезы матери».

„Ахъ, кабы на цвѣты не морозы“

(Народная пѣсня).

Встарину дѣвицы вступали въ бракъ большею частью не по собственному желанію и согласію, а по волѣ родителей. Послѣдніе при выдачѣ дочери замужъ въ большинствѣ случаевъ руководились чисто матеріальными расчетами. Если женихъ богатъ и знатенъ, то и считали его подходящей партіей для своей дочери, не справляясь съ его характеромъ и его нравственными качествами. Каково придется дочери жить съ нареченнымъ ей мужемъ, объ этомъ они не думали.

При такихъ условіяхъ бракъ не могъ быть счастливымъ, и страдающимъ лицомъ являлась большею частью женщина. Ей приходилось лишь въ пѣснѣ выражать тоску, боль своего сердца. Одною изъ такихъ пѣсенъ и является пѣсня: «Ахъ, кабы на цвѣты не морозы».

Женщина, выданная замужъ за богатаго, но нелюбимаго человѣка горюетъ; часто она сидитъ неподвижно и, устремивъ глаза вдаль, думаетъ о своей горькой судьбѣ, вспоминаетъ о родительскомъ домѣ.

Пѣсня начинается сравненіемъ:

«Ахъ, кабы на цвѣты не морозы,
И зимой бы цвѣты расцвѣтали!
Ахъ, кабы на меня не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила!»

«Тоска— кручина», гложущая сердце женщины, сравнивается въ пѣснѣ съ морозомъ, убивающимъ цвѣты. Сравненіе выражено двумя сложными предложеніями. Сравниваемое предложеніе (главная мысль): «Ахъ, кабы

на меня не кручина, ни о чемъ бы я не тужила», а приведенное для сравненія: «Ахъ, кабы на цвѣты не морозы, и зимой бы цвѣты расцвѣтали». Союзъ «кабы» замѣняется въ современной рѣчи союзомъ «если бы».

Сравненіе приведено для болѣе живого, образнаго выраженія настроенія женщины. Оно можетъ быть выражено въ такой формѣ: какъ при морозѣ цвѣтамъ не расцвѣтать, такъ и при кручинѣ мнѣ (женщинѣ) не быть веселой.

Вслѣдъ за сравненіемъ въ пѣснѣ приведено изображеніе внѣшняго выраженія (воплощенія) тоски—кручины, давящей женщину:

«Не сидѣла бы я подпершися,
Не глядѣла бы я въ чисто поле!»

По этимъ немногимъ словамъ слушатель легко представляетъ себѣ, какую душевную муку испытываетъ бѣдная женщина. Переживая тяжолое, безотрадное чувство, она какъ бы застываетъ въ одномъ положеніи: глаза ея устремлены куда-то вдаль.....

Нужно замѣтить, что въ народныхъ пѣсняхъ чувство очень часто выражается описательно: или посредствомъ изображенія внѣшняго выраженія (воплощенія) чувства, или посредствомъ сравненія, или посредствомъ указанія причины, вызвавшей чувство.

Какая же причина тоски—кручины женщины? Изъ всей тяжолой драмы, разбившей жизнь несчастной женщины, послѣдняя высказываетъ только одинъ эпизодъ, именно тотъ, когда она упрашивала отца не выдавать ее замужъ за неровню, не прельщаться богатствомъ и высокими хоромами жениха:

«И я батюшкѣ-то говорила,
И я свѣту моему доносила:
Не давай меня, батюшка, замужъ,

Не давай, сударь, за неровню,
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы».

Упрашивая отца не прельщаться богатствомъ и высокими хоромами жениха, невѣста приводитъ и основаніе своей просьбы:

«Не съ богатствомъ мнѣ жить—съ человѣкомъ,
Не въ хоромахъ нужда, а въ совѣтѣ» (т.-е. согласіи, любви).

Дѣвушка еще до вступленія въ бракъ предвидѣла, какъ тяжело отзовется этотъ бракъ на ея жизни, какъ тяжело ей будетъ жить съ человѣкомъ, съ которымъ у нея не можетъ быть ничего общаго.

Разсматриваемая пѣсня распадается на двѣ части: въ I-й говорится о кручинѣ молодой женщины, во II-й о причинѣ ея тоски. Въ послѣдней части двѣ мысли: а) просьба женщины, б) основаніе ея просьбы.

Пѣсня: «Ахъ, кабы на цвѣты не морозы», относится къ бытовымъ, т.-е. къ такимъ, въ которыхъ выражается бытовая сторона жизни народа.

Вопросы: Какая основная мысль пѣсни? На какія части можно раздѣлить пѣсню? Какъ выражено чувство женщины? Чѣмъ вызвано тяжолое чувство ея? Какой эпизодъ вспоминаетъ женщина? Отношеніе отца къ своей дочери и къ вопросу о ея замужествѣ.

Темы для письменной работы: 1) Основная мысль пѣсни: «Ахъ, кабы на цвѣты не морозы», и выраженіе ея; 2) Жизнь молодой женщины, выданной по неволѣ замужъ.

К. Ельницкій.

По пути къ разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ школьнаго преподаванія.

Открытое письмо къ лицамъ, прикосновеннымъ къ литературѣ и письменному слову вообще.

Въ своей роли живой посредницы между подрастающимъ поколѣніемъ, съ одной стороны, и наукой и литературой, съ другой—школа, естественно, заботится о поддержаніи и закрѣпленіи своихъ связей въ области этихъ послѣднихъ. Однако бываютъ моменты, когда школьная практика и теорія отстаютъ отъ результатовъ, добытыхъ наукой, и взглядовъ, и идей, выработанныхъ литературой. Такой именно періодъ переживала средняя школа въ теченіе послѣдняго тридцатилѣтія печальнаго господства невѣжественной въ педагогическомъ отношеніи схоластики, нынѣ торжественно отходящей въ вѣчность, при дружныхъ рукоплесканіяхъ милліонной русской интеллигенціи. Въ этотъ моментъ кореннаго пересмотра устоевъ школы, моментъ созданія, подъ благотворнымъ дыханіемъ жизни и науки, новыхъ идеаловъ, является вполнѣ своевременной надежда разрѣшить цѣлый рядъ вопросовъ, казавшихся неподлежащими рѣшенію еще вчера. Къ числу таковыхъ относится требующій радикальнаго пересмотра съ совершенно новыхъ, незнакомыхъ нынѣ упраздняемой псевдо-педагогической системѣ средняго образованія то·

чекъ зрѣнія вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ школьниковъ учить говорить и писать.

Выработка въ учащихся умѣнья владѣть письменною и устною рѣчью, этимъ «даромъ выражаться», который есть «прелестный даръ, лучшее достояніе человѣка», какъ говорилъ когда-то поэтъ Батюшковъ, не только должна составлять предметъ ближайшихъ заботъ школы, ея дѣятелей и вообще лицъ, сердцу которыхъ близки интересы обучающагося въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ молодого поколѣнія, но также является вопросомъ, небезразличнымъ для успѣховъ русскаго слова и русской культуры вообще. Въ виду всего сказаннаго выше мы позволяемъ себѣ надѣяться, что наша попытка вынести затронутый нами вопросъ изъ тѣсныхъ стѣнъ пока еще необновленной школы, не умѣвшей справиться съ его трудностями, на вольный воздухъ критическаго обсужденія въ компетентныхъ сферахъ не окажется одинокой. При этомъ позволимъ себѣ еще разъ повторить, что настоящее письмо съ содержащимся въ немъ предложеніемъ—не болѣе, какъ попытка отыскать устои для раціональной постановки вопроса, которая и должна быть разсматриваема лишь какъ таковая.

Первую пробу по пути къ открытію и установленію раціональныхъ методовъ усвоенія языка вообще представляютъ, по нашему мнѣнію, справки въ новѣйшихъ лингвистическихъ трудахъ, опирающихся на исторію языка и психологію, и въ историческихъ и психологическихъ трудахъ, располагающихъ данными лингвистики. Богатый матеріалъ и прекрасныя иллюстраціи къ выводамъ новѣйшей лингвистики даютъ критико біографическія изслѣдованія процесса творчества корифеевъ слова, пока, насколько извѣстно, совсѣмъ не

оцѣненныя съ этой точки зрѣнія не только школьной практикой, но и теоріей.

И тотъ, и другой путь справокъ сводитъ изслѣдователя лицомъ къ лицу съ данными психологіи; иначе, конечно, и быть не можетъ, такъ какъ языкъ—явленіе психо-физіологическое и, какъ таковое, требуетъ обстоятельнаго изслѣдованія своихъ проявленій прежде всего на отдѣльныхъ индивидуумахъ. Въ этомъ однако пунктѣ мы встрѣтимъ затрудненія, если ограничимъ свои наблюденія областью критико-біографическихъ изслѣдованій процесса творчества литературныхъ знаменитостей. Во-первыхъ, такихъ изслѣдованій въ наукѣ немного; во-вторыхъ, въ нихъ самый процессъ представляется нашему вниманію, во всякомъ случаѣ, сквозь призму воззрѣній того или другого автора (Личныхъ признаній въ нашемъ распоряженіи сравнительно мало, да и тѣ по большей части отличаются отрывочностью и односторонностью). Есть еще одно важное обстоятельство, заставляющее насъ искать новыхъ путей для изученія вопроса объ условіяхъ словеснаго творчества. Дѣло въ томъ, что въ силу причинъ, о которыхъ здѣсь распространяться не мѣсто, мы располагаемъ данными о процессѣ творчества лишь изъ области изящной словесности, изъ области поэзіи, какъ изящнаго искусства. Между тѣмъ этого матеріала, даже при условіи полученія его изъ первыхъ рукъ, недостаточно какъ для полноты выводовъ относительно процесса словеснаго творчества вообще, такъ и для цѣлей педагога-дидактика въ частности. Нельзя вѣдь игнорировать того обстоятельства, что школа имѣетъ въ виду подготовить въ лицѣ своихъ питомцевъ не столько будущихъ Пушкиныхъ, Лермонтовыхъ, Тургеневыхъ (поэтовъ и беллетристовъ), сколько—людей дѣловой прозы, владѣю-

щихъ умѣньемъ правильно, точно и ясно изложить свои мысли—о проведеніи ли новой вѣтви желѣзной дороги, объ экономическихъ ли нуждахъ уѣзда, о посѣщеніи ли земской школы, о дѣятельности ли водопроводной коммиссіи, о литературныхъ ли новинкахъ послѣдняго года и т. п. Какъ же пополнить пробѣлы въ дидактикѣ и методикѣ именно той области слова, культивировать которую школа по преимуществу и призвана? Нашимъ отвѣтомъ на вопросъ служитъ предложеніе, съ которымъ мы рѣшаемся выступить въ настоящемъ письмѣ. Мы считаемъ цѣлесообразнымъ и своевременнымъ, въ виду предстоящей школьной реформы, предложить лицамъ, прикосновеннымъ къ литературѣ и письменному слову вообще, къ какой бы области послѣдняго ихъ дѣятельность ни относилась, высказать свои соображенія по данному вопросу и вообще дать полезныя указанія, особенно практическаго характера, психологамъ и педагогамъ: для психологической дидактики такъ же интересны факты душевной жизни генія, какъ и простого смертнаго; ее такъ же занимаютъ процессъ и пріемы творчества поэта, какъ и условія выраженія мыслей дѣлового прозаика.

Такой опросъ можетъ, по нашему мнѣнію, дать устойчивыя данныя и для интересныхъ соображеній чисто психологическаго характера, и для указаній въ области практической дидактики. Имѣя въ виду главнымъ образомъ интересы этой послѣдней, мы прилагаемъ при своемъ письмѣ рядъ вопросовъ, отвѣты на которые вмѣстѣ съ другими данными прольютъ, надѣемся, свѣтъ въ такую именно область школьнаго преподаванія, гдѣ въ настоящее время, кажется, больше всего недостатковъ. Отнюдь не претендуя на полноту и обстоятельность вопросныхъ пунктовъ, мы съ живѣйшимъ чувствомъ

признательности отнесемся ко всякому полезному въ области затронутаго вопроса указанію, если таковымъ благоугодно будетъ кому-либо почтить насъ. Что касается роли автора этихъ строкъ, то она будетъ заключаться въ секретарскомъ резюмированіи сообщенныхъ свѣдѣній и въ составленіи отчета о присланномъ матеріалѣ, съ которымъ читающая публика будетъ ознакомлена на страницахъ тѣхъ органовъ, которые выразятъ на это свое согласіе.

Въ заключеніе не можемъ не выразить своего желанія, чтобы затронутый вопросъ, въ виду его важности, сдѣлался предметомъ спеціальнаго обсужденія и детальной разработки въ нашихъ педагогическихъ обществахъ.

Вопросный листъ *).

1) Имя и фамилія или замѣняющіе ихъ псевдонимъ, инициалы и т. п.

---

*) *Отъ редакціи.* Рѣшеніе вопроса о выработкѣ устной и письменной рѣчи несомнѣнно имѣетъ громадное значеніе. Намъ приходится наблюдать явленія въ жизни учащихся: иногда учащійся свободно передаетъ устно что-нибудь увлекательно; но то же самое, изложенное письменно, невозможно: тутъ и подборъ выраженій иной, и вмѣсто отрывистой устной рѣчи тягучая періодическая и т. п.; наоборотъ, бываетъ и такъ: ученикъ «тянетъ», говоритъ несвязными фразами, но изложитъ вамъ отвѣтъ на вопросъ письменно вполнѣ литературной рѣчью... Отвѣты на поставленные авторомъ «Открытаго письма» вопросы много разъяснятъ непонятнаго въ указанной имъ области, почему редакція съ своей стороны и нашла важнымъ напечатать на стр. «Фил. Зап.» это «Открытое письмо».

2) Область науки, искусства и вообще письменнаго слова.

3) Возрастъ.

4) Правы ли иные лингвисты, когда они говорятъ о «мукахъ творчества», о «борьбѣ со словомъ», вообще о томъ, что словесное творчество—серьёзный, требующій усилій и напряженія трудъ?

5) Письменная или устная рѣчь дается легче? Соображенія по этому поводу.

6) Вопросъ объ индивидуальныхъ особенностяхъ стиля.

7) Напередъ ли составляется (письменно) планъ труда, или послѣдній вырабатывается постепенно, во время самаго процесса работы?

8) Если планъ составляется предварительно, то въ какой мѣрѣ подвергается измѣненіямъ во время работы?

9) Большого ли количества помарокъ требуетъ исполненіе работы? Требуетъ ли она обработки вчернѣ, или сразу является въ своемъ окончательномъ видѣ?

10) Соотвѣтствіе между работой въ окончательномъ видѣ и въ послѣдней корректурѣ.

11) Продолжительность работы, не требующая во время исполненія ея передышки.

12) Какъ вліяетъ срочность работы на процессъ ея и на конечные результаты?

13) Не требуетъ ли работа особой обстановки, если за норму считать обычныя условія школьнаго режима?

14) Значеніе настроенія.

15) Въ какое время дня работа идетъ успѣшнѣе?

16) Не отражается ли на успѣшности и продуктивности ея время года?

17) Насколько стѣсняетъ извнѣ данная тема?

18) Воспоминанія о хорошихъ и дурныхъ сторонахъ системы письменныхъ работъ въ школѣ.

19) Какую пользу въ дѣлѣ выработки умѣнья владѣть письменною и устною рѣчью принесла школа?

20) Роль въ этомъ отношеніи преподавателя словесности и преподавателей другихъ предметовъ.

21) Соображенія по поводу того факта, что культивированіе письменнаго слова въ средней школѣ находится въ рукахъ одного лица (словесника).

22) Роль подражанія любимымъ образцамъ, по воспоминаніямъ о началѣ самостоятельныхъ трудовъ.

23) Насколько заботы о соблюденіи правилъ орѳографіи затрудняютъ процессъ письма?

24) Какую роль играютъ теоретическія свѣдѣнія изъ орѳографіи и какую навыкъ.

25) Данныя и соображенія относительно разстановки знаковъ препинанія.

26) Какимъ образомъ и благодаря вліянію какихъ факторовъ усвоено умѣнье писать грамотно?

27) Указаніе на факторы, имѣвшіе въ дѣлѣ выработки a) устной и b) письменной рѣчи наиболѣе плодотворное вліяніе.

Лица, желающія дать просимыя указанія, благоволятъ присылать свѣдѣнія по слѣдующему адресу: Болградъ Бессарабской губ., преподавателю мѣстныхъ

(мужской и женской) гимназій Виктору Макаровичу Гуссову.

В. Гуссовъ.

Іюнь 1901 г.

P. S. Желательны перепечатки этихъ вопросовъ «Открытаго письма» въ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Нѣсколько соображенiй по поводу новаго учебнаго плана для средней школы по русскому языку и словесности.

I.

Терминъ «русскiй языкъ», въ примѣненiи къ школьному преподаванiю, имѣетъ двоякое значенiе. Во первыхъ, подъ нимъ разумѣется языкъ, на которомъ преподаются всѣ предметы въ школѣ (исключая въ иныхъ случаяхъ новые языки), и, во-вторыхъ, тотъ же терминъ прилагается къ обозначенiю особаго предмета преподаванiя, которому, напр., новый проектъ программы общеобразовательной школы отводитъ 30 недѣльныхъ уроковъ, распредѣляемыхъ между всѣми 7-ью классами. Современная дидактическая практика обыкновенно сливаетъ то, что обозначается этимъ двоякаго значенiя терминомъ, въ одно туманное понятiе, и это смѣшенiе является особенно неудобнымъ при рѣшенiи такого важнаго вопроса, какъ вопросъ о томъ, какая роль въ дѣлѣ усвоенiя родного языка должна принадлежать урокамъ русскаго языка, съ одной стороны, и урокамъ прочихъ предметовъ, съ другой.

Трудно сказать, какой изъ предметовъ школы принимаетъ бо́льшее участiе въ дѣлѣ усвоенiя учащимися знанiя отечественнаго языка. Можно съ увѣренностью утверждать только одно: если бы родному языку учились дѣти только на выше упомянутыхъ 30 урокахъ да

по нынѣшнимъ методамъ (casus irrealis, конечно), то знали бы его немногимъ лучше, чѣмъ нынѣшніе гимназисты знаютъ новые языки. Несомнѣнно также и то, что усвоеніе родного языка происходитъ по натуральному методу, и только этому послѣднему, а не изученію грамматики, стилистики и пр., что является преобладающимъ учебнымъ матеріаломъ на урокахъ русскаго языка въ настоящее время, обязаны школьники знаніемъ языка. Однако, такъ какъ мы рискуемъ, высказывая эти мысли, вызвать нѣкоторое недоумѣніе, въ виду почти полнаго въ настоящее время господства иныхъ воззрѣній на дѣло, то позволимъ себѣ, въ интересахъ болѣе подробнаго выясненія вопроса, остановиться на исторіи смѣшенія тѣхъ понятій, о разграниченіи области которыхъ мы говорили выше.

Когда и какъ произошло это смѣшеніе? Корни его лежатъ глубоко въ историческомъ прошломъ и именно въ томъ пласту европейской культуры, въ которомъ получили начало реторика и піитика. Эти завѣщанныя міру эллинской цивилизаціей «науки», заключая въ себѣ нѣкоторыя цѣнныя психологическія, логическія и эстетическія наблюденія надъ произведеніями мастеровъ человѣческаго слова, съ теченіемъ вѣковъ и съ перемѣной топографическихъ соціальныхъ и культурныхъ условій, въ концѣ концовъ выродились, въ схоластикѣ и ложно-классицизмѣ дали цѣлый рядъ мертворожденныхъ чадъ и, казалось, сами почили. Однако, потерявши кредитъ въ жизни, наукѣ и искусствѣ, эти реторики и піитики въ подновленномъ видѣ нашли себѣ пріютъ и надежное убѣжище въ стѣнахъ тѣхъ школъ, которыя создавались вдали отъ дыханія жизни и науки, независимо отъ нихъ и, казалось, на зло имъ. Такова была отходящая въ вѣчность наша т. наз. классическая система,

въ свое время широко распахнувшая двери схоластикѣ, съ ея разными піитическими и реторическими «хитростями». Подъ тлетворнымъ дыханіемъ средневѣковыхъ традицій, возникъ въ этой школѣ культъ «формальнаго» образованія, «формальнаго» развитія и «формальнаго» извитія словесъ, если позволительно употребить подходящее сюда древнее выраженіе. Сущность этого послѣдняго психологическаго абсурда заключается въ томъ печальномъ заблужденіи, будто «слово» можно абстрагировать отъ конкретнаго содержанія, освободить отъ зрительныхъ, слуховыхъ, моторныхъ и всякихъ другихъ представленій, отдѣлить, какъ нѣчто само для себя существующее, и поручить его культивированіе особымъ искусникамъ «слова», т. наз. словесникамъ. Эти монополисты россійскаго краснорѣчія въ средней школѣ, вооруженные грамматиками, стилистиками, логиками и сборниками темъ «по предмету русскаго языка», принялись за выработку «штиля» въ учащихся. Пустая затѣя! Не только не получалось никакого «штиля», а тѣмъ болѣе краснорѣчія, но и въ въ отношеніи простой внѣшней грамотности наши доморощенные риторы и піиты не могли дать удовлетворительныхъ результатовъ (См. весенній циркуляръ нынѣшняго года Г. Министра народнаго просвѣщенія по этому предмету). Конечно, не эти переутомленные труженики [1]), которыхъ заставляли носить воду въ рѣшетѣ, виноваты въ печальномъ положеніи дѣла, а виновата система преподаванія, не захотѣвшая имѣть ничего общаго ни съ требованіями дѣтской психики, ни съ наукой о человѣческой душѣ вообще.

---

[1]) См. ст. В. М. Добровскаго: «О причинахъ малоуспѣшности въ дѣлѣ преподаванія рус. языка и литературы» («Фил. Зап. 1894, II—III).

Сущность смѣшенія понятій, интересующихъ насъ, состоитъ, какъ мы видимъ изъ исторической справки, въ томъ, что, съ одной стороны, языкъ смѣшали съ грамматикой, стилистикой и пр. и думали, что онѣ именно и учатъ писать и говорить, а, съ другой—признавали, что вообще словесный матеріалъ, къ какой бы области знаній онъ ни относился, подлежитъ вѣдѣнію одного того преподавателя, который занимается со школьниками теоретическимъ изученіемъ языка. Такъ какъ нѣкоторыя частичныя отступленія отъ такого взгляда въ программахъ 1890 г. ничего существеннаго въ положеніе дѣла не внесли, а конспектъ новаго учебнаго плана либо совсѣмъ не имѣетъ въ виду этого вопроса, либо стоитъ на старой точкѣ зрѣнія (трудно рѣшить въ виду краткости его), то мы считаемъ небезполезнымъ указать на преимущества иного взгляда на дѣло.

Итакъ, разсмотримъ новую программу по русскому языку и словесности съ точки зрѣнія желательности послѣдовательнаго примѣненія натуральнаго метода и къ обученію родному языку,—метода, такъ удачно принятаго конспектомъ въ области преподаванія новыхъ языковъ.

II.

«При обученіи русскому языку въ младшемъ отдѣленіи, должно главнымъ образомъ заботиться о развитіи въ учащихся способности ясно и отчетливо выражать свои мысли какъ устно, такъ и письменно».

Намъ кажется, что приведенныя выше слова долж-

ны собою открывать каждую объяснительную записку къ каждому предмету преподаванія въ школѣ. На уроках каждаго предмета должно происходить «обученіе русскому языку» (исключая новые языки), на урокахъ каждаго предмета учащіеся должны «выражать свои мысли ясно и отчетливо», по крайней мѣрѣ устно (Здѣсь дѣлаемъ до поры, до времени уступку «иномыслящимъ»). Эти положенія покоятся на той дидактической истинѣ, что языковой матеріалъ вообще долженъ быть усвоиваемъ параллельно съ тѣми предметами и объектами мысли, чувства и воли, которые имъ обозначаются: только тогда цѣнно въ педагогическомъ отношеніи пріобрѣтеніе того или другого слова или выраженія, когда оно закрѣплено прочными ассоціаціями съ соотвѣтственными предметами или явленіями. Эта дидактическая аксіома блистательно примѣнена конспектомъ учебнаго плана при установленіи метода преподаванія новыхъ языковъ (натуральный методъ), но какъ будто игнорируется имъ въ примѣненіи къ указаніямъ относительно обученія русскому языку. Относящееся сюда мѣсто въ конспектѣ редактировано какъ будто въ такомъ смыслѣ, что обученіе языку, развитіе въ учащихся способности ясно и отчетливо выражать свои мысли должно составлять попрежнему монополію «предмета русскаго языка», попрежнему какъ будто остается въ силѣ то допущеніе, что на всѣхъ урокахъ, кромѣ уроковъ русскаго языка, можно излагать свои мысли кое-какъ; что можно игнорировать психологическія требованія выработки рѣчи; что предметы и явленія, относящіеся къ той или другой области знаній, могутъ остаться кое-какъ скрѣпленными съ рядами словесныхъ представленій или даже могутъ быть совсѣмъ не скрѣплены съ ними; что языковой матеріалъ можетъ быть данъ совершенно не-

зависимо, такъ сказать, въ чистомъ видѣ, особымъ искусникомъ—чародѣемъ. Въ такомъ допущеніи, повторяемъ, игнорируется природа человѣческой познавательной способности, не терпящей вивисекцій и сильно мстящей тѣмъ, кто уклоняется отъ соблюденія ея законовъ.

Спѣшу однако оговориться. Я позволилъ себѣ привнести въ указанія новой программы кое-что, чего въ ней нѣтъ и быть, вѣроятно, не можетъ; но сдѣлалъ это, руководствуясь опытомъ относительно пониманія текста программъ лицами, стоящими у самаго дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ стоя на реальной почвѣ прочно установившагося школьнаго «общественнаго мнѣнія» по вопросу о выработкѣ въ учащихся умѣнья владѣть рѣчью. Такъ, какъ разсуждаемъ мы въ приведенныхъ выше строкахъ, будутъ разсуждать почти всѣ преподаватели средней школы, если не получатъ особенно выразительныхъ инструкцій насчетъ измѣненія прочно установившейся старой точки зрѣнія.

Дѣлаемъ выписку изъ конспекта далѣе.

«Ученики должны быть пріучены къ правильному выразительному чтенію статей, доступныхъ дѣтскому пониманію, и умѣнью пересказывать содержаніе прочитаннаго устно и письменно».

Уступая опять до времени несогласнымъ съ нами требованіе вырабатывать въ учащихся умѣнье пересказывать прочитанное письменно на урокахъ всѣхъ предметовъ, мы однако настаиваемъ на томъ, что «пріученіе къ правильному выразительному чтенію статей, доступныхъ дѣтскому пониманію, и умѣнью пересказывать содержаніе прочитаннаго» должно составлять предметъ заботъ и преподавателей несловесниковъ. Чтеніе и усвоеніе историческихъ разсказовъ, разсказовъ изъ естествен-

ной исторіи, изъ Свящ. исторіи и пр. отнюдь не должно подлежать освобожденію отъ выше приведенныхъ требованій (Не всѣ свѣдѣнія на урокахъ этихъ предметовъ будутъ усваиваться учащимися только изъ устъ учителя). Тѣхъ же, кто не признаетъ выразительности чтенія и строгой правильности разсказа, какъ обязательныхъ условій для всякаго преподаванія, отсылаемъ къ слѣдующимъ строкамъ г. Острогорскаго [2]): «Искусство чтенія въ значительной мѣрѣ способствуетъ изгнанію изъ школы такъ наз. долбни, или безсмысленнаго зубренія уроковъ, чѣмъ особенно отличаются младшіе классы. Вмѣсто бормотанія вслухъ или про себя каждаго слова разъ по двадцати кряду, совершенно машинально, пока ни вобьется въ голову строка за строкой цѣлая страница, ученикъ будетъ читать то, что нужно выучить, правильно соблюдая пунктуацію, слѣдя за движеніемъ мысли. И прочитанный такимъ образомъ отрывокъ легче запомнится, потому что будетъ усвоенъ яснѣе умомъ, такъ что учиться читать значитъ въ то же время учиться тому, какъ слѣдуетъ учить уроки. Искусство чтенія пособитъ и отвѣтамъ устнымъ, которые такъ поражаютъ въ школѣ монотонностью, непріятной для уха и оскорбляющей здравый смыслъ»....

«И дѣйствительно», говоритъ Легуве: «они (ученики) понимаютъ урокъ хуже, чѣмъ слѣдуетъ, уже по одному тому, что дурно разсказываютъ, и понимали бъ его лучше, если бъ разсказывали хорошо. А, лучше понимая урокъ, ученики, несомнѣнно, и помнили бы его дольше». Само собою разумѣется, что выработать въ учащихся умѣнье выразительно читать и хорошо разсказывать возможно

---

[2]) «Выразительное чтеніе»—Виктора Острогорскаго, стр. 9.

только при дружной методической работѣ всего учащаго персонала.

Теперь перехожу къ вопросу о письменныхъ упражненіяхъ въ низшихъ 3-хъ классахъ, составляющихъ опять-таки, судя по конспекту новаго учебнаго плана, попрежнему монополію учителей словесности. Начну съ выписки изъ конспекта.

«Грамматика родного языка должна быть усвоена учащимися настолько хорошо, чтобы переходящіе въ высшее отдѣленіе школы (4-й классъ) были грамотны».

Здѣсь разумѣется, очевидно, старая грамматика, грамматика письменнаго языка, а не такая напр., какъ грамматика проф. Е. Θ. Будде («Учебникъ грамматики русскаго языка». Казань 1900), а потому въ приведенной выпискѣ заключается мысль о грамматикѣ, какъ о (единственномъ?) средствѣ обученія грамотному письму (повторяемъ, что и въ данномъ случаѣ наши впечатлѣнія вызваны, быть-можетъ, лишь краткостью конспекта). Эта мысль требуетъ ограниченій. Во-первыхъ, правописаніе наше, какъ и правописаніе прочихъ культурныхъ, имѣющихъ продолжительную исторію языковъ, строго говоря, ненаучно [3]), многія явленія въ немъ носятъ характеръ случая и произвола и должны быть усвоены просто путемъ практики, выработки навыка; и, во-вторыхъ, теоретически ученики могутъ знать грамматическія правила и въ то же время все-таки писать безграмотно, какъ это частенько приходится наблюдать нашему брату—учителю. Обобщая эти оговорки, мы должны сказать слѣдующее по поводу грамотности и условій ея пріобрѣтенія, съ одной стороны, и о конспек-

[3]) См. напр. статью проф. Р. Θ. Брандта: «О лженаучности нашего правописанія» («Фил. Зап.», вып I—II 1901 г.)

тѣ, съ другой. Извѣстно, что нынѣ упраздняемая классическая система, любившая грамматику и возлагавшая на нее большія надежды, не только къ IV классу не вырабатывала въ учащихся умѣнья писать грамотно, но, какъ справедливо замѣтилъ упомянутый выше циркуляръ Г. Министра, не всегда справлялась съ безграмотностью (о ужасъ!) и къ концу всего гимназическаго курса. Это однако не значитъ, что мы находимъ требованіе конспекта, чтобы переходящіе въ высшее отдѣленіе школы были уже грамотны, невыполнимымъ,—нѣтъ, мы признаемъ его выполнимость и полную цѣлесообразность (о чемъ ниже), но ... при условіи установленія обязательныхъ письменныхъ работъ по всѣмъ тѣмъ предметамъ, гдѣ слово учащихся является средствомъ обнаруженія знаній [4]). Эта система письменныхъ работъ (обязательно въ формѣ живого письменнаго слова) должна быть основана на самыхъ широкихъ началахъ практики и должна соотвѣтствовать требованіямъ натуральнаго метода обученія языку. Этотъ методъ, въ примѣненіи къ письменному слову, опирается на такія же психологическія ассоціаціи представленій главнымъ образомъ механическаго характера, какъ и натуральный методъ усвоенія устной рѣчи. Достигая прекрасныхъ результатовъ въ дѣлѣ выработки грамотнаго письма, раціональное веденіе письменныхъ упражненій, по нашему мнѣнію, содѣйствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе успѣшному и прочному усвоенію устной рѣчи, а потому пись-

---

[4]) См. нашу статью: «Главнѣйшіе факторы выработки устной и письменной рѣчи учащихся въ практикѣ средней школы филологическаго типа и сравнительная оцѣнка ихъ». (Фил. Зап», вып. III 1901, стр. 20 и др.).

менныя упражненія по разнымъ предметамъ не только не отнимутъ понапрасну времени, не только будутъ содѣйствовать успѣшности занятій учителя словесности, но также окажутъ немаловажныя услуги и преподавателю того предмета, по которому дается письменная работа [5]).

Окончательный выводъ, который мы дѣлаемъ изъ всего сказаннаго, заключается въ томъ, что въ конечномъ итогѣ не грамматикѣ принадлежитъ честь обученія грамотному письму, а упражненіямъ и навыку; поэтому-то цѣлесообразными въ данномъ случаѣ мы считаемъ только тѣ дидактическіе пріемы, которые соотвѣтствуютъ указанному принципу. Только примѣненіе на самыхъ широкихъ началахъ натуральнаго метода къ обученію родному языку (къ устной и mutandis mutatis къ письменной рѣчи) дастъ, повторяемъ, возможность выполнить требованіе конспекта, чтобы грамотное письмо въ основныхъ чертахъ было усвоено въ первыхъ 3-хъ классахъ. Это требованіе мы привѣтствуемъ, какъ основанное на соображеніяхъ психологической дидактики: еще Ушинскій говорилъ, что если къ 12 (приблизительно) годамъ ученикъ не усвоилъ правописанія, то онъ можетъ быть обреченъ на вѣчную безграмотность, въ виду потери свѣжести воспринимательной способности и образованія нецѣлесообразныхъ навыковъ.

Въ заключеніе этихъ строкъ позволяемъ себѣ повторить, что оставленіе status quo въ области дидактики и методики письменнаго слова въ средней школѣ дастъ statum quo и въ достиженіи результатовъ, а это было бы очень и очень прискорбно.

---

[5]) Ibid. стр. 22—23.

Прежде, чѣмъ перейти къ программѣ IV класса, скажемъ два слова о прохожденіи грамматики въ средней школѣ. Мы думаемъ, что наше пониманіе этого вопроса не идетъ въ разрѣзъ съ указаніями конспекта. Въ младшихъ 3-хъ классахъ изученіе грамматики должно быть подчинено лишь цѣлямъ орѳографіи. Это оправдывается прежде всего тѣмъ соображеніемъ, что грамматика (въ смыслѣ анализа рѣчи)—предметъ очень отвлеченный и напоминаетъ собою алгебру или логику, справедливо признанную комиссіею очень труднымъ для средней школы предметомъ; не легче грамматика и въ смыслѣ фонетики и морфологіи [6]).

Что касается курса IV класса, то здѣсь уже есть возможность дать дѣйствительно кое-что цѣнное и въ смыслѣ уясненія законовъ родного языка, и въ смыслѣ освѣщенія болѣе сложныхъ явленій орѳографіи. Тутъ-то и умѣстно приступить къ анализу рѣчи, къ выясненію главныхъ явленій фонетики и морфологіи и классификаціи грамматическихъ категорій, пользуясь результатами новѣйшихъ изслѣдованій по лингвистикѣ, для популяризаціи которыхъ уже кое-что сдѣлано и въ нашей учебной литературѣ (См. напр. брошюру проф. А. Добіаша: «Объ элементарно-синтактическомъ анализѣ языка въ средней школѣ» 1899). Такимъ образомъ, въ младшемъ отдѣленіи школы изъ грамматики должно сообщаться только то, что относится къ явленіямъ орѳографіи, съ необременительной и немногочисленной терминологіей, а въ IV кл. должно быть приступлено къ систематизаціи этого матеріала, въ связи съ сообщеніемъ основаній этой систематизаціи, иными словами—въ IV кл.

---

[6]) См. объ этомъ въ упомянутой нашей статьѣ (стр. 7 и далѣе) и въ предисловіи къ грамматикѣ Е. Ѳ. Будде.

пора приступить къ теоретическому изученію явленій языка.

Что теперь сказать о переводѣ «Остромирова евангелія» съ разборомъ славянскихъ формъ и сопоставленіемъ ихъ съ русскими, какъ о курсѣ IV класса? Прежде всего, что такое «Остромирово евангеліе»?—Это рукопись, списанная въ XI в. рускимъ діакономъ съ церковно-славянскаго оригинала? вѣка. Какъ таковая, она носитъ на себѣ явные слѣды русскаго языка XI в. и заключаетъ явленія ц.-слав. языка, начиная съ IX вѣка, быть-можетъ, по XI-ый. Говоримъ «явленія ц.-сл. языка съ IX в.» на томъ основаніи, что необходимо признать традицію въ ц.-слав. письменности, хотя бы въ области правописанія, идущею еще отъ эпохи Кирилла и Меѳодія. Допустимъ, что мы читаемъ этотъ памятникъ (какъ, вѣроятно, предполагаетъ конспектъ), какъ памятникъ ц. слав. языка. Что же выйдетъ? Мы должны предварительно дать себѣ самимъ ясно отчетъ, какого же вѣка этотъ ц.—слав. языкъ (отъ IX до XI в. языкъ, конечно, долженъ былъ измѣниться), гдѣ въ немъ живыя явленія, современныя появленію на свѣтъ оригинала рукописи, гдѣ лишь традиціи орѳографіи, какъ слѣдуетъ произносить клъски, къꙁьрѣкъ и т. п., какъ читались эти формы въ эпоху Кирилла и Меѳодія и какъ въ XI в. и т. д. [7]). Мало того, чтобы учениковъ не вводить въ заблужденіе насчетъ явленій ц.-слав. языка, необходимо поминутно поправлять Григорія тамъ, гдѣ онъ дѣлаетъ ошибки въ ц.-слав. языкѣ, внося особенности своего родного говора; вмѣстѣ съ тѣмъ необ-

---

[7]) Изложеніе предмета въ младшихъ классахъ должно носить строго догматическій характеръ, безъ привнесенія гипотетическихъ элементовъ.

ходимо возстановить и произношеніе русскаго человѣка XI в. Но можно ли сказать, что всѣ эти вопросы безапелляціонно разрѣшены наукой?

Теперь допустимъ, что учителю съ учениками удалось произвести надлежащую очистку и выдѣлить въ извѣстномъ отрывкѣ вѣроятныя идеальныя формы ц.-слав. языка (? вѣка). Для того, чтобы эта работа не производилась исключительно учителемъ, не носила характера немотивированнаго произвола, вреднаго въ дидактическомъ отношеніи, необходимо привлечь къ участію въ ней самихъ учениковъ. Сколько же драгоцѣннаго времени уйдетъ на то, чтобы ввести этихъ послѣднихъ въ подробности возникновенія ц.-слав. азбуки, въ подробности работы діакона Григорія, чтобы выработать въ нихъ способность уловить вопросъ въ исторической его перспективѣ? и для чего? Мы признавали бы значеніе за такой работой, если бы этимъ памятникомъ открылось изученіе исторіи русскаго литературнаго языка и исторіи русской письменности вообще, какъ напр. въ настоящее время; но вѣдь новый планъ предполагаетъ познакомить учащихся съ нѣкоторыми произведеніями древней письменности лишь въ VII классѣ (И прекрасно!).

Въ виду приведенныхъ соображеній мы отнесли бы чтеніе «Остр. евангелія» къ курсу VII класса (объ этомъ ниже), а въ IV классѣ и даже во II и III дѣлали бы, при объяснительномъ чтеніи и при разборѣ состава словъ [8]), необходимыя сопоставленія русскихъ и ц.-слав. формъ, взятыхъ просто въ идеальномъ видѣ изъ ц.-слав.

---

[8]) Польза такого разбора для усвоенія ороографіи еще оцѣнена пок. акад. Срезневскимъ (См. его замѣчательную и для настоящаго времени книгу: «Объ изученіи родного яз. вообще

грамматикъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ объясненіемъ различныхъ явленій орѳографіи, постепенно, незамѣтно подготовлялась бы почва въ умахъ учащихся для признанія крупнаго значенія за славянской стихіей въ дѣлѣ созданія русскаго литературнаго языка и, съ другой стороны, устранилась бы достойная сожалѣнія вивисекція дорогого для каждаго русскаго памятника родной старины, дорогого болѣе, пожалуй, своими перлами русскаго языка, чѣмъ церк.-славянскимъ происхожденіемъ. Эта вивисекція вредна и въ дидактическомъ отношеніи, потому что заставляетъ малолѣтнихъ учащихся недоумѣвать насчетъ того, зачѣмъ они изучаютъ ц.-слав. языкъ, по сочиненію, авторъ котораго самъ хорошенько не зналъ этого языка. Тысячу разъ правъ въ этомъ случаѣ здоровый дѣтскій смыслъ!

Въ области словесности, прохожденіе которой, по конспекту, начинается съ V класса (вѣрнѣе сказать, съ I-го класса, гдѣ по хрестоматіи дѣти знакомятся съ произведеніями и устной, и письменной словесности), нужно привѣтствовать упраздненіе курса теоріи словесности, какъ курса схоластическаго, въ научномъ и методическомъ отношеніи неудовлетворительно изложеннаго въ болѣе распространенныхъ учебникахъ и потому вообще безполезнаго. Необходимыя свѣдѣнія изъ области эстетики съ большимъ успѣхомъ могутъ быть усвоены учащимися при чтеніи живыхъ образцовъ, чѣмъ изъ т. н. теоріи словесности, съ ея наскоро и грубо сколоченными опредѣленіями и шитыми на живую нитку и лег-

---

и особенно въ дѣт. возр.») и лучшими практиками послѣдняго времени, напр. пок. В. П. Шереметьевскимъ (См. его «Страничку изъ методики элем. грамматики и родн. языка).

ко расползающимися при малѣйшемъ анализѣ подраздѣленіями и категоріями. Другою существенно важною чертою новой программы по словесности является выборъ произведеній для чтенія и разбора исключительно изъ области изящной словесности, насколько объ этомъ можно судить по именамъ авторовъ (Исключеніе составляетъ т. н. лѣтопись Нестора, которой, по нашему мнѣнію, мѣсто въ программѣ по исторіи; да неизвѣстно, какія произведенія Карамзина должны подлежать чтенію). Такой выборъ есть самое удачное [9]) разрѣшеніе вопроса, не дававшееся программамъ, доселѣ существовавшимъ.

Не скроемъ своего удовольствія и по поводу того, что коммиссія отнесла знакомство съ произведеніями древней литературы лишь къ курсу VII кл. Да! для того, чтобы понять эти произведенія, заинтересоваться ими и оцѣнить, необходимы—и общее развитіе, и выработка въ качествѣ мѣрила литературнаго вкуса, которыя, по предположенію старой программы, должны были всасываться, вѣроятно, съ молокомъ матери; необходимо усвоить и способность возвышаться въ своихъ сужденіяхъ до пониманія великаго принципа «suum cuique». Непосвященные въ тайны преподаванія при прежней системѣ не могутъ себѣ представить, какихъ траги-комическихъ усилій стоилъ учителю и его 14-лѣтнимъ изслѣдователямъ древней русской письменности каждый шагъ въ безполезной погонѣ за лаврами Буслаева и Срезневскаго. Пора кончить эту игру въ исторію литературы съ юнцами, думающими еще объ игрѣ въ лошадки и о бѣганіи

[9]) См. нашу статью: «Къ вопросу о положенія преподавателя русскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ....» («Фил. Зап.», вып. I—II 1900, стр 11).

на гигантскихъ шагахъ! Мы позволяемъ себѣ видѣть даже въ знакомствѣ съ Кантемиромъ, Ломоносовымъ и Державинымъ, относимомъ планомъ къ курсу V кл., своего рода профанацію историческаго изученія литературы, легко, впрочемъ, устранимую, если чтеніе произведеній упомянутыхъ писателей отнести къ курсу VII класса. Конечно, юные словесники изъ такого знакомства вынесутъ представленіе о громадномъ шагѣ, сдѣланномъ литературой съ того времени по пути прогресса, поймутъ и то, что теперь «смѣшно» писать такъ, какъ когда-то писали Кантемиръ, Ломоносовъ и Державинъ; но вынесутъ ли 14-лѣтніе ребята убѣжденіе, что лучше писать въ XVIII в. нельзя было, что эти дѣятели литературы дѣйствительно были крупными писателями въ свое время и двое изъ нихъ считались даже неподражаемыми? Никогда! въ лучшемъ случаѣ повѣрятъ учителю на слово. И такъ, если рано еще думать о способности учащихся въ пятомъ классѣ оцѣнивать литературныя явленія въ ихъ исторической перспективѣ, то не слѣдуетъ ли Кантемира, Ломоносова и Державина отнести къ курсу седьмого класса, гдѣ вмѣстѣ со «Словомъ о полку Игоревѣ» они могли бы составить нѣкоторое въ историко-литературномъ отношеніи цѣлое? Кромѣ того, и по языку [10]), и по содержанію эти произведенія доступнѣе возрасту старшему. Такое перенесеніе, удовлетворяя педагогическому принципу, обязательному и при изученіи исторіи литературы,—итти отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному, отъ болѣе близкаго къ болѣе отдаленному, сослужило бы службу еще въ одномъ отношеніи, въ отношеніи знакомства учащихся съ исто

[10]) См. нашу статью: «Главнѣйшія факторы выработки письменной и устной рѣчи....» (стр. 11–12).

ріей языка, о чемъ скажемъ особо. Въ курсъ пятаго класса на мѣсто Кантемира, Ломоносова и Державина мы бы перенесли изъ программы VI кл. сказки, былины и пѣсни; при такомъ распредѣленіи матеріала удобно было бы дѣлать интересныя для учащихся сопоставленія нашихъ былинъ съ «Одиссеей» и «Иліадой». Въ связи съ этимъ измѣненіемъ въ планѣ находились бы нѣкоторыя перемѣщенія въ области всеобщей литературы; Мольера напр. слѣдовало бы отнести къ курсу VI класса, гдѣ изучается Грибоѣдовъ.

Есть еще одинъ интересный для всякаго образованнаго человѣка вопросъ, который заслуживаетъ вниманія средней школы: это знакомство съ основами русскаго правописанія. Не безызвѣстный фактъ, что самые элементарные вопросы—объ отношеніи ли произношенія къ правописанію, о буквѣ ли «ѣ» и т. п. представляютъ для подавляющаго большинства русской образованной публики какія-то непроходимыя дебри или пресловутую бездну премудрости. Между тѣмъ ознакомленіе съ основами орѳографіи и не трудно, и для учащихся интересно, и, наконецъ, жизненно, такъ какъ въ каждомъ культурномъ обществѣ этотъ вопросъ періодически всплываетъ на поверхность общественной мысли и вызываетъ оживленные споры и толки. Намъ казалось бы, что нѣсколько часовъ въ VII классѣ достаточно было бы для ознакомленія учениковъ съ наиболѣе существенными сторонами этого вопроса. Тутъ именно умѣстно бы было чтеніе текста «Остромирова евангелія» въ связи съ сообщеніемъ необходимыхъ свѣдѣній о началѣ русскаго литературнаго языка и о значеніи церковно-славянской стихіи въ немъ. Только въ VII кл., скажемъ кстати, могли бы, наконецъ, питомцы средней школы понять,

чтб такое представляетъ изъ себя это знаменитое евангеліе, которое предшедствующія имъ поколѣнія школьниковъ цѣлый годъ изучали въ IV классѣ, но надлежащаго понятія о которомъ, строго говоря, никогда не имѣли.

В. Гуссовъ.

Окончаніе будетъ.

Нѣсколько словъ объ „орѳографическихъ“ словаряхъ г.г. Алексѣева и Сеславина.

I.

«Настольное руководство для всѣхъ и пособіе для учащихся. Словарь русскаго правописанія. Полная русская орѳографія съ прибавленіемъ правилъ правописанія и спискомъ словъ на букву ѣ. Составилъ по «Русскому Правописанію» Императорской академіи наукъ, В. И. Далю, Н. Макарову, Ф. Рейфу и др. Преподаватель русскаго языка С. Н. Алексѣевъ».

Я всегда съ нѣкоторымъ недовѣріемъ относился къ такимъ многообѣщающимъ заглавіямъ. Чѣмъ труднѣе вопросъ, которымъ задается авторъ, чѣмъ серьезнѣе задача, которую онъ на себя принимаетъ, тѣмъ, казалось бы, должно быть меньше увѣренности въ успѣхѣ, и тѣмъ скромнѣе должны быть обѣщанія. Составить порядочный справочный словарь по русскому правописанію дѣло очень трудное. И мнѣ всегда казалось, что составители словарей, придумывая громкія названія для своихъ изданій, этимъ способомъ желаютъ привлечь вниманіе заинтересованнаго читателя, не справляясь съ тѣмъ, дадутъ ли они то, что обѣщаютъ. Не такъ давно у меня былъ въ рукахъ «Полный русскій орѳографическій словарь, составленный по Гроту, Рейфу, Далю, Макарову, Чудинову, Александрову и другимъ». Заглавіе громкое, многообѣщающее. Кому не интересно имѣть русскій орѳографическій словарь полный?—Рядъ авторитетныхъ именъ, которыми руководствовался составитель, служитъ лучшимъ руча-

тельствомъ тому, что словарь стоитъ на высотѣ своего назначенія. Пріобрѣлъ я эту книгу, прельстившись ея заглавіемъ, и—разочаровался. Оказалось, что «Полный орѳографическій словарь» далеко не полонъ, составленъ вовсе не по Гроту и въ орѳографическомъ отношеніи рѣшительно не выдерживаетъ критики.

Теперь я только что разсмотрѣлъ словарь русскаго правописанія, заглавіе котораго выписано въ началѣ статьи. Заглавіе еще болѣе громкое, настолько—что приводитъ даже въ недоумѣніе.—«Полная отечественная орфографія», да еще съ двумя приложеніями! Тутъ идетъ рѣчь не о полнотѣ содержанія, но о переполненіи.

Когда говорится: «русское правописаніе», «русская орѳографія», то для меня совершенно понятно, о чемъ идетъ рѣчь, и тѣ словари, которые перебывали въ моихъ рукахъ, обыкновенно не выходятъ изъ сферы этихъ понятій. Но г. Алексѣевъ этимъ не удовольствовался и, говоря о русской орѳографіи, нашелъ нужнымъ прибавить новое понятіе: отечественная. Что же это слово прибавляетъ къ понятію о русской орѳографія?—Кажется, какъ будто ничего. Однако словарь г. Алексѣева составленъ не по «русскому правописанію» Я. К. Грота, но по «Русскому Правописанію Императорской академіи наукъ». Безспорно, такую книгу желательно имѣть. Пріобрѣлъ я «полную отечественную орѳографію» и еще разъ убѣдился, что громкое заглавіе книги не всегда соотвѣтствуетъ ея содержанію. Вотъ планъ словаря:

1) Правила правописанія,

2) «алфавитный списокъ первообразныхъ словъ, которыя пишутся съ буквою ѣ»,

3) словарь русскаго правописанія.

Что сказать по поводу такой программы?

Я не буду въ принципѣ касаться вопроса, насколько умѣстно въ словарѣ помѣщать сборникъ грамматическихъ правилъ. Думаю, что правиламъ правописанія мѣсто въ грамматикѣ, а не въ словарѣ. Это даетъ понять и самъ г. Алексѣевъ, заявляя, что онъ будетъ излагать не всѣ правила правописанія, а лишь нѣкоторыя, «отсылая для дальнѣйшаго къ грамматикѣ» (стр. V). Выходитъ такимъ образомъ, что, пользуясь словаремъ г. Алексѣева, все же необходимо имѣть подъ руками и грамматику. Не говоря уже о томъ, что это противорѣчитъ понятію о полнотѣ словаря, эта самая отсылка представляетъ неудобство въ практическомъ отношеніи.—Если вамъ, помимо словаря, понадобилась какая-нибудь орѳографическая справка, и вы не найдете необходимаго указанія въ неполномъ сборникѣ правилъ, приложенномъ къ словарю, вы должны будете обратиться къ грамматикѣ. Тогда не лучше ли непосредственно обратиться къ грамматикѣ?

Не касаясь вопроса въ принципѣ, я обращаюсь къ тому, что даетъ г. Алексѣевъ въ своемъ сборникѣ.

Необходимо признать, что сборникъ этотъ составленъ невполнѣ удачно. Въ грамматикѣ правила излагаются при обученіи частей рѣчи, и вы, при всякаго рода справкахъ, всегда знаете, гдѣ искать то, что вамъ нужно. У г. Алексѣева правила изложены въ алфавитномъ порядкѣ гласныхъ звуковъ, и вы никакъ не можете оріентироваться, гдѣ найти необходимую справку. Правила расположены безъ системы, нѣкоторыя изложены по два раза, другія совсѣмъ опущены, напримѣръ, на стр. X читаемъ: «буква **ы** не пишется послѣ гортанныхъ **г**, **к**, **х** и послѣ шипящихъ **ж**, **ч**, **щ**; тѣ и

другія согласныя допускаютъ послѣ себя только **и**; такъ, пишется **ги**, **ки**, **хи**, **жи**, **щи** и т. д.

...После гортанныхъ и послѣ **ц** никогда (?) не пишется **ь**». На стр. XI читаемъ: «**ы** не пишется послѣ **г**, **к**, **х**, **ж**, **ч**, **ш**, **щ**; послѣ **г**, **к**, **х**, **ц** никогда не пишется **ь**».

«Существительныя мужскаго рода на **жъ**, **чъ**, **шъ** въ родит. пад. множ. ч. оканчиваются на **ей**» (стр. X). Читатель въ правѣ спросить, отчего тутъ не упомянуто о существительныхъ на **щъ**, напримѣръ: товарищъ, плащъ и др., которые тоже оканчиваются на **ей** въ родительномъ падежѣ множ. числа?

«Прилагательныя, образующіяся отъ нарѣчій съ окончаніемъ **я**, оканчиваются на **яшній**: сегодня—сегодняшній» (стр. X). Читатель въ правѣ спросить, а какъ писать слово завтр(а/е)шній?

Въ сборникѣ правилъ есть указанія неточныя, сбивчивыя, напр.: «**ъ** въ предлогахъ замѣняется буквою **о**, тогда, когда слѣдующее за предлогомъ слово начинается двумя согласными: во всякое время, обо всемъ» (стр. XI).

Г. Алексѣевъ не замѣчаетъ того, что по этому правилу слѣдуетъ писать и говорить: во классѣ, изо практики, со трескомъ, рыцарь безо страха, по наслѣдству ото предковъ и т. д.

На стр. XII г. Алексѣевъ пишетъ: «слитно пишутся большинство предлоговъ: вдоль, вдоволь, взаймы, повидимому». По мнѣнію г. Алексѣева, вдоволь, взаймы, повидимому предлоги!

Такими правилами правописанія руководствоваться рѣшительно невозможно. Самая редакція правилъ правописанія у г. Алексѣева отличается своеобразностью въ ущербъ дѣлу. Напримѣръ, относительно **ать**, **ять**,

уть, ють въ грамматикѣ говорится въ одномъ мѣстѣ, когда идетъ рѣчь о спряженіи глаголовъ, и самое правило выражается въ пяти-шести строчкахъ. У г. Алексѣева объ этомъ говорится въ трехъ мѣстахъ, и въ результатѣ получается вотъ что:

въ грамматикѣ:

Въ глаголахъ перваго спряженія личныя окончанія присоединяются къ основѣ настоящаго времени помощью звука **е**; въ 3 лицѣ множ. ч. эти глаголы оканчиваются на **уть, ють**. Въ глаголахъ второго спряженія личныя окончанія присоединяютъ къ основѣ настоящаго времени безъ помощи звука **е**; въ 3 л. множ. числа эти глаголы оканчиваются на **ать, ять** *).

У г. Алексѣева:

«Окончанія **ать, ять** пишутся въ 3-мъ л. множ. числа настоящаго и простого будущаго времени въ тѣхъ глаголахъ, которые въ единств. ч. того же времени оканчиваются на **ить, ить**.

Окончаніе **ать** въ 3-мъ л. множеств. числа настоящ. вр. удерживается лишь тогда, когда неопредѣленное наклоненіе оканчивается на **ать** съ предыдущею шипящею буквою **ж, ч, ш, щ** (развѣ есть шипящія буквы?!), которое (?) удерживается въ изъявительномъ наклоненіи; если же неопредѣленное наклоненіе передъ окончаніемъ **ать** имѣетъ другую согласную, переходящую въ настоящ. вр. въ другую букву, то такіе глаголы въ единств. числѣ настоящ. вр. оканчиваются на **ешь, еть**, а во множ. ч. на **уть**» (стр. VI).

«Окончаніе **ять** въ 3-мъ л. множ. ч. настоящ. и будущ. вр. имѣютъ тѣ глаголы, которые оканчиваются во 2-мъ л. единств. ч. того же времени на **ишь**» (стр. X) «**уть** въ 3 л. множ. ч. настоящ. и простого будущ. вр. имѣютъ

*) Буслаевъ. «Учебникъ русской грамматики», изд, 1888 г., стр. 46.

глаголы, оканчивающіеся во 2-мъ л. ед. ч. того же времени на **ешь**» (стр. X, ниже).

Подобный способъ изложенія правилъ просто невозможенъ. Тутъ не хватитъ терпѣнія даже прочитать такое правило, а тѣмъ болѣе разобраться въ массѣ указанныхъ признаковъ и вывести какое-нибудь общее заключеніе. А какъ вамъ, читатель, покажется слѣдующее правило правописанія?—

«**енскій** или **инскій?** Большая часть личныхъ именъ съ окончаніемъ на **а, я** принимаютъ окончаніе **инскій**: Анна-аннинскій».

Что это за правило, которое касается лишь большей части именъ, и какъ тогда отличить меньшую часть отъ большей? Почему въ правилѣ сказано только объ именахъ личныхъ, отчего не упомянуто о такихъ словахъ, какъ кяхтинскій, ломжинскій, ялтинсій и др., которыхъ нельзя же игнорировать, говоря объ окончаніи **инскій?**

«окончаніе **енскій** бываетъ въ названіяхъ женскаго и средняго рода, различно образованныхъ: Керчь—керчинскій, или кончающихся на гласныя **а, я**, но при двухъ передъ ними согласныхъ, изъ которыхъ вторая принадлежитъ къ окончанію (стр. VII).

Безъ примѣровъ тутъ трудно разобрать что-нибудь. Какъ понять: «въ названіяхъ женскаго и средняго рода различно образованныхъ», и въ какомъ отношеніи слово: Керчь керчинскій надо считать различно образованнымъ? Какъ понять: «въ именахъ женскаго и средняго рода... кончающихся на **а, я**, но при двухъ передъ ними согласныхъ, изъ которыхъ вторая принадлежитъ къ окончанію? Повторяю, безъ примѣровъ тутъ нельзя ничего разобрать. Про какія имена средняго рода съ окончаніемъ на **а, я** тутъ идетъ рѣчь?

Почему не упомянуто о такихъ названіяхъ, какъ Вѣрный, Грозный, отъ которыхъ тоже происходятъ имена прилагательныя на **енскій?** Какими правилами можно объяснить правописаніе такихъ капризныхъ случаевъ, какъ: Охта — охтенскій, Ялта — ялтинскій; Пенза — пензенскій, Ганза — ганзейскій; Ломжа—ломжинскій, Мокша—мокшанскій; Керчь — керчинскій, Лодзь — лодзинскій?

Въ «Русскомъ правописаніи» Грота сказано:

«при двухъ согласныхъ, изъ которыхъ вторая принадлежитъ къ суффиксу» (стр. 37, изд. 8°). Г. Алексѣевъ слово суффиксу замѣнилъ словомъ окончанію. Этой замѣной сдѣлана ли поправка указанію Грота, или же, по мнѣнію г. Алексѣева, суффиксъ и окончаніе одно и то же?

Вторымъ номеромъ въ словарѣ г. Алексѣева стоитъ «алфавитный списокъ первообразныхъ словъ, которыя пишутся съ буквою **ѣ**»,

Судя по всему, г. Алексѣевъ имѣлъ въ виду слова съ буквою **ѣ** въ корнѣ. Списки этихъ словъ приводятся во всѣхъ почти грамматикахъ, и заглавіе для нихъ существуетъ вполнѣ установившееся; но г. Алексѣевъ это заглавіе нашелъ нужнымъ видоизмѣнить, и вышло нѣчто весьма несообразное. Встрѣчая въ этомъ спискѣ первообразныя слова: исцѣлять, обѣдня, надѣяться, рѣшетка, увѣчный, застѣнчивый, нѣкоторый и др., я никакъ не могу понять, что г. Алексѣевъ разумѣетъ подъ словами первообразными, и почему сюда не вошли слова: **грѣть, внѣ, гдѣ, здѣсь, рдѣть**». Я не могу также понять, почему самый списокъ этихъ словъ помѣщенъ здѣсь. Всѣ эти слова есть въ словарѣ, и кому нужно сдѣлать орео-

графическую справку, тотъ едва ли станетъ задаваться вопросомъ: первообразное ли то слово, которое представило затрудненіе, или же производное? искать ли его въ словарѣ, или же въ одномъ изъ приложеній, такъ какъ о словахъ, «которыя пишутся съ буквою ѣ», говорится въ обоихъ приложеніяхъ?

Самый словарь русскаго правописанія составленъ во многихъ отношеніяхъ неудачно. Г. Алексѣевъ заявляетъ, что онъ составилъ свой словарь по «Русскому Правописанію Императорской академіи наукъ, Далю, Макарову, Рейфу и др.». Въ дѣйствительности же онъ составленъ главнымъ образомъ по Ромашкевичу. Отсюда произошло то, что недостатки словаря Ромаш кевича неизбѣжно отразились и на «полной отечественной орѳографіи» г. Алексѣева. Судите сами, читатель!—

Слова: безприданница, всего на все, голенастый, допьяна, долгосрочный, дѣвченка, заживо, облучокъ, просовывать, пустодомъ, разслѣдовать (да и много ихъ),—всѣ эти слова есть у Грота, Макарова, Рейфа, но ихъ нѣтъ у Ромашкевича, нѣтъ ихъ и въ словарѣ г. Алексѣева. Между тѣмъ эти слова представляютъ гораздо больше интереса въ орѳографическомъ отношеніи, нежели— горлопанъ, задрейфить, монровія, накушанность, нарѣженье, нарѣзаемость, настрѣлянность, нафорштенье, нарытость, обмачка, нашиваемость, пересидка, пересидочка, дѣтятки, сухиничи и др., которыхъ нѣтъ ни у Макарова, ни у Рейфа, но которыя есть только у г.г. Ромашкевича и Алексѣева.

Еще болѣе страннымъ образомъ сказывается вліяніе Ромашкевича въ тѣхъ ошибкахъ, которыя допуще-

ны г. Алексѣевымъ.—Ромашкевичъ въ одномъ мѣстѣ, своего словаря пишетъ слѣдующія слова слитно: напрокатъ, наотмашь, напрямики, впрокъ, наотрѣзъ, врасплохъ, вдребезги, вскачь а въ другомъ мѣстѣ тѣ же самыя слова у него написаны раздѣльно: на прокатъ, на отмашь, на прямикъ, въ прокъ, на отрѣзъ, въ расплохъ, въ дребезги, въ скачь. Все то же самое мы находимъ и у г. Алексѣева.

У Ромашкевича слова: изшить, изцарапать, изщепить, пишутся безъ измѣненія з въ с передъ небнымъ звукомъ и ц, а испарить, исцѣлить, исчислить и др. съ измѣненіемъ з въ с, при томъ же сочетаніи согласныхъ также точно пишетъ ихъ и г. Алексѣевъ.

У Рейфа написано: денщикъ, каменщикъ, поденьщикъ, сбитеньщикъ—два слова правильно, два неправильно. У Ромашкевича: денщикъ, каменщикъ, поденщикъ, сбитеньщикъ—три слова правильно, одно неправильно. Такое же начертаніе этихъ словъ мы находимъ и у г. Алексѣева.

Одно изъ правилъ правописанія, приведенное въ сборникѣ г. Алексѣева, гласитъ слѣдующее: «о вмѣсто е пишется послѣ ц, когда на этотъ слогъ падаетъ удареніе... при отсутствіи же ударенія (за исключеніемъ глаголовъ: гарцовать, танцовать *) пишется е» (стр. VII), а въ словарѣ находимъ слѣдующія слова: молодцоватый, молодцоватость, облицованность. Почему же такое начертаніе, идущее въ раз-

*) У Грота приводится, какъ исключеніе, и слово: шприцовать. Это слово находится и въ словарѣ г. Алексѣева.

рѣзъ съ высказаннымъ правиломъ, тѣмъ болѣе что тутъ же рядомъ стоитъ слово: облицовка, написанное правильно? Трудно придумать подходящее объясненіе, но невольно обращаетъ на себя вниманіе то, что таково начертаніе указанныхъ словъ у Ромашкевича, и только у него одного встрѣчается слово: облицованность.

У Ромашкевича мы находимъ слѣдующее начертаніе: махровый и мохровый; нахлобучить, нахлобучка и наклобучить, наклобучка; дышать—дышишь и надышать—надышешь. Все то же мы находимъ и у г. Алексѣева.

Г. Алексѣевъ пишетъ: бочéкъ, бурачекъ, душничекъ, дьячекъ, дышется, каблучекъ, кляченка, навожденіе и др. Полагаясь на заявленіе составителя, читатель можетъ подумать, что таково правописаніе Императорской Академіи Наукъ. На самомъ же дѣлѣ нѣтъ. «Въ словарѣ русскаго языка», издаваемомъ Академіей Наукъ, эти слова пишутся иначе: бочокъ, бурачокъ, душничокъ, дьячокъ, дышится, каблучокъ (I—253) кляченка (I—324) наважденіе (I—328). Начертаніе указанныхъ словъ г. Алексѣевъ позаимствовалъ у того же г. Ромашкевича.

Дѣло доходитъ иногда до курьёзовъ.—У Ромашкевича во многихъ мѣстахъ допущены описки. На стр. 166 слово: подавить написано вмѣсто—подивить; на стр. 191 слово: произрастать написано вмѣсто—произрастить; слова: раззоръ, чехолъ написаны не на своихъ мѣстахъ. Всѣ эти описки и недосмотры находятся и у г. Алексѣева. Слово: отчаиваться у Ромашкевича написано отчаяваться, и стоитъ оно тамъ, гдѣ ему и мѣсто въ алфавитномъ порядкѣ. У г. Алексѣева оно написано правильно:

отчаиваться, и его слѣдовало помѣстить на нѣсколько словъ выше, но г. Алексѣевъ оставилъ его тамъ, гдѣ оно находится у г. Ромашкевича; вышла алфавитная неточность, которая свидѣтельствуетъ о чемъ, читатель?

При словѣ: «чертъ» читаемъ: «см. чортъ». Г. Алексѣевъ отсылаетъ читателя къ чорту, а слова чортъ въ словарѣ и нѣтъ: нѣтъ у Ромашкевича, нѣтъ и у г. Алексѣева.

А это развѣ не курьёзъ, свидѣтельствующій о томъ, что г. Алексѣевъ и къ своему первоисточнику, словарю Ромашкевича, отнесся безъ должнаго вниманія?— У Ромашкевича при словѣ сорокъ сказано: «во всѣхъ падежахъ **сорока**, напр., о сорока рубляхъ». У г. Алексѣева при словѣ сорокъ сказано: «во всѣхъ падежахъ», и больше ничего.

Нѣтъ необходимости указывать всѣ недостатки въ словарѣ г. Алексѣева. Сказаннаго достаточно, чтобы составить понятіе объ этой книгѣ и опредѣлить ей настоящую цѣну. Кстати о цѣнѣ.

На обложкѣ своего словаря г. Алексѣевъ заявляетъ, что его книга, сто́ящая одинъ рубль,— «самое дешовое изданіе въ Россіи». Но это заявленіе неточно, потому что словарь г. Ромашкевича, гораздо болѣе полный, стоитъ тоже одинъ рубль, а словарь г. Геславина стоитъ всего 75 копеекъ. Въ концѣ предисловія къ своей книгѣ г. Алексѣевъ вторично заявляетъ, что онъ назначилъ «крайне дешевую цѣну—1 руб., надѣясь, что настоящее изданіе встрѣтитъ сочувствіе публики и сдѣлается полезнымъ настольнымъ руководствомъ».

Это настойчивое указаніе на «крайне дешевую цѣну» книги въ связи съ ея громкимъ заглавіемъ

слишкомъ прозрачно свидѣтельствуетъ о томъ, что у составителя желаніе общей пользы было не на первомъ планѣ. О словарѣ Ромашкевича я имѣлъ случай высказаться въ томъ смыслѣ, что это изданіе не можетъ служить настольной книгой *). Почти то же самое приходится сказать и о словарѣ г. Алексѣева. При массѣ недостатковъ, которыми изобилуетъ его изданіе, оно не можетъ принести желаемой пользы и не можетъ быть рекомендовано, какъ настольное руководство, въ особенности же учащимся.

Въ предисловіи къ своему словарю г. Алексѣевъ проситъ указать на промахи и недостатки его труда съ намѣреніемъ воспользоваться этими указаніями при слѣдующемъ изданіи. Желаніе составителя я исполнилъ. Къ сказанному мною прибавлю въ заключеніе, что при исправленіи своего словаря г. Алексѣеву необходимо обратить особенное вниманіе на «Словарь русскаго языка», издаваемый при Императорской Академіи Наукъ. Исправленное изданіе можетъ принести несомнѣнную пользу.

II.

«Карманный орѳографическій словарь, содержащій болѣе 30000 словъ, въ правописаніи которыхъ можетъ встрѣтиться иногда затрудненіе. Составилъ Д. Н. Сеславинъ».

Въ предисловіи къ своему словарю г. Сеславинъ дѣлаетъ слѣдующія заявленія относительно цѣли своего изданія: во-первыхъ, «дать возможность всякому пишущему справиться относительно правильности начертанія того или другого слова»; во вторыхъ, дать пишущему карманную справочную книгу.

*) «Педагогическій Сборникъ» за 1898 г. ноябрь.

Изъ этихъ двухъ цѣлей вторая достигнута авторомъ въ достаточной степени, первая же невполнѣ. Необходимыхъ справокъ во многихъ сомнительныхъ случаяхъ пишущій тутъ не найдетъ. Вамъ, напримѣръ, понадобилось «справиться относительно правильности» начертанія слова: исподлобья. На стр. 114 вы находите исподлобья, а на стр. 108—изподлобья. Удовлетворены ли вы, читатель, этой справкой? Если бы это былъ единичный случай, то о немъ не слѣдовало бы и говорить, но я укажу цѣлый рядъ подобныхъ случаевъ: бударажить—взбудоражить; вѣтреный—безвѣтренный; потчевать, попотчевать—запотчивать; безъ вѣдома—свѣдома; значащій, но не значущій—малозначащій и малозначущій; ладыжка—лодыжка; медянка—мѣдянка; меткій—мѣткій; наперекоръ—на перекоръ; напрямки—на прямки; новичокъ—старичекъ; налету—на ходу, на скоку; наотмашь—на отмашь; побарски—по-пріятельски—по ребячески; наровить—норовить; свѣтопреставленіе—свѣтопредставленіе; донельзя—до нельзя и др. Г. Сеславинъ заявляетъ, что онъ «тщательно провѣрилъ безусловно каждое внесенное въ словарь слово». Чѣмъ же объяснить рядъ подобныхъ недосмотровъ въ словарѣ? и какъ пользоваться справочной книгой, въ которой такъ много сбивчивыхъ указаній?!

На ряду съ такими сбивчивыми указаніями встрѣчаются и положительныя невѣрности, напр., въ словѣ онуча, по заявленію г. Сеславина, буква б перешла въ н. Но это указаніе совершенно невѣрно. Такой замѣны даже не могло произойти по филологическимъ законамъ. Въ даномъ случаѣ буква н вставлена для

устраненія зіянія, а вставка и замѣна не одно и то же.

Отъ глагола огрѣть никакъ не выйдетъ форма огрѣваю; возможна только форма огрѣю. Равно отъ глагола отстать не можетъ быть образована форма: отстаю, отстаешь; возможна только форма отстану, отстанешь.

Слова: не доглядѣть, не дозрѣть, не досидѣть, не дослышать, не досмотрѣть, не досчитать пишутся не слитно, но, по общему правилу, раздѣльно съ отрицаніемъ.

Въ словарѣ встрѣчаются недосмотры, доходящіе до странностей. На стр. 14 читаемъ: «Бережокъ». Хотя многіе пишутъ бережекъ, но уже давно стало правиломъ писать **о**, а не **е** въ окончаніяхъ словъ на **окъ**» *).

На стр. 23 читаемъ: «Бычекъ. Въ настоящее время пишутъ и бычокъ, что даже предпочтительнѣе».

Если писаніе на **окъ** уже давно стало правиломъ, то странно заявлять, что такое правописаніе (Бычокъ) предпочтительнѣе. Оно должно быть

---

*) Позволю себѣ замѣтить, что въ русской грамматикѣ никогда не было правила, чтобы слова на окъ когда-либо писались на екъ. Развѣ такія слова, какъ: дымокъ, мѣлокъ, разсудокъ, лѣсокъ и др. могли писаться съ окончаніемъ на екъ? Очевидно, г. Сеславинъ говоритъ не то, что хотѣлъ сказать. Прежде, дѣйствительно, писались на екъ всѣ тѣ слова, въ которыхъ передъ этимъ окончаніемъ стоялъ небный звукъ; но г. Сеславинъ въ своемъ опредѣленіи опустилъ эту существенную подробность относительно небныхъ звуковъ, и вслѣдствіе этого у него получилось невѣрное сообщеніе.

признано единственно правильнымъ. Впрочемъ, нѣсколько ниже, на стр. 144, читаемъ слѣдующее: «Крючокъ. Въ данномъ случаѣ правописаніе, предлагаемое Гротомъ, прививается съ трудомъ, и потому до сихъ поръ многіе пишутъ крючекъ». Изъ этихъ словъ г. Сеславина выходитъ, что такого правила еще нѣтъ, оно только предлагается Гротомъ.

Стр. 168. «Металлъ. Въ данномъ случаѣ буква л удваивается для отличія отъ прош. вр. глагола метать—металъ».

Развѣ подобное указаніе не странность? Развѣ можно представить себѣ такого наивнаго читателя, который, встрѣтивши въ печатной книгѣ слово: металъ, не шутя задался бы вопросомъ, что это такое: глаголъ или имя существительное? Но допустимъ, что такой читатель найдется, тогда почему слова: кутила, запѣвала и под. пишутся съ однимъ л? Вѣдь есть же подобозвучныя глагольныя формы! Почему въ словахъ: кораллъ, кристаллъ удваивается л? Вѣдь подобозвучныхъ словъ нѣтъ въ русскомъ языкѣ! Наконецъ, почему бы ужъ заодно слово орелъ не писать съ двумя л для отличія города отъ птицы или наоборотъ?

Стр. 390 { «Прутъ—имя сущ.»
«Прутъ—рѣка».

Выходитъ, что Прутъ, какъ названіе рѣки, не есть имя существительное.

Заботясь о томъ, чтобы словарь былъ непремѣнно карманной книжкой, г. Сеславинъ указываетъ не всѣ правила фонетики и этимологіи (стр. V). На это необходимо замѣтить, что въ ороографическомъ словарѣ и надобности нѣтъ помѣщать правилъ фонетики и этимологіи. Это по самой сущности не входитъ въ задачи ороографическаго словаря. Но г. Сеславинъ

дѣлаетъ выборъ правилъ. Что руководитъ этимъ выборомъ, трудно понять. Нѣкоторыя правила составитель повторяетъ по нѣскольку разъ, другія не менѣе важныя совсѣмъ пропускаетъ. Для примѣра приводимъ слѣдующія:

«Извозчикъ—когда суффиксу щикъ предшествуетъ коренный (коренной?) звукъ з, с или ж, то буква щ обращается въ ч».

«Перебѣжчикъ—когда суффиксу щикъ предшествуютъ коренные звуки з, с или ж, то щ обращается въ ч».

«Доносчикъ—когда суффиксу щикъ предшествуетъ коренной звукъ с, то щ обращается въ ч».

«Мужчина—когда суффиксу щина предшествуютъ коренные звуки з, с или ж, то щ обращается въ ч».

Сказавши это правило четыре раза, г. Сеславинъ при остальныхъ словахъ подобнаго образованія дѣлаетъ ссылку на примѣчаніе къ слову: извозчикъ. Такое повтореніе не вызывается необходимостью. Сказавши правило одинъ разъ, положимъ, при словѣ: извозчикъ, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ можно было бы ограничиться ссылкой на примѣчаніе къ этому слову.

Относительно союза **бы** г. Сеславинъ сдѣлалъ необходимое указаніе: «**Бы, бъ** пишется слитно только въ союзахъ: чтобы, дабы»; но подобному же правилу слѣдуютъ также союзы: **же, ли,** *) почему же г. Сеславинъ о нихъ ничего не сказалъ?

Выборъ «словъ, въ правописаніи которыхъ можетъ встрѣтиться затрудненіе», сдѣланъ не всегда удачно. Въ словарь внесено много словъ ненужныхъ, напри-

*) «Русское правописаніе» Грота, изд. 1890 г. стр. 94.

мѣръ: зане, заношивать, волюмъ, захѣрить, корёжить, мазь, мереть, намыться, наподдавать, осрамлять, осрамляться, отхотѣть, ну (неужели и въ правописаніи слово ну можетъ встрѣтиться затрудненіе?) и др. Сюда относится цѣлый рядъ географическихъ названій: Ахтырка, Ахалцыхъ, Буй, Бузулукъ, Вуокса, Ломжа, Осташковъ, Шацкъ, Сычевка, Шуша, Шуя; Спа, Гваделупа, Гвардафуй и мн. др. Сюда же я отношу матеріалъ, заимствованный изъ святцевъ: Алевтина, Аѳиногенъ, Арефа, Игнатій, Галактіонъ, Иринархъ, Исаакъ, Исавъ, Исидоръ, Лука, Провъ, Созонтъ, Никаноръ, Никифоръ; также Навуходоносоръ, Артаксерксъ и мн. др.

Всѣ эти слова попали въ словарь безъ всякой надобности, а многое существенное, что дѣйствительно можетъ представить затрудненіе, пропущено въ немъ. Например, тамъ нѣтъ такихъ словъ, какъ: безбилетный, безтѣлесный, безъ оглядки, безъ удержу, бенефиціантъ, богатырскій, болячка, боярыня, брависсимо, безснѣжный, бумагопрядильня, буреломъ,—это только на букву Б. Нѣтъ слова: по-русски. Правда, тамъ есть похожія слова: по людски, по-братски, пофранцузски, но, сообразуясь съ начертаніемъ этихъ словъ у г. Сеславина, какъ вы напишете порусски, читатель?

Я указалъ цѣлый рядъ недосмотровъ въ словарѣ г. Сеславина. Конечно, въ такомъ видѣ справочная книга не можетъ принести той пользы, какая вообще желательна. Если бы составитель вновь пересмотрѣлъ свой трудъ, ненужное опустилъ, недостающее пополнилъ, допущенные недосмотры исправилъ,

тогда и вторая изъ намѣченныхъ имъ цѣлей была бы достигнута. Исправленіе тѣмъ болѣе необходимо, что въ словарѣ есть опечатки, повторенія однихъ и тѣхъ же словъ, и не вездѣ выдержанъ алфавитный порядокъ. Слѣдовало бы также обратить больше вниманія на корректуру. А то здѣсь встрѣчаются такія, напр., странности.—Г. Сеславинъ говоритъ: «**Бы (бъ)** пишется слитно только въ союзахъ: **чтобы**, **дабы**». Слѣдуя этому правилу, вы, читатель, во всѣхъ другихъ случаяхъ будете писать **бы**, какъ отдѣльное слово. И будете совершенно правы: такое правило въ грамматикѣ дѣйствительно есть; но вы не можете не обратить вниманія на то, что самъ г. Сеславинъ этому правилу не слѣдуетъ. Онъ пишетъ: «если-бы указывать всѣ производныя формы словъ, то пришлось бы увеличить объемъ книжки, что не соотвѣтствовало-бы...» (стр. V. См. также стр. 5, 75, 254). Выходитъ то, что г. Сеславинъ какъ будто даетъ правила только для другихъ, а для себя считаетъ ихъ необязательными.

З. О—въ.

Затруднительные случаи русскаго правописанія *).

II.

Глагольныя примѣты.

Отчетливое знаніе глагольныхъ примѣтъ весьма важно для правописанія. Смѣшеніе глаголовъ 1-го и 2 спряженія, подставокъ *ова, ева*, съ одной стороны, и *ыва, ива*, съ другой—неправильное употребленіе ихъ въ производныхъ словахъ,—все это особенно часто наблюдается въ письменныхъ работахъ учащихся. Имѣя въ виду недостаточную разработку даннаго вопроса въ грамматикахъ, укажемъ на тотъ способъ, которымъ, по нашему мнѣнію, можно воспользоваться при изученіи глагольныхъ примѣтъ. Для наглядности возьмемъ нѣсколько глаголовъ въ неопредѣленномъ наклоненіи и въ настоящемъ или будущемъ простомъ времени и напишемъ ихъ въ два столбца, при чемъ каждый глаголъ разложимъ по этимологическому составу.

Неопредѣленное наклоненіе.	Настоящее или будущее время.
Вѣр-и-ть	вѣр-и-шь
кип-ѣ-ть	кип-и-шь
крас-н-ѣ-ть	крас-н-ѣ-е-шь
дум-а-ть	дум-а-е-шь
леж-а-ть	леж-и-шь
слуш-а-ть	слу-ш-а-е-шь
с-каз-а-ть	скаж-е-шь

*) Продолж. Нач. см. I—II в. 1901 г.

тер-я-ть	тер-я-е-шь
по-гул-я-ть	по-гул-я-е-шь
сох-ну-ть	сох-н-е-шь
стук-ну-ть	стук-н-е-шь
со-вѣт-ова-ть	со-вѣт-у-е-шь
за-вид-ова-ть	за-вид-у-е-шь
гор-ева-ть	гор-ю-е-шь
по-тч-ева-ть	по-тч-у-е-шь
коч-ева-ть	коч-у е-шь
ноч-ева-ть	ноч-у-е-шь
по-каз-ыва-ть	по-каз-ыва-е-шь
по-гул-ива-ть	по-гул-ива-е-шь
бы-ва-ть	бы-ва-е-шь
нес-ти	нес е шь

Извѣстно, что глаголы I-го спряженія во 2 и 3 лицѣ ед. ч. и 1 и 2 л. множ. ч. имѣютъ передъ окончаніемъ *е*, а въ 3 л. мн. ч.—*у* или *ю*; глаголы 2-го спряженія во 2 и 3 л. ед. ч. и 1 и 2 л. мн. ч. пользуются примѣтой *и*, а въ 3 л. мн. ч.—*а* иля *я*. Примѣтѣ *и* настоящаго или будущаго простого соотвѣтствуютъ слѣдующія примѣты неопредѣлеьнаго наклоненія: *и*, *ѣ*, *а*. Примѣтѣ *е* изъявительнаго наклоненія соотвѣтствуютъ слѣдующія примѣты неопредѣленнаго наклоненія: *ѣ*, *а*, *я*, *ну*, *ова*, *ева*, *ыва*, *ива*, *ва*. Наконецъ, *е* появляется въ настоящемъ и будущемъ простомъ времени еще тогда, когда въ неопредѣленномъ наклоненіи нѣтъ никакой примѣты. Все это можетъ быть наглядно представлено въ такой таблицѣ.

Неопред. наклоненіе.	**Наст. или будущее вр.**
Примѣты.	*Примѣты.*
и—прим. 2-го спряж.	остается
ѣ—прим. 1 и 2 спряж.	въ 1 спр. удерживается, во 2-мъ выпадаетъ.

а—прим. 1 и 2 спряж.	во 1-мъ спр. удерживается, во 2-мъ выпадаетъ, при томъ во 2-мъ спряж. стоитъ послѣ шипящей.
я—прим. 1 спряж.	удерживается
ну—прим. 1 спряж.	переходитъ въ *н*
ова—прим. 1 спряж.	переходитъ въ *у*
ева—прим. 1 спряж.	переходитъ въ *ю* (послѣ шипящей въ *у*)
ыва—прим. 1 спряж.	удерживается
ива—прим. 1 спряж.	удерживается.
ва—прим. 1 спряж.	удерживается.

Итакъ, примѣты 1 спряженія: *ѣ* (въ наст. вр. удерживается), *а* (въ наст. вр. удерживается), *я*, *ова*, *ева*, *ыва*, *ива*, *ва* (всѣ удерживаются въ н. вр.). Примѣты 2-го спряженія: *и*, *ѣ* (въ наст. врем. выпадаетъ), *а* съ предшествующей шипящей (въ наст. вр. это *а* тоже выпадаетъ).

Руководствуясь этими примѣтами неопредѣленнаго наклоненія, легко опредѣлить спряженіе глагола и избѣжать обычныхъ ошибокъ. Конечно, все это не ново, но мы хотѣли только указать на способъ разработки даннаго вопроса.

Что касается глаголовъ, представляющихъ отступленія отъ изложеннаго правила, то ихъ немного: гнать, спать, стоять, бояться (2 спряженія): гнить, брить, ушибить, ревѣть, ржать (1-го спряженія); бѣжать и хотѣть (разноспрягаемые).

По той же таблицѣ можно видѣть различіе между примѣтами *ова, ева* и *ыва*, *ива*: первыя въ настоящемъ или будущемъ простомъ переходятъ въ *у*, *ю* (послѣ шипящихъ въ *у*), вторыя удерживаются. Впрочемъ, и здѣсь есть исключенія: затмевать (затмеваю), обуревать (обуреваю), намѣреваться (намѣреваюсь). Во всякомъ случаѣ ученики не смѣшаютъ указан-

ныхъ примѣтъ, если будутъ помнить, что при переходѣ изъ настоящаго времени въ неопредѣленное наклоненіе эти глаголы измѣняютъ *у* въ *ова* (послѣ шипящихъ въ *ева*) и *ю* въ *ева*: рис-у ю рис-ова-ть, памят-у ю--памят-ова ть, преслѣд-у-ю--преслѣд-ова-ть, клю-ю—кл-ева-ть, коч у-ю—коч-ева-ть

III.

Правописаніе причастныхъ формъ.

Очень часто въ письменныхъ работахъ учащихся встрѣчаются ошибки, объясняемыя неправильнымъ производствомъ причастіи прошедшаго времени страдательнаго залога. Наиболѣе обычными ошибками является смѣшеніе гласныхъ *а* и *е* передъ причастнымъ суффиксомъ *н* (*нн*), въ особенности послѣ шипящихъ, а также смѣшеніе прилагательныхъ: *виденъ, боленъ, слышенъ* съ неупотребительными въ краткой формѣ причастіями: *видѣнъ, болѣнъ, слышенъ*. Правописаніе причастныхъ формъ хорошо усваивается при помощи упражненій въ производствѣ ихъ и разложеніи на составныя этимологическія части. Упражненія располагаются въ такомъ порядкѣ. Сначала дается ученикамъ рядъ глаголовъ, отъ которыхъ они должны произвести причастія.

Глаголы.	Причастія.
Чит-а-ть	чит-а-нн-ый
вид-ѣ-ть	вид-ѣ-нн-ый
вос-пит-а-ть	вос-пит-а-нн ый
раз-стрѣл-я-ть	раз-стрѣл-я нн-ый
дви-ну-ть	дви-ну-т-ый
по-стиг-ну-ть	по-стиг-ну-т-ый

по-мил-ова-ть	по-мил-ова-нн-ый
за-во-ева-ть	за-во-ева-нн-ый
за-вѣщ-а-ть	за-вѣщ-а-нн-ый
раз-вѣш-а-ть	раз-вѣш-а-нн-ый
раз-вѣс-и-ть	раз-вѣш-е-нн-ый
у-краш-а-ть	
у-крас-и-ть	у-краш-е-нн-ый
брос-а-ть	
брос-и-ть	брош-е-нн-ый
нес-ти	нес-е-нн-ый
от-вез-ти	от-вез-е-нн-ый
у-том-л-я-ть	
у-том-и-ть	у-том-л-е-нн-ый
у-топ-и-ть	у-топ-л-е-нн-ый
у-бѣжд-а-ть	
у-бѣд-и-ть	у-бѣжд-е-нн-ый
вс-т-рѣч-а-ть	
вс-т-рѣт-и-ть	вс-т-рѣч-е-нн-ый
за-мѣч-а-ть	
за-мѣт-и-ть	за-мѣч-е-нн-ый
при-готов-л-я-ть	
при-готов-и-ть	при-готов-л-е-нн-ый
ис-каж-а-ть	
ис-каз-и-ть	ис-каж-е-нн-ый
за-мораж-ива-ть	
за-мороз-и-ть	за-морож-е-нн-ый
с-праш-ива-ть	
с-прос-и-ть	с-прош-е-нн-ый
раз-брас-ыва-ть	
раз-брос-и-ть	раз-брош-е-нн-ый
о-пуст-оша-ть	
о-пуст-оши-ть	о-пуст-оше-нн-ый
по-свящ-а-ть	
по-свят-и-ть	по-свящ-е-нн-ый
мы-ть	мы-т-ый
ви-ть	ви-т-ый.

Изъ разсмотрѣнія таблицы могутъ быть сдѣланы слѣдующіе выводы:

1) Причастія прошедшаго времени страдательнаго залога производятся отъ основы неопредѣленнаго наклоненія.

2) Если отъ одной и той же основы, посредствомъ перемѣны суффикса, происходятъ два глагола: несовершеннаго и совершеннаго вида, то причастіе прош. врем. страд. залога производится только отъ основы вида совершеннаго.

3) Суффиксами страдательныхъ причастій прош. времени служатъ: *нн* (въ краткихъ формахъ одно *н*) и *т*.

4) Суффиксъ *т* употребляется въ томъ случаѣ, когда основа глагола состоитъ изъ одного слога и оканчивается на гласную, а также въ нѣкоторыхъ глаголахъ съ примѣтою *ну*.

5) Если основа глагола оканчивается на гласную, суффиксъ *нн* присоединяется къ ней непосредственно.

6) Къ основамъ на согласную суффиксъ *нн* присоединяется посредствомъ бѣглаго звука *е*.

7) Если основа глагола оканчивается на *и*, то этотъ звукъ уподобляется соединительному гласному *е*, а потомъ два *е* сокращаются въ одно: похвал-е-е-нн-ый = по-хвал-е-нн-ый; рас-про-стран ее-нн-ый = рас-про-стран-е-нн-ый.

8) Если звуку *и* предшествуетъ губная, зубная или свистящая, то онѣ смягчаются соотвѣтствующимъ образомъ (т.-е. губная вставкою *л*; зубныя—*д* въ *ж* и *жд*, *т* въ *ч* и *щ*; свистящія—*з* въ *ж*, *с* въ *ш*).

9) Слѣдовательно, звукъ *е* передъ суффиксомъ *н* (*нн*) появляется только въ двухъ случаяхъ: 1) въ причастіяхъ отъ глаголовъ съ основою на согласную и 2) въ причастіяхъ отъ глаголовъ съ основою на *и*.

Когда все изложенное будетъ вполнѣ усвоено учениками путемъ классной работы, имъ предлагается

снова рядъ глаголовъ, отъ которыхъ они должны уже самостоятельно произвести причастія:

о-суд-и-ть	рас-по-лож-и-ть
по-хит-и-ть	с-раз-и-ть
на-корм-и-ть	с-кос-и-ть
по-злат-и-ть	с-мѣш-а-ть
раз-рѣд-и ть	у-трат-и-ть и проч.

Только послѣ того, какъ дѣти научатся легко и безошибочно производить причастія отъ глагольныхъ основъ, можно приступить къ объяснительной диктовкѣ, на которую слѣдуетъ смотрѣть, какъ на средство укрѣпить въ памяти учащихся усвоенныя ими свѣдѣнія.

Что касается прилагательныхъ: *виденъ*, *боленъ* и *слышенъ*, то правописаніе ихъ разъясняется при помощи подобныхъ же указаннымъ упражненій: отъ глаголовъ: *болѣть*, *видѣть* и *слышать* ученики производятъ различныя слова и затѣмъ сравниваютъ ихъ съ производными отъ прилагательныхъ: *виденъ*, *боленъ*, *слышенъ*. Работа будетъ имѣть слѣдующій видъ.

Бол-ѣ-ть.	**Боленъ.**
бол-ѣ-ю-щій	бол-ьн-а
за-бол-ѣ-вш-ій	бол-ьн-о
пере-бол-ѣ-ть	пре-бол-ьн-о
на-бол-ѣ-ть	бол-ьн-ой
про бол-ѣ-ть	бол-ьн-иц-а
за-бол ѣ ва-н-і е	бол-ьн-ич-н-ый
бол-ѣ-зн-ь	
бол-ѣ-зн е-нн-ый	**Вид-ѣ-ть.**
со-бол-ѣ-зн-ова-ть	у-вид-ѣ-ть
со-бол-ѣ-зн-ова-віе	за-вид ѣ-ть
и т. д.	про-вид-ѣ-ть

вид-ѣ-н-і-е
про вид-ѣ-н-і-е
с-н-о-вид-ѣ-н-і-е
яс-н-о-вид-ѣ-н-і-е
у-вид-ѣ-нн-ый и т. д.

Вид-е-нъ.

вид-н-а
вид-н-о
вид-н-ы
вид-н-ый
за-вид-н-ый
оч-е-вид-н-ый
шар-о-вид-н-ый
груш-е-вид-н-ый и т. д.

Слы-ш-а-ть.

у-слы-ш-а-ть
за-слы-ш-а-ть
про-слы-ш-а-ть
у-слы-ш-а-нн-ый
по-слы-ш-а-ть-ся
слы-ш-а-щ-ій
слы-ш-и-м-ый

Слы-ш-е-нъ.

слы-ш-н-а
слы-ш-н-о
слы-ш-н-ы
слы-ш-н-ый

IV.

Представки при и пре.

Привлекать дѣтей къ наблюденіямъ надъ данными явленіями языка, заставлять ихъ вдумываться въ причины этихъ явленій, постепенно подготовлять къ выводамъ изъ наблюденій—такова наиболѣе плодотворная по своимъ результатамъ роль учителя русскаго языка. Матеріалъ для наблюденій громадный; оттѣнковъ въ выраженіи понятій и мыслей многое множество! Даже каждая представка и подставка прибавляютъ къ содержанію понятія, выражаемаго словомъ, нѣчто новое. Наше вниманіе привлекаютъ на этотъ разъ представки *пре* и *при*, въ употребленіи которыхъ дѣти такъ часто дѣлаютъ ошибки.

Обычный пріемъ при изученіи словъ съ указанными представками состоитъ въ томъ, что имъ

диктуютъ примѣры, въ которыхъ встрѣчаются такія слова. Но выше уже замѣчено, что объяснительныя диктовки составляютъ вторую ступень въ дѣлѣ развитія въ дѣтяхъ правильныхъ навыковъ письма, содѣйствія болѣе прочному закрѣпленію ихъ. Прежде нужно научить писать отдѣльныя слова, а потомъ уже предложенія съ этими словами. Способъ для разучиванія словъ съ представками *пре* и *при* тотъ же, на который указано раньше, т.-е. разложеніе ихъ по составу. Посредствомъ сличенія словъ съ той и другой представкой нетрудно выяснить дѣтямъ ихъ значеніе Только не слѣдуетъ при этомъ спѣшить, а, напротивъ, побольше остановиться на разборѣ упомянутыхъ предложныхъ словъ, чтобы ученики пріобрѣли навыкъ быстро опредѣлять ихъ смыслъ.

Слова съ представкою при.	Слова съ представкою пре.
1) при-да-ть	пре-да-ть
при-да-н-ое	пре-да-н-і-е
при-да-нн-ый	пре-да-нн-ый
при-да-т-ок-ъ	пере-да-т-ок-ъ
при-да-т-оч-н-ый	пере-да-т-оч-н-ый
при-да-ва-ть-ся	пре-да-ва-ть-ся
	пре-да-ть-ся
	пре-да-тел-ь
	пре-да-тел-ь-ств-о
	пре-да-тел-ь-ск-ій
при-да-ч-а	пере-да-ч-а
2) при-говор-и-ть	пере-говор-и-ть
при-говор-ъ	пере-говор-ъ
при-говар-ива-ть	пере-говар-ива-ть
при-говар-ива-н-і-е	пере-говар-ива-н-і-е
при-говар-е-нн-ый	пере-говар-е-нн-ый
при-говор-к-а	пере-говор-к-а

3) при-дѣ-л-а-ть	пере-дѣ-л-а-ть
при-дѣ-л-ъ	пре-дѣ-л-ъ
при-дѣл-а-нн-ый	пере-дѣ-л-а-нн-ый
при-дѣ-л-к-а	пере-дѣ-л-к-а
	пре-дѣ-л-ьн-ый

---

4) при-н-им-а-ть	пере-н-им-а-ть
при-н-я-то	пере-н-я-ть
прі-ем-н-ый	
прі-ем-ыш-ъ	
прі-ем-к-а	
прі-ем-ъ	пре-ем-ств-е-нн-ый
прі-ем-н-ик-ъ	пре-ем-н-ик-ъ
пищ-е-прі-ем-н-ый	
пищ-е-прі-ем-н-ик-ъ	
вос-прі-ем-н-ик-ъ	

---

5) при-бы-ть	пре-бы-ть
при-бы-ва-ть	пре-бы-ва-ть
при-бы-ва-н-і-е	пре-бы-ва-н-і-е
при-бы-т-і-е	
при-бы-в-ш-ій	пре-бы-в-ш-ій
при-бы-ва-ю-щ-ій	пре-бы-ва-ю-щ-ій
при-бы-л-ь	
при-бы-л-ьн-ый	
при-бы-т-ок-ъ	
при-бы-т-оч-н-ый.	

---

6) при-клон-и-ть	пре-клон-и-ть
при-клон-и-ть-ся	пре-клон-и-ть-ся
при-клон-я-ть-ся	пре-клон-я-ть-ся
при-клон-е-н-і-е	пре-клон-е-н-і-е
при-клон-е-нн-ый	пре-клон-е-нн-ый
при-клон-я-ющ-ій-ся	пре-клон-я-ю-щ-ій

---

7) при-ступ-и-ть	пре-ступ-и-ть
при-ступ-а-ть	пре-ступ-а-ть
при-ступ-л-е-н-і-е	пре-ступ-л-е-н-і-е
не-при-ступ-н-ый	пре-ступ-н-ый
при-ступ-а-ю-щ-ій	пре-ступ-а-ю-щ-ій
при-ступ-ъ	пере-ступ-а-ть
	пре-ступ-н-ик-ъ
не-при-ступ-н-о	пре-ступ-но

---

8) при-зир-а-ть	пре-зир-а-ть
при-зр-ѣ-ть	пре-зр-ѣ-ть
при-зр-ѣ-н-і-е	пре-зр-ѣ-н-і-е
при-зр-ѣ-нн-ый	пре-зр-ѣ-нн-ый
при-зир-а-ю-щ-ій	пре-зир-а-ю-щ-ій
	пре-зр-и-тел-ьн-ый
при-зор-ъ	

---

9) при-твор-и-ть	пре-твор-и-ть
при-твор-я-ть	пре-твор-я-ть
при-твор-ъ	
при-твор-ств-о	
при-твор-н-ый	
при-твор-я-ю-щ-ій	пре-твор-я-ю-щ-ій

---

10) при-ворот-и-ть	пере-ворот-и-ть
при-ворач-ива-ть	пере-ворач-ива-ть
при-ворот-н-ый	пре-врат-н-ый
при-врат-н-ик-ъ	пре-врат-н-о
	пре-врат-и-ть
	пре-вращ-а-ть

---

11)	при-лож-и-ть	пере-лож-и-ть
	при-лаг-а-ть	пере-лаг-а-ть
	при-леж-а-ть	пере-леж-а-ть
	при-леж-а-н-і-е	не-пре-лож-н-ый
	при-леж-н-ый	
	при-лож-е-н-і-е	пере-лож-е-н-і-е
	при-лаг-а-тел-ьн-ое	

---

12)	при-ход-и-ть	пере-ход-и-ть
	при-ход-я-щ-ій	пре-ход-я-щ-ій
	при-ход-ъ	пере-ход-ъ
	при-ход-н-ый	пере-ход-н-ый
	при-ход-к-а	пере-ход-к-а
	при-хожд-е-н-і-е	пере-хожд-е-н-і-е
	при-хаж-ива-ть	пере-хаж-ива-ть

---

13)	при-вод-и-ть	пере-вод-и-ть
	при-вод-ъ	пере-вод-ъ
	при-вод-к-а	пере-вод-к-а
	при-вод-н-ый	пере-вод-н-ый
	при-вод-я-щ-ій	пере-вод-я-щ-ій

---

14)	при-сла-ть	пере-сл-я-ть
	при-сыл-а-ть	пере-сыл-а-ть
	при-сыл-к-а	пере-сыл-к-а
	при-сыл-ьн-ый	пере-сыл-ьн-ый
	при-сл-а-нн-ый	пере-сл-а-нн-ый
	при-сыл-а-ю-щ-ій	пере-сыл-а-ю-щ-ій

---

15)	при-мѣш-а-ть	пере-мѣш-а-ть
	при-мѣш-ива-ть	пере-мѣш-ива-ть
	при-мѣш-а-нн-ый	пере-мѣш-а-нн-ый
	при-мѣш-а-ть-ся	пере-мѣш-а-ть-ся.

Разсматривая разложенныя по составу слова, легко установить слѣдующіе взгляды на значеніе представокъ *пре* и *при*:

1) Представкѣ *при* соотвѣтствуетъ представка *пре*=*пере* (приступить—преступить, при врат-н-ик-ъ—пре-врат-н-ый, превратить, приданіе—преданіе).

2) Представка *пре* иногда равносильна предлогу *черезъ* („пре-зир-а-ть" — значитъ смотрѣть сверху черезъ кого-нибудь или что-нибудь, не обращать на извѣстное лицо или предметъ вниманія).

3) Представка *при* означаетъ прибавленіе, присоединеніе, увеличеніе, прикосновеніе, приближеніе (придать, придѣлать, приклонить, приступить).

4) Представка *пре* показываетъ удаленіе отъ предмета, нерасположеніе къ нему, переходъ, границу (пре-зир а-ть, пре-да-н-і-е, пре-дѣ-л-ъ).

Нужно еще прибавить, что представка *пре* выражаетъ усиленную степень качества въ предметѣ (премилый, пре-вкусный, пре-добрый), и тогда всѣ случаи употребленія представокъ *пре* и *при* будутъ исчерпаны.

Для объяснительной диктовки выбираются примѣры, въ которыхъ значеніе этихъ представокъ выступаетъ особенно рельефно. Вотъ нѣсколько такихъ примѣровъ.

Богатый презираетъ бѣднаго (смотритъ на него съ отвращеніемъ, удаляетъ отъ себя).

Богатый призираетъ бѣднаго (смотритъ на него съ любовью, приближаетъ къ себѣ, помогаетъ ему). Городъ заботится о призрѣніи несчастныхъ.

Мой другъ прибылъ въ свое имѣніе, постоянное мѣсто его пребыванія. Въ рѣкѣ началось прибываніе воды. Трава приклонилась къ землѣ. Побѣжденные преклонили знамена передъ счастливымъ побѣдителемъ. Двери тихо притворились. Пыль претворилась въ грязь.

Предѣлы Русскаго государства обширны. Во вновь строющемся храмѣ будетъ три придѣла.

И человѣкъ, и его дѣла, и все на свѣтѣ преходящее.—Этотъ добрый человѣкъ оказываетъ помощь всѣмъ приходящимъ къ нему бѣднякамъ. Мой пріятель недавно женился и взялъ за женой богатое приданое. Съ основаніемъ Кіева связано преданіе о трехъ братьяхъ: Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди.

При повѣркѣ вычитанія остатокъ придается къ вычитаемому, при чемъ полученная сумма должна равняться уменьшаемому.

Мой братъ съ увлеченіемъ предается занятіямъ музыкой.

Послѣ лѣтняго отдыха дѣти снова приступили къ учебнымъ занятіямъ. Совѣсть подскажетъ человѣку, когда онъ преступилъ данную Богомъ заповѣдь.

V.

Представки раз, роз, па.

1)	рас-пис-а̀-ть	
	рас-пис-а̀-н-і-е	
	рас-пѝс-к-а	ро̀с-пис-ь
	рас-пѝс-ыва-ть	
	рас-пис-н-о̀й	
	рас-пѝс-оч-к-а	
2)	раз-ма̀х-ива-ть	
	раз-ма̀х-ива-н-і-е	
	раз-ма̀ш-ист-ый	ро̀з-мах-ъ
	раз-ма̀ш-к-а	
	раз-мах-ну̀-ть-ся	
3)	раз-вал-ѝ-ть	
	раз-ва̀л-ин-а	
	раз-ва̀л-ъ	ро̀з-вал-ьн-и

раз-ва̀л-к-а
раз-ва̀л-ист-ый
4) рас-ко̀ш-н-ич-а-ть
рас-ко̀ш-е-ств-о — ро̀с-кош-ь
рас-ко̀ш-н-ый
рас-ко̀ш-е-ств-ова-ть
5) раз-с-ка̀з-ыва-ть
раз-с-каз-а̀-ть
раз-с-ка̀з-ъ — ро̀з-с-каз-н-и
раз-с-ка̀з-ч-ик-ъ
раз-с-ка̀з-ч-иц-а
6) раз-сы̀п-а-ть
раз-сып-а̀-ть
раз-сып-а̀-н-і-е — ро̀з-сып-ь
раз-сы̀п-к-а
раз-сып-н-о̀й
7) раз-ыгр-а̀-ть (ы и въ слѣд. словахъ=ъ+и)
раз-ы̀гр-ыва-ть
раз-ы̀гр-ыва-н-і-е — ро̀з-ыгр-ыш-ъ
раз-ыгр-а̀-ть-ся
раз-ыгр-а̀-в-ш-ій-ся
8) раз-гов-ѣ̀-ть-ся
раз-га̀в-л-ива-ть-ся — ро̀з-гов-ѣ-н-ь-е
раз-гов-ѣ̀-в-ш-ій-ся
9) раз-ы̀ск-а-ть
раз-ыск-а̀-н-і-е
раз-ы̀ск-ива-ть
раз-ы̀ск-ива-н-і-е — ро̀з-ыск-ъ
раз-ы̀ск-ива-ю-щ-ій
10) раз-да̀-ть
раз-да̀-ч-а
раз-да-ва̀-ть — ро̀з-да-л-ъ
раз-да-ва̀-н-і-е — ро̀з-да-нн-ый
раз-да-ю-щ-ій
раз-да-ва̀-в-ш-ій
11) раз-н-я-ть

раз-н-им-à-ть рòз-н-я-л-ъ
раз-н-им-á-н-і-е рòз-н-я-т-ый
раз-н-я-т-і-е
раз-н-я-в-ш-ій
12) разо-бр-à-ть
разо-бр-à-ть-ся
раз-бир-à-ть
раз-бир-à-ть-ся рòзо-бр-а-л-о
раз-бòр-ъ
раз-бòр-к-а
разò-бр-а-нн-ый
13) пà-сын-ок-ъ
пà-дч-ер-иц-а
пà-жи-т-ь
пà-мя-т-ь
пà-мя-т-н-ый пà-мя-т-ова-ть,
пà-мя-т-н-ик-ъ пà-мя-т-у-ю.
пà-мя-т-к-а
пà-сѣк-а
пà-сѣч-н-ик-ъ
па-зуб-н-ик-ъ (лѣсная ягода).

Изъ разсмотрѣнія этихъ примѣровъ дѣти легко выведутъ заключеніе, что представки *роз* и *па* пишутся тогда, когда на нихъ падаетъ удареніе, а представка *раз* имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда она безъ ударенія. Противорѣчіе этимъ правиламъ въ словѣ *ра̀з-ум-ъ* можно объяснить, какъ исключеніе, тѣмъ болѣе, что въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ это слово произносится *рòз-ум-ъ*.

VI.

Подставка (словообразовательные звуки) ск.

Эта подставка встрѣчается въ прилагательныхъ относительныхъ, произведенныхъ отъ именъ суще-

ственныхъ, а также въ существительныхъ, происходящихъ отъ основъ прилагательныхъ съ подставкой *ск*, при чемъ она подвергается измѣненіямъ. Все это легко выяснить путемъ разложенія словъ:

1) сир-от-а	сир-от-ск-ій
швед-ъ	швед-ск-ій
франц-уз-ъ	франц-уз-ск-ій
люд-ъ	люд-ск-ой
кадет-ъ	кадет-ск-ій
звѣр-ь	звѣр-ск-ій
кучер-ъ	кучер-ск-ой
	к с
грек-ъ	грец-к-ій
	к с
муж-ик-ъ	муж-иц-к-ій
	ч с
Углич-ъ	углиц-к-ій
	ч с
Галич-ъ	галиц-к-ій
ек	к с
тур-ок-ъ	тур-ец-к-ій
	с
нѣм-ец-ъ	нѣм-ец-к-ій
	ч с
За-москв-о-рѣч-ь-е	за-москв-о-рѣц-к-ій
	к с
казак-ъ	казац-к-ій
	к с
ям-щ-ик-ъ	ям-щ-иц-к-ій
	к с
из-воз-ч-ик-ъ	из-воз-ч-иц-к-ій.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что, если подставкѣ *ск* предшествуютъ звуки *к*, *ч* и *ц*, то сочетаніе ихъ съ *с* (*кс*, *чс*, *цс*) переходитъ въ *ц*; послѣ другихъ согласныхъ подставка *ск* остается, *т*+*с* не

обращается въ *ц*. Въ словахъ *Полоцкъ* (отъ рѣки Полоты) и *Шацкъ* (отъ рѣки Шати) сдѣлана уступка произношенію.

2) ям-ск-ой	ям-щ-ик-ъ
жен-ск-ій	жен-щ-ин-а
ден-ск-ой	ден-щ-ик-ъ
	по-ден-щ-ик-ъ
питер-ск-ій	питер-щ-ик-ъ
за-вод-ск-ій	за-вод-ч-ик-ъ
муж-ск-ой	муж-ч-ин-а
бар-ск-ій	бар-щ-ин-а
пан-ск-ій	пан-щ-ин-а

под-ряд-ч-ик-ъ
(в)
об-оз-ч-ик-ъ
у-бор-щ-ик-ъ
из-воз-ч-ик-ъ
от-вѣт-ч-ик-ъ
по-гон-щ-ик-ъ
за-вод-ч-ик-ъ
за-кро-й-щ-ик-ъ
пере-вод-ч-ик-ъ
об-о-й-щ-ик-ъ
пере-бѣж-ч-ик-ъ
бы-ва-л-ь-щ-ин-а
пере-воз-ч-ик-ъ
по-ден-щ-ин-а
пере-пис-ч-ик-ъ
раз-с-каз-ч-ик-ъ
пере-плет-ч-ик-ъ
у-каз-ч-ик-ъ
пере-с-каз-ч-ик-ъ
молод-ч-ик-ъ
с-клад-ч-ин-а
по-ста-в-щ-ик-ъ
солдат-ч-ин-а

Всѣ эти существительныя произошли отъ неупотребительныхъ прилага-

тельныхъ съ подставкой *ск*.	с-би-т-е-н-щ-ик-ъ при-каз-ч-ик-ъ бан-щ-ик-ъ на-груз-ч-ик-ъ по-ста-в-щ-ик-ъ вяз-ч-ик-ъ стекол-ь-щ-ик-ъ раз-нос-ч-ик-ъ пере-вод-ч-ик-ъ
3) по-так-а-ть	потат-ч-ик-ъ
кабак-ъ	кабат-ч-ик-ъ
по-рук-а	по-руч-ик-ъ

Изъ наблюденій надъ данными словами оказывается, что въ существительныхъ, образованныхъ отъ прилагательныхъ съ подставкой *ск*, эта послѣдняя послѣ зубныхъ *д*, *т*, *з*, *с* и шипящей *ж* переходитъ—въ *ч*, а въ остальныхъ случаяхъ—въ *щ*. Если звуку *ч* предшествуетъ коренной *к*, то онъ переходитъ въ *т*. Исключеніе изъ общаго правила представляютъ два существительныхъ: *сыщикъ* и *помѣщикъ* (вм. сыст-чик-ъ, помѣст-чик-ъ).

VII.

Сочетаніе нѣкоторыхъ согласныхъ въ корняхъ словъ.

1) треск-ъ	трещ-а-ть
треск-от-н-я	трещ-от-к-а
треск-а-ть	трещ-ин-а
2) мст-и-ть	мщ-е-н-і-е
мест-ь	
мст-и-тел-ьн-ый	
мст-и-тел-ьн-ост-ь	
мст-и-тел-ь	

	вы-мѣст-и-ть	вы-мещ-а-ть
	ото-мст-и-ть	ото мщ-а ть
3)	иск-а-ть	ищ-у
	иск-а-тел-ь	
	иск-а-тел-ьн-ый	
	иск-а-тел-ьн-ост-ь	
	иск-а-тел-ь-ств-о	
	за-иск-ива-ть	за-ищ-у
	за иск-ива-н-і-е	
	вы-иск-ива-ть	вы-ищ-у
	вы-иск-ива-н-і-е	
	прі-иск-ива-ть	прі-ищ у
	прі-иск-ива-н-і-е	
	от-ыск-ива-т-ь	от-ыщ-у
	от-ыск-ива-н-і-е	
	про-иск-и	про-ищ-у
	ист-ец-ъ	ищ-ей-к-а
	сыск-н-ой	сыщ ик-ъ (сы=съ+и)
4)	остр и-ть	
	остр-ый	
	остр-от-а	
	за-остр-и-ть	
	за-остр-е-н-і-е	
	из-остр-и-ть	из-ощр-я-ть
	по-остр-и-ть	по-ощр-я-ть
	из-остр-е-нн-ый	из ощр-е-нн-ый
	из-остр-е-н-і-е	из-ощр-е-н-і-е
5)	прост-и-ть	прощ-а-ть
	прост-ой	прощ-а-ть ся
	прост-от-а	прощ-е-н-і-е
	прост ец-ъ	прощ-е-нн-ый
		прощ-а-н-і-е
6)	страс-т-ь	стращ-а-ть
	страс-т н-ый	стращ-а-н-і-е
	страс-т-н-ост-ь	

	при-страс-т-і-е	
	при-страс-т-и-ть-ся	при-стращ-е-н-ый
7)	крест-и-ть	крещ-е-н-і-е
	крест-ъ	Крещ-ат-ик-ъ
	крест-н-ик-ъ	
	крест-ик-ъ	
	о-крест-н-ый	
	о-крест-н-ост-ь	
	вы-крест-и-ть	вы-крещ-е-нн-ый
	о-крест-и-ть	о-крещ-е-нн-ый
	вы-крест-ъ	
8)	из-вѣст-и-ть	из-вѣщ-а-ть
	из-вѣс-т-і-е	из-вѣщ-е-н-і-е
	из-вѣс-т-н-ый	из-вѣщ-е-нн-ый
	из-вѣс-т-н-ость	
	на-вѣс-т-и-ть	на-вѣщ-а-ть
	пред-вѣс-т-н-ик-ъ	пред-вѣщ-а-ть
	вѣс-т-н-ик-ъ	вѣщ-а-ть
	о-по-вѣс-т-и-ть	о-по-вѣщ-а-ть
	по-вѣс-т-к-а	о-по-вѣщ-е-н-і-е
9)	перст-ъ	перч-ат-к-а
	перст-ен-ь	перч-ат-оч-н-ик-ъ
	перст-ен-ек-ъ	перч-ат-оч-н-иц-а
	на-перст-ок-ъ	

---

1)	с-чит-а-ть	при-с-чит-а-ть
	с-чет-ъ	на-с-чит-а-ть
	с-чет-ч-ик-ъ	вы-с-чит-а-ть
	с-чет-н-ый	за-с-чит-а-ть
	не-с-чет-н-ый	от-с-чит-а-ть
2)	с-част-і-е	не-с-част-н-ый
	с-част-л-ив-ый	не-с-част-ь-е
	с-част-л-ив-ец-ъ	о-с-част-л-ив-и-ть
3)	пис-ч-ій	
	пере-пис-ч-ик-ъ	

пере-пис-ч-иц-а
4) при-вяз-ч-ив-ый при-вяз-ч-ив-о
при-вяз-ч-ив-ость не-от-вяз-ч-ив-ый
5) из-воз-ч-ик-ъ
из-воз-ч-ич-ій
из-воз-ч-иц-к-ій
6) раз-нос-ч-ик-ъ
7) до-нос-ч-ик-ъ
8) при-каз-ч-ик-ъ
при-каз-ч-ич-ій
при-каз-ч-иц-к-ій
9) до-каз-ч-ик-ъ
10) у-каз-ч-ик-ъ

Наблюденія надъ данными словами показываютъ, что сочетаніе звуковъ *ск*, *ст*, принадлежащихъ корню слова, переходитъ въ *щ* передъ іотированными гласными (*а* и *у* послѣ шипящей безъ іотаціи, потому что іота въ этомъ случаѣ пропадаетъ); сочетаніе же звуковъ *зч* и *сч*, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ корню, а другой представкѣ или подставкѣ, не переходитъ въ *щ*.

Слова съ неясными въ произношеніи звуками.

1) жал-ѣ-т-ь — жа̀л-к-о, жа̀л-к-ій, жа̀л-ова-ть

щад-и-ть — по-ща̀да, без-по-ща̀д-н-ый

за-пад-ъ — па̀д-а-ть, па̀д-а-л-ь, па̀д-а-ющ-ій, па̀д-к-ій, па̀д-к-ост-ь

о-ст*а*-н-а-в-л-ива-ть	ста̀т-ь ста̀-н-ъ не-пре-ста̀-нн-ый ста̀-в-и-ть
к*а*к-ого	ка̀к-ъ
час-ы	ча̀с-ъ ча̀с-ик-ъ еже-ча̀с-н-ый мног-о-час-н-ый
т*я*г-ну-ть	тя̀г-а тя̀ж-е-ст-ь тя̀ж-к-ій тяг-ост-н-ый
вы-гл*я*-ну-ть	гля̀-ну-ть вз-гля̀д-ъ о-гля̀д-к а не-при-гля̀д-н-ый вз-гля̀д-ыва-ть по-гля̀д-ыва-ть
тр*е*п-*е*т-а-ть	трѐп-ет-ъ трѐп-ет-н-ый треп-ѐщ-у-щ-ій
вы-пр*я*м-и-ть	пря̀м-о у-пря̀м-ств-о у-пря̀м-ый у-пря̀м-и-ть-ся
к*о*с-а	ко̀с-ы по-ко̀с-ъ с-ко̀ш-е-нн-ый
л*о*м-от-ь	лом-к-ій лом-т-ик-ъ лом-ъ

к*о*н-ец-ъ	кон-ч-и-ть кон-ч-ик-ъ кон-ч-е-н-о по-кон-ч-е-н-о за кон-ч-е-н-о

Во всѣхъ этихъ словахъ неясные гласные звуки распознаются путемъ разсмотрѣнья корня въ другихъ производныхъ.

2) к*о*тóм-к-а	котом-а котом-оч-к-а
к*о*л-яс-к-а (корень въ словѣ кол-о, о-кол-о)	кол-яс-оч-к-а кол-ес-о кол-ес-н-ы-й кол-ес-н-иц-а
к*а*зак-ъ	казач-к-а казач-ій казач-е-ств-о
к*о*л-ач-ъ (отъ коло—кругъ)	кол-ач-ик-ъ
к*о*р*о*вай (ц.-сл — кравай)	коровай-ч-ик-ъ
к*а*сатк-а (хотя корень *кос*: кос-и)	
к*а*рман-ъ (хотя одного корня съ словомъ корм-á—мотня у невода)	
к*а*ртуз-ъ	
кр*о*п-ив-а	(у-кроп-ъ)
к*а*р*а*ндаш-ъ (отъ „кара"—черный)	
к*а*л*а*нч-а	
к*а*мыш-ъ	камыш-ев-ый
к*а*никулы	каникул-яр-н-ый
к*а*пкàн-ъ	
к*а*ракул-я	
карàс-ь	
карèт-а	
карниз-ъ	

карточ-ь
кастрюл-я
кафтан-ъ
квартир-а
басурман-ъ
батог-ъ
бахром-а
башлык-ъ
башмак-ъ
бокал-ъ
браслет-ъ
вотрýшк-а (ср. санскр. ватгара)
гомоз-и-ть-ся
горноста-й
горш-òк-ъ (отъ сл. *горнъ*)
грàмот-а
громоз-д-и-ть громада,
на-громожд-е-нн-ый
громозд-ной
морос-и-ть
мохнат-ый
мочал-к-а
онуч-а.
сарафан-ъ
сумато-ха
творог-ъ
торват-ый
фонар-ь
хомут-ъ
шалаш-ъ
шаровар-ы
ярмарк-а
шерохов-ат-ый
шершав-ый

Правописаніе большинства изъ этихъ словъ

(а также нѣкоторыхъ другихъ) необъяснимо, и только память можетъ помочь въ ихъ написаніи.

3) серд-ц-е	серд-ит-ый
	серд-и-ть-ся
позд-н-о	о-позд-а-ть
позд-н-ій	о-позд-а-н-і-е
	за-пазд-ыва-ть
дожд-л-ив-ый	дожд-и
	дожд-ев-ой
уз-д-ц-ы	уз-д-а
	уз-д-еч-к-а
грус-т-н-ый	грус-т-ь
	грус-т-и-ть
из-вѣс-т-н-ый	из-вѣс-т-і-е
	из-вѣс-т-и-ть
о-крест-н-ый	крест-ъ
о-крест-н-ост-ь	крест-и-ть
праз-д-н-ик-ъ, праз-д-н-ич-н-ый, у-праз-д-н-и-ть, праз-д-н-ова-ть, праз-д-н-е-ств-о	праз-д-ен-ъ
по-ст-л-а-ть	стел-ю, по-стел-ь, за-стил-а-ть, по-стил-а-ть, стел-ьк-а
	по-сыл-а-ть, по-сыл-ь-н-ый
по-сл-а-ть	по-сыл-к-а, по-сол-ъ, у-сл-а-нн-ый
у-част-в-ова-ть	у-част-і-е
	част-ь
	част-ый

со-чу-в-ств-ова-ть	чу-в-ств-о
пред-шед-ств-ова-ть	ше-ств-і-е
при-сут-ств-і-е от-сут-ств-і-е	} сут-ь
влас-т-в-ова-ть	влас-т-ь
ис-кус-н-ый	ис-кус-и-ть
о-пас-н-ый	о-пас-а-ть-ся
на-перс-н-ик-ъ	перс-и (груд-ь)
с-верст-н-ик-ъ	верст-а с-верст-а-ть на-верст-а-ть
ис-кус-ств-о	ис-кус-ств-е-нн-ы-й
от-вез-ти	вез-у воз-ъ воз-ить
от-вес-ти	вед-у води-ть при-вод-и-ть
при-вез-ти	при-вез-у при-воз-и-ть
при-вес-ти	при-вед-у при-вод-и-ть
4) с-бор-ъ	со-бир-а-ть
с-да-ть	
с-доб-н-ый	с-доб-р-и-ть
с-же-чь	со-жиг-а-ть
с-гни-ть	со-гні-е-тъ
с-дѣ-л-а-ть	со-дѣ-й-ств-і-е
с-би-ть-ся	
с-жим-а-ть	со-жим-ъ
с-бы-ва-ть с-бы-ть	} со-бы-т-і-е
с-говор-и-ть	
с-бор-ъ	со-бр-а-ть
с-гор-а-ть с-гор-яч-а	} со-гр-ѣ-ть

Правописаніе указанныхъ словъ объясняется разложеніемъ ихъ по составу и сравненіемъ съ производными, если это возможно. Конечно, иногда необходимы и болѣе подробныя толкованія состава нѣкоторыхъ словъ (напр.: искусство, сверстникъ) Во всякомъ случаѣ мы думаемъ, что корнесловныя упражненія—одно изъ самыхъ надежныхъ средствъ при изученіи правописанія. Недаромъ же говорятъ, что знаніе состава словъ—ключъ къ правописанію *).

---

*) Къ несчастію школьниковъ, составители учебниковъ по рус. грам. или мало обращаютъ вниманія на составъ словъ, или совсѣмъ забываютъ, что умѣнье разложить слово на части (указать представку, корень, производственные звуки [словообразоват. зв., вставку] и измѣняемое окончаніе) въ высшей степени важно. Необходимо при разучиваніи образцовъ склоненій и спряженій указывать части слова. Это нисколько не обременитъ дѣтей, но въ то же самое время научитъ ихъ постепенно умѣнью разлагать слова на части, а, слѣдовательно, и сознательно писать ихъ.

Весьма полезно давать дѣтямъ для письменныхъ работъ побольше образцовъ для склоненія и спряженія, проходить о склоненіяхъ и спряженіяхъ не спѣша, подбирать образцы съ различными производственными звуками, обращать почаще вниманіе дѣтей на послѣдніе вм. того, чтобы задавать зубрить ихъ, и тогда, какъ говоритъ намъ личный опытъ, дѣти легче будутъ усваивать формы склоняемыя и спрягаемыя, составныя части ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ постигнуть грамотность, которая не дается нашимъ школьникамъ, составляя причину ихъ страданій, особенно въ средней школѣ, и собственное безсиліе ихъ постигнуть которую (при нашихъ учебника и отсутствія помощи со стороны педагоговъ россійскихъ) бываетъ причиною выщвыриванія дѣтей изъ учебнаго заведенія, какъ безграмотныхъ. *Ред.*

Дополненіе

къ II—III главы (стр. 17—24).

ѣ въ глаголахъ и производныхъ отъ нихъ формахъ.

Для сознательнаго усвоенія буквы ѣ въ глаголахъ и другихъ формахъ, произведенныхъ отъ глаголовъ, необходимо научить дѣтей различать основы неопредѣленнаго и изъявительнаго наклоненія. Отъ этихъ двухъ основъ производятся всѣ формы глагола, а также отглагольныя существительныя и прилагательныя. Отъ основы изъявительнаго наклоненія образуются слѣдующія формы: 1) настоящее время (у глаголовъ несовершен. вида, 2) будущее простое (у глаголовъ совершеннаго вида), 3) повелительное наклоненіе, 4) причастіе наст. времени, 5) дѣепричастіе наст. врем. Отъ основы неопредѣленнаго наклоненія происходятъ слѣд. формы: 1) само неопред. накл., 2) прошедшее время, 3) причастіе прош. вр. дѣйств. зал., 4) дѣепричастіе прош. вр. дѣйств. зал., 5) отглагольное существительное, 6) отглагольное прилагательное съ подставкой *л*.

Прежде чѣмъ приступить къ разучиванію глагольныхъ формъ съ буквою ѣ, ученикамъ, послѣ

ряда упражненій, закрѣпленныхъ объяснительной диктовкой, сообщается слѣдующее простое правило: въ неопредѣленномъ наклоненіи передъ окончаніемъ *ть* въ производныхъ глаголахъ пишется буква *ѣ*.

Сравнивая основы неопредѣленнаго и изъявительнаго наклоненія, ученики легко подмѣтятъ, что онѣ иногда совпадаютъ, иногда не совпадаютъ. Такъ, въ глаголѣ *зеленѣ-ть* основа изъявительнаго и неопредѣленнаго наклоненія тождественны, въ глаголѣ *терпѣ-ть* тѣ же основы неодинаковы. На этомъ-то сходствѣ и различіи двухъ основъ всего лучше построить объясненія относительно буквы *ѣ* въ глаголахъ и происходящихъ отъ нихъ глагольныхъ формахъ. Ученики сравниваютъ основу (глагольную) данной формы съ основой неопредѣленнаго наклоненія, заключающей въ себѣ букву *ѣ*, и, если основа сравниваемой формы та же, что и основа неопредѣленнаго наклоненія, пишутъ въ ней *ѣ*, въ противномъ случаѣ ставятъ другую букву или никакой не ставятъ. Если въ основѣ неопред. наклоненія нѣтъ примѣты *ѣ*, то не будетъ ея и въ другихъ формахъ *).

Упражненіе въ производствѣ различныхъ формъ

---

*) Здѣсь, по мнѣнію редакціи, еще слѣдовало бы указать рѣзче на то, что часть глаголовъ производныхъ съ основою на букву ѣ въ неопредѣленномъ наклоненіи удерживаетъ ѣ и въ основѣ настоящ. (или буд. простого) времени, напр.: красн-ѣ-ть, красн-ѣ ю; бѣл-ѣ-ть, бѣл-ѣ-ю; другіе глаголы замѣняютъ букву ѣ буквою и, напр.: смотр-ѣ-ть, смотр-и-шь; гляд-ѣ-ть, гляд-и-шь; терп-ѣ ть, терп-и-шь и др.

глагола и отглагольныхъ именъ можетъ быть расположено, напримѣръ, въ такомъ видѣ (см. таблицу на слѣд. стр.) *).

*) Съ точки зрѣнія редакціи глагольныя формы въ таблицѣ слѣдовало бы а) назвать сначала отъ одной основы, а затѣмъ отъ другой, б) не исключать въ таблицѣ и формъ причастій страдат. залога. Тогда расположеніе глагольныхъ формъ получилось бы такое: основа у-смотр ѣ; глагольныя формы отъ нея—у-смотр ѣ-ть, у смотр-ѣ-лъ, у смотр-ѣ-въ, у-смотр ѣ-в-ш-й, у-смотр ѣ-н-ъ, у-смотр-ѣ-нн-ый, сущ.—у-смотр-ѣ-н-і-е; основа терп-и (неопред. наклоненія—терп-ѣ); глагольныя формы отъ нея—терп-(и+у)-л-ю, терп-и-шь, терп и, терп-и-те, терп-(и+а)я, терп (и+а)я-щ-і-й, (не-)терп-и-м-ъ, (не-)терп-и-м-ый, и для дѣтей дана бы была полная таблица спряженія глагола.

Неопредѣленное наклоненіе.	Настоящее или будущее простое.	Прошедшее время.	Повелительное наклоненіе
1) бѣл——ѣ-ть	бѣл—— ѣ-ю	бѣл——ѣ-л-ъ	бѣл —— ѣ-й
2) гор——ѣ-ть	гор—— ю	гор——ѣ-л-ъ	гор—— и
3) крас-н——ѣ-ть	крас-н——ѣ-ю	крас-н——ѣ-л-ъ	кра-с-н——ѣ-й
4) у-стар——ѣ-ть	у-стар—— ѣ-ю	у-стар——ѣ-л-ъ	у-стар—— ѣ-й
5) терп——ѣ-ть	терпл—— ю	терп —— ѣ-л-ъ	терп —— -и
6) раз-ум——ѣ ть	разум—— ѣ-ю	раз-ум——ѣ-л-ъ	раз-ум —— ѣ-й
7) по-син——ѣ-ть	по-син——ѣ-ю	по-син —— ѣ-л-ъ	по-син—— ѣ-й
8) со-жал——ѣ-ть	со-жал—— ѣ-ю	со-жал —— ѣ-л-ъ	со-жал—— ѣ-й
9) за тверд—— ѣ-ть	за-тверд—ѣ-ю	за-тверд —— ѣ-л-ъ	за-тверд——ѣ-й
10) блѣд-н——ѣ-ть	блѣд-н——ѣ-ю	блѣд-н —— ѣ-л-ъ	блѣд-н—— ѣ-й
11) вид——ѣ-ть	виж—— у	вид——ѣ-л-ъ	(вижд—— ь)
12) по-зел-ен——ѣ-ть	по-зел-ен- ѣ-ю	по-зел-ен——ѣ-л-ъ	по-зел ен- ѣ-й
13) бол——ѣ-ть	бол—— ѣ-ю	бол —— ѣ-л-ъ	бол —— ѣ-й
14) о-тороп —— ѣ-ть	о-тороп—— ѣ-ю	о-тороп—— ѣ-л-ъ	о-тороп——ѣ-й
15) об-лед-ен—— ѣ-ть	об-лед-ен- ѣ-ю	об-лед-ен——ѣ-л-ъ	об-лед-ен- ѣ-й
16) на-печат-л-ѣ-ть	на-печат-л-ѣ-ю	на-печат-л- ѣ-л-ъ	на-печат-л-ѣ-й
17) черн —— ѣ-ть	черн——ѣ-ю	черн —— ѣ-л-ъ	черн——ѣ-й
18) влад——ѣ-ть	влад—— ѣ-ю	влад —— ѣ-л-ъ	влад ——ѣ-й
19) о-туп—— ѣ-ть	о-туп——ѣ-ю	о-туп —— ѣ-л-ъ	о-туп——ѣ-й
20) о жир——ѣ-ть	о-жир—— ѣ-ю	о-жир—— ѣ-л-ъ	о-жир —— ѣ-й

Причастіе настоящаго или прошедшаго времени д. зал.	Дѣепричастіе настоящаго или прошедш. врем. д. зал.	Отглагольное существительн.	Отглагольное прилагательное.
бѣл —— ѣ-ю-щ-ій	бѣл —— ѣ-я	бѣл —— ѣ-н-і-е	— —
гор —— ѣ-в-ш-ій	гор —— ѣ-в ши	гор —— ѣ-н-і-е	гор ——ѣ-л-ый.
крас-н —— ѣ-ю-щ-ій	крас-н —— ѣ-я	— —	— —
у-стар —— ѣ-в-ш-ій	у-стар —— ѣ в-ши	— —	у-стар——ѣ-л-ый.
терп —— ѣ-в-ш-ій	терп —— ѣ-в-ши	терп —— ѣ-н-і-е	терп——ѣ-л-ив-ый.
раз-ум —— ѣ ю-щ-ій	раз-ум —— ѣ в-ши	раз-ум —— ѣ-н-і-е	— —
по-син —— ѣ-в-ш-ій	по син ——ѣ-в-ъ	— —	по-син—— ѣ-л-ый.
со-жал —— ѣ-ю-щ-ій	со-жал —— ѣ-в-ши	со-жал —— ѣ-н-і-е	— —
за-тверд—— ѣ-в-ш-ій	за-тверд—ѣ в ъ	— —	за-тверд- ѣ л-ый.
блѣд-н —— ѣ-ю-щ-ій	блѣд-н—— ѣ я	— —	— —
вид —— ѣ-в-ш-ій	вид —— ѣ в-ши	вид —— ѣ-н-і-е	— —
по-зел-ен—ѣ-в-ш-ій	по-зел-ен- ѣ-в-ъ	— —	по-зел-ен-ѣ-л-ый.
бол —— ѣ-ю-щ-ій	бол —— ѣ-я	бол —— ѣ зн-ь	— —
о-тороп ——ѣ в-ш-ій	о-тороп - ѣ-в-ъ	— —	о-тороп——ѣ-л-ый.
об-лед-ен—ѣ-в-ш-ій	об-лед-ен—ѣ-в-ши	об-лед-ен—ѣ н-і-е	об-лед-ен-ѣ-л-ый.
на-печат-л-ѣ-в-ш-ій	на-печат-л-ѣ-в ъ	на-печат-л-ѣ-н-і-е	— —
черн —— ѣ-ю-щ-ій	черн —— ѣ-я	— —	— —
влад —— ѣ-ю-щ-ій	влад —— ѣ-я	влад —— ѣ-н-і-е	— —
о-туп —— ѣ-в-ш-ій	о-туп—— ѣ-въ	о-туп —— ѣ-н-і-е	— —
о-жир——ѣ-в-ш-ій	о-жир——ѣ-в-ши	о-жир——ѣ-н-і-е	— —

По данному въ классѣ образцу ученики сами пишутъ глаголы и производимыя отъ нихъ формы. Когда на достаточномъ количествѣ упражненій будетъ вполнѣ усвоено употребленіе буквы *ѣ*, можно перейти къ диктовкамъ, при чемъ правописаніе каждой формы должно быть объяснено самими дѣтьми.

Д. Θоминъ.

Элементарные уроки по русской грамматикѣ*).

Краткая этимологія

Для старшаго отдѣленія приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и вообще для тѣхъ классовъ различныхъ школъ, въ которыхъ изучается элементарная этимологія.

Урокъ 27.

Корень въ словахъ. Коренныя и производныя слова.

Для объясненія.

Въ слѣдующихъ рядахъ словъ указать

1) тѣ буквы въ словахъ, которыя называются основными, самыми важными, или коренными,—

2) представку, основу и окончаніе въ каждомъ словѣ;

3) прибавку новыхъ буквъ и слоговъ въ основахъ, когда образуются новыя слова.

Лѣс——-**ъ**.	**Гор**——-**а**.	**Ум**————-**ъ**.
Лѣс-ок—-**ъ**.	**Гор**-к——-**а**.	**Ум**-ок——-**ъ**.
Лѣс-ов-ик-**ъ**.	**Гор**-оч-к-**а**.	**Ум**-н-ик—-**ъ**.
Лѣс-оч-ек-**ъ**.	**Гор**-ищ—-**а**.	**Ум**-н-иц—-**а**.
Лѣс-ищ—-**е**.	**Гор**-ец—-**ъ**.	**Ум**-н———-**ый**.
Лѣс-н-ич-**ій**.	**Гор**-н-иц-**а**.	**Ум**-н-ѣ—-**ть**.
Лѣс-н—-**ой**.	**Гор**-я—-**ый**.	**Ум**-ѣ-н-ь-**е**.
Лѣс-ист-**ый**.	При-**гор**-ок—-**ъ**.	Раз-**ум**———-**ъ**.

---

*) Продолж. См. в.в. IV—V и VI 1900 г. и I—II, III 1901 г.

Пере-**лѣс**-ок—-ъ.	За-**гор**-ь——-е	Раз-**ум**-ѣ——-ть.
Без-**лѣс**-ь— е.	На-**гор**-н—-ы-й.	Раз-**ум**-ѣ-н-і—-е.
По-**лѣс**-ь—-е.	**Гор**-ист-ы-й	Без-**ум**-і——-е.
Лѣш-і — -й.	Под-**гор**-н—о-е.	Недо-**ум**-ѣ-н-і—-е.
	Бѣл-о-**гор**-ь——-е.	**ум**-н-и-ч-а-ть.

Правило *Въ каждомъ словѣ есть* **первые**, *или* **основные** *звуки, изъ которыхъ образуется самое слово. Эти основные звуки называются* **корнемъ** *слова* *).

Чтобы образовалось слово, къ корню присоединяются **прибавочные** звуки: **окончаніе**—къ концу корня, а **представка**—къ началу корня. Окончаніе всегда бываетъ въ словѣ, а представка не всегда.

Между корнемъ и окончаніемъ могутъ быть такіе буквы и слоги, которые показываютъ, что данное слово образовалось отъ другого слова: эти буквы и слоги называются **производственными** или **словообразовательными** (суффиксами).

Слова, состоящія только изъ корня и окончанія, называются **коренными**; тѣ же слова, въ которыхъ есть производственные звуки (суффиксы), называются **производными**.

Задача 1.

Въ слѣдующихъ словахъ указать корень, производственные звуки (суффиксы) и окончанія **).

*) Звуки въ корнѣ какъ гласные, такъ и согласные могутъ измѣняться. Приведемъ примѣры.

Бр-а-ть	**Вид**——ъ	**Льг**-от—а.
Бер— у.	За-**вис**——ь	Не-**льз**——я.
Со-**бор**-—ъ.	За-по-**вѣд**——ь	По-**льз**——а.
Со-**бир**-а-ть.	С-**вѣд**-ѣ-н-і-е	По-**лез**-н-ый.
Под-**бир**-а-ть.	Не-**вѣжд**—а	Без-по-**лез**-н-ы-й. *Ред.*

**) У существительныхъ именъ окончанія—ъ, ь, о, е, а, я; у прилагательныхъ—ый, ой; у глаголовъ—ть.

Море--морской, трудъ—трудный, лугъ—луговой, міръ—мірской—мірянинъ, миръ—мирить, лобъ—лобикъ, блюдо—блюдце, гряда—грядка, годъ—годикъ—годовой, искра—искорка, кнутъ—кнутовище, кулъ—кулекъ, день—денной, голосъ—голосокъ—голосить—голосистый, котъ—котикъ—котенокъ, крикъ—крикнуть, кругъ—круговой, кожа—кожаный, чудо—чудить—чудесный, пухъ—пуховой, глазъ—глазикъ—глазище—глазной—глазастый—глазѣть, горбъ—горбикъ—горбина—горбинка—горбатый, борода—бородка—бородушка—бороденка—бородища—бородатый.

Задача 2.

Въ слѣдующихъ словахъ указать корень, представку, производственные звуки (суффиксъ), основу и окончаніе.

Видъ—видный—завидный—увидѣть; путь—путникъ—спутникъ—попутный—попутчикъ—сопутствовать; жиръ—жирный—жирѣть—разжирѣть; ловъ—ловля—ловить—уловъ—переловить; голодъ—голодовка—голодный—заголодать; вѣсъ—занавѣска—привѣсокъ—вѣсовой—вѣсить—развѣсить—привѣсить—развѣсистый; боль—болѣзнь—больной—болѣть—заболѣть—разболѣться; краса—красота—красавица—красивый—красить—украсить; смола—смолка—смоляной—смолистый—смолить—осмолить; крестъ—крестикъ—крестины—крестный—перекрестить.

Задача 3.

1) Образовать имена существительныя отъ слѣдующихъ корней: **зар, лап, пер, голов, дом, нос, кор, нор, прут, пруд, баб, вещ, гвозд, шуб, чаш;**

2) имена существительныя и прилагательныя— **бур, верх, глуб, город, вод, груд, лед, дуб, гус, зад, зуб, клен, лед, мед, мяс, пуд, рыб;**

3) имена существ., прилагательныя и глаголы— **суд, дур, шум, жар, сад, игр, род, труб, трус, шут.**

II.

Бѣл-ъ, бѣл-ь-е, бѣл-к-а, бѣл-ьм-о, бѣл-уг-а, бѣл-ый, бѣл-ов-ой, на-бѣл-о, бѣл-и-ть, по-бѣл-и-ть.

Правило. *Въ корнѣ нѣкоторыхъ словъ всегда пишется буква* **ѣ**.

Примѣчаніе. Списокъ этихъ корней съ **ѣ** см. въ „Прибавленіи“, въ концѣ книги *).

Урокъ 28.

Падежные вопросы. Падежи и ихъ названія.

Для объясненія.

Ум-**ъ** хорошо, а два лучше.—Чужая сторон-**а** прибавитъ ум-**а**.—И сил-**а** ум-**у** уступаетъ.—Богатств-**о** ум-**ъ** рождаетъ.—Живи всякъ своимъ ум-**омъ**.—Что на ум-**ѣ**, то и на язык-**ѣ**.—Денежк-**и** счетъ любятъ.—Безъ денег-**ъ** плохо, а безъ хлѣб-**а** еще хуже.—Милостивымъ люд-ямъ и Бог-**ъ** подаетъ.—Нанялся волк-**ъ** въ пастух-**и** и говоритъ: „какъ быть, послужить надо!“—Ѣшь пирогъ съ гриб-**ами**, да держи языкъ за зуб-**ами**.—Въ звѣринц-**ахъ** хищныхъ звѣр-**ей** держатъ въ крѣпкихъ клѣтк-**ахъ**, за желѣзными рѣшотк-**ами**.

---

*) Объ ознакомленіи учащахся съ словами, имѣющими букву **ѣ** въ корнѣ, см. въ предисловіи.

Правило. *Различныя вопросы, на которые имена существительныя отвѣчают въ предложеніи, называются* **падежными вопросами.**

Эти вопросы слѣдующіе:

Кто?	Что?	Кого?	Что?
Кого?	Чего?	Кѣмъ?	Чѣмъ?
Кому?	Чему?	О комъ?	О чемъ?

Каждый падежный вопросъ требуетъ, чтобы имя существительное, отвѣчая на него, стояло **съ особымъ окончаніемъ.**

Имя существительное съ окончаніемъ, отвѣчающимъ на какой-либо падежный вопросъ, составляетъ **падежъ.**

Падежей для единственнаго и множественнаго числа **семь:**

Именительный **Звательный**	отвѣчаютъ на вопросы:	**кто?**	**что?**
Родительный	„ „ „	**кого?**	**чего?**
Дательный	„ „ „	**кому?**	**чему?**
Винительный	„ „ „	**кого?**	**что?**
Творительный	„ „ „	**кѣмъ?**	**чѣмъ?**
Предложный	„ „ „	**о комъ?**	**о чемъ?**

Въ именительномъ падежѣ ставится **подлежащее**, въ звательномъ—**обращеніе**. Именительный и звательный падежи называются **прямыми**, а прочіе **косвенными.**

Задача.

Въ слѣдующей статьѣ указать имена существительныя; поставить къ нимъ падежные вопросы и опредѣлить родъ, число и падежъ существительныхъ *).

---

*) Предварительно прочесть всю статью цѣликомъ.

„Весна въ деревнѣ“.

По пригоркамъ, на солнечномъ припекѣ, показалась молодая зелень. Погода хорошая: съ восхода до заката солнце свѣтитъ и грѣетъ; въ небѣ ни облачка... Рѣчки и ручьи шумно бурлятъ; луга затоплены; легкій вѣтерокъ рябитъ широкія воды, и дрожащими золотыми переливами ярко горятъ онѣ на вешнемъ солнцѣ.

Въ деревнѣ стономъ стоятъ голоса... Весеннія заботы подоспѣли: кто борону вяжетъ, кто соху чинитъ, кто въ кузницѣ сошникъ перековываетъ: пахота не за горами... Не налюбуются пахари на изумрудную зелень, пробившуюся на озимыхъ поляхъ! „Поднимайся, рожь зеленая! охрани тебя, матушку, Небесный Царь!.. Уроди, Господи, крещенымъ людямъ хлѣбушка!“.. молятъ крестьяне.

Бабы да дѣвушки тоже хлопочутъ: гряды въ огородахъ копаютъ, сѣмена на солнцѣ размачиваютъ, вокругъ коровенокъ возятся и ждутъ—не дождутся Егорьева дня, когда на утренней зарѣ святой вербушкой погонятъ въ поле скотинушку.

Ребятишки босикомъ, въ однѣхъ рубашонкахъ кишатъ на улицѣ. Жмурясь и щурясь, силятся они своими глазенками прямо глядѣть на солнышко и, рѣзво прыгая, поютъ ему весеннюю пѣсню.

Радуница *) пришла... Красная горка!.. Веселье-то какое!...

А. Печерскій.

Урокъ 29.

Склоненіе. Раздѣленіе склоненій. Первое склоненіе.

I.

Правило. *Измѣненіе именъ существительныхъ*

*) Радуница—вторникъ Ѳоминой недѣли.

по числамъ и падежамъ называется **склоненіемъ.**

Склоненій четыре: первое, второе, третье, четвертое.

Къ 1-му склоненію относятся существител. имена { **мужескаго рода**, съ окончаніями: **ъ, ь, й** (брат-ъ, корен-**ь**, ча-**й**); **средняго рода**, съ окончаніями: **о, е** (сел-**о**, пол-**е**).

Ко 2 му склоненію относятся сущ. имена **женскаго рода**, съ окончаніями: **а, я** (вод-**а**, нян-**я**),

къ 3-му тоже существительныя **женскаго рода**, съ окончаніемъ: **ь** (тѣн-**ь**),

къ 4-му—имѣющія окончанія то по 1-му, то по 2-му, то по 3-му склоненіямъ, напр.: имя, мать, церковь и др.

Задача.

Въ слѣдующемъ стихотвореніи указать имена существительныя; косвенные падежи обратить въ именительный единственнаго числа и сказать о каждомъ имени существительномъ, къ какому склоненію оно относится.

„Двѣ дороги".

I

Прямая дорога, большая дорога!
Простору не мало взяла ты у Бога.
Ты вдаль протянулась, пряма, какъ стрѣла,
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнемъ убита, жестка для копыта;
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта.
Въ тебѣ, что ни шагъ, то мужикъ работалъ:
Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ.
Все дружною силой и съ пѣснями взято:
Вколачивалъ молотъ, и рыла лопата,
И дебри топоръ вѣковыя просѣкъ.

Куда—какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ!
Чего онъ не сможетъ! лишь было бъ терпѣнье
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!

II

А съ каменкой рядомъ, поодаль немножко,
Окольная вьется живая дорожка.
Дорожка, дорожка, куда ты ведешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣчку и гору;
Не много ты мѣста себѣ отняла,
Просторомъ телѣжнымъ легла, гдѣ могла!
Тебя не ровняли топоръ и лопата;
Мягка ты копыту и пылью богата,
И кочки мѣстами, и врѣжетъ соха...
Грязна ты въ ненастье, а въ ведро суха!

И. Аксаковъ.

II *).

Первое склоненіе по падежамъ имѣетъ слѣдующія окончанія.

а) Имена существител. мужескаго рода.

Падежи.	Единственное число.				
Именительный и звательный	ъ	ь, й	плод-ъ,	гус-ь,	сара-й.
Родительный	а	я	плод-а,	гус-я,	сара-я.
Дательный	у	ю	плод-у,	гус-ю,	сара-ю.
Винительный	—	—	плод-ъ,	гус-я,	сара-й.
Творительный	омъ	емъ	плод-омъ,	гус-емъ,	сара-емъ.
Предложный	ѣ	ѣ	о плод-ѣ,	о гус-ѣ,	о сара-ѣ.

*) Эту часть урока, въ случаѣ недостатка времени, слѣдуетъ проработать на отдѣльномъ урокѣ.

Падежи.	Множественное число		
Имен. и зват.	ы	и	плод-ы, гус-и, сара-и.
Родительный	овъ	ей, евъ	плод-овъ, гус-ей, сара-евъ.
Дательный	амъ	ямъ	плод-амъ, гус-ямъ, сара-ямъ.
Винительный	—	—	плод-ы, гус-ей, сара-и.
Творительный	ами	ями	плод-ами, гус-ями, сара-ями.
Предложный	ахъ	яхъ	о плод-ахъ, о гус-яхъ, о сара-яхъ.

б) Имена существител. средняго рода.

Падежи.	Единственное число		
Именит. и зват.	о	е	дѣл-о, пол-е.
Родительный	а	я	дѣл-а, пол-я.
Дательный	у	ю	дѣл-у, пол-ю.
Винительный	о	е	дѣл-о, пол-е.
Творительный	омъ	емъ	дѣл-омъ, пол-емъ.
Предложный.	ѣ	ѣ	о дѣл-ѣ, о пол-ѣ.

Падежи	Множественное число.		
Именит. и зват.	а	я	дѣл-а, пол-я.
Родительный	ъ	ей	дѣл-ъ, пол-ей.
Дательный	амъ	ямъ	дѣл-амъ, пол-ямъ.
Винительный	а	я	дѣл-а, пол-я.
Творительный	ами	ями	дѣл-ами, пол-ями.
Падежный.	ахъ	яхъ	о дѣл-ахъ, о пол-яхъ.

Правило. 1) *При склоненіи именъ существитель-ныхъ* **твердыя окончанія измѣняются на твердыя, мягкія—на мягкія.**

2) Въ именахъ предметовъ одушевленныхъ и духовныхъ мужескаго рода винительный падежъ

сходенъ съ родительнымъ, а въ именахъ предметовъ неодушевленныхъ и умственныхъ—съ именительнымъ.

3) Звательный падежъ сходенъ съ именительнымъ, кромѣ именъ: Господь, Богъ, Іисусъ, Христосъ. Эти имена звательный падежъ имѣютъ слѣдующимъ образомъ: **Господи, Боже, Іисусе, Христе.**

4) Всѣ имена собственныя и многія имена умственныхъ предметовъ множественнаго числа не имѣютъ.

Задача.

Просклонять: Господь, Богъ, Іоаннъ, храмъ, родитель, обычай, озеро, море, горе.

Урокъ 30.

Упражненія въ правописаніи 1-го склоненія.

ъ послѣ шипящихъ въ имен. пад ед. числа муж. рода; окончаніе **ышко** сред. рода въ томъ же падежѣ.

Для объясненія.

Больному **врач-ъ** надобенъ.
Горшокъ котлу не товарищъ.
Скупой богач**ъ** бѣднѣе нищаго.
Еж**ъ** свертывается, точно мяч**ъ**
Солн·ышко свѣтитъ добрымъ и злымъ.
Курочка по зерн**ышку** клюетъ, да сыта бываетъ.
Первый государь русскій изъ рода Романовыхъ былъ Михаилъ Θеодорови**чъ**.

Правило. 1) *Въ имен. падежѣ единст. числа муж. рода послѣ шипящихъ пишется* **ъ**, *хотя слышится* **ь**. *Отчество людей на* **ичъ** *также имѣетъ на концѣ* **ъ**, *а не* **ь**

2) Въ имен. падежѣ единст. числа средняго рода пишется **ышко**, хотя слышится **ушко**.

Задача 1.

Поставить и объяснить окончанія въ слѣдующихъ существительныхъ: скрипач..., мяч..., мякиш .., прыщ..., клич.., плющ..., сургуч..., хрущ..., муж..., плащ., струч..., калач.., и въ названіяхъ городовъ: Бирюч..., Галич..., Овруч...

Задача 2.

1) Измѣнить множественное число на единственное. Какое окончаніе слѣдуетъ поставить тогда въ именахъ существительныхъ?

Шалаши разобраны. Ножи затупились. Барыши получаются отъ торговли. Ключи потеряны. Ткачи начали работу. Ужи безвредны. Карандаши очинены. Наняты сторожа. Сычи летаютъ ночью. Грачи полезны.

2) Слѣдующія существительныя измѣнить такъ, чтобы въ нихъ стояло на концѣ **ышко**.

Стекло—? перо—? ведро—? дно—? крыло—? гнѣздо—? горло—? бревно—? пятно—? ребро—?

Задача 3.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ образовать отчество изъ словъ: „сынъ Павла“ и т. д. На что должно оканчиваться отчество?

Александръ,—сынъ Павла=Александръ Павловичъ. Сергѣй—сынъ Николая. Иванъ—сынъ Алексѣя Θеодоръ—сынъ Бориса. Яковъ—сынъ Василія. Егоръ—сынъ Андрея. Кузьма—сынъ Егора. Алексѣй—сынъ Григорія. Михаилъ—сынъ Никифора.

Аркадій—сынъ Архипа. Владимиръ—сынъ Георгія. Давидъ—сынъ Ильи. Іоаннъ—сынъ Кирилла.

Задача 4.

Поставить пропущенныя буквы.

Городъ Воронеж.. стоитъ на р..кѣ Воронежѣ.—Трубач.. заигралъ марш..—Желѣзный обруч.. проч..нъ.—Чиж .—п..вчая птич. ка.—Ерш.. колючъ.—Лещ . костистъ.—Выигрыш.. и проигрыш.. на одномъ полозѣ ѣздятъ.—За свой грош.. вездѣ хорошъ.—Зел..ный камыш.. кр..сиво отражается въ в..дѣ.—Д..ти любятъ играть въ мяч..—Кулич.. п..кутъ къ пасхѣ.—Солн..шко, ведр.,шк. , выгл..нь въ ..кошечко!—У меня есть р..зноцв..тныя ст..кл..шки.—У щегла кр..сивыя пер..шки.—Дядя Петръ Ѳедорович.. под. рилъ мнѣ кни...ку подъ заглав..емъ: „Иванъ царевич.. и с..рый волкъ“.—Своего стараго слугу мы з..вемъ—Иванъ Васильевич..

Задача 5.

Просклонять слова: лучъ, Александръ Павловичъ, перышко.

Урокъ 31.

Чекъ, чикъ, икъ въ именит. падежѣ единствен. числа муж. рода.

Для объясненія.

Эта книжка стоитъ **пята-чекъ**.
У меня не осталось ни одного **пята-чка**.
Я сорвалъ душистый цвѣто**чекъ**.
Въ полѣ нѣтъ еще ни одного цвѣто**чка**.
Печати вырѣзываетъ **рѣз-чикъ**.

Рѣзч-ика по металлу называютъ граверомъ.
У меня есть серебряный колоколь**чикъ**.
У этого колоколь**чика** нѣтъ язычка.
Подъ моимъ окномъ растетъ **куст-икъ сирени.**
На нашемъ дворѣ нѣтъ ни травки, ни одного **куст-ика**.

Правило. *Иногда въ концѣ нѣкоторыхъ именъ существительныхъ неясно слышатся слоги:* **чекъ—чикъ,** *и потому возможна ошибка при письмѣ.*

Слогъ **чекъ** слѣдуетъ тогда писать въ словѣ, когда въ родительномъ падежѣ этого слова изъ **чекъ** получается **чка**, т.-е. **е** выпадаетъ: плато**чекъ**—пла-то**чка**.

Слогъ **чикъ** пишется тогда, когда въ родительномъ падежѣ слова буква **и** остается въ слогѣ **чикъ:** колоколь**чикъ**—колоколь**чика**; то же бываетъ и съ слогомъ **икъ:** сад**икъ**—сад**ика**.

Задача 1.

Слѣдующія существительныя измѣнить такъ, чтобы въ концѣ ихъ былъ слогъ **чекъ**. Объяснить, почему должно писать **чекъ**, а не **чикъ**?

Листъ, лугъ, уголъ, уголь, голосъ, другъ, дождь, мостъ, голубь, замокъ, дубъ, крюкъ, козырекъ, день, кругъ.

Задача 2.

Поставить пропущенныя буквы.

Сѣмеч..ко снач..ла пускаетъ росточ..къ, а потомъ даетъ стебелеч..къ.—Выпалъ первый сн..жоч..къ.—В..етъ тихій в..тероч..къ.—Папа под..рилъ мнѣ ножич..къ, брусоч..къ и молоточ..къ.—С..стрицѣ дали для работы наперсточ..къ и моточ..къ ниток.—Мы ходимъ гулять въ ближній л..соч..къ.—

Мама сплела изъ цв..товъ кр.сивый в..ноч..къ.— Мы собираемъ с..мена цв..товъ въ особый мѣшеч..къ.—Дѣти искупались, вышли на бережоч..къ и сѣли одѣваться на песоч.къ.—Въ окнѣ засв..тился огонеч.къ.—Рыбакъ пошелъ въ шалаш., вынесъ котелоч.къ и сталъ готовить уж..нъ.

Задача 3.

Слѣдующія существительныя измѣнить такъ, чтобы въ концѣ ихъ были слоги: чикъ, икъ.

Голубь, огурецъ, конецъ, ларецъ, молодецъ, кузнецъ, купецъ, заводъ, переплётъ, переводъ, заёмъ, стаканъ, обида. Столъ, полъ, прутъ, комаръ, фунтъ, носъ, глазъ, ломоть, крестъ, подносъ, топоръ, хвостъ, листъ, сухарь, сýдарь.

Задача 4.

Поставить пропущенныя буквы.

Жилъ-былъ мал..ч..къ съ пал..ч..къ, лицомъ былъ кр..савч..къ.—Подъ дугой звенитъ колокол..ч..къ.—Гость хозяину не указч..къ.—Впереди солдатъ идетъ барабанщ..къ —У насъ работаютъ все гда под. нщ..ки.—Въ лавкѣ продаютъ товары приказч..ки.—Калач.къ съ молокомъ – вкусный завтракъ. —Въ углѣ ст..ялъ диванч..къ, обитый м. дными гвозд..ками.—Фрукты продаютъ разносч..ки.— Въ тр. вѣ громко трещатъ кузнеч..ки.

Задача 5.

Поставить пропущенныя буквы.

Къ именинамъ мама приготовила мнѣ подароч.къ.—Ландыш..—ранній цв..точ.къ.—Д..ти по-

б..жали на лужоч..къ играть въ мяч .къ.—На сто-л..кѣ стоялъ поддонч..къ, а на немъ игрушеч..ный самоварч..къ, чайнич..къ, чашеч..ки и блюдеч..ко съ сухар .ками. С..стрица откусила кусоч..къ сахару, выпила глоточ..къ чаю и сѣла на стульч..къ уг..щ..ть своихъ куколъ.—Братъ спл..лъ изъ конскихъ волосъ тонкій шнуроч..къ и прив..залъ его къ удилищ ., а на концѣ шнуроч..ка нав..залъ крючеч..къ, потомъ приладилъ поплавоч..къ и отправился удить рыбу.—На сн..гу видѣлся мел..кій сл..доч..къ: это проб..жалъ зайч..къ.—За мост..комъ стоитъ домъ моей тети; онъ уже очен.. старъ, двор..къ его весь заросъ бур..яномъ, всѣ заборч..ки, сарайч..ки и амбарч.ки поч..ти разв. лились, но сад..къ еще зеленѣетъ, подъ окнами цв.лъ еще палисаднич..къ съ цв..тами и куст..ками разныхъ ягодныхъ растеній.

Задача 6.

Просклонять слова: комочекъ, кузнечикъ.

Урокъ 32.

Предложный падежъ единственнаго числа мужескаго рода.

Для объясненія.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ указать предложные падежи и поставить вопросы къ нимъ.

У насъ въ домѣ и во флигелѣ по 5 комнатъ.—При переѣздѣ черезъ рѣку мы едва не потонули —Я прочелъ сказку объ „Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ“.—Куры любятъ копаться въ навозѣ.—Овощи садятъ въ огородѣ.—Листья на дубѣ вырѣзные,

длинные.—Въ Кіевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ, есть много св. мощей.—При въѣздѣ въ городъ насъ остановили.—Сестра заботится о садикѣ.—На слонѣ ѣздятъ и возятъ тяжести.

Правило. *Предложный падежъ именъ существительныхъ отвѣчаетъ на слѣдующіе вопросы: о комъ? о чемъ? на комъ? на чемъ? въ комъ? въ чемъ? при комъ? при чемъ? Иногда къ предложному падежу можно поставить вопросъ—гдѣ?*

Въ предложномъ падежѣ единственнаго числа мужескаго рода на концѣ пишется Ѣ, если предъ Ѣ не стоитъ буква І.

Задача 1.

Поставить въ предложномъ падежѣ ед. числа слѣдующія существительныя: Алексѣй, Андрей, Тимоѳей, Еремѣй, Михей, Моисей, архіерей, благовѣстъ, верблюдъ, вершокъ, владѣлецъ, водопой, военачальникъ, воробей, грамотей, козырекъ, кусочекъ, медвѣдь, міръ, молебенъ, полдень, селезень, смѣхъ, день, щеголъ, щеголь.

Задача 2.

Тѣ существительныя съ предлогами, что въ скобкахъ, поставить въ предложномъ падежѣ.

(На воръ) и шапка горитъ.—Кто (въ грѣхъ), тотъ и (въ отвѣтъ).—Шила (въ мѣшокъ) не утаишь.—Безгрѣшнаго человѣка (на свѣтъ) нѣтъ.—(Въ гнѣвъ) ни на что не рѣшайся.—Іисусъ Христосъ родился (въ городъ Виѳлеемъ).—Хорошее и (въ сонъ) хорошо.—Еще не занималась заря, но уже забѣлѣлось (на востокъ).—Ямщикъ сидитъ (на облучокъ) (въ тулупъ), въ красномъ (кушакъ).—Что (на умъ), то и (на языкъ).—Бури (въ океанъ) бываютъ страшны.—(При отъѣздъ) всѣ свои вещи

я раздарилъ товарищамъ.—(Въ Петербургъ) масленица празднуется на Царицыномъ лугу.—(Въ Новгородъ) воздвигнутъ памятникъ тысячелѣтія Россіи.

Задача 3.

Поставить пропущенныя буквы.

Въ оврàг.. тихо журч..лъ х..лодный прозрач..ый ключ..—На двор.. у крыл..ца послышался к..локол..ч..къ.—На кон.. сидѣлъ страшный усач..—Въ ящ..ч..к.. хр..нится у меня молоточ..къ, гвозд..ки, наверточ..къ, пилочки и рисунки. На досуг.. я занимаюсь выпиливаніемъ разныхъ зат..йливыхъ вещич..къ.—Уже потемнѣло; только послѣдній луч.. горѣлъ еще на крест.. колокол..ни.—При нашемъ дом.. есть всѣ необходимыя постройки: чуланч..ки, сарайч..къ, амбарч..къ, ледн..къ и сушил..ня.—Мой товарищ.. одинаково неряшливъ и дома, и въ класс..—Пройдетъ л..тній дождич..къ, глянетъ солн..шко, и опять все сухо!—Пріятно на сво..мъ огород.. сорвать зел..ный огурч..къ и сладкій арбуз..къ.—Внуч..къ постоя..о находился при больномъ д..душкѣ и во всемъ пом..галъ ему.—Воробьята, распуша крыл..шки, ярос..но чирикали въ куст.., сл..тали на доро..ку, др..лись и мгновенно исчезали при первомъ подозрител..номъ звук..—Въ гн..зд..шк.. сидѣли птенч..ки и вес..ло выглядывали оттуда на Бож..й св..тъ.

Задача 4.

Просклонять слова: Павелъ Петровичъ, пятнышко.

Урокъ 33.

Буквы Е въ именительномъ, винительномъ и Ѣ въ предложномъ падежѣ единственнаго числа средняго рода.

Для объясненія.

Кладбище устраивается около церкви. На кладбищѣ погребаютъ усопшихъ. Но и живые часто ходятъ на кладбище, чтобы поклониться роднымъ могилкамъ, помолиться за умершихъ. Кладбище обносятъ оградою, а въ деревняхъ окапываютъ иногда только однимъ рвомъ. Въ кладбище ведутъ особыя ворота. На городскомъ кладбищѣ расчищаютъ дорожки, разсаживаютъ деревья и цвѣты. Особенно хорошо бываетъ на кладбищѣ весною и лѣтомъ, когда кругомъ все такъ зелено, мирно и спокойно!

Правила. *Именительный и винительный падежи единственнаго числа средняго рода оканчиваются на* **е**, *а предложный на* **ѣ**.

Въ именительномъ падежѣ ставится подлежащее.

Винительный падежъ отвѣчаетъ на вопросы: что? на что? во что? куда?

Предложный падежъ отвѣчаетъ на вопросы: на чемъ, въ чемъ? о чемъ? гдѣ?

Задача 1.

Поставить недостающія окончанія.

Дѣти ходятъ въ училищ.. Въ училищ.. ихъ учатъ чтенію, письму и многому другому, чего они не знаютъ.—Мор.. не всегда бываетъ спокойно.

На мор.. бываютъ страшныя бури, которыя губятъ нерѣдко и самыя большія суда.—Солнц.. свѣтитъ всему міру.—На смерть, что на солнц.., во всѣ глаза не взглянешь.—Весною дѣдушка любитъ выйти на солнц.., посидѣть и погрѣться подъ его живительными лучами.—Про пѣні.. соловья всѣ знаютъ и пѣні.. его всѣ хвалятъ.—Человѣкъ строитъ себѣ жилищ., чтобы укрыться отъ непогоды и холода. Въ жилищ.. онъ работаетъ, отдыхаетъ и проводитъ ночь.—Моего брата постигло большое гор.. Другіе въ гор.. плачутъ и жалуются, но онъ переносилъ свое гор.. твердо и спокойно, какъ будто у него гор.. и совсѣмъ нѣтъ.—Чуетъ сердц.. и друга, и недруга.—У иного на язык.. медокъ, а сердц. ледокъ.—

Зимою пол.. пустынно. Словно мор., разстилается оно бѣлою безконечною гладью и ярко блеститъ на солнц.. своими снѣгами. Но пройдетъ зима, и пол.. снова оживаетъ. Весною пол.. полно народу: крестьяне спѣшатъ въ пол.., чтобы во-время вспахать и засѣять его. Но лѣтомъ въ пол.. народу бываетъ еще больше: поспѣваютъ хлѣба, идетъ жатва. Села и деревни тогда пустѣютъ: отъ мала и до велика все живетъ въ пол.. и работаетъ тамъ съ утра и до вечера. Наступаетъ осень; окончена жатва: пол.. снова пустѣетъ, въ пол.. никого нѣтъ, кромѣ холоднаго пронзительнаго вѣтра.

Задача 2.

Поставить пропущенныя буквы.

Глубоко мор.., а и въ мор.. есть дно.—При солн..шк. т..пло, при р..дителяхъ добро.—Въ іюл.. на двор.. пусто, да на пол. густо.—Въ гор. не унывай, а на Бога уповай.—Р..ки вп.даютъ въ мор..—Въ мор.. в..да гор..ко-соленая.—Въ ящ.чк..

у меня всегда л..житъ нож. ч..къ, карандаш..къ и кусоч .къ сукна для вытираній.. перьевъ.—При нашемъ училищ.. есть сторож..; это небольшой старый человѣч..къ, очень хлопотливый и суетливый.—Ласточ..ки прил..таютъ въ старыя гн..вд. шки.—Въ поѣзд.. багаж.. пом..щается въ особомъ вагон..—Послѣ пожара осталось одно пепелищ . На пепелищ.. сидѣли ж..нщины, гор..ко плакали и причитывали.—На крыл .ц.. стояло стульц ., а на стульц.. сидѣлъ д..душка и см..трѣлъ, какъ его любимый внуч..къ игралъ и р..звился.—Оконц.. терема было разукрашено разноцв..тными стекл..шками.– Морж.. водятся только въ холодномъ мор .—Солдат..ки зазвали меня въ укрѣпленi.., нашли уютный уголочекъ, достали самоварч .къ, и мы с.. удовол..ствi..мъ напились чаю на св .жемъ воздухѣ.

Задача 3.

Просклонять: зернышко, одѣяльце

Урокъ 34.

Второе склоненіе.

Второе склоненіе по падежамъ имѣетъ слѣдующія окончанія.

Имена существительныя женскаго рода на **а** *и* **я**.

Падежи.	Единственное число.				
Им. и зв.	а	я	ворона,	баня,	судья.
Родит.	ы	и	вороны,	бани,	судьи.
Дат.	ѣ	ѣ	воронѣ,	банѣ,	судьѣ
Винит.	у	ю	ворону,	баню,	судью.
Творит.	ою, (ой)	ею, (ей)	вороною (ой),	банею (ей),	судьёю (ёй).
Предл.	ѣ	ѣ	о воронѣ,	о банѣ,	о судьѣ.

Падежи.	Множественное число.				
Им. и зв.	ы	и	вороны,	бани,	судьи.
Родит.	ъ	ь, й	воронъ,	бань,	судей.
Дат.	амъ	ямъ	воронамъ,	банямъ,	судьямъ.
Винит.	ъ	и, й	воронъ.	бани,	судей.
Творит.	ами	ями	воронами,	банями,	судьями.
Предл.	ахъ	яхъ	о воронахъ,	о баняхъ,	о судьяхъ.

Правила.—*Винительный падежъ множественнаго числа въ 2 склоненіи у именъ предметовъ одушевленныхъ сходенъ съ родительнымъ, а у именъ предметовъ неодушевленныхъ—съ именительнымъ.*

Родительный падежъ множ. числа на **й** имѣютъ имена съ основами на гласную и **ь**: змѣ-я—змѣй, судь-я—суде-й.

По 2 склоненіи склоняются и имена мужескаго рода, оканчивающіяся на **а** и **я**.

Задача 1.

Просклонять: лисица, коса, гусыня, дыня, Вѣра, Таня, старшина, Гриша, Петя.

Задача 2.

Въ слѣдующей статьѣ указать имена существительныя 1 и 2 склоненія, поставить къ нимъ вопросы и опредѣлить падежи.

„Деревня“.

Послѣдній день іюля мѣсяца; на тысячу верстъ кругомъ Россія—родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на немъ—не то плыветъ, не то таетъ. Безвѣтріе, теплынь ..воздухъ—молоко парное!

Жаворонки звенятъ; воркуютъ зобастые голуби; молча рѣютъ ласточки; лошади фыркаютъ и

жуютъ; собаки не лаютъ и стоятъ, смирно повиливая хвостами.

И дымкомъ-то пахнетъ, и травой, и дегтемъ маленько, и маленько кожей Коноплянники уже вошли въ силу и пускаютъ свой тяжелый, но пріятный духъ.

Глубокій, но пологій оврагъ. По бокамъ въ нѣсколько рядовъ головастыя ракиты. По оврагу бѣжитъ ручей; на днѣ его мелкія камушки словно дрожатъ сквозь свѣтлую рябь. Вдали, на концѣ, краѣ земли и неба, синеватая черта большой рѣки.

Вдоль оврага—по одной сторонѣ опрятные амбарчики, клѣтушки, съ плотно закрытыми дверьми; по другой сторонѣ пять—шесть сосновыхъ избъ съ тесовыми крышами. Надъ каждой крышей высокій шестъ скворечницы; надъ каждымъ крылечкомъ вырѣзной желѣзный крутогривый конекъ. Неровныя стекла оконъ отливаютъ цвѣтами радуги. Кувшинъ съ букетами намалеваны на ставняхъ. Передъ каждой избой чинно стоитъ исправная лавочка; на завалинкахъ кошки свернулись клубочкомъ, насторoживъ прозрачныя ушки; за высокими порогами прохладно темнѣютъ сѣни.

Я лежу у самаго края оврага, на разостланной попонѣ; кругомъ цѣлые вороха только что скошеннаго душистаго сѣна. Догадливые хозяева разбросали сѣно передъ избами: пусть еще немного посохнетъ на припекѣ; а тамъ и въ сарай! То-то будетъ спать на немъ славно!

Курчавыя дѣтскія головки торчатъ изъ каждаго вороха; хохлатыя курицы ищуъ въ сѣнѣ мошекъ да букашекъ; бѣлогубый щенокъ барахтается въ спутанныхъ былинкахъ...

О довольство, покой, избытокъ русской вольной деревни! О тишь и благодать!

Тургеневъ.

Урокъ 35

Упражненія въ правописаніи 2 склоненія.

Слогъ **ушк-а** въ концѣ именъ существительныхъ женскаго рода въ имен. падежѣ единст. числа; отличіе его отъ **ышк-о**.

Для объясненія.

Нѣтъ милѣй дружка, какъ родимая **мат-ушк-а**.
На чужой сторон**ушкѣ** радъ своей ворон**ушкѣ**.
У соловья дорогое **горл-ышк-о**.
У пѣвчихъ птичекъ красивыя пер**ышки**.

Правило. *Не должно смѣшивать производственныхъ слоговъ (суффиксовъ)*: **ушк—ышк**. *Слогъ* **ушк** *съ окончаніемъ* **а (ушка)** *имѣютъ въ имен. пад. единств. числа имена существительныя* **женскаго рода**, *а слогъ* **ышк** *съ окончаніемъ* **о (ышко)** *имена* **средняго рода**.

Задача 1.

Поставить пропущенныя буквы.

Ты взойди, красное солн.шко, надъ з..л..ною дубрав..шкой!—Пашенку мы рано съ си..кою распашемъ, зерн..шку сготовимъ колыбел.. св..тую. Пріѣхали—добрый нашъ дѣд..шка и ласковая баб..шка.—Дѣв..шки любятъ смотрѣться въ зеркальц..—Вареньица осталось въ банк.., тол..ко на дон..шк..—Коров..шки—бурен..шки любятъ трав..шку.—Намъ постелюшк..—мать сыра-земля, одѣял.шко—в..тры буйные, покрывал..шко—сн..га б..лые, обмываньице—частый дожд..ч..къ; р.дной бат..шка—намъ св..т..лъ м..сяць, красно солн..шко—р..дная мат..шка.—Ост..новилась лисица подъ елью и г..-

в..рить ворон..: „Голуб..шка, какъ хороша! Какія пер..шки, какой н..сокъ! И, вѣрно, ангельскій быть долженъ г.л..сокъ!“—„Куда такъ, кум..шка, бѣжишь ты безъ огля..ки?“ лисицу спрашивалъ сурокъ.—„Охъ, мой голубч..къ—кум..пекъ! терплю напраслину и выгнана за взя..ки!“

Задача 2.

Просклонять: сторонушка, дѣвушка, стеклышко.

Урокъ 36.

Родительный, дательный и предложный падежи единственнаго числа 2 склоненія.

Для объясненія.

У тети Марьи Ивановны есть въ деревнѣ свое помѣстье. Оно находится близъ рѣки. Тетя проводитъ въ немъ каждое лѣто. Дома нам скучно безъ тети, поэтому мы часто ѣздимъ гостить къ тетѣ. У нея живется весело. Мы съ нею каждый день катаемся по рѣкѣ на лодкѣ, совершаемъ прогулки то на кладбище, то въ поле, то въ лѣсъ. Въ лѣсу мы всегда отдыхаемъ на любимой полянкѣ, близъ воды, среди душистыхъ травъ и цвѣтовъ. Въ лѣсной чащѣ намъ однимъ было бы страшно, но при тетѣ мы ничего не боимся и даже отходимъ иногда другъ отъ друга на довольно большое разстояніе. Съ прогулки тетя часто заводитъ насъ къ одной старушкѣ, у которой мы пьемъ холодное вкусное молоко. Ночью мы спимъ у тети не въ душной комнатѣ, а на галлереѣ, на свѣжемъ воздухѣ. Изъ сосѣдней деревни нерѣдко пріѣзжаютъ гости къ тетѣ, съ дѣтьми. Съ ними мы рѣзвимся на лужайкѣ подъ окна-

ми или катаемъ обручи въ саду по широкой дорожкѣ, или читаемъ и разсматриваемъ картинки въ бесѣдкѣ.

Правило. *Родительный падежъ единственнаго числа женскаго рода оканчивается на* ы - и, *дательный и предложный—на* ѣ

Задача 1.

Слѣдующія имена существительныя поставить въ родительномъ падежѣ единственнаго числа съ предлогами: безъ, для, ради, до, изъ, отъ, изъ-за, изъ-подъ, съ, у.

Пища, дѣдушка, сестра, пашня, пустыня, стая, туча, земля, крыша, стѣна.

Задача 2.

Слѣдующія имена существительныя поставить въ родительномъ падежѣ единственнаго числа съ нарѣчіями: близъ, вдоль, возлѣ, внѣ, внутри, мимо, около, сверхъ, позади, противъ, среди, прежде, послѣ, вмѣсто

Деревня, рѣка, конюшня, комната, чаща, башня, лужа, вода, колокольня, мельница, роща, встрѣча, обѣдня, работа.

Задача 3.

Существительныя изъ 1 и 2 задачи поставить въ дательномъ падежѣ единственнаго числа съ предлогами: къ, по.

Задача 4.

Тѣ же существительныя поставить въ предложномъ падежѣ единственнаго числа съ предлогами; при, въ, на, о (объ).

Задача 5.

Поставить пропущенныя буквы.

У всякой птичк.. свой г..л..сокъ. — Кошк.. игру..ки, а мышк.. сле . ки.—Пч. лка перел..таетъ отъ былинк.. къ былинк..—По одежк.. протяг..вай но..ки.—Богомол..цы подошли къ ч..совн..: въ ч.. совн.. служили молеб..нъ.—Веч..ромъ мы по..хали удить рыбу; въ случа.. удач.. рѣшили и зан..че. вать на рѣк .—Въ д..нь св..его ангела я получ..лъ отъ мам.. книгу, а отъ сестриц.. картинк..—Мнѣ съ братомъ купили по новой фуражк..—В. рень.. варятъ на ж..ровн..—Изъ темной туч.. св..ркнула молнія.—Въ воскресень.. нужно х..дить къ обѣдн..—Мы ост..новились у рощ.. послушать, какъ въ рощ.. пѣлъ солов..й. Въ тиш..н.. ноч . слышенъ всякій звукъ.—Къ сестриц . Сонечк.. наняли новую няню.—Въ нашей спальн.. на каждой стѣн.. виситъ по картин..—Косари ост..новились близъ пашн.. Скоро на пашн.. засв..ркали острыя косы.—Нужда на печк.. не прохл..ждается.—Лебедь, по своей величин , сил. , красот.. и велич .вой осанк., изд..вна и справедливо назв..нъ ц..ремъ всей вод..ной, или водоплавающей птиц...

Задача 6.

Просклонять слова: женщина, стая.

Урокъ 37.

Именительный падежъ множественнаго числа женскаго и средняго рода.

Для объясненія.

На крестьянскихъ огородахъ растутъ большею частію **берез-ы** и **ветл-ы**.

Самыя грязныя и прожорливыя **животны-я** — **свинь-и**.

Въ церквахъ дѣлаются большія **окн-а**.

Въ городахъ есть очень красивыя **зданi-я**.

Правило *Окончанія именительнаго падежа множественнаго числа женскаго и средняго рода часто въ произношеніи смѣшиваются, но на письмѣ ихъ должно строго различать: имена женскаго рода оканчиваются на* **ы** *или* **и**, *а средняго—на* **а** *или* **я**

Задача 1.

Поставить въ именительномъ падежѣ множественнаго числа слѣдующія имена существительныя: богатство, звѣзда, убѣжище, линія, животное, прошеніе, зерно, могила, жилище, приношеніе, стрѣла, бездна, пчела, сукно, издѣліе, чудовище, дыра, верста, колесо, побоище, украшеніе.

Задача 2.

Поставить недописанныя окончанія въ словахъ.

Толстыя и прямыя бревн.. идутъ на доски.—Дикари ведутъ частыя войн..—У павлина длинныя и красивыя перь..—На хорошихъ лошадяхъ дорогія сбру..—Въ Россіи есть огромныя озер..—Сосн.. прямы и высоки.—Копь.. казаковъ—длинны и остры.—У столяровъ хорошія пил..—Почтальёнъ разноситъ письм..—У меня разболѣлись десн..—Селені.. крестьянъ просты и бѣдны.—Стальныя игл . остры, но ломки.—Гнилыя болот.. заражаютъ воздухъ.—Морскія волн.. высоки.

Задача 3.

Поставить пропущенныя буквы.

Ключ.. отъ замка потер..нъ.—Пріемыш . этой доброй барын.. уже выросъ и ходитъ въ училищ..—Въ класс.. ст..ятъ уч..ническіе ст..лы и скамь..—По дорог.. прошли сéмь.. переселенцевъ.—Кирпич.. обыкнове .о д..лается изъ глин.., см .шанной съ пескомъ.—Бѣда по бѣд.., какъ по нитк.., идетъ.—Краси..ъ на рѣк . камыш.. и з..мою, когда весь онъ опуш..тся серебрянымъ инеемъ, а холодный луч.. зимняго солн .шка ск..льзитъ на немъ блескомъ своихъ алмазныхъ ..гней.--По капел..к..—море, по былинк .—стогъ.—Слава на неб.. солнцу высокому, на земл..—государю великому; слава на неб.. утр.. прекрасному, на земл.. государын.. ласковой!—Сердц.. челов..ка должно быть скло....о къ добру; въ сердц.. не должно быть зла.—При долин..шк.. калин..шка стоитъ, на калин..шк . соловуш..къ сидитъ!—Не поп..дайся, п .тушокъ, лисичк.. на зубоч..къ!—На набережной толпились носил..щ..ки, извозч..ки и разносч..ки.—Одуванч..—простой желтенькій цв..точ..къ; ихъ много бываетъ на выгон., въ церковной оград.. и на кладбищ..—Держи гол..ву въ хол..д.., а ноги въ т. пл..—Плохо ж..ть въ нужд.., а въ гор. еще хуже.—Стадо уже погнали на пастбищ..—Зв..рь зале..ъ въ своемъ логовищ..—Птич..ки устилаютъ гн..зд..шки пушкомъ и пер..шками.—На могил..шк.. сидитъ сиротин..шка: она плачетъ—зоветъ р..димую мат..шку.—У сестриц . Вареньк.. есть дорогія шелковыя матері.. и красивыя плать .—Дяд..шка Ал..кс..й Андр..евич.. пригл..силъ всѣхъ насъ въ свое новое имѣні.. Баб..шк.. Варвар.. Ивановн.. уже 65 лѣтъ.—На лугу пасутся коров.. и овц..

Задача 4.

Просклонять слова: шуба, одѣяло.

Урокъ 38.

Окончаніе Ъ послѣ шипящихъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа женскаго и средняго рода; н-я — н-ъ, н-ь

Для объясненія.

На обувь употребляется **кож-а** различныхъ животныхъ.

Изъ **кож-ъ** животныхъ приготовляется, кромѣ обуви, много и другихъ необходимыхъ вещей.

Желѣзная **крыша** прочна и красива.

Въ селахъ мало желѣзныхъ **крыш-ъ**.

Надвинулась черная **туч-а**.

Небо очистилось отъ **туч-ъ**.

Рощ-а состоитъ обыкновенно изъ какихъ-нибудь одинаковыхъ деревьевъ: дубовъ, березъ, липъ и т. п.

Дачи среди сосновыхъ **рощ-ъ** особенно цѣнятся за свой здоровый воздухъ.

Человѣкъ строитъ себѣ **жилище** главнымъ образомъ изъ дерева и камня.

Кочевники не имѣютъ постоянныхъ **жилищ-ъ**.

Виш-н-я и **череш-н-я** — обыкновенныя садовыя деревья.

Въ нашемъ саду много **више-н-ъ** и **череше-н-ъ**.

При нашей церкви очень высокая и красивая **колоколь-н-я**.

Подъѣзжая къ большому городу, сперва видишь много церквей и **колоколе-н-ъ**.

Ды-н-я и арбузъ—любимое лѣтнее лакомство.

На югѣ Россіи встрѣчаются огромныя бахчи **ды-н-ь** и арбузовъ.

Правила. *Имена существительныя женскаго и средняго рода, имѣющія въ концѣ основы шипящія буквы:* **ж, ч, ш, щ,** *въ родительномъ падежѣ множественнаго числа оканчиваются на* **ъ**, *а не на* **ь**. *)

Имена существительныя женскаго рода, имѣющія въ именит. пад. ед. числа на концѣ слогъ **ня**, въ родит. пад. множ. числа оканчивается на **ъ**, когда предъ слогомъ **ня** стоитъ согласный звукъ, **ь** или **й**, а также и на **ь**, когда передъ **ня** стоитъ гласный звукъ.

Примѣчаніе. Слово **деревня** имѣетъ род. п. множ. ч. **деревень**.

Задача 1.

Поставить недостающія окончанія.

Зимою наметается много куч.. снѣгу.—Въ нашемъ городѣ нѣсколько кладбищ..—Для глухого двухъ обѣден.. не служатъ.—Въ селахъ среди жилыхъ построекъ бан.. не ставятъ.—Осенью съ дач.. всѣ уѣзжаютъ.—Изъ училищ.. всегда слышится шумъ и крикъ дѣтей.—Сестра знаетъ много хорошихъ басен..—Для маленькихъ дѣтей нанимаютъ нян..—Послѣ дождя бываетъ много луж..—Въ пустыняхъ мало пастбищ..—На нашей рѣкѣ нѣтъ купален..—

*) Окончаніе род. пад. множ. ч. женск. р. на **ей**, когда передъ шипящими находится согласный звукъ, вполнѣ ясно въ произношеніи: **ханжа—ханжей**, **вожжа—вожжей**, **каланча—каланчей**; поэтому на него не дается упражненій и не упоминается въ правилѣ. Относительно двойного окончанія род. п. мн. ч.—**свѣча—свѣчъ** и **свѣчей**, **межа—межъ** и **межей**—можно только при случаѣ сдѣлать указаніе.

Въ церковной люстрѣ горитъ много свѣч..—Днемъ свѣч.. не зажигаютъ.—Въ города привозятъ хлѣбъ изъ деревен..

Задача 2.

Измѣнить единственное число на множественное.

Я не понимаю этой задачи..—Сапогъ безъ голенища, а топоръ безъ топорища не бываетъ.—Охотники подняли звѣря изъ логовища.—Съ крѣпостной башни замѣтили непріятеля.—Воздухъ спальни нужно освѣжать, какъ можно, чаще.—Изъ лѣсной чащи уже не слышно соловьиной пѣсни.—Вы не видали этого интереснаго зрѣлища!—Рисунокъ этой старинной чаши весьма красивъ.—Одежда нищаго состоитъ обыкновенно изъ ветхаго рубища.—Крестьянинъ съ своей пашни перешелъ работать на господское поле.—Вѣтеръ пустыни сухой и жгучій.—Около любимой груши я вырвалъ сорную траву и вскопалъ землю.—Погорѣльцы уныло бродили около родимого пепелища.—Куры любятъ копаться близъ конюшни.

Задача 3.

Поставить пропущенныя буквы.

Меч..—ст..ринное оружіе.—Слушайте жъ, дѣти: въ каждомъ зерн..шк.. спитъ зародыш..—м..лютка.—Мама под..ла мнѣ неб..льшой сверточ..къ; въ сверточ. к. были краски и всѣ принадлежности для рисовані..—А въ крава..к.. н..жно спитъ „соколикъ Вася"; подлѣ, какъ мл..дев.цъ, спитъ ст..ру..а—няня.—Василій Петрович.. и Андр..й Өедорович..—ст..ринные друз..я и пріятели.—У пап... на ч..совой

ц.почк.. прив..шенъ з..л. той ключ..къ и хорошен..кая з.л.тая же гир..ка въ вид.. фунт.ка.—Какъ при пир.., при бесѣд.. много друз..й, какъ при гор.., при кручин.. нѣтъ никого!—Въ цѣн.. всякъ воленъ, а въ вѣс.. — что в..сы скажутъ.—Богъ намъ приб..жищ.. и сила!—Въ жаркій л..тній полд..нь тихо вездѣ: и въ пол.., и въ рощ.., и въ воздух..—Весь сіяя въ злат.., царь Салтанъ сидитъ въ палат.., на престол.. и въ в..нц.., съ грус..ной думой на лиц..—Язычн..ки строили свои капищ.. на г..рахъ или въ рощ..хъ.—У тет.. Надежд.. Серг..евн.. есть очень стари..ыя кресл.. и стуль.—Въ магазин.. моего дяд.. можно найти самыя лучші.. сукн.. и полотн.. и за очень сходныя цѣн..—Лисьи нор.. х.тро устроены.—По бол..шой дорог. разставлены п..л..сатыя верст..—Мы ср..зали въ орѣшн..к.. нѣсколько хорошихъ удилищ.., приладили удочки и усѣлись на пл..ту ловить окуней.—Не безъ добрыхъ душ.. на свѣт...—Главную силу татарскихъ полчищ.. сост..вляла конница.—Кремль окруженъ ст..ною со множествомъ башен..

Задача 4.

Просклонять слова: рогожа, обѣдня, купальня.

М. Львовъ.

Продолженіе будетъ.

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ СЛОВАРЯ
Пушкинскаго прозаическаго языка.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль этой работы—представить въ словарномъ порядкѣ тотъ лексическій матеріалъ, который заключается въ прозаическихъ произведеніяхъ Пушкина. Мнѣ кажется, что разобраться въ богатомъ языкѣ Пушкина безъ подобнаго *словаря* если не возможно то, во всякомъ случаѣ, весьма трудно. Я хочу дать пособіе, справочную книжку для тѣхъ, кто интересуется языкомъ Пушкина. Заранѣе знаю, что въ моей работѣ будутъ промахи и пропуски. За указаніе ихъ буду благодаренъ (направлять ихъ прошу въ редакцію „Филолог. Зап.“). Ссылки въ словарѣ сдѣланы по изд. литерат. фонда.

В. В.

Хумара.
Сел. Георгіевское.
Май 1901 г.

---

1. А—первая буква алфавита.

„Словарь обветшалъ, пока еще надъ нимъ трудились“, говоритъ Вильменъ. „Стали его передѣлывать. Прошло нѣсколько лѣтъ, и все еще академія пересматривала букву **А**“. *Журн. ст., Росс. Ак., прим.*

Иностранныя собственныя имена, кончающіяся на е, и, о не склоняются. Кончающіяся на а, ъ и ь склоняются въ мужескомъ родѣ, а въ женскомъ нѣтъ. *Крит. зам.*

2. А—союзъ 1) противительный.

Не должно русскихъ писателей судить, какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромѣ меня) изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ гр. Хвостовъ прожился на нихъ. Тамъ ѣсть нечего - такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего—такъ служи, да не сочиняй. *Пис. № 157.*

Добро, Алексѣй Ивановичъ: онъ за душегубство и изъ гвардіи выписанъ, онъ и въ Господа Бога не вѣруетъ: **а** ты-то что? туда-же лѣзешь? *Кап. д., IV.*

Вѣтреный юноша Рокотовъ можетъ письмо затерять,— а ничуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость pour des chansons. *Пис. № 85.*

...Скажи, что тебѣ до меня дѣла нѣтъ; а чтобъ приказанья твои были святы. *Пис. № 317.*

Жуковскому я также писалъ, а онъ и въ усъ не дуетъ. *Пис. № 25.* (Ср. ...Министру я писалъ—онъ и въ усъ не дуетъ. *Пис. № 31).* Вяземскій правъ—а все-таки на него сердитъ. *Пис. № 107.* Онъ шутилъ, а я злобствовалъ. *Выстр., I.*

Союзъ въ началѣ предложенія.

Пріѣдетъ ли онъ (поэтъ) къ человѣку, почти съ нимъ незнакомому, поговорить о важномъ дѣлѣ, тотъ уже кличетъ своего сынка и заставляетъ читать стихи такого-то, и маль-

чишка угощаетъ стихотворца его изуродованными стихами. А это еще цвѣты ремесла! Каковы же должны быть ягоды? *Ег. н., I*

— Жениться! повторилъ онъ (Савельичъ): дитя хочетъ жениться! А что скажетъ батюшка, а матушка то что подумаетъ? *Кап. д., Ш.*

Впрочемъ, все это вздоръ. А вотъ важное: Тетка умерла! *Пис. № 79.*

Какъ вашъ Петербургъ поглупѣлъ! А побывать тамъ бы нужно. *Пис. № 30.*

Въ выраженіи: **а жаль, а все-таки жаль...**

Зеленая лампа нагорѣла—кажется гаснетъ—**а жаль**— масло есть... *Пис. № 4.*

Жалѣть, кажется, нечего; **а все-таки жаль.** *Пис. № 5.* Такъ и быть я Вяземскому пришлю „Фонтанъ", выпустивъ любовный бредъ,—**а жаль!** *Пис. № 41.* (Ср. Кто платитъ за шампанское, ты или я? **Жаль**, если я. *Пис. № 253.* И такъ русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! **Жаль**—но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? *Пис. № 261*).

А жаль—въ началѣ предложенія.

— Ну, продолжалъ Зуринъ: такъ и быть. Будетъ тебѣ квартира. **А жаль...** Мы бы попировали по старинному... *Кап. д., XШ.*

Чортъ побери генералъ-лейтенанта Винцингероде! **А жаль**, что не тиснули мы ее (статью) во 2-мъ №.. *Пис. № 461.*

Въ выраженіи: **а впрочемъ, а между тѣмъ..**

... Въ Борисѣ моемъ выпущены народныя сцены да скоромщина французская и отечественная, **а впрочемъ**, странно читать многое напечатанное. *Пис. № 264..* Извольте стрѣлять, **а впрочемъ**, какъ вамъ угодно; выстрѣлъ вашъ остается за вами... *Выстр., I.*

Такъ то пророчу я не въ своей землѣ, **а между тѣмъ** не предвижу конца нашей разлуки. *Пис. № 25.*

После отрицанія:

Николай Ивановичъ доказалъ неоспоримо...

Что не сраженіе, а планъ сраженія составляетъ тайну главнокомандующаго. *Журн. ст., Торж. дружбы.*

Выговоры твои совершенно несправедливы. Не я, а ты отсталъ отъ своего вѣка—и цѣлымъ десятилѣтіемъ. *Отр. изъ ром. въ пис., X.*

На платьѣ ея нашиты не цвѣты, а какіе-то сушеные грибы. *Отр. изъ. ром. въ пис. IV.*

Я... не поскакалъ, а полетѣлъ. *Дж. Тен.*

Я глупѣю и старѣю не недѣлями, а часами. *Пис. № 5.* ... Я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ—дьявольская разница! *Пис. № 44.* Не кланяюсь, а поклоняюсь ей. *Пис. № 66.*

Въ выраженіяхъ: **А что... А что касается... А какъ... А если...**

А что кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это не бѣда; мальчикъ привыкнетъ къ вину... *Пис. № 394.*

— Нѣтъ! Я въ ея согласіи видѣлъ бы одну только пылкость воображенія. **А что касается** до взаимной любви, то я ея не требую. Я люблю тебя: какое тебѣ до того дѣло? *Отр. Ег. н., IV.*

А какъ тому два года Иванъ Кузьмичъ выдумалъ въ мои именины палить изъ нашей пушки, такъ она, моя голубушка, чуть со страха на тотъ свѣтъ не отправилась. *Кап. д. III.*

А если кто для меня непонятенъ, такъ моя бабушка.. *Пик. д., I.*

2. Раздѣлительный, выражающій распредѣленіе и исключеніе понятія.

Бывшіе же въ самомъ верхнемъ ярусѣ (колокольни)

шесть часовыхъ при пушкѣ свалились оттуда живы; а одинъ изъ нихъ, въ то время спавшій, опустился не только безъ всякаго вреда, но даже не проснувшись. *Ист. пуг. б., V.*

Пугачевъ на нее (крѣпость) не пошелъ, а съ праваго своего крыла отрядилъ къ предмѣстью толпу заводскихъ крестьянъ. *Ист. пуг. б., VII.* Михайло привезъ мнѣ все благополучно, а Библіи нѣтъ. *Пис. № 86.*

... Но это его обязанность, а не читателей. *Объ ист. пуг. б.* Скрыть мишень и другія укрѣпленія, а избу разломать. *Ист. пуг. б.*

Союзъ въ началѣ предложенія.

Князь Троекуровъ... принялъ въ вѣдѣніе свое стрѣлецкій приказъ. А розыскныя дѣла поручены боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу. *Мат. для ист. П. В.*

3. Изъяснительный.

Погода несносная, дорога скверная, ямщикъ упрямый, лошади не везутъ, — а виноватъ смотритель. *Станц см.*

Теща... бранитъ меня, да и только; а все за нашего друга Александра Юрьевича. *Пис. № 308.*

Немедленно... собрать мужиковъ и объявить имъ мою барскую волю, а именно... *Ист. с. Гор., Басн. вр.*

Романтизма нѣтъ еще во Франціи, а онъ-то и возродитъ умершую поэзію. *Пис. № 44.*

... Вы, бабы, любите и почитайте его (барина), а онъ до васъ охотникъ. *Дубр., V.*

Союзъ въ началѣ предложенія.

Характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе роману... *Пис. № 22.* Тетка говоритъ, что ты ей вовсе не пишешь. Не хорошо. А она все за тебя хлопочетъ. *Пис. № 408.* Что Куликовъ и твой жиденокъ-лѣкарь, котораго Наталья Николаевна такъ не любитъ? А у ней пречуткое сердце. *Пис. № 434.*

Но онъ (издатель журнала) долженъ: 1) знать грамматику русскую; 2) писать со смысломъ... А этого-то Полевой и не умѣетъ. *Пис. № 178.*

4. Заключительный.

Мѣсто дѣйствія находилось въ окрестностяхъ Уфы; а потому прикащикъ не имѣлъ нужды отсылать преступниковъ въ Тобольскъ... *Объ ист. пуг. б.*

Вотъ хоть отсюда свороти влѣво, да боромъ иди по тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тутъ ужъ всякій мальчишка доведетъ до Луёвыхъ горъ. *Бор. Год., Корчма.*

„Чѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живой кровью, а тамъ что Богъ дастъ!"—Какова калмыцкая сказка? *Кап. д., XI.*

Вышелъ хозяинъ. Я попросилъ воды, сперва по-русски, а потомъ по-татарски. *Пут. въ Арзр., I.* Тоже см. *Зам. къ Ист. П. В. I.*

Союзъ въ началѣ предложенія:

Она легла здѣсь (на могилѣ) и лежала долго. А тамъ барыня пошла въ село и призвала попа... *Станц. см.*

5. Соединительный.

Но Михельсонъ ударилъ на мятежниковъ... взялъ назадъ свои пушки, а съ ними и послѣднюю, оставшуюся у Пугачева послѣ его разбитія подъ Троицкой... *Ист. пуг. б., VI.*

(Петръ В.) имѣетъ намѣреніе истребить православіе, а съ тѣмъ и царя Іоанна и всѣхъ бояръ и проч. *Мат. для ист. П. В.*

Въ выраженіяхъ: а также, а къ тому же, а во вторыхъ...

... Препровождаю къ вамъ... все, что изъ его раз-

говоровъ, а также изъ собственныхъ моихъ наблюденій запомнить могу. *Пов. Бѣлк., Отъ изд.*

Мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть, а къ тому же я желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность. *Пис. № 45.*

Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикой сочиненіямъ г. Катенина, то... во-первыхъ, она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во-вторыхъ и его самостоятельность. *О соч. Катенина.*

А то — а въ такомъ случаѣ, а при этомъ условіи. Также и отрицательно.

Мы рѣшили... остаться здѣсь ночевать; а то уже темно, и ваши мужики могутъ напасть на насъ на дорогѣ. *Дубр.*, *V.*

И добро бы ужъ ходилъ ты на турку или на шведа, а то грѣхъ и сказать, на кого. *Кап. д.*, *XI*

Зналъ бы (Гнѣд.) своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на Парнассѣ. *Пис. № 37.*

Отвѣчай же мнѣ, а не то буду безпокоиться. *Пис. № 265.*

Союзъ въ началѣ предложенія.

... Я доставлю предисловіе... и съ рукъ долой. А то всякій-разъ, какъ я объ нихъ подумаю (о „Цыганахъ“) или прочту слово въ журналѣ, у меня кровь портится *Пис. № 168.*

Для болѣ удобнаго перехода къ другой мысли—а) при обращеніи.

„А покажи-ка мнѣ, старуха, свою племянницу“. У меня сердце такъ и ёкнуло... *Кап. д.*, *VIII.*

— А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломою:... *Кап. д*, *VI.*

— А какъ вы думаете, Марья Ивановна! Нравитесь-ли вы ему, или нѣтъ?

Марья Ивановна заикнулась и покраснѣла. *Кап. д., IV.*

б)—при вопросѣ.

А какова погода? кажется, вѣтеръ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство! очень тихо-съ! отвѣчалъ камердинеръ. *Пик. д., II.*

— А что за человѣкъ этотъ Пугачевъ? спросила комендантша. *Кап. д., VI.*

Альманашникъ: Господи, Боже мой! Въ сорокъ три года начать свое литературное поприще!

Пріятель: Что за бѣда? А Руссо? *Альманашникъ., I.*

Вдругъ онъ обратился къ матушкѣ:

— Авдотья Васильевна, а сколько лѣтъ Петрушѣ? *Кап. д., I.*

— Въ огородѣ леталъ, конопли клевалъ; швырнула бабушка камушкомъ, да мимо. Ну, а что ваши? *Кап. д., III.*

в)—при отвѣтѣ.

Алексѣй отвѣчалъ, что онъ ея не замѣтилъ.

— Жаль, возразила Лиза.

— А почему-же? спросилъ Алексѣй.

— А потому, что я хотѣла-бы спросить у тебя, правда ли, говорятъ... *Бар.-Кр.*

— Что это, мой батюшка? сказала ему жена: кушанье давнымъ-давно подано, а тебя не дозовешься.

— „А слышь ты, Василиса Егоровна“, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ: „я былъ занятъ службой, солдатушекъ училъ“. *Кап. д., III.*

Позвольте узнать, что это значитъ?

... „А это то значитъ“, отвѣчалъ замысловатый чиновникъ: „что мы пріѣхали вводить во владѣніе ...Троекурова“. *Дубр., V.*

— „Эй, ямщикъ!“ закричалъ я: „смотри—что тамъ такое чернѣется?“

Ямщикъ сталъ всматриваться.

— „А Богъ знаетъ, баринъ“, сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто: „возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волкъ, или человѣкъ“. *Кап. д.*, *II*.

На вопросы мои отвѣчалъ одними: „не можемъ знать, ваше благородіе; а Богъ знаетъ; а ничто“. *Отр. неок. пов.*, *I*.

—въ началѣ предложеній восклицательныхъ.

„А каковъ Германъ!“ сказалъ одинъ изъ гостей... „отъ роду не бралъ онъ карты въ руки... а до пяти часовъ сидитъ съ нами и смотритъ на нашу игру“. *Пик. д.*, *I*.

Анджело лицемѣръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ! А какая глубина въ этомъ характерѣ! *Замѣтки*, *IV*.

Дѣти ростутъ и хорошѣютъ. Франкъ становится молодцомъ. Вообрази, милая Марія, что онъ уже бѣгаетъ за дѣвочками, каковъ?—а ему нѣтъ еще и трехъ лѣтъ. А какой забіяка! *М. Шон.*, *I*.

Время славы и восторга! Какъ сильно билось русское сердце при словѣ отечество! .. А для него—какая была минута! *Метель*.

Тоже—для выраженія сильнаго удивленія или восхищенія.

Что за прелесть сцена пословъ! Какъ вы поняли русскую дипломатику! А вѣче? а посадникъ? а князь Шуйскій? а князья удѣльные? Я вамъ говорю, что это все достоинства шекспировскаго. *Пис. № 256*.

А любовница Елисея, которая сжигаетъ его штаны въ печи... А разговоръ Зевса съ Меркуріемъ, а герой, который у насъ въ песокъ... Все это уморительно. *Пис. № 39*. „Тѣнь Святослава скитается не воспѣтая“—писали вы мнѣ когда то. А Владиміръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ер-

макъ? **А** Пожарскій? Исторія народа принадлежитъ поэту. *Пис. № 99. См. Пис. № 107, № 117.* Что за прелесть эта Эда!.. **А** описанія финляндской природы! **А** утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ!—чудо! *Пис. № 174.* (Ср. Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! Сколько живости въ подробностяхъ! И какая грусть о Римѣ! Какія трогательныя жалобы! *Өрак. элегіи., Стих. Тепляк).*

Тоже при сокращеніи вопроса, равняющемся выраженію: **А что? Что же?**

А скромное письмо мое насчетъ моего же письма— видно не лѣзетъ сквозь цензуру? Плохо. *Пис. № 17.* Впередъ буду писать тебѣ толковѣе. **А** Орловъ? *Пис. № 40.* ... Выстрѣлъ очень замѣчательный. **А** хорошо вы стрѣляете? *Выстр., П.*—**А** каково стрѣлялъ онъ? спросилъ меня графъ.—„Да вотъ какъ, ваше сіятельство"... *Тамъ же.*

Вспомни однакожъ, что ты обѣщалъ мнѣ свое (письмо): дѣльное, длинное.—**А** цѣна трагедіи? 10 или 12? *Пис. № 244*

3. А—междом.. 1. Вопроса.

Итакъ не лучше ли:

Какъ ты, пустынно разразится.

etc. **А**? Или что другое, но „разгорится" слишкомъ натянуто. *Пис. № 136.* Ужели молодой нашъ царь не позволитъ удалиться куда нибудь, гдѣ бы потеплѣе, если ужъ никакъ нельзя мнѣ показаться въ Петербургъ?—**А**? Прости, душа, скучно, мочи нѣтъ. *Пис № 159.*

2. Удивленія, неожиданности.

Карлъ (выходитъ): Кто тамъ такъ стучитъ? **А**! Францъ, это ты. (Про себя.) Вотъ чортъ принесъ! *Сц. изъ рыц. вр. IV.*

А. Русскіе журналисты не заслуживали такого презрительнаго сравненія. В. **А**! такъ извини: я съ тобою не согласенъ. *Ст. и зам. изъ „Л. газ.", Разговоръ.*

— „Кстати же я подоспѣлъ!“ сказалъ онъ намъ: „а! вотъ и твоя невѣста!“ *Кап. д., XIII.*

— „А, Петръ Андреичъ!“ сказалъ онъ, увидя меня: „добро пожаловать!“ *Кап. д., IV.*

3. Догадки.

— „Гдѣ вы остановились?“ спросила она потомъ и, услыша, что у Анны Власьевны, промолвила съ улыбкою: „А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ“. *Кап. д., XIV.*

... „У меня въ карманѣ и примѣты Владиміра Дубровскаго. Въ нихъ точно сказано, что ему отъ роду двадцать третій годъ“.—А! сказалъ Кирила Петровичъ: „кстати прочти-ка“... *Дубр., IX.*

Б: Извини, братъ. Опять-было тебя не понялъ. Этого въ „Газетѣ“ не сказано.

А: Какъ не сказано? Постой, она при мнѣ (вынимаетъ изъ кармана „Газету“). А! ты правъ, ты правъ. Сказано только, что эпиграммы ихъ пріуготовили крики etc. *Журн. ст., Разговоръ.*

4. Радости, удовольствія.

Позволишь безъ чиновъ обнять себя и... старымъ товарищемъ и другомъ„, а! наконецъ догадался... и прочая, и прочая... *Кап. д., II.*

Поддѣльная важность его (Пугачева) вдругъ исчезла. — „А, ваше благородіе!“ сказалъ онъ мнѣ съ живостью: „какъ поживаешь? Зачѣмъ тебя Богъ принесъ?“ *Кап. д., XI.*

— „А, ваше блогородіе!“ сказалъ Пугачевъ, увидя меня: „добро пожаловать; честь и мѣсто, милости просимъ“. *Кап. д., VIII.*

Абáзъ, а, м.

Первый встрѣчный вызвался провести меня къ город ничему и требовалъ за то съ меня **абазъ**.

Я требовалъ, во-первыхъ, комнаты, гдѣ бы могъ раз

дѣться, во вторыхъ—стакана вина, въ третьихъ—**абаза** для моего провожатаго. *Пут. въ Арзр.*, *I*. См. еще *тамъ же*.

Аббáтство, а, ср.

Твоя статья о **аббатствѣ** Байрона. *Пис. № 145*.

Аббáтъ, а, м.

А Тераменъ, **аббатъ** и сводникъ—vou même où seriez vous, etc...—вотъ глубина глупости! *Пис. № 56*. Стану-ли писать исторію всемірную: но развѣ не существуетъ уже безсмертный трудъ **аббата** Милота? *Ист. С. Гор.*

У насъ нѣтъ оборванныхъ **аббатовъ**, которыхъ музыкантъ бралъ-бы съ улицы для сочиненія libretto. *Ег. н.*, *I*. См. еще *Журн. ст.*, *О Мильтонѣ*.

Абервúльскій, ая, ое.

Господа! Я думаю, что будетъ ненастье; моя **абервильская** рана что-то начинаетъ ныть. Поспѣшимъ до дождя доѣхать; велите скорѣе сѣдлать лошадей. *Отр. неок. пов.*, *XI*.

Абердúнскій, ая, ое.

Маленькій Байронъ выучился читать и писать въ **абердинской** школѣ. *Журн. ст.*, *Л. Байр.*

'Абовскій, ая, ое.

Шутка о близости волковъ и медвѣдей къ **абовскому** университету отмѣнно не понравилась г-ну А. Муханову... *Журн. ст.*, *О г-жѣ Сталь*.

'Абшидъ, а, м (нѣм. Abschied).

На дняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой **абшидъ**, что я струхнулъ... *Пис. № 404*.

... Потомъ онъ (фельдмаршалъ) роздалъ **абшиды** генераламъ... *Зап. бриг. Моро-де-Бр.* Генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ отпущенъ съ **абшидомъ**. Генералъ-лейтенантъ Ностицъ... Отошелъ безъ **абшида**. *Тамъ же*.

Авангáрдный, ая, ое.

Отъ роду мы не видывали офицеровъ столь смущенныхъ, какъ нашихъ трехъ **авангардныхъ** генераловъ. *Зап. бриг. Моро-де-Бр.*

Авангáрдъ, а, м.

... Его величество съ... министрами и всею свитою пошелъ въ **авангардъ** и вступилъ въ степи. *Зап. бриг. Моро-де-Бр.*

При наступленіи ночи государь, государыня императрица, министры и весь дворъ перенеслись на правую сторону съ лѣвой, которая стала **авангардомъ**. *Тамъ же.*

'Августовъ, а, о.

Первое его (Тиберія) злодѣяніе (замѣчаетъ Тацитъ) было умерщвленіе Постума Агриппы, внука **Августова**. *Мелочи, зам. на „Анналы"—Тац.*

'Августъ, а, м. Безъ указанія дня.

Ты, слышалъ я, женишься въ **августѣ**... *Пис. № 123.* Вотъ ужъ мѣсяцъ живу безъ тебя; дотяну до **августа**... *Пис. № 281 (женѣ).* Ты зовешь меня къ себѣ прежде **августа**. *Пис. № 284.* См. еще: *Пис. № 391, 394, 402, 405 и др.*

Ты не приказываешь жаловаться на погоду—въ **Августѣ** мѣсяцѣ—такъ и быть... *Пис. № 37.* (Пушкинъ намекаетъ здѣсь на жалобы свои на ссылку. Ср. въ пис. № 31: Я карабкаюсь и, можетъ быть, явлюсь у васъ... Министру я писалъ—онъ и въ усъ не дуетъ. О, други, **Августу** мольбы мои несите, но **Августъ** смотритъ Сентябремъ!—(Игра словъ, имѣющая въ виду „Посланіе къ Овидію").

Съ болѣе точнымъ опредѣленіемъ времени.

Женка, женка, потерпи до половины **августа**... *Пис.*

№ 404. Ты ждешь меня въ началѣ **августа**. *Пис. № 408.* См. еще: *Пис. № 408, 409 и др.*

Съ указаніемъ дня.

4-го **августа** узнали въ Саратовѣ, что Пугачевъ выступилъ изъ Пензы... *Ист. пуг. б., VIII.* Въ Тифлисъ я прибылъ 1 го **августа**. *Пут. въ Арзр., V.* Наконецъ, 25 **августа** на разсвѣтѣ... *Объ ист. пуг. б.* См. еще: *Мат. для ист. П. В. (перв. гл.), Ист. пуг. б., прим. 106, Ист. пуг. б., VIII, Пис. № 16, № 407, Ист. пуг. б., VIII; Пут. въ Арзр., V; Изъ дн., 4 сент.; Зап. бриг. Моро де-Бр. и др.*

Аво́сь—нарѣч.

Старушка перекрестилась и подумала: „**авось** дѣло сегодня же кончится!“ *Метель.* Не худо намъ знать его (Дубровскаго) примѣты, **авось** въ глаза попадется, такъ не вырвется. *Дубр., IX.*

— Прощай, ваше благородіе! **Авось** увидимся когда-нибудь. *Кап. д., XII.*

См. еще: *Кап. д., VI, II, VIII, XI; Станц. см.; Отр. неок. пов., III; Ист. анекд., 22; Пис. № 5, № 62, № 66, № 184, № 299, № 354, № 356, № 428, № 431, № 332, № 339, № 380 и др.*

Авось-либо. Я все жду отъ человѣколюбиваго сердца Императора, **авось-либо** позволитъ онъ мнѣ современемъ искать стороны мнѣ по сердцу. *Пис. № 121.* Итакъ погодимъ, **авось-либо** царь что-нибудь рѣшитъ въ мою пользу. *Пис. № 148.*

Австрійскій, ая, ое.

(Филиппъ V) заключилъ торговый союзъ съ императоромъ **австрійскимъ** Карломъ VI... *Мат. для ист. П. В., 1725 г.* Тоже см. еще: *тамъ же, для перв. гл.; Изъ дн., Вообр. разг. съ Ал. I.*

„Лѣтъ черезъ 50“, сказалъ онъ (Ермоловъ): „подумаютъ, что въ нынѣшнемъ походѣ была вспомогательная прусская или австрійская армія, предводительствуемая такими то нѣмецкими генералами“. *Пут. въ Арзр., I.*

Авто́графъ, а, м.

Всѣ сіи грамоты проданы были съ публичнаго торга за весьма дорогую цѣну, такъ же какъ и любопытный **автографъ**: письмо Вольтера къ отцу покойнаго г-на Дюлиса. *Журн. ст., Посл. родств. І. Д'Аркъ.*

Всякая строчка великаго писателя становится драгоцѣнной для потомства. Мы съ любопытствомъ разсматриваемъ **автографы**, хотя бы они были не что иное, какъ отрывокъ изъ расходной тетради, или записки къ портному объ отсрочкѣ платежа. *Журн. ст., Вольтеръ.*

Авторите́тъ, а, м.

„Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова“ по всѣмъ отношеніямъ очень замѣчательная книга, а въ нѣкоторыхъ — и **авторитетъ**. *Объ ист. пуг. б.*

'Авторскій, ая, ое.

Если въ теченіе 16 лѣтней **авторской** жизни я никогда не отвѣчалъ ни на одну критику (не говорю ужъ о ругательствахъ), то сіе происходило конечно не изъ презрѣнія. *Крит. ст.*

Авторское самоотверженіе. *Крит. зам.*

Оправданія оскорбленнаго **авторскаго** самолюбія не могли быть занимательны для публики... *Пис. къ изд. „С. От.“* Тоже см. *Пис. № 114; Ст. и зам. изъ „Л. газ.“, Ш. и VII.*

'Авторъ, а, м.

(Извѣстныя изслѣдованія) находимъ мы въ... сочиненіи А. И. Левшина, отличающемся, какъ и прочія произведенія

автора, истинною ученостью и здравою критикою. *Ист. пуг. б., прим. 1.*

Газета важно дала замѣтить **автору**, что въ простонародныхъ сценахъ находятся слова ужасныя: „сукинъ сынъ". *Крит. зам.*

Явилось сочиненіе безъ имени **автора**, подъ заглавіемъ: „Письмо къ Публикѣ". *Журн. ст., Вольтеръ.* См. еще: *Пик. д., II*; *Крит. зам.*; *Мелочи*; *Журн. ст., Опред. Лемонте; Веч. на хут.*; *Пис, № 305. Журн. ст., О кн. И. И. Дмитріева, О пов. Павлова; Пис. къ изд., „С. От.", О кн. А. Н. Муравьева (черн.); зап. бриг. Моро-де-Бр., прим. и др.*

Опредѣленія при этомъ: а) въ род. п. названіе самого произведенія.

Авторъ „Мароы Посадницы" имѣлъ цѣлью развитіе важнѣйшаго историческаго происшествія... *Крит. ст., О драмѣ, ъ.*

Письмо сіе... доставлено было... Князю Вяземскому, занимавшемуся біографіей **автора** „Недоросля". *Ист. пуг. б., прим. 79.* ...Сей разборъ составленъ покойнымъ Броневскимъ, **авторомъ** „Исторіи Донского Войска". *Объ ист. пуг. б.*, См. еще *Пис. № 119.*

—род. п. понятій общихъ.

... Токвиль **авторъ** славной книги „De la démocratie en Amérique". *Дж. Тен.* Тоже см. *Пр. изданія журн.*

Неизвѣстный **авторъ** краткой исторической записки.... *Ист. пуг. б., прим. 23.*

В. А. Водарскій.

Продолженіе будетъ.

Вновь поступившіе въ продажу оттиски изъ „Филолог. Записокъ".

И. Д. Четыркина. Начальныя свѣдѣнія изъ русской грамматики съ приложеніемъ церк.—славян. азбуки и коренныхъ словъ съ бук. Ѣ. Третье исправл. изд *одобрен. Учен. Комит. Мин. Нар. Пр.* въ качествѣ руководства для приготов. клас. средн. учебн. завед. Мин. Нар. Пр. Цѣна съ перес. 30 к.

К. В. Ельницкаго. Объяснительное чтеніе стихотвореній и басенъ 16 №№. Цѣна съ перес. 60 к.

Д. Н. Ѳомина. Уроки объяснительнаго чтенія. Цѣна съ перес. 10 к.

Д. Н. Ѳомина. Затруднительные случаи русскаго правописанія. Цѣна съ перес. 25 к.

Проф. Р. Ѳ. Брандта. О лженаучности нашего правописанія. Цѣна съ перес. 30 к.

А. А. Чебышева. Очерки изъ исторіи европейской драмы. Цѣна съ перес. 70 к.

Д. А. Никольскаго. О происхожденіи и смыслѣ собственныхъ именъ нѣкоторыхъ животныхъ. Цѣна съ перес. 10 к.

И. И. Замотина. Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ. Цѣна съ перес. 50 к.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ Семинарій и Училищъ. На Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Коммиссіей присужденъ журналу похвальный отзывъ.

ГОДЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

ВЫПУСКЪ VI.

Печатается безъ предварительной цензуры

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1901.

СОДЕРЖАНІЕ VI ВЫПУСКА.

II

Журналъ «Филол. Зап.» вступая въ 42-й годъ своего существованія, по прежнему остается вѣренъ своимъ задачамъ, неуклонно преслѣдуя цѣли, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ,—быть печатнымъ полезнымъ органомъ, заботящимся объ улучшеніи преподаванія и правильной постановкѣ русскаго языка и другихъ предметовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Страницы журнала «Ф. З.» открыты для каждаго желающаго внести свою посильную лепту въ общую сокровищницу, высказать свой взглядъ на дѣло преподаванія родного языка. Обмѣнъ мыслей между преподавателями въ спеціальномъ печатномъ органѣ по назрѣвшимъ вопросамъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ великая сила, двигающая впередъ святое школьное дѣло.

Много разъ въ редакцію поступали отъ признательныхъ преподавателей письменныя заявленія, свидѣтельствующія, что «Ф. З.» служатъ необходимой настольной книгой, руководящей ихъ на педагогическомъ поприщѣ. Много было и печатныхъ лестныхъ отзывовъ о журналѣ, давно ставшимъ популярнымъ въ Россіи. Но, къ сожалѣнію, находятся еще и до сихъ поръ лица, по недоразумѣнію, придающія слишкомъ одностороннее научное значеніе «Ф. З.», судя по его заглавію, и тѣмъ болѣе прискорбно, что изъ числа ихъ есть лица, принадлежащія къ учебной корпораціи. Такія лица судятъ о журналѣ по одному его названію, не взглянувъ даже на оглавленіе статей, въ числѣ которыхъ есть много интереснаго и поучительнаго. Желающимъ ознакомиться съ содержаніемъ журнала, редакція охотно высылаетъ по требованію безплатно каталогъ статей, помѣщенныхъ въ «Ф. З.». Кромѣ того, желая привести

посильную пользу педагогамъ, редакція предлагаетъ имъ свое изданіе по уменьшенной цѣнѣ.

Господъ начальствующихъ учебныхъ заведеній, для которыхъ не безызвѣстно, что «Ф. З.» одобрены и рекомендованы высшими Учрежденіями къ пріобрѣтенію въ библіотеки учебныхъ заведеній, контора «Ф. З.» покорнѣйше проситъ заблаговременно сдѣлать должное распоряженіе о подпискѣ на журналъ для ввѣренныхъ имъ учебныхъ заведеній.

Журналъ: «Фил. Зап.», выходитъ безсрочными выпусками **шесть** разъ въ годъ, не менѣе 8 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпыска, не менѣе 16-ти листовъ.

ЦѢНА годовому изданію **6** р. безъ пересылки, **7** р. съ перес., за границу **8** р. съ пер.

ПОДПИСКА принимается въ **Воронежѣ**, въ конторѣ Редакціи журнала «Фил. Зап.», Старо-Москов. ул. (близъ Каменнаго моста), д. № 20 й.

Въ Редакціи имѣются въ продажѣ:

1) «Филол. Записки» за прежніе годы (до 1899 г.),— за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер., за 1899, 1900, 1901 г.г. 7 р. съ пер. за шесть вып.

2) Оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ. Каталогъ этихъ брошюръ по требованію высылается безплатно.

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ—30 к. съ пер., за 13 лѣтъ 25 к. съ пер., за оба «Указателя» 40 к. съ перес. Скоро будетъ напечатанъ «Указатель» и за послѣдніе годы.

Условія для книгопродавцевъ: «Филолог. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто **6** р. **50** к. высылаются за **6** р. **20** к. съ пер., за 1899, 1900 и 1901 года вмѣсто **7** р.—**6** р. **65** к. съ пер., за границу вмѣсто **8** р.—**7** р. **60** к. съ перес.; за соединенные 2 выпуска **2** р. **20** к. съ пер., брошюры со скидкою **15**%.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ «Фил. Зап.», слѣд.: за цѣлую страницу—10 р., $^1/_2$ страницы—5 р., $^1/_4$ страницы—3 р., $^1/_8$ стран.—2 р.

Редакторы*) { **С. Н. Прядкинъ** и **Б. О. Гаазе.**

Издательницы-наслѣдницы **А. А. Хованскаго**

---

*) **Адресы редакторовъ** { Сергѣя Никаноровича Прядкина—Халютинская ул., д. № $^2/_{21}$; Бертрама Оскаровича Гаазе—уголъ Богоявлен. и Воскресен. ул., д. Епифанова.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЪ

„Филологическихъ Записокъ".

Вслѣдствіе не разъ возникавшихъ недоразумѣній по поводу заявленій нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ и подписчиковъ, обращающихся непосредственно къ редакторамъ журнала: «Ф. З.», относительно, напр., задержки вып. журнала или оттисковъ авторскихъ статей и пр., мы честь имѣемъ заявить, что вся матеріальная часть по веденію дѣла изданія «Ф. З.» всецѣло принадлежитъ намъ, издательницамъ-наслѣдницамъ основателя «Ф. З.» А. А. Хованскаго.

Всѣ расходы по изданію, какъ-то: уплата за бумагу, печатаніе выпусковъ журнала и оттисковъ статей, брошюровка и почтовый расходъ, пріемъ подписки, разсылка журнала и оттисковъ, условія съ книжными магазинами и редакціями изданій, веденіе редакціонныхъ книгъ, корректура, корреспонденція по изд. журнала и пр.,—все это находится въ вѣдѣніи нашемъ, почему покорнѣйше просимъ съ запросами, требованіями и заявленіями обращаться или въ контору редакціи, или лично къ намъ, издательницамъ, а не къ редакторамъ, отвѣтственнымъ только за содержаніе журнала, его программу и направленіе.

Издательницы-наслѣдницы

А. А. Хованскаго.

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ *).

Бытъ русской женщины по лирической народной поэзіи.

1.

Отраженіе родового быта въ народной лирикѣ.

Приступая теперь къ исполненію нашего намѣренія, мы прежде всего должны разобрать вопросъ объ отраженіи родового быта въ уцѣлѣвшихъ произведеніяхъ народнаго творчества. Этому быту мы придаемъ громадное значеніе во всей исторіи древней Руси, и понятно, въ высшей степени важно знать, какъ народъ въ своемъ поэтическомъ созерцаніи отнесся къ этой пережитой имъ ступени своего развитія; многое ли сохранилось въ жизни отъ той поры, которую можно отождествить съ дѣтствомъ народа; многое ли уцѣлѣло отъ того времени просто, какъ воспоминаніе болѣе или менѣе яркое, или уже—какъ простой пережитокъ, „окаменѣлость", по выраженію пр. Леонтовича, какъ форма, утратившая живое содержаніе и уже мало понятная.

Въ этомъ отношеніи послѣдователю родовой теоріи, ищущему и въ народной поэзіи подтвержденія тѣхъ мнѣній, къ которымъ онъ пришелъ путемъ изученія другихъ сторонъ народной жизни, на первыхъ уже порахъ приходится разочароваться: прямыхъ указаній, подтверждающихъ его теорію родового быта, въ дошедшихъ до насъ произведеніяхъ русской народной поэзіи не оказывается—фактъ, замѣченный уже давно противниками этой теоріи и истолкованный ими, какъ весьма знаменательное указаніе на отсутствіе въ древ-

*) Продолж. См. вв. IV—VI за 1900 г., I—III, IV—V за 1901 г.

ности самаго родового строя въ русскомъ обществѣ. Буслаевъ говоритъ, что „мы не имѣемъ поэзіи родоваго быта, зато всѣ славянскія племена неистощимо богаты пѣснями семейными, и—что особенно замѣчательно—пѣсни именно женскія составляютъ самую главную часть этого семейнаго эпоса“ („Историч. Очер.“ I, 105). Ниже мы познакомимся съ тѣмъ, насколько содержаніе народной поэзіи даетъ намъ право заключать изъ выше указаннаго обстоятельства о „высокомъ положеніи у русскихъ славянъ женщины“, какъ это дѣлаетъ Буслаевъ, и насколько господствующія въ нашей поэзіи идеи противорѣчатъ выводамъ теоріи родового быта. Здѣсь же только укажемъ еще на одну сторону вопроса, которая уже совершенно, по нашему мнѣнію, отнимаетъ силу у этого argumentum a silentio, которымъ пользуются противники родовой теоріи. Дѣло въ томъ, что прямые остатки поэзіи родового быта отсутствуютъ не у насъ однихъ: ихъ не находятъ даже и въ поэзіи тѣхъ народовъ, относительно которыхъ никто уже не сомнѣвается въ томъ, что періодъ родового быта ими переживался чуть не на глазахъ исторіи. Сравнительное изученіе литературъ многихъ древнихъ народовъ привело къ заключенію, что точнаго и полнаго отраженія того времени, когда люди еще жили родами, когда родовыя традиціи являлись единственно могучимъ общественнымъ цементомъ, и невозможно искать въ литературѣ какого бы то ни было народа. Вѣдь родовой бытъ господствуетъ во всей своей еще ничѣмъ незамутимой чистотѣ еще въ глубокой древности. „Въ чисто первобытномъ кланѣ“, говоритъ Гэтчисонъ Маколей Познеттъ: „жизнь была заключена въ очень узкія рамки, и эти рамки не допускали такого развитія мысли, языка и дѣятельности, какое необходимо для созданія литературы“ („Сравнительная литература“. „Міръ Божій“, 1898 г., №. 3-й, 48). О той медленной эволюціи, которой подвергалась поэзія некультурныхъ народовъ, прекрасно го-

ворить академикъ А. Н Веселовскій въ своемъ въ высшей степени интересномъ изслѣдованіи, богатомъ новыми выводами, построенномъ на обширномъ сравнительно-историческомъ матеріалѣ: „Три главы изъ исторической поэтики“ („Ж. М. Н. Пр.“ 1899 г. кн. 3). По его мнѣнію, поэзія при возникновеніи своемъ имѣла характеръ хорическаго, игроваго синкретизма. Основою всего являлся ритмъ, чувство котораго было очень выдержано; мелодія развивается потомъ, даже и не будучи связана съ текстомъ, который имѣетъ чисто служебную роль, ибо на той стадіи въ языкѣ преобладаетъ еще эмоціональный элементъ. Съ теченіемъ времени содержаніе текста становится разнообразнѣе, у народа является раздѣльная память прошлаго, и создается поэтическое преданіе. Тогда уже „пѣсня переходитъ изъ рода въ родъ не только—какъ мелодія, но какъ самъ по себѣ интересующій текстъ“. Если намъ скажутъ, что мы, вообще признавая громадное значеніе родового быта во всей жизни древней Руси чуть не до самаго Петровскаго времени, тутъ сами ограничиваемъ его существованіе тою глубокою древностью, которая не допускала „созданія литературы“, то на это мы возразимъ, что и по нашимъ представленіямъ родовыя формы жизни были уже нарушены у насъ съ самаго возникновенія государства; дальнѣйшее сильное потрясеніе было причинено имъ принятіемъ христіанства, внесшаго массу новыхъ представленій и чрезвычайно расширившаго тотъ кругъ идей, въ которомъ вращались русскіе люди. Моменту принятія христіанства соотвѣтствуетъ моментъ зарожденія нашей письменной литературы. Что касается словесности устной, то невозможно, конечно, предположить, что до того самаго времени русскій народъ безмолвствовалъ; были у него крупныя бѣды и напасти; были у него свои мелкія радости и горести, которыя неизбѣжно выливались въ словѣ; были пѣсни о любимыхъ герояхъ, молитвословія и заговоры, обращенные

къ божествамъ и стихіямъ; пѣсни, имѣвшія отношеніе къ мелкой повседневной дѣйствительности. Но сказать что-либо вполнѣ точное и опредѣленное объ этой древнѣйшей языческой поэзіи нашихъ предковъ мы лишены возможности: произведенія соотвѣтствующаго періода, напр., германской поэзіи сохранились въ гораздо большей цѣльности, чѣмъ у насъ. И вина тутъ, вѣроятно, заключается не въ однихъ только враждебныхъ теченіяхъ, которыя глушили прежнія народныя вѣрованія во все время древней русской исторіи: съ такою враждебностью приходилось встрѣчаться и германской народной поэзіи, а, помимо этого, были, вѣроятно, и нѣкоторыя внутреннія причины--невыработанность самой русской поэзіи, низкая степень ея развитія въ до-христіанское время. Во всякомъ случаѣ весьма замѣчательнымъ является то обстоятельство, что центральною личностью нашего даже устнаго былевого эпоса является именно тотъ князь, который принялъ христіанство, Владиміръ, а не Святославъ, Олегъ, предшественники его, совершившіе гораздо болѣе громкіе военные подвиги, чѣмъ онъ, и долженствовавшіе, повидимому, гораздо болѣе возбудить восхищеніе народа и привлечь къ себѣ преимущественное его вниманіе. Несомнѣнно, и о нихъ въ свое время слагались хвалебные разсказы, циркулировавшіе въ народѣ, отголоски которыхъ попали въ лѣтопись. Но какая странная насмѣшка судьбы! Повѣствованія о воинственныхъ и предпріимчивыхъ князьяхъ язычникахъ доходятъ до насъ только на страницахъ лѣтописи, прошедши черезъ міросозерцаніе христіанина-монаха, въ очищенномъ и несомнѣнно измѣненномъ видѣ, безъ яркихъ и характерныхъ подробностей, и между тѣмъ о нихъ совершенно молчитъ народная былина, прославляющая именно подвиги храбрости и проявленіе отваги русскихъ людей, или повторяетъ ихъ имена въ искалѣченномъ видѣ, въ которомъ только ученые, путемъ замысловатыхъ историческихъ и филоло-

гическихъ изысканій, отыскиваютъ того или другого Олега изъ многихъ князей, носившихъ это имя. Невольно приходитъ въ голову мысль, что, пожалуй, дѣйствительно до самаго принятія христіанства русская жизнь была заключена въ столь тѣсныя рамки, что онѣ „не допускали достаточнаго развитія мысли, языка и дѣятельности, какое необходимо для созданія литературы“, по крайней мѣрѣ для ея успѣшнаго процвѣтанія, для достиженія извѣстнаго совершенства формы, которое одно способно придать долговѣчность произведеніямъ человѣческаго слова. Повторяемъ, что самаго существованія этой первобытной родовой поэзіи мы не отрицаемъ, но говоримъ, что она не могла сохраниться до насъ въ своемъ нетронутомъ видѣ. Развились потомъ новыя литературныя формы; подъ вліяніемъ новыхъ теченій жизни достигла большаго совершенства во внѣшней обработкѣ и большаго разнообразія содержанія русская народная поэзія. Выработаны были извѣстные, ставшіе потомъ стереотипными, поэтическіе пріемы изложенія, и многимъ произведеніямъ народнаго творчества самый требовательный эстетикъ не можетъ отказать въ высокомъ чисто художественномъ совершенствѣ формы и въ глубинѣ содержанія. Большее внѣшнее совершенство могло явиться только результатомъ болѣе высокой позднѣйшей ступени народнаго развитія, когда родовой строй жизни во всей своей цѣлости уже отошелъ въ область прошлаго. Но строгая постепенность органическаго развитія народной поэзіи носитъ въ самой себѣ такіе очевидные признаки своей несомнѣнности, которые рѣзко бросаются въ глаза самому поверхностному наблюдателю: среди новѣйшей рѣчи вдругъ проскользнетъ какая-нибудь древнѣйшая грамматическая форма, какое-нибудь непонятное слово; точно также и въ содержаніи: среди близкихъ намъ и совершенно понятныхъ картинъ вдругъ возникаетъ образъ, ведущій свое начало чуть не отъ временъ до-

историческихъ; положеніе и цѣлая картина, истинный смыслъ которыхъ можно раскрыть, только припомнивши отношенія, господствовавшія въ глубокой древности. И это не только въ эпическихъ произведеніяхъ, гдѣ мы съ ними уже познакомились, но и въ лирическихъ пѣсняхъ, которыя тоже въ этомъ отношеніи представляютъ немало неожиданностей: напр., въ одной дѣтской пѣсенкѣ вдругъ вспоминается про тіуна и тіуновыхъ дѣтей, про отправленіе тіунами судейскихъ обязанностей, даже про разграниченіе судебной власти, принадлежавшей тіуну, отъ той, которая относилась къ сферѣ духовной юрисдикціи: „тіунъ тебѣ не судья,—тебя судитъ владыка" (Шеинъ. „Великоруссъ", 38). Народъ уже позабылъ этихъ должностныхъ лицъ удѣльнаго времени; слово для него утратило всякій смыслъ: онъ преспокойно замѣнилъ его въ другомъ варіантѣ типуномъ и типуновыми дѣтьми, стригунцомъ и стригунцовыми дѣтьми, но то обстоятельство, что слово съ полною утратою своего прежняго реальнаго смысла сохранилось до нашего времени въ народной пѣснѣ, въ высшей степени замѣчательно, какъ ручательство въ правоспособности, такъ сказать, народной поэзіи подавать иногда цѣнныя свидѣтельскія показанія передъ судомъ исторіи; или, напр., воспоминанія о мѣстничествѣ въ свадебной пѣснѣ:

„Утысяцкаго, свѣта, бородка хороша,
По бородкѣ его царь любитъ,
Во большія мѣста его сажаетъ,
Воеводой называетъ"

(Терещенко, „Бытъ русс. народа", II, 332; см. также Шеина: „Великоруссъ", 996, 997).

Подсчетъ тѣмъ остаткамъ глубокой древности, которые наблюдаются въ нашей народной поэзіи и открываются лицамъ, умѣющимъ вопрошать этого свидѣтеля, сдѣланъ пр. Владиміровымъ во II-й и III-й главѣ его „Введенія въ

исторію русской словесности" (Кіевъ 1896 г., стр. 30—67).

Съ своей стороны, не находя въ ней, какъ уже было говорено выше, прямого отраженія древнѣйшей родовой эпохи, мы встрѣчались уже въ эпическихъ сказаніяхъ русскаго народа со множествомъ переживаній, идущихъ отъ этой самой эпохи, со множествомъ подтвержденій того, что родовой бытъ былъ на самомъ дѣлѣ настоящею „стихіею русской жизни", проникавшей самыя разнообразныя ея стороны, переформировавшей по-своему всѣ отправленія ея внутренней жизни. То же самое найдемъ мы и въ поэзіи лирической. Поищемъ же остатковъ этого изображенія родового быта и главнымъ образомъ изображенія доли женщины въ условіяхъ этого быта. Тутъ намъ придется начать съ семьи и тѣхъ отношеній, которыя въ ней держались; это изображеніе намъ должно въ извѣстной степени замѣнить утраченное уже народомъ воспоминаніе о его жизни въ тѣсныхъ формахъ родового быта; при нашихъ изысканіяхъ такая подстановка части вмѣсто цѣлаго въ данномъ случаѣ вполнѣ законна, потому что семья—не что иное, какъ составная часть рода, отдѣльная клѣточка, внутреннія отношенія членовъ которой были построены по тому же самому типу, по которому были построены и взаимныя отношенія членовъ рода; самая же клѣточка, хотя потомъ съ распаденіемъ рода и обособившаяся отъ родительскаго организма, но построенная по тому же плану, по которому и онъ былъ устроенъ, жившая тѣми же идеалами и крѣпкая тѣми же стародавними устоями.

Не находя въ нашей народной поэзіи отчетливаго изображенія родовой эпохи, когда послѣдняя находилась въ своемъ полномъ процвѣтаніи, мы встрѣчаемся и въ ней однако съ отголосками временъ еще болѣе отдаленныхъ. Кое-какія указанія уцѣлѣли еще отъ того времени, когда между людьми не было прочныхъ брачныхъ связей, когда па-

тріархальный родъ не существовалъ, когда женщина была поставлена въ особенныя отношенія къ ея родному брату, который для нея являлся покровителемъ и вообще болѣе близкимъ лицомъ, чѣмъ мужъ. Въ брачныхъ обрядахъ и по сю пору братъ занимаетъ очень важное мѣсто: у него обыкновенно выкупаютъ мѣсто за столомъ подлѣ невѣсты, и только—когда братъ удовлетворенъ тѣмъ, что ему предлагаютъ, женихъ садится на его мѣсто подлѣ своей нареченной; у брата выкупаютъ косу сестры; его умоляютъ дѣвушки защитить ее и, если уже продать, то продать дорого (Терещенко. Б. Р. Н. II, 131, 134, 172, 201, 270, 343, 344, 355, 403, 517, 583, 613). Братъ же фигурируетъ и въ пѣсняхъ о замужествѣ. Иногда его отношенія къ сестрѣ проникнуты большою нѣжностью: „братецъ сестрицу жалѣетъ, лелѣетъ, на ручкахъ качаетъ, сестрой величаетъ"; онъ же устраиваетъ ея судьбу: „сестрица родима! выростешь большая, отдамъ тебя замужъ"; онъ ее навѣщаетъ среди ея новой обстановки; ему она изливаетъ свои жалобы на тяжелую жизнь въ замужествѣ (Шеинъ, 438, 443, 1186). Братъ же караетъ сестру за легкомысленное поведеніе и рубитъ ей голову (Шеинъ, 899).

Жизнь семьи въ тѣсномъ смыслѣ слова исчерпывается взаимными отношеніями супруговъ и родителей къ дѣтямъ; въ древнемъ родѣ связи были обширнѣе, ибо родъ включалъ въ себя нѣсколько поколѣній, связанныхъ воспоминаніемъ о происхожденіи отъ общаго родоначальника. Если въ нашихъ пѣсняхъ нѣтъ указаній на жизнь нераспавшимися родами, то во всякомъ случаѣ есть много свидѣтельствъ объ очень обширныхъ семьяхъ, о совмѣстной жизни нѣсколькихъ поколѣній, что мы и теперь наблюдаемъ, когда видимъ, что вмѣстѣ живутъ подъ одною кровлею дѣдъ, отецъ съ матерью, женатые и неотдѣленные сыновья и внуки. Подобныя многочисленныя семьи мы считаемъ (какъ говорили объ этомъ

въ другомъ мѣстѣ) очень близкими къ древнимъ родамъ и во всякомъ случаѣ уцѣлѣвшими отъ древности только въ силу живучести родовыхъ традицій среди нашего народа. Семьи въ пѣсняхъ дѣйствительно „немалыя“: „свекоръ да свекровь, да четверо деверьевъ, двѣ золовушки, двѣ тетушки“ (Шеинъ, 606). Но въ одномъ мѣстѣ перечислена такая разросшаяся семья, что ее иначе и назвать нельзя, какъ настоящимъ родомъ: „Мой родъ—племя великое! У меня родня широкая: сорокъ тетушекъ, сорокъ дядюшекъ, шестьдесятъ желанныхъ дядюшекъ“ (Терещ. II, 215). Въ иныхъ пѣсняхъ говорится о совмѣстной жизни нѣсколькихъ семей „недѣленнымъ домомъ“ (Соболевскій, III, №№ 226—230). Въ пѣсняхъ постоянно упоминается родъ—племя (Терещ. Б. Р. Н. II, 124, 150, 157, 178, 406; также 600; Соболевскій. „Великорусскія народныя пѣсни“, т. II, № 1). Весьма интересно, что и теперь еще въ народѣ словомъ „родъ, родные“ обозначаются и отдаленные родственники, и собственная семья въ тѣсномъ смыслѣ слова; но между тѣмъ ближайшая связь именно съ членами послѣдней настолько ощутительна, что они даже взаимно противополагаются первымъ. „А щто въ тибѐ роду много,—А роднаго да ня водняго“ (т. е. ни одного)—нѣтъ ни отца, ни матери (Халанскій. „Свѣдѣнія и замѣтки“. „Русс. Фил. Вѣст.“ 1886 г., 231). Василій Буслаевичъ служитъ обѣдню съ панихидами по родимомъ своемъ батюшкѣ и по всему роду своему. Потебня говоритъ, что „на Руси повсемѣстно было время, когда большая семья была явленіемъ обычнымъ и желаннымъ. При большой разбросанности дворовъ, затруднявшей сосѣдскую помощь; при трудностяхъ господствовавшаго во многихъ мѣстностяхъ подсѣчнаго хозяйства, только большая семья, выставлявшая нѣсколько человѣкъ работниковъ, обезпечивала существованіе“ (Потебня. „Филологич. Замѣтки“. Село, деревня. „Русс. Фил. Вѣст. “1881 г., 152). Эти раз-

росшіяся многочисленныя семьи и назывались у лѣтописца родами.

О томъ времени, когда роды жили въ полной разобщенности, и bellum omnium contra omnes (принимая за единицу не отдѣльнаго человѣка, а цѣлый родъ) была „закономъ ихъ существованія“, мы тоже не найдемъ отголосковъ въ нашихъ пѣсняхъ. Но зато нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на взаимную враждебность отдѣльныхъ родовъ, продолжавшуюся долгое время и послѣ того, какъ между ними стали завязываться нѣкоторыя связи, и только очень медленно, съ теченіемъ времени, сглаживавшуюся подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе развивавшихся частныхъ сношеній мирнаго характера.

2.

Семья въ тѣсномъ смыслѣ слова. Родители и дѣти.

Взаимныя отношенія членовъ внутри родовъ, какъ мы это уже знаемъ, построены были на принципѣ авторитета, на подчиненіи младшихъ членовъ старшимъ и на подчиненіи всѣхъ вообще родоначальнику. Дома дѣвушка выростаетъ тоже въ полномъ послушаніи отцу съ матерью, дѣду съ бабкою, дядямъ съ тетками. Дочка у батюшки-работница въ домѣ: „Что ты, батюшка, на меня прогнѣвался?—Или я тебѣ, батюшка, была не скорой посолъ, не работница?“ Или же у батюшки она—ключница, у матушки—ларешница (Терещенко Б. Р. Н. II, 302, 354; Соболевскій, II № 270). И внутри семьи тѣ же самые способы удерживать младшихъ членовъ въ предписанныхъ традиціями границахъ, тѣ же тѣлесныя наказанія; но суровость отношеній, неизбѣжность смягчается чувствомъ кровной близости ея членовъ. И матушка за вину бьетъ дочку, и батюшка

наказываетъ ее, но эти побои какъ-то не вызываютъ въ ней озлобленія:

„Я батюшки не боюся,
Родимова не стыжуся;
Мой батюшка не чужой:
Побьетъ, побьетъ—перестанетъ,
Перестанетъ бить, устанетъ
Со мною, со младою“

(Шеинъ 396; Соболевскій II, №№ 25, 26, 28, 31, 647)— Помимо той естественной близости, которая уже по закону самой природы всегда и при всякомъ общественномъ строѣ образуется между матерью и дѣтьми, въ условіяхъ родового быта коренились причины, способствовавшія развитію этой близости, можетъ-быть, наиболѣе сильно. Жена вѣдь тоже лицо зависимое. Она далеко не равная подруга своему мужу: ей часто вмѣстѣ съ дѣтьми приходится терпѣть отъ произвола домоначальника, и общія бѣды ихъ еще болѣе сближаютъ. Мать является вообще самымъ чистымъ, самымъ свѣтлымъ образомъ и въ лирической русской народной поэзіи, подобно тому, какъ мы это видѣли въ поэзіи эпической. Пѣсни, посвященныя изображенію материнской любви, отличаются наибольшею задушевностью и трогательностью содержанія. Въ материнствѣ женщина проявляетъ лучшія стороны своей души, безкорыстную, беззавѣтную любовь къ дѣтямъ, на каждомъ шагу требующую отъ нея не какихъ--нибудь вымышленныхъ, а самыхъ очевидныхъ жертвъ, подчасъ до полнаго забвенія собственной личности,—любовь, за которую ей никогда не суждено видѣть отплаты тою же мѣрою, какою она сама платила. „Гдѣ русская женщина высказала всю глубину и все богатство своихъ способностей“, говоритъ г. Евг. Будде: „такъ это въ роли матери: всѣ причитанія по мужѣ раскрываютъ передъ нами материнскія заботы о дѣтяхъ, всѣ прочіе интересы отходятъ на задній планъ

передъ этимъ, и мать предстаетъ передъ нами во всей силѣ любви своей" („Р. Фил. Вѣст." 1889 г., 231). Отношенія матери къ дочери естественно проникнуты наибольшею степенью близости, но и отношенія ея къ сыну также близки и сердечны. Мать завидѣла съ высокаго терема, что ея сынъ ходитъ, пригорюнившись, опечалившись.

„Дитя мое милое!
Что ты угорюнилось?
Что ты опечалилось?"

съ участіемъ спрашиваетъ мать....

„Женись, женись, дитятко;
Женись, женись, милое;
Возьми, дитятко, княжну, боярыню".

Это не насиліе, гнущее волю сына: это мягкій совѣтъ, подаваемый близкимъ существомъ, которому дорого все, что можетъ составить благополучіе сына. У послѣдняго не отнята свобода выбора; онъ разбираетъ, по какимъ именно причинамъ невѣста, рекомендуемая матерью, для него не подходитъ; мать соглашается съ его доводами и сейчасъ же измѣняетъ свое прежнее мнѣніе и совѣтуетъ взять дѣвушку сосѣдку, что вполнѣ совпадаетъ съ желаніями самого сына (Шеинъ, 419; Соболев. III, 274—288). Тутъ мы видимъ большую нравственную близость между сыномъ и матерью. Онъ смотритъ на нее прежде всего, какъ на дорогого и близкаго себѣ человѣка; авторитетъ ея не нарушенъ: онъ съ уваженіемъ и вниманіемъ выслушиваетъ ея совѣты, но тутъ нѣтъ и тѣни слѣпого подчиненія ея волѣ. Вся пѣсня отличается большими поэтическими достоинствами, проникнута грустнымъ и жалобнымъ настроеніемъ, вообще преобладающимъ въ нашей лирикѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ отличается такою высотою нравственнаго чувства, такою теплотою взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ лицъ, что производитъ вполнѣ примиряющее впечатлѣніе. „Жена—для совѣта, те-

ща—для привѣта, а милѣе, лучше въ свѣтѣ нѣту матушки родимой"; или—„мнѣ матушка родная всѣхъ-то помилѣе: для того—родные" (Соболев. III, 592, 506).

Но недаромъ въ понятіяхъ народа, воспитаннаго поколѣніями въ родовыхъ традиціяхъ, любовь нисколько не препятствуетъ „грозѣ". Самые смѣлые идеалы не шли выше того, чтобы „гроза" была разумна, и чтобы не было злоупотребленія силою старшаго надъ младшимъ. И мать имѣетъ священное право обрушиться „грозою" на своихъ дѣтей. Жеребьевыя пѣсни и пѣсни подблюдныя, по всей вѣроятности, древняго происхожденія; по крайней мѣрѣ въ нихъ много непонятныхъ словъ, какихъ-то намековъ, которые имѣли отношеніе къ прежнимъ миѳическимъ вѣрованіямъ—хороненіе золота и проч. Тѣмъ цѣннѣе ихъ бытовыя указанія. Въ одной жеребьевой пѣснѣ вспоминается о золотомъ клубкѣ: кажется, символъ дѣвичества. Дѣвушка его не пряла, а потеряла: „За то меня мать бранила,—Во четыре прута била, въ серебряные" (sic) (Шеинъ, 242). Въ одной подблюдной пѣснѣ дѣвушка, сидѣвшая у батюшки и у матушки въ терему высокомъ, уронила перстень въ калину, малину, въ черную смородину; а онъ очутился на правой ручкѣ, на мизинцѣ у дворянина молодого, и дѣвушка спрашиваетъ подружекъ, правда ли, что мать ее хочетъ бить по три утра, по четыре, по три прута золотые, четвертый жемчужный (Шеинъ, 1079). Въ этой пѣснѣ очень много древняго: упоминаніе о какой то „былицѣ, змѣиной крылицѣ",—о гаданіи, плетеніи косы шелкомъ и золотомъ, о пропажѣ золота. Но среди этой туманной, миѳической обстановки просвѣчиваетъ реальный фактъ дѣйствительной жизни—суровая расправа матери съ дочерью, нарушившею дѣвическую скромность. Но вотъ образецъ уже нисколько не туманнаго, а самаго отчетливаго изображенія подобнаго факта: подозрѣвая, что дочь сбилась съ прямаго пути: заходитъ къ доброму молод-

цу, сидитъ у него до вечерней зари и обманываетъ родителей, матушка родимая иногда только „припечалится“, но иногда родительская кара обрушивалась всею тяжестью на виновную:

„Какъ пришла ли ея мать,
Учала её ломать,
Лишь кости гремятъ,
И суставы говорятъ“.

Но въ общемъ по пѣснямъ мать все-таки существо наиболѣе близкое и любящее. Въ словахъ, такъ часто встрѣчающихся въ пѣсняхъ: „воля батюшкина, нѣга матушкина“, очень ясно указывается и на взаимныя отношенія членовъ семьи. Отецъ—глава дома, первая изъ властей предержащихъ: воля остальныхъ членовъ связана его волею; если онъ даетъ извѣстную свободу дочери, то эта уступка, съ его стороны, послабленіе, которое онъ всегда можетъ отнять; мать—существо второстепенное, но болѣе близкое къ дѣтямъ, нѣжащее ихъ и лелѣющее.

3.

Жизнь дѣвушки въ родительскомъ домѣ.

О дѣвичьей жизни въ родительскомъ домѣ пѣсни говорятъ большею частью съ особенною похвалою. Жизнь эта представляется праздникомъ:

„Ахъ, да я у матушки жила,
Какъ цвѣтокъ цвѣла;
Ахъ, да я у батюшки жила,
Какъ вѣнокъ плела“

(Шеинъ, 830; Толовескій, II, №№ 15—23). Но глубоко ошибались тѣ, которые въ подобныхъ поэтическихъ сравненіяхъ го-

товы были видѣть буквальное выраженіе дѣйствительныхъ жизненныхъ отношеній. Константинъ Аксаковъ былъ, конечно, глубоко не правъ въ томъ доходящемъ до границъ возможнаго представленіи, какое онъ себѣ составилъ о блистательной судьбѣ русской дѣвушки въ семьѣ. „При глубокомъ уваженіи къ женщинѣ", говоритъ онъ: „дѣвушка была наиболѣе уважаемое и лелѣемое существо. Это было какое то привилегированное сословіе, не знавшее труда и заботъ: знавшее лишь игры да пѣсни, лишь счастье молодости и красоты" (Пол. собр. соч., т. I, 317). Мы уже видѣли, какъ тѣ же пѣсни свидѣтельствуютъ не только о трудахъ и заботахъ, поглощавшихъ жизнь очень многихъ дѣвушекъ еще и въ родительскомъ домѣ, но и подрываютъ представленіе объ особенномъ уваженіи къ самой ея личности, указывая на столкновеніе ея съ родительскимъ авторитетомъ и подчасъ для нея весьма тягостное.—Въ возникновеніи однако такого поэтическаго представленія о счастливой дѣвической порѣ жизни русской женщины, окруженной тогда особымъ ореоломъ воли, мягкости и любви родителей, которое мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ большинствѣ нашихъ пѣсенъ, можетъ-быть, сказалось дѣйствіе того психологическаго закона, по которому все, „что прошло, то будетъ мило"; по которому воспоминанія человѣка съ наибольшею охотою останавливаются именно на отрадныхъ и свѣтлыхъ сторонахъ пережитаго. Эти отрадныя стороны прошлаго съ особенною яркостью въ силу контраста должны были выступить для молодой женщины, когда послѣ замужества поступала въ чуждую ей среду *). Если что и было тяжелое и грустное въ

*) Мы нашли полное подтвержденіе нашихъ мыслей объ истинномъ значеніи такого представленія о порѣ, какъ о лучшемъ времени жизни дѣвушки, познакомившись послѣ того уже, какъ эти строки были написаны, со взглядомъ

ея собственномъ прошломъ (а оно неизбѣжно бываетъ у каждаго человѣка), то это все тѣмъ легче забывалось и прощалось, что сглаживалось привязанностью близкихъ ей по крови людей, между тѣмъ какъ дальше уже никакихъ смягчающихъ элементовъ она около себя не чувствовала. Понятно поэтому, что выходъ замужъ изъ родительскаго дома сравнивается съ вылетомъ изъ теплаго гнѣздышка (Шеинъ, 841).

4.

Двоякая судьба дѣвушекъ: съ одной стороны, жизнь въ теремѣ, съ другой—нѣкоторая доля условной свободы.

Одною изъ самыхъ тяжелыхъ сторонъ дѣвической жизни древнерусской женщины было несомнѣнно отсутствіе достаточной свободы и самостоятельности. Если отсутствіе самостоятельности и переносится довольно легко очень молодымъ существомъ, то фактическое лишеніе свободы, масса мелочныхъ запретовъ, стѣсняющихъ каждый шагъ; насильственное удаленіе отъ общества—только раздражаютъ его. Когда именно совершилось это удаленіе русской женщины изъ общества, вопросъ довольно темный. Во всякомъ случаѣ общепринятое мнѣніе, относящее эту перемѣну къ началу XVI в., намъ не кажется вполнѣ удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ его. Предполагая въ другой разъ остановиться подробнѣе на вопросѣ о возникновеніи терема въ русской жизни, здѣсь мы только скажемъ, что онъ намъ

г. Будде на тотъ же предметъ, у котораго и на минуту не является сомнѣнія въ томъ, что «жизнь даже и въ семьѣ родителей у русской дѣвушки проходила въ тяжелой работѣ» (См. «Рус. Фил. Вѣст.», 1889 г., стр. 198--203 и слѣд.).

представляется явленіемъ гораздо болѣе древнимъ, чѣмъ это принято обыкновенно думать, и гораздо болѣе крѣпко связаннымъ чисто органическимъ образомъ съ русскою народною почвою. Здѣсь же замѣтимъ, что въ народныхъ пѣсняхъ мы имѣемъ изображеніе судьбы дѣвушки въ двухъ противоположныхъ обстановкахъ: съ одной стороны, она живетъ въ теремѣ, какъ дочь отецкая, скрытая отъ глазъ постороннихъ, и только мечтаетъ о свободѣ; съ другой—она пользуется желанною свободою, участвуетъ въ играхъ на улицѣ, въ хороводахъ, свободно обращается съ мужчинами. Сперва заглянемъ въ теремъ.

Теремъ постоянно фигурируетъ въ русскихъ пѣсняхъ при описаніяхъ дѣвической жизни.

„Какъ на горкѣ, на горѣ,
На высокой, на крутой,
Стоялъ высокій теремъ;
Онъ не низокъ, ни высокъ,—
Девяносто семь вѣнцовъ"

(Соболевскій, II, № 83). А въ другомъ теремѣ вѣнцовъ 95, „а крыльцовъ — полтретья ста пять" (ibid, № 85). Въ такихъ высокихъ теремахъ живутъ дѣвицы. Тамъ занимаются онѣ цѣлый день рукодѣльемъ. Пряденье, тканье, шитье, вышиванье въ пяльцахъ—вотъ ихъ повседневныя занятія. Упражняясь въ нихъ постоянно, онѣ достигаютъ въ этомъ дѣлѣ большого искусства: вышиваются самые хитрые узоры; напр., на заузорчатой занавѣси въ одномъ углу вышивается Литва со татарами, на другомъ Москва со боярами, на третьемъ царь съ царицею, на четвертомъ король съ королицею,—вышивается бѣлье, и въ особенности старательно отдѣлываются широкіе и длинные рукава къ рубашкамъ, которыми такъ любили щеголять русскія красавицы; ткались ковры шелками и вышивались также; дѣвуш-

ки низали жемчугъ („садили жемчужныя ожерелья"). Кромѣ перечисленныхъ и другихъ женскихъ рукодѣлій, которыми занимались теремныя затворницы, приличнымъ для дѣвушки занятіемъ считались работы въ саду и въ огородѣ, сажаніе и заламыванье капусты, и выращиванье другихъ овощей, поливаніе фруктовыхъ деревьевъ, разведеніе цвѣтовъ. Жизнь такой дѣвушки течетъ крайне однообразно. Теремъ долженъ представляться какою-то крѣпостью, недоступною для посторонняго мужчины. Но счастливцамъ все-таки, несмотря на всѣ затворы и запреты, удается проникнуть туда, конечно, не иначе, какъ обманомъ. Красавица, столь не доступная по виду, нарушаетъ навязываемую ей понятіями времени скромность и приводитъ мила друга „во высокъ теремъ за треия красны крылечки, за косящаты окошки", гдѣ ихъ всего двое, „еще третій—высокъ теремъ". Такія тайныя свиданья происходятъ обыкновенно ночью. Въ терему есть окошечко, въ которомъ поднимается подъемъ, и черезъ него дѣвушка впускаетъ къ себѣ милаго, хотя бы даже и во 2-мъ часу ночи (Терещенко. Б. Р. Н. II, 421; VII, 207; Соболевскій II, № 58, IV, № 568—571, 575 и пр.). Дѣвушка чрезвычайно скромная, живущая въ строгомъ теремномъ заключеніи, „отецкая дочь", благодаря обезпеченному положенію родителей освобожденная отъ необходимости исполнять такія работы, которыя вызываютъ её на улицу и приводятъ въ неизбѣжныя столкновенія съ людьми, въ глубинѣ души только и мечтаетъ о томъ, чтобы отыскался какой-нибудь удалой молодецъ, обманомъ проникъ „къ батюшкѣ во высокъ теремъ, къ матушкѣ въ нову горницу, ко мнѣ, младѣ, на тесовую кровать". Тогда бы она не стала ни спать, ни дремать, а только цѣловать своего гостя (Шеинъ 632, Соболев. IV, № 567). „Кабы волюшка была, ночевать дружка взяла", мечтаетъ другая; и она готова со своимъ рѣшеніемъ: „черезъ волюшку ступлю,

ночевать дружка возьму“ (Шеинъ, 546; Соболевскій II № 60, IV, 456, 459, 461—424, 509—512, 514—518, и др.). Если зашедшій въ теремъ гость, слыша притворные укоры возлюбленной о томъ, что онъ положилъ на нее худую славу, призадумается и выскажетъ намѣреніе образумиться и уйти изъ терема, то дѣвушка сейчасъ же спѣшитъ его удержать: „оставайся! Шутъ съ тобой“! Въ условленный часъ свиданья въ полночь и сама дѣвица охотно сходитъ съ терема къ поджидающему её милому.—Молодецъ, полюбившій дѣвушку, въ свою очередь мечтаетъ о томъ, что, если бы она ему досталася, онъ бы её золотомъ украсилъ, жемчугомъ унизалъ, сталъ бы свою жену въ новой горницѣ держать, въ терему её держать (Шеинъ. №№ 406, 410. 503, 510, 532, 612, 632; Соболев. IV, №№ 497—507; 531).

Въ противоположность теремнымъ затворницамъ есть дѣвушки, которыя выставляются чрезвычайно самостоятельными: „Рыба-щука живетъ въ морѣ,—А я, млада, по всей волѣ“. Сейчасъ же разъясняется, въ какомъ именно направленіи проявляется эта самостоятельность.

„Рыба-щука съ карасями,
А я, млада, съ молодцами,
Но съ такими съ удалыми,
Съ ребятами холостыми“.

Допустимъ, что это не изображеніе женщины особаго разбора, сдѣлавшей себѣ профессію изъ свободнаго поведенія, встрѣчающейся еще у народовъ древнѣйшихъ цивилизацій. Но несомнѣнно, что самая пѣсня не даетъ никакихъ основаній предполагать, чтобы подобная широкая свобода распространялась и на другія стороны жизни дѣвушки, кромѣ спеціально вольности обращенія съ другимъ поломъ. Это, конечно, говоритъ не теремная красавица, а дѣвушка, принадлежащая все-таки къ честному роду,—во всякомъ

случаѣ здѣсь мы видимъ свободу лишь одностороннюю, допускавшуюся тогда нравами среди извѣстнаго слоя населенія и отнюдь не дающую еще права отрицать одновременнаго существованія и дѣвушекъ, лишенныхъ подобной свободы.

Н. Шеметова.

Продолженіе будетъ.

Значеніе Гончарова въ исторіи русской литературы *).

Впрочемъ, говоря объ объективности, мы не разумѣемъ того, чтобы Гончаровъ совершенно былъ чуждъ создаваемому имъ міру и, какъ фотографъ, отпечатлѣвалъ бы, и копировалъ все, что попадется подъ руку, безъ всякаго участія къ своимъ героямъ. Писатель не механическій аппаратъ: всѣ образы, типы и картины, входящія въ его созданія, составляются въ его душѣ изъ его же впечатлѣній; собственное настроеніе автора, его идеалы вліяютъ какъ на характеръ самыхъ впечатлѣній, такъ и на ихъ переработку, совершающуюся въ глубинѣ души писателя. Созданій объективныхъ въ точномъ смыслѣ слова нѣтъ; этому противорѣчитъ самое понятіе о «созданіи», «творчествѣ». Ап. Григорьевъ совершенно правильно опредѣляетъ понятіе объективности слѣдующими словами: «Большая степень способности сообщать свои личныя впечатлѣнія и свои душевные опыты, отвлекая ихъ отъ частныхъ явленій и перенося ихъ на однородныя же, но другія явленія, есть объективность: меньшая степень такой способности—субъективность» [32]). Въ такомъ именно смыслѣ объективенъ и Гончаровъ. Несомнѣнно, что и въ его романахъ есть нѣкоторая доля субъективности: такъ, напримѣръ, онъ самъ сознается, что въ описаніи

*) Оконч. Нач. см. въ IV—V в.в.

[32]) Ап. Григ. сочин. I т., стр. 412. С.-ПБ. 1876 г. Изд. Страхова.

отправки молодого Адуева въ Петербургъ имѣлъ въ виду и себя; очень вѣроятно, что и въ типъ Обломова онъ вложилъ много свойственнаго собственной натурѣ, благодаря чему, можетъ-быть, онъ и вышелъ такою рельефною, живою и внушающею къ себѣ наше глубокое участіе личностію; потому, можетъ быть, авторъ такъ увлекся и Штольцемъ, въ сущности пустымъ человѣкомъ, что намъ обыкновенно представляется въ преувеличенно-заманчивыхъ чертахъ въ другихъ то, чего нѣтъ у самихъ насъ. «Много личнаго, интимнаго, т.-е. своего вложено авторомъ туда», говоритъ самъ Гончаровъ о своихъ произведеніяхъ[33]). Но то обстоятельство, что авторъ изображаетъ себя и своихъ знакомыхъ, не мѣшаетъ ему быть не только объективнымъ, но и исторически вѣрнымъ изобразителемъ постепеннаго развитія своего общества, потому что, наблюдая даже надъ собой и своей жизнію и стремленіями, писатель уже наблюдаетъ надъ однимъ изъ членовъ современнаго ему общества, такъ какъ и самъ онъ—прямое порожденіе этого общества. Субъективизмъ проявляется также и въ томъ, что своимъ наблюденіямъ писатель даетъ освѣщеніе, согласно своему идеалу. Гончаровъ очень возстаетъ противъ крайнихъ реалистовъ, учащихъ дѣлать простые снимки съ природы и жизни, и требуетъ отъ истиннаго художника служенія идеалу. Какой же идеалъ мы видимъ у самого Гончарова въ его романахъ? Намъ кажется, что его идеалъ говоритъ: «Не мечтай о себѣ, какъ о великомъ человѣкѣ, а покажи себя на дѣлѣ, стремись къ дѣятельности, не усни съ твоими природными дарованіями; если даже ты—женщина, то, стремясь къ семейному очагу, не чуждайся и дѣятельнаго служенія

[33]) «Лучше поздно, чѣмъ никогда», стр. 280.

обществу». А общественный идеалъ Гончарова, намъ кажется, вполнѣ высказывается въ словахъ, которыми онъ характеризуетъ Райскаго: «Онъ рукоплескалъ новымъ откровеніямъ, видоизмѣняющимъ, но не ломающимъ жизнь; праздновалъ естественное, но ненасильственное рожденіе новыхъ ея требованій, какъ праздновалъ весну съ новой зеленью, не провожая безплодной и неблагодарной враждой отходящаго порядка и отживающихъ началъ, вѣря въ ихъ историческую неизбѣжность и неопровержимую преемственную связь съ новой весенней зеленью, какъ бы она нова и зелена ни была» [34]). Но присутствіе опредѣленнаго идеала также не мѣшаетъ еще произведенію быть объективнымъ.

Замѣтно присутствіе автора и тамъ, гдѣ онъ въ какой-нибудь фигурѣ романа олицетворяетъ цѣлую эпоху исторической жизни или извѣстный взглядъ на жизнь. Такого символизма въ романахъ Гончарова очень много,—въ этомъ отношеніи его романы сравниваютъ съ «Божественной комедіей» Данте [35]). Возьмемъ «Обыкновенную исторію»: въ ней племянникъ—олицетвореніе русской сентиментальности, дядя—олицетворяетъ практическое благоразуміе; «Обломовъ»—сонъ Россіи, «Обрывъ»—пробужденіе, бабушка—старая Россія. Мало того: герои всѣхъ романовъ правильно разставлены одинъ противъ другого, чтобы своею противоположностью рѣзче оттѣняли другъ друга: племянникъ—дядю; Обломовъ—Штольца; Волоховъ—Тушина, Вѣра—Марѳиньку. На основаніи этого нѣкоторые утверждаютъ, что такая, обнаруживающаяся при созданіи типовъ, разсудочность сама собою говоритъ противъ объективности

---

[34]) «Обрывъ». II т. 2 стр.

[35]) Чуйко. «Наблюд.» 124 стр., 91 г. Декабрь.

изображеній Гончарова. Но это утвержденіе намъ кажется преувеличеннымъ. Символизмъ Гончарова только тогда вредилъ бы объективности, если бы онъ въ сознаніи автора предшествовалъ непосредственному наблюденію и замѣнялъ послѣднее. Но этого совсѣмъ не было. Символизмъ являлся послѣ и высказывался только въ синтезѣ явленій жизни, подмѣченныхъ уже наблюденіемъ. Самый синтезъ былъ скорѣе безсознательнымъ, чѣмъ философскимъ, и нисколько не мѣшалъ свободѣ творчества автора и не руководилъ имъ при созданіи типовъ. Онъ очень часто и съ удареніемъ говоритъ, что, рисуя, онъ рѣдко и самъ зналъ, что значитъ данный образъ, портретъ, характеръ; создавая Обломова, онъ только «инстинктивно чувствовалъ», что въ эту фигуру вбираются мало-помалу элементарныя свойства русскаго человѣка и т. д. Вотъ почему, несмотря на символизмъ, всѣ фигуры его романовъ—живыя лица, съ плотью и кровью; и мы какъ бы чувствуемъ ихъ около себя, слышимъ ихъ разговоры. Только пристрастный цѣнитель Гончарова назоветъ, напримѣръ, неестественными типы племянника и дяди. Нѣтъ, это лица, выхваченныя изъ дѣйствительной жизни и смѣло-талантливо перенесенныя на страницы романа; въ ихъ разговорахъ нѣтъ ни одного фальшиваго, неестественнаго для говорящаго лица, слова; «ихъ разговоры—не диспуты», скажемъ словами Бѣлинскаго: «а живые, страстные, драматическіе споры, гдѣ каждое дѣйствующее лицо высказываетъ себя, какъ человѣка и характеръ,—отстаиваетъ, такъ сказать, свое нравственное существованіе» [36]). Тоже нужно сказать и о другихъ типахъ, напримѣръ: объ Обломовѣ, бабушкѣ, Райскомъ и т. п.—

[36]) Бѣлинск. XI т., 419 стр.

всѣ они—лица, символизирующія извѣстныя эпохи развитія русскаго общества; но это не мѣшаетъ имъ быть цѣльными индивидуальными личностями.—Относительно изображенія Гончаровымъ постепеннаго развитія русскаго общества мы встрѣчаемся еще съ другимъ страннымъ мнѣніемъ.

Говорятъ, Гончаровъ совсѣмъ не можетъ быть считаемъ истолкователемъ стремленій русскаго общества, потому что онъ вовсе не интересуется поборниками новыхъ политическихъ и соціальныхъ идеаловъ. Это мнѣніе зиждется на той странной мысли, что для изображенія какой-либо эпохи непремѣнно нужно описывать передовыхъ людей этой эпохи: «Представлять свое время могутъ лишь тѣ немногіе сильные и многосторонніе люди, которые овладѣли передовыми идеями своей эпохи, и жизнь которыхъ есть рядъ удачныхъ или неудачныхъ попытокъ провести эти идеи въ практику жизни», проповѣдуетъ одинъ изъ критиковъ Гончарова [37]). Но это, по нашему мнѣнію, взглядъ односторонній. Кромѣ изображенія передовыхъ представителей идей какой-нибудь исторической эпохи, можно также изображать и то, какъ данныя идеи усвояются обществомъ,—состояніе, въ которое пришла жизнь общества подъ вліяніемъ этихъ идей, и писатель, рисующій это послѣднее, можетъ быть по справедливости названъ также изобразителемъ своей эпохи, а каждый членъ общества, усвоившаго такъ или иначе эти идеи, представителемъ эпохи. Бросьте камень въ прудъ. Вода заколышется; сначала появятся небольшіе, но рѣзкіе круги около того мѣста, гдѣ упалъ камень; потомъ эти круги все увеличиваются и, хотя ослабѣваютъ, но рас-

---

37) Протопоповъ. «Рус. М.» 91 г. Ноябрь. Стр. 129.

ходятся дальше и дальше, пока ни достигнутъ береговъ и совсѣмъ ни улягутся. Тоже бываетъ и со всякой новой идеей, попавшей въ жизнь. Она, хотя и въ постепенно слабѣющихъ формахъ, по мѣрѣ удаленія отъ центровъ умственной жизни, но непремѣнно отразится во всѣхъ уголкахъ. Вотъ Гончаровъ и явился безпристрастнымъ изобразителемъ русскихъ обыкновенныхъ, не передовыхъ людей: помѣщиковъ, чиновниковъ и т. п., ихъ быта и воззрѣній, всей ихъ жизни, до которой въ малыхъ размѣрахъ также дошли новыя идеи, взволновали дотолѣ тихій міръ и произвели свое неотразимое вліяніе.

«Я слѣдилъ», говоритъ Гончаровъ относительно «Обрыва»: «за отраженіемъ борьбы на знакомомъ мнѣ уголкѣ, на знакомыхъ лицахъ» [38]). Конечно, въ этой массовой сферѣ, наблюдаемой Гончаровымъ, дѣйствіе идей проявлялось слабѣе, чѣмъ въ передовомъ меньшинствѣ, и одна смѣняла другую постепенно, туго измѣняя общій колоритъ жизни; вотъ почему и герои романовъ Гончарова отчасти похожи другъ на друга, особенно въ двухъ послѣднихъ романахъ (Райскій—проснувшійся Обломовъ, по увѣренію самого нашего писателя); вотъ почему Гончаровъ кажется нѣкоторымъ критикамъ однообразнымъ въ своемъ міросозерцаніи.

Изображаемые слои русскаго общества Гончаровъ имѣлъ возможность хорошо изучить, такъ какъ былъ близокъ къ нимъ. Заявленіе, что Гончаровъ не зналъ, что дѣлалось въ Россіи съ указаніемъ на 40 лѣтнее пребываніе его на одной квартирѣ и т. д., кажется просто смѣшнымъ. Періодъ домосѣдства падаетъ на годы, когда Гончаровъ уже прекращалъ свою литературную

[38]) «Лучше поздно, чѣмъ никогда», 255 стр.

дѣятельность. А въ тѣ періоды, которые онъ изображаетъ въ своихъ романахъ, онъ хорошо былъ знакомъ и съ чиновничьей, и съ помѣщичьей средой: онъ самъ былъ чиновникомъ; въ своихъ воспоминаніяхъ онъ разсказываетъ о поѣздкахъ на Волгу. Гончаровъ зналъ не одну только Россію: онъ объѣхалъ и кругомъ свѣта. По самому свойству таланта Гончаровъ могъ рисовать только то, что самъ видѣлъ. «Чего я не видѣлъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ, то недоступно моему перу», говоритъ онъ. Дѣйствительно, мы не видимъ въ его романахъ ни одного типа изъ простого народа, за исключеніемъ дворни, несмотря на то, что въ 60-хъ годахъ, «мужикъ» входилъ въ моду въ нашей литературѣ. На Гончарова сыпались многочисленные и рѣзкіе упреки въ литературномъ аристократизмѣ, но онъ не измѣнилъ своему призванію писать только то, о чемъ хорошо зналъ. А жизнь, доступную наблюденію, Гончаровъ изучалъ усердно и глубоко: онъ спокойно дожидался, когда эта жизнь, подъ вліяніемъ какой-либо новой идеи, вполнѣ опредѣлится и сложится, и тогда только бралъ въ свои руки художническую кисть и заносилъ картину этой жизни въ свои созданія. Въ 20—30-хъ годахъ заносится на русскую почву романтизмъ и укрѣпляется въ его крайней формѣ—сентиментализмѣ, и Гончаровъ пишетъ «Обыкновенную исторію». Горячіе и разнорѣчивые отзывы о ней критиковъ показали, что романъ попалъ въ цѣль и задѣлъ больное мѣсто.

Близятся шестидесятые года; общество готовится къ реформамъ, съ омерзеніемъ оглядывается на свое прошлое и ищетъ того, что такъ долго задерживало ходъ русской жизни и мысли. Въ отвѣтъ является въ 1858 году «Обломовъ». Передовымъ русскимъ обществомъ, истиннымъ выразителемъ котораго явился До-

бролюбовъ, романъ былъ встрѣченъ съ горячимъ востор гомъ, какъ новое откровеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, онъ также сдѣлался предметомъ и самыхъ ожесточенныхъ нападеній со стороны Ап. Григорьева и др. Въ это время Гончаровъ слѣдитъ за тѣми же явленіями, совершающимися предъ реформами въ далекомъ уголкѣ Россіи, гдѣ также чувствовалась вся тяжесть переходнаго времени, совершались свои счеты съ прошедшимъ и необдуманные шаги по новому пути, не обходившіеся безъ жертвъ. Онъ пишетъ «Обрывъ», во второй части котораго съ обычнымъ талантомъ изображаетъ столкновеніе новыхъ идей съ установившеюся жизнію и вошедшую вмѣстѣ съ новою правдою въ русскую жизнь ложь: даетъ народившіеся типы новыхъ людей,—одни во весь ростъ (Марка Волохова и Вѣры), другой только намѣтивъ (Тушина), потому что онъ не наблюдалъ еще его развитія. Но при всемъ нашемъ глубокомъ уваженіи къ таланту Гончарова мы принуждены сознаться, что въ послѣднемъ романѣ выступаетъ одинъ очень важный недостатокъ. Этотъ недостатокъ не въ томъ, въ чемъ такъ упрекаютъ Гончарова—Шелгуновъ и Скабичевскій,—не въ тенденціозности типа Марка Волохова: нападающимъ на этотъ типъ равно какъ и на типы Обломова и Адуевыхъ вполнѣ можно сказать, что «на зеркало нечего пенять, коли рожа крива», и не въ пристрастно-враждебномъ отношеніи Гончарова вообще къ новымъ идеямъ и ихъ представителямъ тотъ недостатокъ (такое отношеніе, какъ мы уже говорили, чуждо Гончарова): недостатокъ «Обрыва» въ томъ, что Гончаровъ соединяетъ въ этомъ романѣ двѣ эпохи русской жизни и эпохи весьма разнородныя. «Обрывъ», по словамъ самого Гончарова, былъ задуманъ еще въ 1849 году. Героемъ его долженъ былъ быть идеалистъ

сороковыхъ годовъ Райскій, представитель эпохи пробужденія, почему и самый романъ носилъ сначала соотвѣтствующее названіе: «Художникъ». Но романъ писался около 20 лѣтъ; за это время въ 60-хъ годахъ обнаружилось другое теченіе жизни, рѣзко отличавшееся отъ предшествующихъ эпохъ, и вслѣдствіе этого въ задуманныя рамки романа втискивается одинъ изъ типовъ этой новой эпохи, Маркъ Волоховъ, совершенно неожиданно, словно прыгнулъ въ окно, какъ это дѣлаетъ онъ въ самомъ романѣ, и завладѣваетъ главнымъ положеніемъ героя, устранивши идеалиста Райскаго. При такомъ искусственномъ сопоставленіи представителей различныхъ эпохъ развитія русскаго общества, послѣдній романъ не можетъ служить вѣрнымъ изображеніемъ всецѣло ни эпохи идеализма сороковыхъ годовъ, ни позднѣйшей, когда появились Марки Волоховы. Гончаровъ объявляетъ, что въ его романахъ улеглись періоды съ 40 до 70 годовъ, очевидно, видя изображеніе 70 годовъ въ «Обрывѣ», въ типахъ Марка Волохова, Тушина, Вѣры. Но посмотрите на всѣ остальныя лица, на обстановку, на всѣ мелочи: все это носитъ на себѣ слѣды эпохи 40—50 годовъ: крестьяне еще не освобождены, не упоминается еще ни о желѣзныхъ дорогахъ, ни о пароходахъ; Райскій, человѣкъ сороковыхъ годовъ, является въ романѣ сравнительно молодымъ. Введеніе въ такую среду типовъ 70 годовъ кажется искусственнымъ. Впрочемъ, и самое утвержденіе, что его изображеніе русской жизни достигаетъ до 70-хъ годовъ, кажется преувеличеннымъ. «Обрывъ» болѣе рисуетъ картины еще крѣпостной жизни, но отмѣчаетъ и начинающееся предреформенное движеніе; поэтому всего естественнѣе его дѣйствіе отнести къ тому времени, когда явился романъ: «Обломовъ», и когда по-

добное же движеніе, только гораздо болѣе сильное, поднималось и въ высшихъ умственныхъ кругахъ, т. е. къ концу пятидесятыхъ годовъ. Легко видѣть, что отмѣченный нами недостатокъ послѣдняго романа зависитъ не отъ тенденціозности Гончарова, а отъ продолжительности времени въ теченіе котораго этотъ романъ создавался.

Написавши «Обрывъ», Гончаровъ призналъ свою роль изобразителя теченій русской жизни конченною и честно сталъ въ сторонѣ, не желая изображать то, чего непосредственно не переживалъ и не наблюдалъ; а что пережилъ и наблюдалъ, то передалъ безо всякихъ теоретическихъ предубѣжденій и исключительныхъ симпатій,—передалъ все такъ, какъ воспринималось его душой, вполнѣ объективно.

IV.

Въ тѣсной связи съ главнымъ свойствомъ таланта нашего писателя, объективностью, стоитъ и другое—это почти полное отсутствіе лиризма. Это свойство подмѣтили у Гончарова еще Бѣлинскій и Добролюбовъ. Въ самомъ дѣлѣ, разверните любой романъ Гончарова, наконецъ, его «Фрегатъ Палладу», гдѣ, кажется, болѣе всего должно быть мѣста для лирическихъ восторговъ предъ природой и ея явленіями,—рѣдко вы найдете страницу, гдѣ бы звучалъ чистый лиризмъ. Его замѣняетъ всегда и вездѣ точнѣйшее мастерское описаніе видѣннаго и происшедшаго; онъ подробно изложитъ, чѣмъ дѣло началось, и что стало потомъ, но не вырвется у него какого-нибудь сердечнаго замѣчанія или восклицанія относительно полученныхъ впечатлѣній. Перлъ его художественнаго творчества,

«Сонъ Обломова», и тотъ почти чуждъ лирическаго элемента; правда, авторъ дѣлаетъ свои замѣчанія о русской народной поэзіи, миѳологіи, о значеніи воспитательной обстановки; но все это больше пахнетъ просто научными замѣтками. Есть въ романахъ и прекрасныя описанія природы и ея явленій, хотя очень и очень немного: напримѣръ, въ «Обломовѣ» — описаніе тихой лѣтней ночи: какъ постепенно гаснетъ свѣтъ, замолкаетъ все живое, предметы сливаются, и вся природа торжественно замираетъ, или въ «Обыкн. исторіи» — описаніе лѣтней грозы въ деревнѣ, но и въ этихъ картинахъ природы чувствуется именно описаніе, точное изложеніе ряда наблюденій, гдѣ авторъ не забываетъ и ручки, выставляющей цвѣты подъ дождь, и передаетъ тонкое наблюденіе, что одна птица продолжаетъ еще пѣть ночью, когда ужъ всѣ другія кончаютъ, и т. п.

Произведенія Гончарова проникнуты юморомъ. Не измѣняетъ ли онъ тутъ своему объективному безстрастію? Не послышатся ли въ его юморѣ лирическія ноты? Нѣтъ, и юморъ его отличается тѣмъ же безстрастіемъ. Этотъ юморъ добродушенъ и свѣтелъ, и всегда одинаковъ, относится ли къ проявленіямъ уродства и глупости, или смѣется надъ дѣтскою наивностью зрѣлыхъ людей. Вотъ авторъ рисуетъ сонное царство, гдѣ люди не живутъ, а прозябаютъ. Не захохочетъ ли онъ ѣдкимъ смѣхомъ надъ ними? Нѣтъ, онъ покажетъ ихъ намъ во всей наготѣ, но въ описаніи автора чувствуется добродушная безобидная улыбка. Вотъ продуктъ этого царства, Обломовъ; надѣленный богато отъ природы, онъ не можетъ и пальцемъ двинуть ни для себя, ни для другихъ. Не ожжетъ ли его рѣзкой, но справедливой ироніей? Нѣтъ, онъ молчитъ и только заставляетъ своего героя вести диспуты со своимъ слугой Захаромъ, о клопахъ и бло-

хахъ, заставляетъ Захара плакать отъ «жалкихъ словъ», и во всемъ этомъ слышится, правда, грустный, но не злой, а опять таки добродушный смѣхъ автора. И одинаковымъ смѣхомъ смѣется Гончаровъ надъ «любвями» Райскаго и надъ надменнымъ взяточникомъ генераломъ Тычковымъ,—надъ карикатурной старой кокеткой Полиной Карповной, шаркающимъ ножкой Титомъ Никонычемъ и надъ поэтически-чистой и дѣтски невинной Мареинькой, сидящей на кровати въ день ангела въ подаренныхъ браслетахъ и серьгахъ и плачущей отъ любви къ ней окружающихъ. Но этотъ добродушный юморъ, вызывающій порою веселый смѣхъ, не мѣшаетъ Гончарову заставить насъ сильно грустить и даже заплакать надъ погибелью того человѣка, надъ чудачествами котораго мы только что громко смѣялись, и заплакать такъ искренно, какъ не заставилъ бы—никакой лиризмъ. Такого сильнаго дѣйствія на читателей Гончаровъ достигаетъ подробностью и точностью въ описаніяхъ. Любовь нашего писателя къ точнѣйшему описанію самыхъ мелкихъ деталей кидается тамъ въ глаза сразу же, какой романъ его мы ни станемъ читать. Возьмемъ, напримѣръ, начало романа: «Обломовъ». Авторъ знакомитъ читателя съ героемъ своего романа. Онъ начинаетъ описывать цвѣтъ лица и шеи, руки, плечи, движенія Обломова, потомъ его халатъ, рукава халата, туфли; обстановку квартиры: диванъ съ осѣвшимъ задкомъ, паутину, запыленное зеркало, ковры въ пятнахъ, забытыя полотенце на диванѣ и тарелку на столѣ и т. д. и т. д. Съ перваго взгляда можетъ даже показаться, что постоянныя подробности сдѣлаютъ романъ монотоннымъ и скучнымъ, будутъ мѣшать живости впечатлѣнія отъ романа и повредятъ его интересу, но, продолжая читать, мы съ удивленіемъ замѣчаемъ,

что романъ болѣе и болѣе притягиваетъ наше вниманіе. Такое описаніе, повидимому, доходящее до излишней мелочности, имѣетъ у Гончарова огромное значеніе. Прочитавши описаніе одной обстановки, окружающей героя романа, вы ужъ знакомитесь съ нимъ, не видавши еще его самого. Прочитайте, напримѣръ, это описаніе квартиры Обломова и спросите незнакомаго съ содержаніемъ романа, кто въ этой квартирѣ можетъ жить,— вамъ непремѣнно отвѣтятъ: больной или ужъ опустившійся лѣнтяй-холостякъ. Отчетливымъ изображеніемъ обстановки, окружающей героя, и его самого Гончаровъ достигаетъ того, что мы совершенно входимъ въ положеніе героя, сродняемся съ нимъ и его міромъ и принимаемъ близко къ своему сердцу все, что съ нимъ ни случается: онъ выступаетъ предъ нами со всей реальностью и рельефностью живого человѣка.

Какъ отчетливы и точны описанія Гончарова, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій интересный фактъ. Въ 80-хъ годахъ Гончаровъ печаталъ въ одномъ иллюстрированномъ журналѣ свое произведеніе: «Слуги». Воспользовавшись описаніемъ наружности и костюма этихъ слугъ, одинъ художникъ доставилъ въ редакцію журнала иллюстраціи къ произведенію. Къ изумленію самого Гончарова, одинъ изъ этихъ рисунковъ оказался вѣрнымъ портретомъ изображеннаго Гончаровымъ слуги, котораго, конечно, художникъ не видалъ въ глаза.

Нельзя не замѣтить, что подробныя описанія наружныхъ чертъ очень часто замѣняютъ у Гончарова психологическій анализъ; при характеристикѣ лицъ и явленій онъ всегда остается точнымъ рисовальщикомъ, заносящимъ въ свою картину, что есть, налицо: что видно постороннему зрителю, и не въ его духѣ итти далѣе этого. Чтобы замѣтить эту черту таланта Гон-

чарова, стоитъ только, напримѣръ, сравнить его изображеніе состоянія влюбленнаго (Адуева или Обломова) съ изображеніемъ подобнаго же рода въ какомъ-нибудь изъ романовъ Тургенева.

Какая же тонкость художественной кисти должна была быть у Гончарова, чтобы только внѣшними штрихами умѣть создать такіе прекрасные полные жизни образы, каковыми являются его типы!

Во всемъ своемъ богатствѣ и разнообразіи талантъ тонкой художественной живописи обнаружился у Гончарова въ созданіи женскихъ типовъ. Способностью Гончарова создавать самые разнообразные женскіе типы справедливо восторгался еще Бѣлинскій, какъ новостью въ современной ему русской литературѣ. «У нашихъ писателей женщина или приторно-сентиментальное существо, или семинаристъ въ юбкѣ, съ книжными фразами» [39]), писалъ Бѣлинскій въ 1847 году. Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Тургеневъ, гр. Л. Толстой, Островскій, Достоевскій дали намъ много прекрасныхъ и вѣрныхъ типовъ русской женщины всѣхъ классовъ общества, всѣхъ ступеней развитія; но звѣзда Гончарова отъ этого не померкла. И за одни женскіе типы Гончаровъ по праву долженъ занять видное мѣсто въ русской литературѣ навсегда.

Главные женскіе типы трехъ романовъ Гончарова, въ параллель мужскимъ типамъ, выражаютъ прогрессивный ростъ самосознанія русской женщины средняго круга, постепенное ея развитіе. Первый шагъ этого развитія представляетъ Наденька (въ «Обыкновенной исторіи»), выбивающаяся изъ-подъ всецѣло родительской воли и настолько самостоятельная, что безъ

[39]) Бѣлин. Собр. соч. XI т. изд. 8, 1884 г. стр. 393.

спросу распоряжается своимъ внутреннимъ міромъ и смѣетъ полюбить, кого хочетъ. Ольга, героиня второго романа, сознательно стремящаяся къ труду и ищущая въ Штольцѣ свой идеалъ, какъ представителѣ энергіи и силы, составляетъ дальнѣйшій шагъ этого развитія.

Послѣднюю ступень развитія русской женщины (которую наблюдалъ Гончаровъ) представляетъ Вѣра, не признающая авторитета бабушки, съ горячимъ стремленіемъ къ свободѣ, чуждая всякихъ предразсудковъ, не боящаяся полюбить Марка Волохова, этого пугала въ глазахъ окружающаго ея общества,—Вѣра, которая, споткнувшись на новомъ пути, не отчаивается въ конецъ и соединяетъ свою судьбу съ истиннымъ носителемъ новыхъ идей—Тушинымъ. Не должно казаться страннымъ, что на ряду съ Вѣрой выступаетъ и Марѳинька, по степени сознательнаго развитія стоящая еще ниже Наденьки: она типъ всегдашній, никогда не переводящійся и изображаетъ собою ту часть русскихъ женщинъ, на которыхъ никакія эпохи не производятъ замѣтнаго дѣйствія: Марѳиньки внѣ ихъ вліянія.

Замѣчательно, что, по изображенію въ романахъ Гончарова, умственный ростъ русской женщины совершался быстрѣе и правильнѣе, чѣмъ—мужчины: герои его романовъ остаются почти всегда позади героинь: Наденька умнѣе Александра Адуева; Ольга идетъ впереди Обломова и Штольца; развитіе Вѣры нормальнѣе, чѣмъ Волохова; бабушка несомнѣнно разсудительнѣе, логичнѣе и несравненно выше внука—Райскаго.

И сколько живости, реальности во всѣхъ этихъ женскихъ типахъ! Недаромъ его Вѣра, Ольга, Марѳинька, Татьяна Марковна знакомы каждому образованному человѣку и стали именами нарицательными. Даже и пристрастные цѣнители нашего писателя готовы при-

знать, что «исторія всѣхъ этихъ жеманныхъ и неестественныхъ (?) барышень передана болѣе или менѣе вѣрно», но будто бы это «скорѣе исторія постепенна го извращенія русской дѣвушки, ея пониженія» [40]). Но справедливо ли видѣть извращеніе женщины въ томъ, что она стремится изъ безсознательной самки сдѣлаться настоящимъ, умственно развитымъ и приносящимъ пользу обществу человѣкомъ?

Разнообразіе женскихъ типовъ въ романахъ Гончарова изумительно. Очевидно, Бѣлинскій, когда говорилъ по поводу «Обыкновенной исторіи», что другому стало бы ее на десять повѣстей, имѣлъ въ виду именно количество и разнообразіе выведенныхъ въ ней женскихъ типовъ. А въ «Обрывѣ», напримѣръ, ихъ еще больше и всѣ одинъ на другой нисколько не похожи. Удивительно, что изъ мужскихъ типовъ нѣкоторые у Гончарова слабо очерчены, они смутны и не оставляютъ достаточно опредѣленнаго впечатлѣнія (напримѣръ: Тушинъ, Штольцъ), тогда какъ всѣ женскія фигуры, даже самыя второстепенныя, только мелькомъ являющіяся предъ нашими глазами, необыкновенно живы и типичны. Три романа составляютъ цѣлыя три галлереи художественныхъ женскихъ портретовъ: тутъ и старыя дѣвы, и молодая дама—представители чопорной аристократіи, и старыя помѣщицы, и молодыя барышни самыхъ разнообразныхъ характеровъ, и жены чиновниковъ, и учительница-нѣмка, и заволжская попадья, и дворовыя бабы и т. д. и т. д., и каждая является предъ нами съ собственной физіономіей, съ своими взглядами, убѣжденіями, своимъ складомъ понятій и рѣчи. Да, несомнѣнно талантъ Гончарова—одинъ изъ крупнѣйшихъ

---

[40]) Елагинъ.

въ русской литературѣ. Гдѣ же въ ней его мѣсто, что общаго онъ имѣетъ съ другими русскими первоклассными писателями и чѣмъ отъ нихъ отличается?

V.

Гончарова упрекали да и теперь часто упрекаютъ за то, что онъ не создалъ новыхъ типовъ, а разработывалъ лишь данные Пушкинымъ и Гоголемъ. Гончаровъ на этотъ упрекъ совершенно справедливо отвѣчалъ, что «дѣло не въ изобрѣтеніи типовъ (да коренныхъ общечеловѣческихъ типовъ и немного), а въ томъ, какъ у кого они выразились, какъ связались съ окружающею ихъ жизнію, и какъ послѣдняя на нихъ отразилась». И Гончаровъ не отрицалъ, что существуетъ сходство нѣкоторыхъ его героевъ съ типами Пушкина и Гоголя; онъ смиренно сознавался: «Всѣ мы, беллетристы, только переработываемъ завѣщанный ими матеріалъ». Главное вліяніе на свой талантъ Гончаровъ приписывалъ Пушкину: «онъ далъ намъ вѣчные образцы, по которымъ мы и учимся безсознательно писать, какъ живописцы по античнымъ статуямъ» [41]). Однако, сравнивая романы Гончарова съ произведеніями двухъ указанныхъ великихъ писателей, мы можемъ замѣтить едва ли не бо́льшее сходство съ Гоголемъ. Правда, въ своемъ первомъ романѣ нашъ писатель является ученикомъ Пушкина, далекимъ, впрочемъ, рабскаго подражанія своему учителю. Племянникъ Адуевъ—какъ бы олицетвореніе участи, какую Пушкинъ считалъ возможною для мечтателя Ленскаго, который, какъ и молодой Адуевъ,

[41]). «Лучше поздно»... 8 т. стр. 239 и далѣе.

тоже «любилъ восторженную рѣчь» «и славы сладкое мученье»;

«Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
Его лелѣяла надежда,
И міра новый блескъ, и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего...
Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она:
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы» [42])...

Уже въ этомъ описаніи нельзя не видѣть прототипа молодого Адуева. А вотъ и подлинное, только продолженное окончаніе «Обыкновенной исторіи».

«А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ:
Прошли бы юношества лѣта,
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ;
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бъ съ музами, женился;
Въ деревнѣ счастливъ и рогатъ,
Носилъ бы стеганный халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ
И, наконецъ, въ своей постели

---

[42]). «Евгеній Онѣгинъ», глава II, строфы VII—VII.

Скончался бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей» [43]).

Очевидно, Адуевъ—тотъ же Ленскій, но не Ленскій, идущій на дуэль изъ-за любимой дѣвушки, а Ленскій in potentia опошлѣвшій и бросившій свои поэтическіе восторги, правда, не для деревенскаго прозябанія, а во имя столичнаго бюрократизма; принявшій въ себя, такимъ образомъ, явленія позднѣйшаго времени русской жизни [44]). Въ этомъ же романѣ отчасти замѣтно уже и вліяніе Гоголя: въ типѣ Евсея виденъ тотъ же пестунъ и охранитель своего «барчука»,—крѣпостной лакей, типъ котораго такъ поразительно рельефно изобразилъ Гоголь въ Осипѣ, лакеѣ Хлестакова. Захаръ, лакей Обломова, еще болѣе напоминаетъ Гоголевскаго Осипа. Конечно, сходство зависѣло и отъ того, что самый типъ крѣпостного лакея былъ очень постояненъ и въ своихъ характеристическихъ чертахъ былъ всегда одинъ и тотъ же во всю эпоху крѣпостного права. Самъ Обломовъ очень напоминаетъ Гоголевскаго помѣщика Тентетникова, разочаровавшагося въ жизни и запершагося въ своемъ имѣньи. Сфера, въ которой вращается талантъ Гоголя, это средніе слои крѣпостной Россіи: мелкіе помѣщики, чиновники. Картины, описанныя Гончаровымъ, наиболѣе выпукло и художественно изображаютъ ту же самую жизнь. Въ описаніи непригладныхъ сторонъ этой жизни у обоихъ писателей является юмористическое отношеніе къ изображаемой средѣ. Но въ русской жизни они видятъ и другіе элементы, усматриваютъ и про-

---

[43]) Глава VI, строфы XXXVIII. XXXIX.

[44]) Скабичевскій, впрочемъ, находитъ другой прототипъ молодому Адуеву въ «Орасѣ» Ж. Занда «Истор. Нов. Р. литер.» 149 стр.

грессивный ея ходъ, быстро совершающійся, и оба переходятъ къ символизму: въ быстро несущейся тройкѣ Гоголю чудится движеніе Россіи; для Гончарова Россія отражается въ мощной фигурѣ «бабушки», и въ своихъ герояхъ онъ видитъ символическіе образы эпохъ умственной жизни Россіи.—Во всемъ этомъ точки тѣснаго соприкосновенія Гончарова съ Гоголемъ. Но это соприкосновеніе—не слѣпое подражаніе. Здѣсь же замѣчаемъ и различіе между этими писателями.—Все великое значеніе Гоголя въ русской литературѣ—въ созданіи отрицательныхъ типовъ, возросшихъ на удобной нивѣ крѣпостной Россіи: Чичиковы, Ноздревы, Собакевичи, Хлестаковы, а изъ женщинъ—Коробочки, глупыя матери съ достойными ихъ дочерьми (Анна Андреевна, Марья Антоновна въ «Ревизорѣ»)—вотъ сфера, гдѣ развертывается во всей своей удивительной силѣ талантъ Гоголя. Когда онъ пытается изобразить положительные типы, они выходятъ безцвѣтными и неясными, даже неестественными,—таковъ его Костанжогло, добродѣтельный откупщикъ Муразовъ, изъ женщинъ—Улинька,—единственный положительный и единственный неудачный женскій типъ, вышедшій изъ-подъ пера Гоголя. Гоголь неподражаемо великъ, когда изображаетъ русскую жизнь; когда, смотря на ея темную сторону, надъ ней смѣется своимъ горькимъ, рыдающимъ смѣхомъ, представляя намъ, какъ эта жизнь далека отъ возвышенныхъ идеаловъ. У Гоголя глубокій лиризмъ, и мы между изображаемыми картинами пошлой жизни ясно видимъ присутствіе самого автора, смѣющагося надъ этой пошлостью и тоскующаго надъ безобразіями жизни. «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» вырывается у него въ концѣ повѣствованія о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Гончаровъ, какъ мы видѣли, чуждъ лиризма: онъ смотритъ на родную жизнь глазами объективнаго наблюдателя, стараясь изобразить ее во всей ея полнотѣ и вѣрно нарисовать картины всего, что онъ видѣлъ въ ней. Много въ этихъ картинахъ ненормальнаго, уродливаго, вызывающаго грусть у читателя; много смѣшного, но много и хорошаго, и благороднаго; впрочемъ, самъ авторъ не грустить, не негодуетъ, не восторгается.

Въ противоположность Гоголю, Гончаровъ рисуетъ прекрасныя и живыя картины дореформенной жизни, въ которыхъ много и положительныхъ чертъ, вызывающихъ наше сочувствіе; создаетъ типы, полные честности и благородства, обнаруживающіе широкую и любящую душу. Положительные типы женщинъ у Гончарова правдивы и многочисленны. Вмѣстѣ съ картинами и типами крѣпостной Россіи онъ изобразилъ и начало новой жизни, нарожденіе иныхъ взглядовъ и вѣяній и далъ новые типы, перешедшіе за грань дореформенной жизни. Такимъ образомъ Гончаровъ дополняетъ Гоголя въ изображеніи быта дореформенной Россіи и является талантливымъ его продолжателемъ.

Гончаровъ писалъ въ одно время съ Тургеневымъ. Но типы романовъ того и другого далеко не одинаковы. Въ то время, какъ нашъ писатель изображаетъ прочно установившуюся жизнь большинства русскаго образованнаго и полуобразованнаго общества и тѣ волненія, которыя колебали эту массу, Тургеневъ чутко прислушивается къ движеніямъ передовыхъ интеллигентныхъ умовъ, угадываетъ направленіе этихъ движеній, прежде чѣмъ они опредѣлились, и выставляетъ ихъ въ своихъ романахъ на судъ общества, самъ въ большинствѣ случаевъ увлекаясь создаваемыми типами. Какъ

представители идей и явленій временныхъ въ русской жизни и быстротекущихъ, многіе типы Тургенева имѣли и временный жизненный интересъ; миновало время тѣхъ идей и явленій, волновавшихъ общество, и ихъ представители не могутъ имѣть для насъ никакого значенія, кромѣ историческаго. Романы Гончарова, охватывающіе цѣлыя, твердо сложившіяся эпохи русской жизни и коренныя черты русской натуры, не потеряли своего значенія для насъ, и со многими типами его намъ и теперь приходится считаться. Таковъ типъ Обломова. Это типъ общерусскій и, можетъ-быть, даже общечеловѣческій, какъ типы Донъ-Кихота, Гамлета и др.; по крайней мѣрѣ на Русской землѣ онъ никогда не исчезалъ. Добролюбовъ не безъ основанія видѣлъ обломовщину и въ Онѣгинѣ, и въ Печоринѣ и др. типахъ русскихъ писателей: всѣ они, дѣйствительно, герои только на словахъ и мастера на отвлеченныя разсужденія, а какъ скоро дойдетъ до дѣла, то у нихъ исчезаетъ всякая энергія. Въ созданіи этого типа Гончаровъ обнаружилъ всю удивительную силу своего таланта и наблюденія и искусно выдѣлилъ самое существенное свойство русской натуры, которое не даетъ намъ двинуться, хотя мы и чувствуемъ, что если бы встали да принялись дѣлать, то сдѣлали бы не хуже другихъ. Вотъ почему этотъ типъ сталъ нарицательнымъ, вошелъ въ пословицу, какъ безсмертные типы Гоголя: Плюшкинъ, Хлестаковъ и т. п. Здѣсь Гончаровъ какъ бы измѣняетъ даже общему характеру своей пластической живописи и является глубокимъ психологомъ: онъ словно копается въ нашей душѣ и тщательно осматриваетъ, что тамъ происходитъ. Намъ такъ и чудится, что это насъ описываетъ Гончаровъ, когда говоритъ: «Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не

чуждъ былъ всеобщечеловѣческихъ скорбей. Онъ горько въ глубинѣ души плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безъименныя страданія и тоску, и стремленія куда-то вдаль... Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его. Случается и то, что онъ исполнится презрѣнія къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу, и разгорится желаніемъ указать человѣку на его язвы; и вдругъ загораются въ немъ мысли, ходятъ и гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ, потомъ выростаютъ въ намѣренія, зажгутъ всю кровь въ немъ; задвигаются мускулы его, напрягутся жилы, намѣренія преображаются въ стремленія: онъ, движимый нравственною силою, въ одну минуту измѣнитъ быстро двѣ-три позы, съ блистающими глазами привстанетъ до половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно озирается кругомъ... И въ концѣ концовъ остается лежать на той же постели.

Какъ часто и каждый изъ насъ чувствуетъ и думаетъ то же, что и Обломовъ, и всѣ наши чувствованія и думы обыкновенно кончаются тѣмъ же, чѣмъ и у него.

Такъ всеобъемлющъ этотъ типъ, вполнѣ противоположный героямъ Тургенева, которые выражаютъ собою всегда только взгляды небольшой партіи или даже единичныхъ людей, представителей разныхъ мимолетныхъ вѣяній.

Въ самой манерѣ писанія замѣчается большое различіе между этими двумя писателями. Если Гончаровъ по преимуществу художникъ-пластикъ, то Тургеневъ -музыкантъ, искусно подбирающій аккорды, трогающіе нашу душу. Гончаровъ подробно рисуетъ то, что видитъ; Тургеневъ чаще всего передаетъ свои впечатлѣ-

нія и чувства по поводу того, что наблюдалъ. Гончаровъ прежде всего и больше всего портретистъ: онъ со стараніемъ обозначаетъ, какое лицо у героя или героини, волосы, глаза, руки и т. д. Тургеневъ, представляя намъ своихъ героевъ, не любитъ такихъ описаній и искусно выбираетъ только немногія черты, но такія, въ которыхъ достаточно высказываются свойства души героя, его характеръ.

«Она была очень мила, сама того не зная», начинаетъ Тургеневъ характеристику одной изъ своихъ героинь [45]). «Въ каждомъ ея движеніи высказывалась невольная, нѣсколько неловкая грація; голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности; малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокій блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно» и т. д. Читая такую характеристику, мы замѣчаемъ, что самъ авторъ какъ будто сталъ между своей героиней и читателемъ и разсказываетъ свои впечатлѣнія, какія произвела она на него, почему съ Лизой, равно какъ и съ другими его героями, мы знакомимся чрезъ посредство самого автора и знакомимся не столько съ внѣшними, видимыми ихъ образами, сколько съ ихъ психическимъ міромъ.

Сравнимъ теперь съ характеристикой Лизы Тургенева—характеристику какой нибудь героини изъ романовъ Гончарова, напримѣръ, Ольги.

«... Если бы обратить ее въ статую, она была бы

---

[45]) Характеристика Лизы въ «Дворянскомъ гнѣздѣ».

статуя граціи и гармоніи. Нѣсколько высокому росту строго отвѣчала величина головы, величинѣ головы—овалъ и размѣры лица,—все это въ свою очередь гармонировало съ плечами, плечи—съ станомъ. Носъ образовалъ чуть замѣтно выпуклую, граціозную линію; губы тонкія и большею частью сжатыя—признакъ непрерывно устремленной на что-нибудь мысли»... въ томъ же родѣ далѣе описываются глаза и брови героини. Очевидно, Гончаровъ не останавливаетъ своего вниманія на какой нибудь одной чертѣ, а описываетъ все, что видитъ у своей героини, по порядку. И всегда онъ поставляетъ предъ нашими глазами картины и образы, и мы ихъ непосредственно созерцаемъ, не видя изъ-за нихъ писателя. А Тургеневъ всегда виденъ въ своихъ преображеніяхъ или радующимся, или тоскующимъ, чаще же всего меланхолически-грустящимъ надъ неудавшеюся жизнью своихъ героевъ. Онъ всегда и вездѣ является предъ нами, какъ лирикъ-субъективистъ. Въ его описаніяхъ обстановки, окружающей героя,—природы, среди которой онъ находится, больше всего слышатся задумчиво-лирическіе тоны, и природа изъ-подъ его пера является живою, дышащей жизнью съ изображаемыми имъ лицами, какъ бы сочувствующею его героямъ. Тургеневъ любитъ природу и даетъ намъ множество прекрасныхъ ея картинъ, тогда какъ Гончаровъ въ своихъ романахъ совсѣмъ мало даетъ имъ мѣста и всю силу своей кисти обращаетъ на портреты и обрисовку семейной жизни.

Вообще же, чтобы прислушаться и уловить всѣ измѣненія и вѣянія, происходящія въ верхнихъ умственныхъ слояхъ русской жизни,—измѣненія и вліянія крайне не постоянныя, слѣдовавшія одно за другимъ очень быстро и вмѣстѣ съ тѣмъ не забывать и просто-

го русскаго народа, и его безхитростную жизнь воплотить въ полныя художественной правды изображенія,— для всего этого требовался талантъ, болѣе гибкій и сильнѣйшій, чѣмъ для описанія той жизни, которая съ колыбели была знакома и родна автору, находилась постоянно предъ его глазами въ устойчивыхъ, мало измѣняющихся формахъ; поэтому въ исторіи русской литературы Тургеневъ станетъ выше Гончарова.

Впрочемъ, иногда и Гончаровъ въ созданіи своихъ типовъ вполнѣ возвышался до таланта Тургенева: творилъ типы могущественные и передовые. Таковы, напримѣръ, его женскіе типы, не уступающіе Тургеневскимъ типамъ этого рода.

Ольга, жертвующая горячей любовью Обломова ради своихъ убѣжденій, является предъ нами лицомъ нравственно-сильнѣйшимъ, чѣмъ Лиза (въ «Дворянскомъ гнѣздѣ») и Вѣра (въ «Фаустѣ»), которыя служатъ только одной своей личной привязанности и въ ней видятъ весь смыслъ своей жизни; она стоитъ на одной высотѣ съ Еленой («Наканунѣ»), предающейся служенію идеѣ любимаго ею Инсарова.

Несомнѣнно, конечно, что созданію этихъ, высшихъ въ интеллектуальномъ и нравственномъ отношеніяхъ, типовъ не благопріятствовало свойство таланта Гончарова обобщать въ одномъ типѣ цѣлую эпоху; обобщеніе и воплощается въ человѣка средняго, какъ настоящаго представителя большинства, и за это не слѣдуетъ особенно умалять значеніе Гончарова: вѣдь значеніе Гоголя не умаляется тѣмъ, что онъ далъ исключительно отрицательные типы.

По изображенію отрицательнаго типа «новыхъ людей» («новой лжи») въ лицѣ Марка Волохова Гончаровъ сталъ въ связь съ другими современными ему пи-

сателями—Писемскимъ и Достоевскимъ, которые въ своихъ произведеніяхъ (первый въ «Взбаламученномъ морѣ», второй—болѣе всего въ «Бѣсахъ») тоже касались этого явленія и занимались разъясненіемъ подобныхъ типовъ. Но талантъ Писемскаго мало имѣетъ общаго съ талантомъ нашего писателя. Романы Писемскаго—это какъ бы простое фотографированіе исторической дѣйствительности, гдѣ нисколько не видно идеаловъ автора; они рѣзко отличаются отъ прошедшихъ чрезъ сердце и дышащихъ теплотой картинъ русской жизни Гончарова. Съ Достоевскимъ у нашего писателя только и есть общаго, что они коснулись одного и того же явленія русской жизни. Въ остальномъ ихъ таланты различны до противоположности.

Достоевскій великій психологъ патологъ, безпощадно раскрывающій предъ нами души ненормальныхъ людей. Его герои постоянно возбуждены: они не спятъ, не ѣдятъ, а всегда въ жаркихъ разговорахъ, въ изступленіи. Читая въ первый разъ произведенія Достоевскаго, мы испытываемъ точно тяжелый кошмаръ, и только потомъ привыкаемъ къ его героямъ и постигаемъ всю болѣзненную и потрясающую прелесть его романовъ. У Гончарова—не то: въ его романахъ насъ поражаетъ внѣшняя пластика; точное описаніе внѣшнихъ, видимыхъ поступковъ здѣсь въ большинствѣ случаевъ замѣняетъ психологію. Его герои больше всего не любятъ возбужденія и съ удовольствіемъ ѣдятъ и спятъ И нѣтъ у него ничего ненормальнаго,—все ясно и понятно; пятнадцатилѣтній мальчикъ пойметъ его «Обыкновенную исторію» или «Обломова» не хуже насъ.

Замѣчательно, что Обломовъ у Гончарова объясняетъ обязанности писателя такъ, какъ будто онъ говоритъ о свойствахъ таланта Достоевскаго. Послѣдній

страстно доказываетъ вамъ въ своихъ произведеніяхъ, что и у преступника, и у падшей женщины есть такая же душа чувствующая, какъ и у насъ. Объ этомъ говоритъ и Обломовъ: «Изобрази вора, падшую женщину, надутаго глупца», внушаетъ Илья Ильичъ Пенкину: «да и человѣка тутъ же не забудь... Гдѣ же человѣчность-то? Вы одной головой хотите писать! Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нѣтъ, она оплодотворяется любовію. Протяните руку падшему человѣку, чтобъ поднять его, или горько плачьте надъ нимъ, если онъ гибнетъ, а не глумитесь. Любите его, помните въ немъ самого себя и обращайтесь съ нимъ, какъ съ собой,—тогда я стану васъ читать и склоню предъ вами голову... Изображаютъ вора, падшую женщину, а человѣка-то забываютъ или не умѣютъ изобразить. Какое же тутъ искусство, какія краски нашли вы? Извергнуть изъ гражданской среды! Это значитъ забыть, что въ этомъ негодномъ сосудѣ присутствовало высшее начало; что онъ испорченный человѣкъ, но все человѣкъ же, то-есть вы сами. Извергнуть! А какъ вы извергнете его изъ круга человѣчества, изъ лона природы, изъ милосердія Божія?» Къ самому Гончарову не можетъ быть вполнѣ приложимо это своего рода авторское confession de foi, такъ какъ сфера его наблюденій была совершенно иная; но при изображеніи уродливыхъ явленій онъ самъ остается вполнѣ вѣренъ этому девизу, и такія личности, какъ самъ лежебокъ-Обломовъ, Титъ Никонычъ и мадамъ Крицкая выставлены авторомъ не жалкими карикатурами, возбуждающими желчный смѣхъ и одно негодованіе, а личностями, возбуждающими наше глубокое участіе...

Такимъ образомъ, Гончаровъ по свойствамъ своего таланта отличается отъ Гоголя и отъ Тургенева, и

отъ Достоевскаго; его талантъ имѣетъ собственную, своеобразную физіономію и своей могучестью и самобытностью обнаруживаетъ въ немъ великаго писателя, имѣющаго право стать если не рядомъ съ Тургеневымъ и Достоевскимъ, то непосредственно вслѣдъ за ними. Его имя всегда будетъ на языкѣ у изучающаго русскую жизнь 40—60 годовъ только что истекшаго столѣтія, какъ имя талантливаго продолжателя Гоголя, освѣтившаго русскую жизнь съ другой, болѣе привлекательной ея стороны. И если русскаго человѣка спросятъ, какова была жизнь его предковъ за вторую и третью четверти XIX столѣтія, онъ не колеблясь можетъ сказать, подавая сочиненія Гоголя: «вотъ до какой глубины нравственной порчи и умственнаго невѣжества доходили русскіе люди»,—указывая на сочиненія Тургенева, можетъ сказать: «а вотъ точка, до которой поднималось ихъ развитіе, и вотъ каковы были идеалы передовой ихъ интеллигенціи въ послѣдующее время», и относительно сочиненій Гончарова можетъ проговорить: «вотъ, наконецъ, картина жизни большинства русскаго общества, и вотъ какъ новыя идеи стали вліять на прочно установившуюся жизнь этого общества» А еще выше этихъ писателей стоитъ Л. Н. Толстой, удивительно глубоко охватившій въ своихъ художественныхъ твореніяхъ русскую жизнь во всемъ ея разнообразіи *).

П. Щукинъ

*) Редакція вполнѣ согласна съ заключительными строками автора этой статьи относительно литературнаго значенія нашихъ названныхъ писателей, продолжателей

Пушкина и Гоголя,—корифеевъ нашей литературы, созданія которыхъ (а также Островскаго, Писемскаго и другихъ) обнимаютъ последовательно почти все теченіе нашей жизни, нашихъ душевныхъ силъ, отъ 30-хъ годовъ истекшаго столѣтія до настоящаго времени. Они, действительно, дали почти полную художественную исторію родной земли, отмѣтивъ различные моменты духовной жизни, начиная съ жизни крестьянина и кончая жизнью нашего высшаго общества. Правда, полная обрисовка послѣдняго всецѣло принадлежитъ нашему и міровому писателю Л. Н. Толстому, у котораго мы находимъ связаннымъ воедино то, что затронуто въ частности тѣмъ или другимъ писателемъ. Произведенія Л. Н. Толстого являются вѣнцомъ, завершающимъ художественную нашу исторію прошедшаго столѣтія и начинающимъ новое. По опредѣленію М. де-Вогюэ («Соврем. рус. писатели. Толстой—Тургеневъ—Достоевскій». Изд. Маракуева. М. 1887 г.), «это скифъ», создавшій то, чего не производилъ XIX в.,— «это умъ», одаренный «безподобной ясностью и проницательностью въ точномъ, почти научномъ наблюденіи проявленій жизни. Относительно всѣхъ земныхъ явленій какъ внѣшняго, такъ и внутренняго міра человѣка взглядъ его вѣренъ, быстръ, аналитиченъ... Толстой прохаживается среди человѣческаго общества съ простотой и естественностью, которая какъ будто запрещена нашимъ (французскимъ) писателямъ». И на страницахъ этой-то нашей художественной исторіи несомнѣнно почетное мѣсто долженъ занимать и Гончаровъ, какъ одинъ изъ младшихъ «названыхъ» братьевъ богатыря-атамана Ильи Муромца нашего времени, т.-е. Л. Н. Толстого.

Воспоминанія объ Алексѣѣ Андреевичѣ Хованскомъ, редакторѣ-издателѣ журнала: „Филологическія Записки“.

Маленькое предисловіе.

Долго колебался я, писать ли мнѣ воспоминанія объ Алексѣѣ Андреевичѣ Хованскомъ, когда еще свѣжа земля надъ могилой его, или дать время улечься ей плотнѣе и покрыться дымкою покоя...

Настойчивое напоминаніе редакціи «Филологическихъ Записокъ» о сообщеніи ей писемъ покойнаго *) побудило меня написать мои воспоминанія, въ надеждѣ, что моя статья явится не лишнею въ печатаемыхъ однимъ изъ редакторовъ «Матеріалахъ для біографіи А. А. Хованскаго». Съ другой стороны, написать воспоминанія о покойномъ редакторѣ «Филологическихъ Записокъ» было для меня, въ нѣкоторомъ родѣ, священнымъ долгомъ, нравственною обязанностью. Наше пятнадцатилѣтнее заочное знакомство,—знакомство только что сошедшаго со школьной скамьи двадцатидвухлѣтняго провинціальнаго педагога и маститаго старца, редактора филологическаго журнала въ провинціи, само по себѣ представляетъ далеко не будничное явленіе въ настоящей меркантильной повседневности. Это знакомство служитъ прекрасною иллюстраціей высоко-идеальной и христіански-мягкой и доброжелательной личности покой-

*) См. вып. I—II Фил. Зап.. 1899 г.

наго Алексѣя Андреевича, этого истиннаго учителя учителей.

Съ чувствомъ безпредѣльной радости берусь за перо, чтобы вспомнить все перечувствованное, передуманное въ теченіе болѣе чѣмъ пятнадцатилѣтней переписки съ Алексѣемъ Андреевичемъ. Отъ его писемъ, тщательно хранимыхъ мною, какъ залогъ «друга изъ друзей» *), пахнуло на меня дорогимъ и невозвратнымъ прошлымъ, которому принесены въ жертву «души прекрасные порывы». Кто знаетъ, можетъ-быть, это прошлое будетъ поучительнымъ для многихъ изъ тѣхъ, которые вступятъ на тернистый путь учителя гимназіи, и не только поучительнымъ, но и утѣшительнымъ, ибо

«Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ»...

I.

Журналъ Хованскаго: «Филологическія Записки», съ его характерною зеленою обложкою, сталъ мнѣ извѣстенъ со времени поступленія въ число студентовъ историко-филологическаго института кн. Безбородка въ Нѣжинѣ. Какъ теперь, помню большую комнату въ «графскихъ покояхъ», какъ называли половину нижняго этажа въ зданіи института, отведенную для почетнаго попечителя, этого учебнаго заведенія; длин

*) Такъ называлъ меня А. А. въ своихъ послѣднихъ письмахъ.

ный столъ, съ прикрѣпленными къ нему книжками журналовъ; полумракъ и мертвую тишину, въ то время какъ въ слѣдующемъ этажѣ сотни ногъ гимназистовъ поднимали оглушительный стукъ и шумъ. Когда въ свободную лекцію я украдкой пробирался въ эту завѣтную комнатку, и меня охватывала могильная тишина, тогда на душѣ была такая отрада, такой священный трепетъ, какой именно долженъ чувствовать всякій въ храмѣ науки, искусства, мысли и чувства...

Тутъ, въ этомъ моемъ храмѣ науки, я впервые увидѣлъ два журнала, которыхъ не можетъ не знать и самый равнодушный русскій преподаватель. Эти журналы — «Филологическія Записки» и «Русскій Филологическій Вѣстникъ», издаваемый въ Варшавѣ проф. А. И. Смирновымъ.

Долженъ сказать, что студентовъ-словесниковъ, будущихъ преподавателей русскаго яз. и словесности въ гимназіяхъ, болѣе привлекали «Филологическія Записки», нежели «Русскій Филологическій Вѣстникъ»: первыя болѣе интересовались вопросами и запросами, предъявляемыми житейской практикой гимназій, тогда какъ второй «Педагогическому отдѣлу» удѣлялъ второе мѣсто, ставя главною задачею интересы научные.

Когда я былъ на послѣднемъ курсѣ, оба названные журнала особенно волновали студентовъ-словесниковъ института. Дѣло въ томъ, что въ «Филологическихъ Запискахъ» появилась небольшая статейка г. Бодрова, озаглавленная, если не ошибаюсь: «Слово человѣкъ въ производствахъ». Профессоръ славянской діалектологіи и сравнительнаго языкознанія Р. Ф. Брандтъ на лекціяхъ какъ-то коснулся этой статейки и указалъ нѣсколько промаховъ г. Бодрова. Студентъ К—скій, нынѣ профессоръ Варшавскаго университета, пользуясь замѣча-

ніями профессора, написалъ возраженіе Бодрову, которое было напечатано въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ». Между Е. К—имъ и Бодровымъ завязалась полемика. Эта полемика и волновала студентовъ. Съ этого времени даже образовалось двѣ партіи: приверженцевъ «Филологическихъ Записокъ» и приверженцевъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника». Большинство же студентовъ одинаково цѣнили и любили оба журнала. Къ такимъ принадлежалъ и я, уже тогда убѣжденный въ томъ, что передъ истиною должны смолкнуть всякія личныя самолюбія. Девизомъ моимъ и тогда уже были слова Великаго Учителя: «Если Я сказалъ худо, покажи, что худо; а—если хорошо, что ты бьешь Меня?»

Хотя въ головѣ моей роилось много плановъ, много интересныхъ темъ разрабатывалось, но я не рѣшался выступить въ печати до окончанія курса, не считая себя, такъ сказать, полноправнымъ гражданиномъ и самостоятельнымъ человѣкомъ. Зато, по сдачѣ выпускныхъ экзаменовъ въ концѣ мая 1884, я направилъ въ оба журнала первые опыты авторства.

На долю «Филологическихъ Записокъ» досталось мое кандидатское сочиненіе, подъ заглавіемъ: «О смерти и посмертномъ существованіи» по «Причитаньямъ Сѣвернаго Края». Рукопись послана была въ іюнѣ мѣсяцѣ, но прошло лѣто, а я отъ А. А. Хованскаго не получалъ никакого отвѣта. На мой запросъ о судьбѣ рукописи отъ 25 сентября 1884 полученъ былъ слѣдующій краткій и сухой отвѣтъ.

«Милостивый Государь Сергѣй Николаевичъ!

Имѣю честь увѣдомить Васъ, что рукопись Ваша за множествомъ дѣла до сихъ поръ не была разсмотрѣна, только теперь удалось прочитать».

«Не отрицая съ одной стороны достоинства Вашей работы,—съ другой по особымъ моимъ личнымъ соображеніямъ я затрудняюсь помѣстить ее.—Потрудитесь прислать на пересылку оной почтовыхъ марокъ, сколько стоила Вамъ высылка.

Уважающій Васъ

А. Хованскій *).

Сильно огорчило меня письмо редактора, которое разбивало мои надежды и ставило мучительный вопросъ о томъ, могу ли я своимъ трудомъ сдѣлать что-либо полезное, внести и свою каплю меда въ общій сотъ или улей. Своею лаконичностью оно не рѣшало моихъ сомнѣній, и вотъ я, посылая рецензію на русскую грамматику Б—ва, просилъ у Алексѣя Андреевича разъясненій по поводу кандидатской работы.

«Я сильно заболѣлъ», писалъ онъ мнѣ отъ 15 октября того же года: «и двѣ недѣли рѣшительно не могъ заниматься дѣлами, и вотъ только другой день начинаю приходить въ себя. Спѣшу отвѣчать и вамъ на Ваше письмо.

Вашу работу по сѣвер. причитаніямъ (похоронную причеть) я вовсе не считаю ничего нестоящею, какъ Вы думаете, напротивъ, отдаю ей должное. Но нахожу въ ней много такого, что не согласно съ ученіемъ православной церкви, смѣшеніе горя злочастія съ смертью.., борьба съ смертію, покушеніе на нее, ругня-злодѣйкой, злодѣйка-душегубица, солдатъ и смерть и пр. и пр. всѣ эти сказанія какъ-то не вяжутся съ здравымъ смысломъ; фантазія народная слишкомъ далеко зашла. Отношенія къ смерти не должны быть такія. Въ причитаніяхъ мно-

*) Въ письмахъ А. А. я сохраняю точное правописаніе подлинниковъ.

го, впрочемъ, выражено чувствъ скорбныхъ, но также слишкомъ много и преувеличеннаго или лишняго. Повторяю,—нисколько не отрицаю достоинства Вашего труда, но принять все-таки не рѣшаюсь что было бы противъ моего личнаго убѣжденія. Въ другомъ изданіи, я полагаю, Вашъ трудъ найдетъ мѣсто.—Съ своей стороны я выражаю Вамъ сердечную благодарность за Ваше сочувствіе къ моему изданію. Относительно Вашей рецензіи на грам. Б... долженъ сказать Вамъ слѣд. Въ прошломъ году мнѣ была прислана тоже рецензія изъ Кіева (г. И...), въ которой авторъ страшно избилъ грам. Б...! Я не принялъ потому именно, что я съ И. М. Б... въ дружественныхъ отношеніяхъ. Согласитесь, могла ли бы у меня рука подняться на добраго знакомаго и сотрудника? Точно также не поднимается и теперь. Возвращаю Вамъ обѣ рукописи.

Вашъ покорный слуга *А. Хованскій*».

Обѣ рукописи мои, дѣйствительно, нашли пріютъ въ другомъ филологическомъ журналѣ, при чемъ кандидатское сочиненіе, вслѣдствіе расширенія темы и неимѣнія ученыхъ пособій, остановилось на первой главѣ. Въ послѣднемъ письмѣ выразилась одна сторона Алексѣя Андреевича, какъ редактора «Филологическихъ Записокъ». Слова его—«Я сильно заболѣлъ» для меня тогда остались «звукомъ пустымъ», потому что я не зналъ тяжелой исторіи изданія журнала, посвященнаго русской филологіи.

Въ началѣ слѣдующаго года мною была послана для «Филологическихъ Записокъ» рецензія на только что появившуюся грамматику Трачевской. То были годы, когда я сильно увлекался вопросомъ, какова должна быть школьная грамматика, при чемъ основательное

ознакомленіе съ учебниками и постоянная практика въ гимназіи порождали рядъ мучительныхъ вопросовъ въ головѣ, мучительныхъ потому, что часто не находилось отвѣта на нихъ... Учебникъ г-жи Трачевской, написанный шаблонно, не представляющій ничего свѣжаго и съ чисто методической стороны вызвалъ рѣзкую рецензію. Алексѣй Андреевичъ, уступая чувству пріязни къ г. Б... и отказавшись печатать мою первую рецензію, охотно принялъ разборъ учебника Тр—ской, потому что въ принципѣ былъ согласенъ съ моими замѣчаніями. Въ письмахъ ко мнѣ по этому поводу онъ явился съ другой стороны, въ смыслѣ редакторства. «Вотъ Вамъ, добрѣйшій Сергѣй Николаевичъ», писалъ онъ отъ 18 апрѣля 1885 г.: «и корректура Вашей рецензіи. Будьте такъ добры,—потрудитесь просмотрѣть, поправить, что найдете нужнымъ или прибавить и измѣнить, а затѣмъ возвратите поскорѣй.

«На 2-й колонкѣ отмѣченное мною мѣсто не мѣшало бы опустить, если не иронически относитесь къ Трачевской. На 3-й говоря о значеніи цер. слав. языка для нашего правописанія, Вы опять какъ будто отдаете предпочтеніе Трач.; что она будто первая указала на это значеніе (или это тоже говорится иронически). На 4-й вм. говоритъ слова—не лучше ли сказать—приводитъ выраженія или въ родѣ этого что-либо. На 5-й я прошу Васъ опустить сказанное въ скобкахъ о Б... и Богдановѣ и ниже о Дм... и Б...—достаточно и того, что нѣкоторые грам. полагаютъ такъ-то, а въ концѣ слово дерзость смягчите хоть словомъ смѣлость, а безшабашность вовсе выпустить.

«На 1-й кол. я прибавилъ нѣсколько заявленій,—они не лишни, особенно о постановкѣ языковъ въ гимназіи, въ томъ числѣ и русскаго».

Въ томъ же году я безпокоилъ Алексѣя Андреевича еще однимъ вопросомъ: обративъ вниманіе на темы для русскихъ сочиненій, я желалъ имѣть указанія на литературу предмета, потому что пять-шесть сборниковъ темъ, проштудированныхъ мною, меня не удовлетворили. На мой запросъ покойный писалъ мнѣ отъ 1 го мая: «Въ отвѣтъ на просьбу Вашу относительно сборниковъ для письменныхъ упражненій скажу Вамъ, что я давно уже оставилъ учебную службу, а потому мало слѣжу за учебниками и пособіями. Вѣроятно Вамъ извѣстны руководства напр. Ольшамовскаго къ веденію пис. упраж—ій и Гаврилова тоже. Есть задачникъ Барсова (Кавказ.) но это, кажется, для граммат. упражненій, а болѣе, кажется, нѣтъ ничего или лучше сказать—не знаю. Просмотрите каталоги, можетъ быть что и найдется еще. Каталоги, публикуемые книгопродавцами, найдете скорѣе всего въ библіотекѣ Нѣжинскаго Института».

Кромѣ того, я предложилъ ему написать для «Фил. Записокъ» статью о положеніи русской женщины по бытовымъ пѣснямъ въ дополненіе къ помѣщенной въ журналѣ ст. Будде. Поэтому выше приведенное письмо закончилось такою фразою: «Въ дополненіе къ ст. «Положеніе рус. женщины» и пр. если что найдется у Васъ—прошу сообщить».

Мои запросы Алексѣю Андреевичу объясняются тѣмъ, что мнѣ совершенно не была извѣстна прошлая дѣятельность его. Между тѣмъ въ газетахъ пронесся слухъ, что къ концу 1886 г. истекаетъ 25 лѣтіе со времени изданія «Филологическихъ Записокъ». И вотъ я, желая повѣдать русскому обществу о замѣчательномъ по энергіи провинціальномъ дѣятелѣ и первомъ и единственномъ, въ своемъ родѣ, филологическомъ журналѣ,

рѣшилъ, пользуясь двадцатипятилѣтіемъ *), написать статью .Желая, чтобы она была обстоятельнѣе, я обратился къ Алексѣю Андреевичу съ просьбою сообщить нѣкоторые матеріалы. На письмо мое онъ прислалъ мнѣ напечатанную телеграмму отъ С.-Петербургскаго Филологическаго Общества, за подписью профессора Вл. Ламанскаго, и писалъ отъ 13 ноября 1885 г.: «Очень очень благодаренъ Вамъ за теплое сочувствіе къ моему изданію и пріятное для меня желаніе Ваше сообщить свѣдѣнія о журналѣ болѣе подробныя, но извините, за множествомъ неотложныхъ текущихъ дѣлъ и спѣшной работы, не нахожу возможности удовлетворить Вашему желанію,— кромѣ того Вы уже 2-й ревнитель подобнаго предріятія. Потерпите до юбилейнаго дня,—отъ меня вѣрно потребуютъ и попросятъ разсказать всю исторію возникновенія Ф. З. и пр. и пр.—нужно будетъ удовлетворить. Наши газеты (періодич.) напечатаютъ, тогда я могу прислать Вамъ № газеты. Вѣрите ли, теперь мнѣ и дохнуть некогда сдѣлать что либо постороннее. Спѣшу закончить книжки и приняться за составленіе подробнаго «Указателя» статей и пр. и пр., да закончить Объявленіе большое».

II.

Въ теченіе всего 1886 г. я ни разу не побезпокоилъ Алексѣя Андреевича письмами. Не смотря на неблагопріятный отвѣтъ, все-таки я старал-

*) Тогда я рѣшительно не зналъ, что юбилей приметъ видъ большого торжества, что «Фил. Зап.» почтятъ адресами Академія Наукъ, университеты и т. д.

ся привести въ исполненіе свое намѣреніе, поэтому перечиталъ «Филологическія Записки» за прежніе годы, благо въ прекрасной библіотекѣ Института находился этотъ журналъ за все время изданія его. Плодомъ моихъ занятій явилась моя статья «Двадцатипятилѣтіе русскаго филологическаго журнала», появившаяся наканунѣ юбилея въ газетѣ «Русскія Вѣдомости». Я никогда не предполагалъ, что статья эта будетъ имѣть большое значеніе на установленіе между мною и Алексѣемъ Андреевичемъ тѣсныхъ, задушевныхъ отношеній. По правдѣ сказать, я не совсѣмъ даже былъ доволенъ своею статьею: примѣняясь къ газетному пошибу, приходилось многое опускать; больше всего меня смущало то обстоятельство, что статья вышла сухою, тогда какъ я писалъ ее съ самымъ горячимъ искреннимъ сочувствіемъ къ безкорыстному Редактору. Можетъ быть, потому, что моя статья была первымъ привѣтствіемъ маститому юбиляру, она такъ тронула добраго старца. Отъ 25 декабря 1886 г. онъ писалъ мнѣ:

«Вчера я прочиталъ Вашъ глубокосочувственный и многознаменательный для меня отзывъ о моемъ дѣтищѣ съ величайшимъ и отраднымъ удовольствіемъ, какое Вы доставили мнѣ и которое я навсегда сохраню въ памяти моей.—Спѣшу принести Вамъ мою искреннюю душевную благодарность за выраженныя Вами симпатіи и искренность къ моему скромному изданію, которое Вы такъ высоко поставили.

Жму Вашу руку крѣпко-крѣпко.
Душевно преданный Вамъ
А. Хованскій».

Когда, сверхъ ожиданія покойнаго, юбилей скром-

наго филологическаго журнала принялъ размѣры большого торжества, большого праздника мысли и русскаго слова, тогда у Алексѣя Андреевича явилась мысль издать особую брошюру, посвященную описанію торжества. Въ это описаніе должны были войти и юбилейныя статьи. Вотъ почему отъ 27 февраля 1887 г. онъ писалъ мнѣ: «Имѣю честь усердно просить Васъ, многоуважаемый Сергѣй Николаевичъ, будьте такъ добры и обязательны,—пришлите мнѣ оттискъ Вашей статьи о «Фил. Зап.», если есть у Васъ, а если нѣтъ, укажите, въ какомъ № Рус. Вѣд. она напечатана была. Здѣсь въ Воронежѣ я не могъ добиться,—№№ эти у всѣхъ растеряны. Я хочу перепечатать ее въ юбилейномъ № у себя, она мнѣ сейчасъ необходима. Пришлите немедленно».

Такъ какъ «Русскія Вѣдомости», напечатавъ мою статью, не соблаговолили мнѣ прислать №№, то я имѣлъ только одинъ №, изъ котораго сдѣлалъ вырѣзку своей статьи: имѣю обыкновеніе хранить хоть одинъ экземпляръ напечатаннаго мною. Посылая ее Алексѣю Андреевичу, я просилъ его сохранить ее и возвратить мнѣ. Получивъ вырѣзку моей статьи, онъ 10 марта писалъ мнѣ: «Очень, очень благодаренъ Вамъ за присланную вырѣзку статьи. Не безпокойтесь, она будетъ цѣла, хотя и ненужна будетъ Вамъ: вмѣсто этой вырѣзки Вы уже получите цѣлую брошюру (отдѣл. отт.) о юбилеѣ. У меня уже набрасано на два листа, да еще, кажется, будетъ на два. Запоздалъ съ книжкой, но это не бѣда, дѣло въ томъ, что я страшно измучился, просто изнемогаю, а болѣзнь не позволяетъ много заниматься, здоровье страшно подорвалось.

Какъ только отпечатается I-ая кн. Ф. З. и отдѣльная брошюрка о юбилеѣ, я Вамъ вышлю и то и дру-

гое, вмѣстѣ и за прошлый годъ всѣ книжки и въ настоящемъ буду высылать, какъ сотруднику, какъ ревнителю и человѣку сочувствующему интересамъ науки филологической. За прекрасную статью по поводу юбилея приношу Вамъ душевную благодарность». Говорить ли мнѣ, какое пріятное душевное волненіе пережито было мною, начинающимъ писать педагогомъ, по полученіи такого письма отъ Алексѣя Андреевича. Мысль, что своимъ слабымъ перомъ я доставилъ нѣсколько сладкихъ минутъ скромному и высокоблагородному труженику, эта мысль приводила меня въ восторгъ, окрыляла меня къ дальнѣйшей дѣятельности. Сказать ли правду, несмотря на то, что я отказался отъ денежнаго мѣста въ Оренбургской гимназіи, не желая уходить отъ моей alma mater, чтобы продолжать научныя занятія, и боясь провинціальной спячки и тины, сказать ли, что я не встрѣчалъ и въ Нѣжинѣ сочувствія къ избранному мною пути. Одинъ только профессоръ М. И. С—въ поддерживалъ мои стремленія. Среди такой обстановки *) очень пріятно сознавать и видѣть признаннымъ со сто-

---

*) Весь ужасъ такой обстановки можетъ понять только тотъ, кто самъ работалъ научно въ провинціи. Покойный академикъ А. А. Куникъ, когда я познакомился съ нимъ въ 1894 г., говорилъ мнѣ не разъ: «Я съ удовольствіемъ поддерживаю всякаго труженика, работающаго въ провинціи: «тамъ очень, очень трудно работать, тамъ все отвлекаетъ отъ научныхъ занятій». Скажу, что въ теченіе 16-лѣтней литературно-учебной и ученой дѣятельности я всегда былъ среди сослуживцевъ одиночкою, на коего товарищи-педагоги да и начальники смотрѣли косо. Да, много надо имѣть стойкости въ убѣжденіяхъ провинціальному педагогу, чтобы писать!

роны другихъ авторитетныхъ людей, что работаешь не безъ пользы для другихъ.

Письмо Алексѣя Андреевича окрылило меня, и я старался на дѣлѣ доказать свое сочувствіе журналу его. Предполагая каникулы проводить въ Москвѣ, въ книгохранилищахъ, я обратился къ покойному редактору съ предложеніемъ доставлять для Филологическихъ Записокъ «Библіографическія замѣтки» о вновь вышедшихъ книгахъ по литературѣ. Все свободное отъ архивныхъ занятій время я могъ посвятить этимъ замѣткамъ, тѣмъ болѣе, что книги были у меня подъ руками, и въ Москвѣ я могъ достать другія. На мое предложеніе онъ писалъ мнѣ 30 мая:

«За пріятное предложеніе Ваше доставлять «Библіографическія замѣтки» приношу Вамъ мою усердную душевную благодарность. Очень, очень радъ Вашему сочувственному отношенію къ моему изданію.

Относительно времени доставленія «Замѣтокъ» я не могу назначить тѣмъ болѣе, что это могло бы Васъ стѣснить, можете, по Вашему усмотрѣнію, доставлять, когда соберется болѣе или менѣе интересныхъ извѣстій.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ высылаю Вамъ 2-ю книжку «Фил. Записокъ». Желаю Вамъ отдохнуть побольше послѣ трудовъ особенно послѣ утомительныхъ экзаменовъ, а право пора бы ихъ похѣрить».

«P. S. О полученіи книжки Ф. З. увѣдомьте открытымъ письмомъ,—книжки часто пропадаютъ, а эта одна посылается только Вамъ,—другія книжки подписчикамъ не готовы».

Съ этого времени я началъ печатать въ «Филол. Запискахъ» «Библіографическія замѣтки», подъ псевдонимомъ Ольгинъ. Познакомившись съ изслѣдованіемъ

г. Барсова о «Словѣ о полку Игоревѣ» и желая, чтобы школа имѣла памятникъ этотъ не въ истерзанномъ выбросами темныхъ мѣстъ, а въ цѣломъ видѣ, я предложилъ Алексѣю Андреевичу напечатать текстъ и объясненія съ разборомъ памятника для школъ, такъ чтобы потомъ получить отдѣльные оттиски. Не помню хорошо времени, когда я написалъ о своемъ планѣ, но несомнѣнно это было въ 1889 г. Отвѣтъ Хованскаго запоздалъ. Только 11-го февраля я получилъ слѣдующее письмо:

«Письмо Ваше съ статьей получилъ, но отвѣчать тотчасъ за болѣзнію рѣшительно не могъ, такъ мнѣ было тяжело, что и дѣла мои остановились. Здоровье мое сильно подорвалось, вотъ вся моя бѣда.

«Относительно предложенія Вашего—напечатать «Слово о полку Игоревѣ» могу сказать одно, что я уже печаталъ этотъ памятникъ 2 раза: 1) Смирнова и 2) Потебни, за третье же изд. не приходится браться. Съ другой стороны Вамъ извѣстно, что у насъ за послѣдне время столько появилось разныхъ изданій «Слова» (кажется, болѣе 10—15), что нѣтъ надобности повторять почти одно и тоже, да и много ли у Барсова новаго, неизвѣстнаго открыто? Стоитъ ли изъ-за того перепечатывать или переиздавать его? Я думаю, что не слѣдовало бы. Другое дѣло изложить въ рецензіи все новое, это имѣетъ еще значеніе. Наконецъ надѣяться на сбытъ (на распродажу) при большинствѣ изданій трудно—кромѣ убытка ничего больше не останется.

«Я Вамъ не могу посовѣтывать начать это изданіе. Я почти увѣренъ, что и прежнія изданія остаются у издателей на плечахъ. Не увлекайтесь и не вводите себя во искушеніе. Впрочемъ можете навести справки

по магазинамъ, какъ идутъ прочія изданія «Слова» и даже Барсова».

Какъ видно изъ письма, покойный редакторъ смѣшивалъ научныя изданія съ изданіями школьными и вообще не совсѣмъ правильно представлялъ себѣ дѣло; можетъ быть, мое письмо не ясно рисовало то, о чемъ я думалъ. Позднѣе я увидѣлъ и познакомился съ изданіемъ для школъ «Слова» г. Чудинова: оно нѣсколько отвѣчало тому плану, какой былъ у меня, но далеко не дало всего. Конечно, я всегда далекъ былъ отъ мысли—нажить деньги школьнымъ изданіемъ, тѣмъ болѣе рисковать издавать что либо на свои деньги, которыхъ, при 75 рублевомъ мѣсячномъ жалованьи, не имѣлъ. Въ теченіе всей своей литературно-ученой и учебной дѣятельности я ничего не печаталъ, на свои деньги—не могъ, да и мечтать о такомъ дѣлѣ не дерзалъ! Говорить ли послѣ сказаннаго, что вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Алексѣя Андреевича, и «Слово» осталось у меня въ рукописи: я по ней разбиралъ памятникъ съ ученицами VI-го класса. Статья, о которой упоминается въ началѣ письма, представляла мою рѣчь—поминку по случаю 50-лѣтія со дня смерти малороссійскаго поэта Котляревскаго, произнесенную мною въ только что тогда основанномъ въ Нѣжинѣ музыкально драматическомъ кружкѣ. Тогда это молодое общество являлось свѣтлымъ моментомъ въ безконечно сонливой жизни этого городка, пока, конечно, провинціальныя сплетни и грязь не заставили многихъ членовъ уйти изъ кружка. По поводу этой статьи 12 марта писалъ мнѣ Алексѣй Андреевичъ: «Вмѣстѣ съ симъ посылаю Вамъ корректуру за болѣзнію не просмотрѣнной. Просмотрите раза два. Измѣните нѣсколько заглавіе такъ хоть:

«Воспоминаніе о Н. П. Котляр. по случаю 50-лѣтней годовщины».

Изъ большаго сноска, по моему, взять только послѣднія подчеркнутыя строки».

Брайловскій.

Продолженіе будетъ.

Эпитеты въ русскихъ былинахъ *).

Можно отмѣтить еще нѣсколько категорій эпитетовъ по отношенію къ ихъ значенію. Эпитетами выражается и чувственное отношеніе человѣка къ предмету, чаще всего любовь. При названіяхъ членовъ семьи, родственниковъ почти всегда эпитетъ выражаетъ родственную связь любви. Употребительны слѣдующіе эпитеты: «любимый»—при названіяхъ: чадо (470, 476, Г.), дочь, крестникъ, племничка, зять, семья (Г. 182, 184, 866); **любезный**: мужъ, ладушка (Др. р. ст. 68), любимый гость, хозяинъ, слуга, другъ; **милый**: другъ, чадо, (Г. 132, 134, 161), сынъ, ладъ, мила щерца (1, 5; III, 1), зет мил (2, 46; II, 15, 35), бабо мил (отецъ—III, 1, 83), снах мила (II, 14; III, 138), таст мил (II, 15, 16); **дорогой**: дядюшка, чадо драго (II, 14, 142), снаха драга (II, 14), побратим драги (II, 14, 68); **родимый** (т.-е. милый, какъ «родимое» дитя), братецъ (въ другомъ смыслѣ знадебка родимая, Д. 2, 7—294:—родимое пятно); «роженый:» дитятво; «родной» :батюшка (Г. 873), матушка (чаще всего: Г. 61, 470, 474, 833); бажоный дѣтушки (Р. III, 5), женочка (Р. III, 59), гости. **Милъ** и **малъ**—видоизмѣненія одного корня «млѣти», означали сначала вообще нѣчто разбитое, размолотое,—мягкое, нѣжное, съ одной стороны, и малое—съ другой. Отъ этого значенія «милъ» перешло къ любви, красотѣ, состраданію (Пот. «С. н. п.» 114). **Малый** фунгируетъ въ видѣ эпитета при сло-

---

*) Продолж. См. I—II и IV—V в.в. 1901 г.

вахъ: дѣтушки малыя, голубь, утица перна-стая малая (маленькія, хилыя, нѣжныя, милыя). Часто встрѣчаемъ эпитетъ **молодой**: сынъ, дочь, жена (чаще всего: Г. 61, 72, 113, 135), Чурила (К. III, 104; IV, 83, 84, 87), Добрыня (К. 1, 7, 11, 14; II, 2, 4...), змѣенышъ Добрыня съ Алешею постоянно называются молодыми. Въ понятіи «молодой» заключается и понятіе красоты (результатъ вліянія такихъ соединеній, какъ «молода жена»): младые загусельщики, затюремщики, Полканъ младъ богатырь (К. 1, 22, 9). Замѣчая ростъ мѣсяца, назвали и его младымъ («Др. р. ст.» 112, 134, «Сл. о П. Иг», был.). **Мать, батюшка, родитель** получили просто смыслъ милаго: родитель мой дядюшко (Р. II, 3, 21: въ мѣстоименіи тоже оттѣнокъ понятія милаго), мать святая Русь (Др. р. ст. 488), свѣтъ государыня матушка, Волга матушка, славная матушка быстра Волга рѣка (Г. 1015); даже: «плакала стѣна—мать городовая (Р. 1, 174: сравненіе: плакала, какъ мать). **Дорогой** употребляется и въ смыслѣ дорого стоящаго: боберъ, соболь, стрѣла *). При названіяхъ родни другихъ эпитетовъ, кромѣ заключающихъ понятіе любви, почти не бываетъ: «мужъ» называется **вѣнчальнымъ** (Р. III, 38; т. е. законный), жена—**мужнею** (законною). Особеннымъ уваженіемъ въ былинномъ быту пользуется «вдова»: эпитеты обращаютъ вниманіе на ея нравственныя достоинства, хотя вообще эпитеты почти не касаются нравственныхъ достоинствъ опредѣляемыхъ лицъ. Вдова называется **благочестивою** (Г. 1131), **честною**; также: мужняя, пащница (Р. III, 62, 1, несчастли-

*) Р. 2, 161.

вая), матера (Др. р. ст. 72). «Честный» находимъ въ роли эпитета еще при слѣдующихъ словахъ: пиръ (Г. 483, 502, 384, 389,—иначе почестный), мощи (Г. 875), Благовѣщенье, народъ вольно-кiевскiй, слава, литурђиjа часна (К. 3, 49). Первоначальное значенiе «честнаго» — «почетный», этотъ смыслъ въ древнѣйшемъ соединенiи «честный пиръ»; засимъ—славный, находящiйся въ чести (слава, народъ), и наконецъ—святой (мощи, Благовѣщенье); въ смыслѣ нравственныхъ достоинствъ «честный» въ былинахъ еще не употребляется: вдова честная—пользующаяся почетомъ. Въ Сербiи (у Богишича): честит цар, Отмановић, господа,—въ смыслѣ «почетнаго». Впрочемъ, и «благочестивый» скорѣе указываетъ на православiе, какъ и—благовѣрный князь (Г. 1129), царица, народъ православный. Эпитетъ «милосердая государыня» (Г. 1131)—позднѣйшiй эпитетъ вдовы «пащница» объясняется другой его формою: «вдовка горя—пащица» (Р. 4 т., № 19)—происходитъ отъ «пасти горе» въ «Словѣ о П. Иг.»: «Бѣды его пасетъ птицъ»; посѣвъ «всходитъ тугою»; въ пѣсняхъ: «Я посѣю горе во чистомъ полѣ», «три поля горя насѣяно (Р. 4, 127). Эпитетъ **матера** аналогиченъ эпитету «мать». «Земля» имѣетъ также эпитетъ «сыра-матера», сложный изъ двухъ древнѣйшихъ эпитетовъ земли «сырая» и «мать». Въ послѣднемъ видимъ олицетворенiе земли. Названiе земли матерью общее всѣмъ арiйцамъ: санскр. земля Prithvî mâtar—широкая мать; Δημήτηρ; Tellus mater, mater Ops, alma Parens; герм. Sius и Sulda—богиня земли; лангобарды и др., по Тациту, обожали «Nerthum id est Terram matrem» (санск. nritûs—возрастающая людей: nar—человѣкъ, tu—расти); литовцы называютъ землю mathe, mahmina—мать «Природа»

(natura) указываетъ землю, утроба которой постоянно рождаетъ (Аѳ. 129, I). **Сырая**—значитъ «увлаженная, оплодотворенная, способная стать матерью». «**Матерая** земля» стала противополагаться водѣ, а такъ какъ съ понятіемъ земли тѣсно связано представленіе о ея величинѣ, то «матерый» стало означать «большой, плотный, здоровый, сильный». Илья называется «матерымъ» (К. 1, 51; IV, 11). Мужъ и жена называютъ въ былинахъ другъ друга «семеюшкой, семьей». Василиса Микулишна зоветъ Ставра «любимою семеюшкой, законной сдержавушкой».

Кромѣ указанныхъ категорій, эпитеты чаще всего касаются размѣровъ предмета. Сюда относятся: **широкій**—въ слѣдующихъ соединеніяхъ: рѣка, перевозъ, дорога (44 Г.), ворота, улица,—и въ смыслѣ «обширнаго»: «поле, поле широко» (К. Ш, 1, 298; 305; II, 14, 122), чадар широк (II, 15, 319), дворъ, раздолье, сарачина (страна), мхи (Г. 1202 и плечи; **глубокій**—погребъ (Г. 68, 74, 123, 164, 153), става (омуты) Г. 112, озеро (Г. 1187), нора,—и въ отвлеченномъ смыслѣ: сонъ (иначе: «крѣпкій, крѣпкій безпробудный»—(Др. р. ст. 864, 879), старость»; **высокій**—гора (Г. 150, 449, 463, 585), теремъ, планина (К. II, 15, 473), кула (К. 4, 75); **длинный**—копье (Г. 140), волосъ; поле далече («чистое»—Г. 48, 65, 120, 158, 182, 442, 406—тоже въ смыслѣ обозримаго на большое пространство); **долгомѣрное**—копье (Р. 3, 5), щупалы (Р. 186); «сила»—войско называется «несмѣтною, непомѣрною»; колода—просторною (Р. II, 15); подворотня—стопудовою; переулокъ—мелкимъ.

Часто эпитеты означаютъ храбрость, смѣлость, силу, тяжесть. Таковы: **храбрый**—дружина хоробрая

рая, Литва, поѣздки, могучій—богатырь (Г. 47, 60, 113), конь, сила, плечи (Г. 186, 541); «удалой»—молодецъ, поленица, скоморохъ, стрѣлецъ; «сильный»—богатырь, јунак силан (К. II, 15, 773), војско силно (К. II, 15, 121,—многочисленное), гора («горы сильныя сталкивались»); тяжелый—кандалы, мечъ, топузина тешка (К. II., 14, 86;= булава),—и въ отвлеченномъ: болезаља тешка (К. 4, 75); легкій—лодка, стружокъ, шуточки легкія (Р. 201); крѣпкій—(чешск. křepky сильный и быстрый)—палица, заступъ (Г. 1288), чаще объ отвлеченныхъ понятіяхъ: приговоръ (Г. 1206), дума, запись; добрый—Богиш.: јунак, витез добар, јунак добар (К. II, 5), молодецъ (Г. 48, 139, 17, 187, 874), конь, здоровьеце, коњ добар (К. 1, 295, 209; II, 16, 37; III, 38, 248). Серб. «добар коњ» означаетъ быстраго, ретиваго коня: пенз. доброта—ретивость; чеш. эпитетъ коня ruči быстрый. «Добрый молодецъ» сначала означало сильнаго, послѣ—красиваго. Указанные эпитеты очень часто стоятъ по два или по три вмѣстѣ: «воинъ сильный храбрый могучій», обыкновенно: «сильный могучій богатырь («Др. р. ст.» 122, 159), дородненькій добрый молодецъ (Др. р. ст. 125, 410). Очень часто употребляется эпитетъ славный. Обыкновенно онъ сопровождаетъ названія городовъ: Славный Черниговъ (К. 1, 36; III, 20), Кіевъ, Москва, Тверь, Ростовъ, Волынецъ, Леденецъ (К. IV, 99), Муромъ (К. 1, 41, 47), Новгородъ (384), Іерусалимъ градъ (875); Израй—рѣка, Орда, потомъ вообще при топографическихъ названіяхъ: поле, гора—славное чистое поле (Др. р. ст. 44, 451, 483, 471); при названіяхъ зданій: храмъ, застава. Городамъ отдаленнымъ, извѣстнымъ только по наслышкѣ, естественно припи-

сать признакъ «славныхъ». Въ томъ же смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ извѣстнаго, о которомъ много говорятъ, и Илья названъ «славнымъ» (К. IV, 24). 2) Послѣ «славный» стало означать вообще «прекрасный, красивый»,— «славная покляная береза» (Др. р. ст. 443; «покляная»—Р. 1, 10,—наклонная въ одну сторону). 1) Славнымъ часто называется богатырь, также «рыцарь славный».

Обычный эпитетъ «головы»—буйная—имѣетъ первоначальное значеніе = «высокая:» ср буять—высоко летать; буйныя жита, хлѣба=высокія; Бусл. хр. 618: глава твоя превозноситъ главу мою и бысть выя твоя въ буести, яко фарави въ монастѣ»; Барс. «Прич.» 109: «я клоню свою буйную головушку»: буйную голову носить надо низешенько»,—въ обоихъ случаяхъ видимъ противоположеніе. Въ томъ же смыслѣ «вѣтеръ» называется обыкновенно буйнымъ, т. е. высоко несущимся, выше лѣса стоячаго; мр. вітеръ віе горою»—верхомъ; въ «Задонщинѣ» находимъ выраженіе: «восхваляя гуслеными буйными «словесы», т.-е. возвышенными; «буево» значитъ кладбище, на возвышенности. Послѣ «буйный» при словѣ «голова» получило значеніе гордаго; буй=нѣм. hehr, гърдъ, у Ѳомы Шпиднаго: bujeti—быть гордымъ. Въ этомъ смыслѣ «буйный» въ «Словѣ о П. Иг.» служитъ эпитетомъ при именахъ князей: Игоря, Романа, Мстислава, Рюрика, Давида, (ср. въ мр. колядкахъ «пишній»—отъ «пиха»—гордость). Въ первоначальномъ смыслѣ «буй» имѣло еще смыслъ «большого» (санскр. бhўjањс=очень большой»), такимъ является оно въ соединеніи: буй—туръ (санскр. маhиша=сильный и буйволъ).

На изящество отдѣлки предметовъ изъ ткани, сукна обыкновенно указываетъ эпитетъ тонкій: тонкій

поводъ, паруса, шатеръ, рубашка («Др. р. ст.» 472), полотно, чулочки,—также: дерски тоненькія (пальцы); въ сербскомъ имѣетъ смыслъ (изящнаго, стройнаго»: бедевиjа (арабская кобыла) танка (К. II, 14, 215), кула (К. II, 14, 73); у Богишича находимъ танко рухо, руно, платно, грло, jедро, књига, фуста, кошуља.

Изъ другихъ болѣе обычныхъ эпитетовъ замѣтимъ: **частый**—дожди, дождички, грабли, кусты,—и въ смыслѣ «многочисленнаго»: звѣзды, наволокища (Р. Ш, 51, 6:=мысы); **тихій**—плесо (Будил. 1598: плесо о связи съ плѣсень: застоявшееся, заросшее), заводи (Р. 1, 6;=рѣчной заливъ, мелкій, открытый, на плесу; низкіе полои, отдѣленные отъ рѣки гривкою—косою), лукоморье (Р. 311, I, 53), заберега (Р. 1, 72); во всѣхъ этихъ случаяхъ «тихій» является въ приложеніи къ водѣ замкнутой, отрѣзанной отъ остальной бурной, волнистой ея части. Этотъ эпитетъ настолько сблизился съ представленіемъ о водномъ пространствѣ, что и бурныя большія рѣки стали называться тихими: Донъ, Дунай—ср. въ болг. пѣснѣ: «Дунавъ мжтенъ протѐкал дръвіе и камни влѣчѣше... че са фрълилъ Иванчёвъ тиха дѣла Дунава» (Безс. «Б. п». 21 кн.). Эпитетъ «бѣл» означаетъ быстроту, чешс bily и bystrý Dunaj. Потебня предполагаетъ въ «тихій» понятіе «тушить» —въ смыслѣ «лить»: тихій—льющійся, текущій. Въ чеш. эпитетъ рѣки ruči, быстрый,—тоже и о конѣ; серб.брзица—быстрая текущая по камнямъ рѣка; самое слово «рѣка» родственно съ рѣять, ринуть, мр. ринуть—течь, нурнуть—нырять.

Эпитетъ **сладкій** находимъ при названіяхъ напитка: медъ, водка, напитокъ,—и символически: «поцѣлуй сладкій, отсюда: «уста сахарныя»;

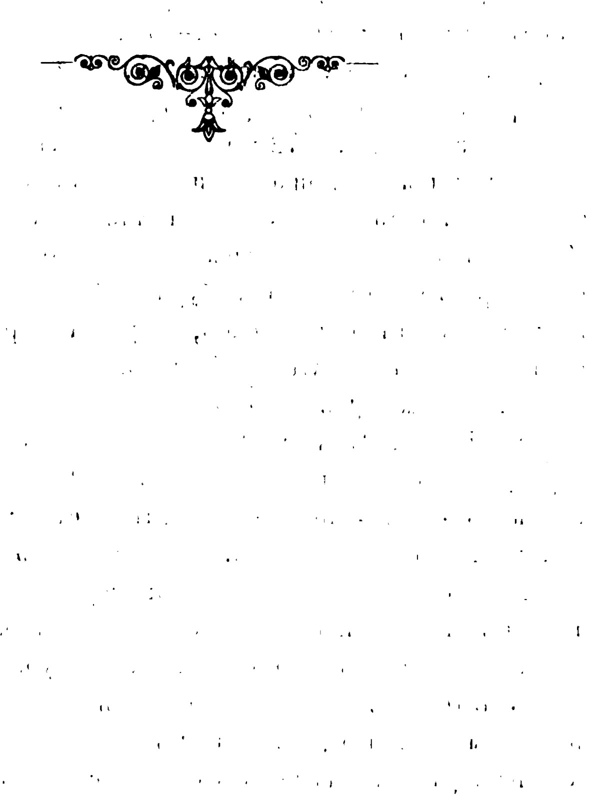
ѣства сахарныя=сладкія. О постройкахъ говорится часто «новый»: сѣни, горенка.

«Рана» обыкновенно называется **кровавою**, съ другими оттѣнками: кровавая сабля, плаха, побоище (Г. 1245).

Рѣка иначе называется—кротка, смирна, быстрая (Г. 1015, 129).

П. Первовъ.

Окончаніе будетъ.



Грамматика и письменныя упражненія въ начальной школѣ *).

Сколько мнѣ извѣстно (а у меня имѣется достаточно обширный районъ для наблюденій, обнимающій пространство отъ Балтійскаго моря и рѣки Великой до и дальше Уральскихъ горъ, отъ верховьевъ Волги до Чернаго моря), всѣ письменныя упражненія въ нашихъ школахъ по какому-то недоразумѣнію направлены къ орѳографической задачѣ. Хотятъ, чтобы ученики народной школы въ совершенствѣ владѣли правописаніемъ по Гроту и на выпускныхъ экзаменахъ единственной повѣрочной испытательной письменной работой по родному языку обыкновенно бываетъ диктовка. При этомъ матеріаломъ для диктовки избираются то небольшія законченныя статейки, напр., изъ превосходныхъ книжекъ Л. Н. Толстого; то отрывки изъ какой-нибудь популярной книжки, то безсвязныя, наскоро придуманныя самимъ главнымъ экзаменаторомъ, часто довольно неуклюжія фразы: это дѣло произвола того лица, которое назначено (вѣрнѣе: которое соблаговолило быть) предсѣдателемъ экзаменной комиссіи. Главнымъ средствомъ для достиженія этого «диктовочнаго» правописанія, конечно, и служатъ усиленныя диктовки какъ во все продолженіе учебнаго года, такъ особенно въ послѣдніе мѣсяцы передъ экзаменомъ, когда эти диктовки чуть ли не доводятъ до одурѣнія и учениковъ, и учителей Другимъ средствомъ для достиженія той же

*) Изъ лекцій—на курсахъ въ г. Павловскѣ Петербургской губерніи въ сентябрѣ 1899 г.

цѣли въ школахъ иногда является прохожденіе грамматики, соединенное, съ такъ называемымъ «грамматическимъ разборомъ» по учебникамъ Тихомирова, Пуцыковича» и т. под. На отзубриваніе этой грамматики да на диктовки тратится масса времени и силъ, а результаты, говоря по совѣсти, получаются все-таки довольно жалкіе, даже съ точки зрѣнія исключительно орѳографическихъ интересовъ: ученики, написавшіе на экзаменѣ весьма хорошую диктовку, примѣнительно къ «Русскому правописанію» Грота, через мѣсяцъ пишутъ ѣ въ словѣ этотъ, совершенно не признавая въ своей житейской практикѣ тѣхъ правилъ правописанія, которыя вдалбливала въ ихъ головы школа, а написать толковую записку о томъ, что въ селѣ появилась на рогатомъ скотѣ болѣзнь, что требуется помощь земскаго ветеринара, совершенно не умѣютъ или пишутъ вопреки всѣмъ правиламъ Грота и такъ безтолково, что понять ее невозможно. Между тѣмъ г.г. казенные наблюдатели и руководители народной школы, просмотрѣвъ экзаменныя диктовки, не рѣдко съ гордостью провозглашаютъ, что «вотъ, молъ, у меня въ школахъ ученики пишутъ безошибочно по Гроту»; а другой на это ядовито отзывается: «Это что за диковина! а у меня не то, что пишутъ по Гроту, но и грамматику Пуцыковича знаютъ: склоняютъ и спрягаютъ, такъ что грамотность-то получается сознательная и прочная». Но все это—жалкій самообманъ, по поводу котораго такъ и хочется сказать: «все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно!»

Какое же значеніе для жизни имѣетъ эта «диктовочная» и «экзаменная» грамотность? И не правы ли тѣ крестьяне, которые втихомолку говорятъ, что «въ школѣ у насъ наученіе небольшое: ребята настоящей

умственности и письменности не получаютъ, а только такъ учатся кой-чему, для виду, для показности»... (разумѣй—для экзамена).

Да, вся бѣда наша въ томъ, что всѣ мы, прежде всего, чиновники; что мы, обучая ребятъ, больше думаемъ не о жизни и ея потребностяхъ, а объ экзаменахъ и выставкахъ; руководствуемся въ нашемъ дѣлѣ не интересами и благомъ народной жизни, а совершенно посторонними соображеніями. Мнѣ пришлось недавно на однихъ курсахъ въ губернскомъ городѣ видѣть коллекцію письменныхъ работъ учениковъ народныхъ школъ, побывавшую на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Коллекція эта была выставлена наблюдателемъ курсовъ, вѣроятно, ради поученія. Это были тетрадки необыкновенной чистоты; каждая страничка въ рамкахъ, исполненныхъ очень изящно; обертки съ замысловатыми надписями и виньетками; каллиграфія высокаго качества, орѳографія по Гроту безукоризненная; содержаніе работъ: диктовки, грамматическія упражненія и такъ называемыя «переложенія», исполненныя въ томъ родѣ, какъ это бываетъ въ младшихъ классахъ нашихъ гимназій, т.-е. очень книжно и, такъ сказать, литературно; словомъ, это были тетрадки, какихъ никогда не бываетъ и не можетъ быть въ русской народной школѣ.

Разсматривая эту коллекцію, я подивился ихъ внѣшнему изяществу и разспрашивалъ учащихъ лицъ, какъ имъ удается достигать такого изящества. «Охъ, ужъ эти тетрадки!» получилъ я въ отвѣтъ: «дорого онѣ намъ достались! Вѣдь мы мѣсяца два съ ними возились, безчисленное число разъ ихъ исправляли, передѣлывали да переписывали: чуть ошибка или клякса, пиши снова,—поправокъ и помарушекъ не допускалось»...

Экзаменныя и всяческія выставки, довольно своеобразно понимаемыя (чтобы на нихъ дѣло представлялось отнюдь не въ истинномъ видѣ, какъ оно идетъ въ дѣйствительности), насъ просто съ ума свели.

Отсюда это вопіющее противорѣчіе между стремленіями школы и требованіями жизни... Напримѣръ, экзаменъ мѣриломъ грамотности учениковъ народной школы считаетъ удовлетворительное писаніе подъ диктовку, при чемъ оффиціальная программа благоразумно ограничиваетъ орѳографическія требованія отсутствіемъ въ диктовкѣ учениковъ искаженія словъ и пропуска буквъ да толковымъ отдѣленіемъ предложеній знаками препинанія (программа экзамена на льготу по воинской повинности); требованія же слишкомъ ретивыхъ исполнителей дошли до «диктовочнаго» правописанія по Гроту.

А жизнь мѣриломъ грамотности считаетъ болѣе или менѣе удовлетворительное, т.-е. складное и всѣмъ понятное, письменное изложеніе фактовъ и мыслей въ письмѣ, прошеніи, договорѣ и т. под. Кто тутъ правъ и какъ быть школѣ?—Конечно, жизнь всегда права, и школѣ нельзя пренебрегать ея разумными требованіями и дѣйствительными потребностями, потому что вѣдь не жизнь существуетъ для школы, а школа для жизни. Отчего же однако преувеличенныя заботы нашей школы о правописаніи не даютъ желательныхъ результатовъ?—По той простой причинѣ, что безукоризненное правописаніе по Гроту недостижимо въ начальной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ, по 25—30 учебныхъ недѣль въ году. Вѣдь оно плохо достигается и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ восьми, даже девятигодичнымъ курсомъ. Нельзя ни достичь, ни желать недостижимаго и невозможнаго. Изъ сказаннаго, впрочемъ,

вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ народной школѣ не нужно было стремиться къ возможному совершенству правописанія. Я подчеркиваю слово возможному, потому что у насъ хотятъ невозможнаго и на это тратятъ непроизводительно массу времени и силъ, которыя слѣдовало бы отдавать чему-нибудь, болѣе необходимому и возможному, нежели безукоризненное соблюденіе условныхъ, а иногда и спорныхъ орѳографическихъ правилъ.

Отнюдь не отрицая стремленія къ усовершенствованію правописанія учениковъ народной школы, я настаиваю только на трехъ существенныхъ условіяхъ или ограниченіяхъ.

Во-первыхъ, я настаиваю, чтобы это стремленіе не выходило изъ предѣловъ возможности и необходимости. Надо разъ навсегда отказаться отъ неумѣстной орѳографической щепетильности и признавать письмо учениковъ народной школы удовлетворительно грамотнымъ, если его можно понимать безъ затрудненій. Съ этой точки зрѣнія важно, чтобы не было искаженія словъ и пропуска буквъ; чтобы предлоги—представки не смѣшивались съ предлогами—отдѣльными словами; чтобы толково поставленные знаки препинанія свидѣтельствовали о сознательномъ, вдумчивомъ отношеніи пишущаго къ тому, что онъ пишетъ,—о пониманіи связи и зависимости между предложеніями; но вовсе не важно безукоризненное употребленіе буквы **ѣ** въ корняхъ, буквъ **а** и **о** вопреки произношенію; родовыхъ окончаній **ые**, **іе**, **ыя**, **ія** въ именахъ прилагательныхъ, потому что, какъ ни напиши, напр., слово дверь, черезъ **е** или черезъ **ѣ**, все будетъ дверь, а не окно; какъ ни напиши черн**ые** или черн**ыя** столы, все будутъ столы, а не доски, и все черные, а не бѣлые. Я не говорю уже про то, что употребленіе

буквы ѣ, даже буквъ а и о въ нѣкоторыхъ случаяхъ до сихъ поръ—предметъ спора и сомнѣнія; о нѣкоторыхъ случаяхъ даже одобренные учебники гласятъ: пишутъ такъ, пишутъ и по другому, а какъ надо писать, объ этомъ умалчиваютъ. Безусловно можно и должно достигнуть, чтобы ученики къ концу курса удовлетворительно примѣняли слѣдующія правила правописанія:

1) Объ употребленіи прописной буквы. Начало полагается въ первомъ же году обученія, при первыхъ письменныхъ упражненіяхъ: сперва пишутъ прописную букву въ началѣ, послѣ точки, въ словѣ Богъ, въ именахъ людей, потомъ въ названіяхъ городовъ, рѣкъ и пр. Во второмъ учебномъ году дается понятіе о собственныхъ именахъ, въ третьемъ упражняются въ сочиненіи писемъ (мѣстоименія Вы, Вашъ), и всѣ случаи употребленія прописной буквы исчерпаны. Такимъ-то образомъ въ первомъ году полагается начало орѳографическому навыку, который постепенно расширяется и укрѣпляется.

2) Объ употребленіи буквы э. Начало правильнаго употребленія этой буквы полагается тоже въ первомъ году обученія, такъ какъ это употребленіе буквы э основывается на произношеніи и усвоивается легко при обученіи грамотѣ по звуковому способу. Да и случаевъ употребленія этой буквы въ нашей письменности очень не много: всѣ русскія слова съ этой буквой обыкновенно встрѣчаются въ азбукѣ и въ письменныхъ упражненіяхъ перваго учебнаго года.

3) О переносѣ словъ изъ одной строки въ другую. Опять начало усвоенія правилъ о переносѣ полагается при обученіи грамотѣ, при чемъ въ основу берется дѣленіе словъ на слоги; этой основой

можно ограничиться и для всего курса начальной школы, такъ какъ этимологическая основа здѣсь не можетъ имѣть примѣненія, да и въ печати мало-по-малу теряетъ всякое практическое значеніе.

4) О правильномъ употребленіи нѣкоторыхъ падежныхъ окончаній, какъ ѣ въ дательномъ и предложномъ падежахъ, а также такихъ окончаній, которыя часто неправильно пишутся подъ вліяніемъ говора: доброва вмѣсто добраго, у сестрѣ вмѣсто у сестры, до̀бромъ вмѣсто добрымъ, доброю вмѣсто добрую и т. под.

Правильное написаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ окончаній устанавливается путемъ практическаго навыка при обученіи грамотѣ. Напримѣръ, при первыхъ же упражненіяхъ въ чтеніи и письмѣ можно и должно привить ученикамъ навыкъ читать доброва, когда написано или напечатано добраго, и писать добраго, когда ухо слышитъ доброва. Начало правильному употребленію другихъ окончаній тоже надо положить при первыхъ письменныхъ упражненіяхъ, исправляя говоръ учениковъ; но достаточно прочное закрѣпленіе правильныхъ окончаній возможно только тогда, когда ученики будутъ свободно измѣнять слова по вопросамъ и ясно поймутъ соотвѣтствіе между окончаніями и вопросами.

5) Объ употребленіи буквы ь въ глаголахъ. Опять-таки начало практическому навыку можно положить въ первомъ году обученія, но прочное закрѣпленіе его возможно только позже, когда ученики будутъ свободно и сознательно пользоваться разными глагольными формами.

6) Объ отдѣльномъ и слитномъ написаніи предлоговъ.

Здѣсь основою для правильнаго написанія всего лучше брать начальныя формы (начало) и измѣненія словъ. Предлогъ—приставка (или представка) остается на своемъ мѣстѣ при всѣхъ измѣненіяхъ слова, какъ его составная часть, обусловливающая его смыслъ: входъ, входа, входу и т. д., прочиталъ, прочитаю, прочитать и т. под. Опять начало практическому навыку можно положить при первыхъ письменныхъ упражненіяхъ. Такъ какъ чаще всего ученики ошибаются, соединяя предлогъ съ именемъ предмета, то можно спрашивать ихъ: какъ называется предметъ? и они легко поймутъ, что предлогъ—отдѣльное слово, и что написать его надо отдѣльно.

7) О толковой постановкѣ знаковъ препинанія.

Хотя и въ первомъ году обученія надо познакомить учениковъ съ точкой, съ запятой, съ знакомъ вопроса, но основою для сознательной и толковой постановки знаковъ препинанія должно служить разложеніе рѣчи на предложенія, пониманіе состава рѣчи и взаимнаго отношенія между предложеніями, а потому достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ въ этомъ дѣлѣ можно только тогда, когда сдѣлается возможнымъ анализъ рѣчи, хотя бы и безъ грамматическихъ терминовъ, которыхъ не надо бояться, но которыми не слѣдуетъ и обременять учениковъ начальной народной школы безъ надобности.

Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, я признаю толковую постановку знаковъ препинанія однимъ изъ самыхъ важныхъ отдѣловъ ороографіи не только въ практическомъ, но и въ образовательномъ отношеніи. Вѣдь толковая постановка знаковъ препинанія не только обусловливаетъ вразумительность написаннаго для читате-

ля, но и свидѣтельствуетъ о сознательномъ, вдумчивомъ отношеніи пишущаго къ тому, что онъ пишетъ: въ ней выражается его пониманіе. Если для правильнаго употребленія, напримѣръ, буквы ѣ въ корняхъ нужна преимущественно механическая память, почему у насъ и практикуется до сихъ поръ заучиваніе таблицы коренныхъ словъ съ этой буквой, то для толковой постановки знаковъ препинанія нужна работа мысли, пониманіе рѣчи, сознательное отношеніе къ ней, все равно, будетъ ли это своя или чужая рѣчь. Потому-то и программа экзамена на льготу по воинской повинности совершенно основательно обращаетъ вниманіе на знаки препинанія, умалчивая о буквѣ ѣ.

Само собой разумѣется, что я далекъ какъ отъ мысли о ненужности этой буквы, о ея упраздненіи, такъ и вообще объ упраздненіи прочныхъ историческихъ традицій, но думаю, что къ удовлетворительному примѣненію на практикѣ всѣхъ другихъ правилъ правописанія, кромѣ выше сказанныхъ, въ начальной народной школѣ надо только стремиться исключительно практическимъ путемъ. Обязательными же ихъ здѣсь признавать нельзя. Конечно, уже въ первомъ году обученія, если на это будетъ обращено должное вниманіе, у дѣтей можетъ накопиться порядочный запасъ словъ, въ корнѣ которыхъ они должны и будутъ писать букву ѣ, въ силу практическаго навыка, но все-таки подобныя ошибки въ начальной школѣ слѣдовало бы считать невмѣняемыми.

Во-вторыхъ, я настаиваю, чтобы народная школа стремилась къ возможному совершенству правописанія отнюдь не «диктовочнаго». Извѣстно, что не рѣдко ученикъ, довольно правильно пишущій диктовку, дѣлаетъ неожиданно много грубыхъ ошибокъ въ самой

простой и коротенькой запискѣ къ товарищу, которую надо «сочинить», а не подъ диктовку написать. Вотъ результаты «диктовочнаго» правописанія.

Надо сказать, что однѣми только усиленными диктовками и нельзя достигнуть порядочнаго правописанія, т.-е. не «диктовочнаго», конечно. Въ послѣднее время, впрочемъ, у насъ стали рекомендовать другую крайность. Исходя изъ той справедливой мысли, что въ укрѣпленіи орѳографическихъ навыковъ большую роль играютъ зрительныя ощущенія, рекомендуютъ совершенно замѣнить диктовку списываніемъ.

Думаю, что злоупотребленіе списываніемъ чуть ли не опаснѣе злоупотребленія диктовкой: оно очень скоро надоѣдаетъ дѣтямъ, притупляетъ ихъ вниманіе, обращается въ работу чисто механическую, совершенно безполезную, если не вредную. Благоразумнѣе пользоваться и диктовкой, и списываніемъ, но въ мѣру, умѣло и не дѣлая ни того, ни другого не только исключительной, но и главной письменной работой учениковъ народной школы.

Прежде, чѣмъ перейти къ той письменной работѣ, которую надо признать главною, сдѣлаю нѣсколько замѣчаній о диктовкѣ и списываніи. Диктовку я всего болѣе рекомендую—съ предварительнымъ орѳографическимъ разборомъ, предупреждающимъ ошибки. Такая диктовка пріучаетъ учениковъ предварительно задумываться надъ тѣмъ, что надо писать; а это важно, потому что большая часть ошибокъ у дѣтей происходитъ именно по той причинѣ, что они вовсе не думаютъ о томъ, что надо писать.

Я положительно отрицаю надобность въ особомъ, нарочито подобранномъ матеріалѣ для диктовокъ, пригнанномъ къ правиламъ правописанія. Такой матеріалъ

обыкновенно состоитъ изъ безсвязныхъ отрывочныхъ фразъ, отличается внутренней пустотой, часто неуклюжей формой. Такая диктовка малоплодотворна во всѣхъ отношеніяхъ. Даже то орѳографическое правило, ради котораго сдѣланъ этотъ подборъ пустопорожнихъ фразъ, соблюдается чисто механически, и сплошь да рядомъ бываетъ, что ученики на другой же день на новой диктовкѣ, подобранной ради другого правила, уже совершенно забываютъ о соблюденіи вчерашняго, а тѣмъ болѣе, если имъ приходится писать какой нибудь живой, болѣе связный и содержательный, такъ сказать, естественный матеріалъ.

Я думаю, что диктовать ученикамъ можно и должно все, что было ими прочитано въ классѣ съ учителемъ, объяснено и понято, предупреждая ошибки предварительнымъ орѳографическимъ разборомъ. Учительскій тактъ и знаніе своихъ учениковъ должны указать учителю, въ какихъ случаяхъ и въ какихъ размѣрахъ нужно это предупрежденіе. Но во всякомъ случаѣ его надо вести такъ, постепенно сокращая, чтобы оно, такъ сказать, само себя упраздняло и въ концѣ концовъ свелось на «нѣтъ».

Списываніе хорошо соединять съ работой мысли: тогда оно не такъ притупляетъ вниманіе, болѣе занимаетъ учениковъ, внимательнѣе исполняется ими, а потому приноситъ больше пользы. Хорошо давать для списыванія неоконченныя фразы, требуя прибавленія окончанія. Хорошо списывать описанія или разсказы съ измѣненіемъ формы: изъ прошедшаго времени въ настоящее, изъ перваго лица въ третье и т. под. Полезна и переписка собственной работы съ исправленіями, по замѣчаніямъ учителя.

Въ-третьихъ, я настаиваю, чтобы орѳографическая

задача, хотя бы въ тѣхъ благоразумныхъ и возможныхъ размѣрахъ, какъ это указано программою экзамена на льготу по воинской повинности, не стояла на первомъ планѣ въ письменныхъ упражненіяхъ учениковъ народной школы, у которой есть болѣе важная задача, достигаемая путемъ этихъ же упражненій. На первый планъ надо поставить главное, наиболѣе важное, а не второстепенное,—не то, что является роскошью, а то, что составляетъ жизненную потребность, необходимость. Главное и необходимое—то, чтобы ученики научились и напрактиковались свободно и самостоятельно пользоваться языкомъ для письменнаго изложенія своихъ знаній, наблюденій, мыслей, чувствъ, желаній.

Н. Бунаковъ.

Окончаніе будетъ.

Нѣсколько соображеній по поводу новаго учебнаго плана для средней школы по русскому языку и словесности *).

Перехожу къ вопросу о логикѣ. Признавая этотъ предметъ труднымъ для изученія въ средней школѣ (съ чѣмъ нельзя не согласиться), коммиссія рѣшила его, какъ отдѣльный предметъ преподаванія, исключить изъ курса; основныя же логическія понятія новый учебный планъ предлагаетъ «собрать при разборѣ образцовъ» на урокахъ словесности. Если теперь принять во вниманіе, что въ объемъ послѣдней, согласно плану, входятъ исключительно произведенія изящной словесности, то, очевидно, учителя этого предмета будутъ поставлены въ недоумѣніе насчетъ того, какимъ образомъ изъ произведеній изящной литературы можно извлечь представленіе о синтезѣ и анализѣ, объ образованіи понятій и пр. Намъ кажется, что и во взглядѣ на логику слѣдовало бы порвать съ традиціями прежней системы окончательно.

Логика родилась въ умахъ греческихъ философовъ на почвѣ смѣшенія слова (λόγος) и мысли (тоже λόγος) и представляла въ виду этого какъ бы нѣчто, нераздѣльное съ грамматикой. Въ такомъ видѣ она развивалась очень долго и дожила, можно сказать, до нашихъ дней, такъ какъ это смѣшеніе принято, наприм., Беккеровской системой анализа языка, которая заполонила собою

*) Окончаніе. См. начало въ IV—V в. 1901 г.

грамматическіе курсы средней школы [11]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ научная разработка языка, съ одной стороны, и логики съ другой—конечно, не стояла на мѣстѣ; и въ настоящее время вопросъ настолько прояснился, что пора бы внести нѣкоторое обновленіе и въ курсы средней школы. Ученые лингвисты, опровергая тожество грамматическихъ и логическихъ категорій, называютъ языкъ явленіемъ психологическимъ и историческимъ, а формальную логику отдаютъ въ удѣлъ скорѣе математикѣ [12]).

Сдѣлавное нами отступленіе имѣетъ въ виду указать только на то, откуда возникла традиція о словесникѣ, какъ о преподавателѣ логики. Мы лично ничего не имѣемъ противъ преподаванія логики словесниками, прослушавшими на историко-филологическомъ факультетѣ спеціальный курсъ этой науки, но—только въ томъ случаѣ, если логику признать отдѣльнымъ самостоятельнымъ предметомъ, какимъ она признается напр. въ программахъ 1890 г. Если же отказаться отъ такого признанія и въ то же время установить попутное усвоеніе логическихъ положеній, то необходимо выбирать пути ближайшіе и «собираніе» логическаго матеріала производить тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно подъ рукою. Въ примѣненіи къ данному случаю мы думаемъ, что, такъ какъ логика распадается на два отдѣла (логика дедуктивная и индуктивная), то и усвоеніе логическаго матеріала должно быть пріурочено преимущественно къ тѣмъ предметамъ, которые являются типическими представителями обоихъ ея отдѣловъ—къ математикѣ (дедукція, логиче-

---

[11]) См. объ этомъ напр. въ книгѣ проф. А. Добіаша: «Опытъ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греч. яз.». Прага 1897.

[12]) Ibid. стр. 22.

скій синтезъ) и естествовѣдѣнію (индукція, логическій анализъ). Не останутся при этомъ безъ работы и прочіе преподаватели. Такъ какъ изложеніе каждаго предмета имѣетъ свою логическую схему, подчинено тѣмъ или другимъ логическимъ принципамъ, то каждый преподаватель долженъ попутно указывать на болѣе типическіе логическіе пріемы, прилагаемые къ изученію и изложенію свѣдѣній изъ области его предмета [13]). Не можетъ быть и рѣчи при этомъ о томъ, что, де-скать, преподаватели разныхъ предметовъ теоретически не знаютъ логики (не прослушавъ спеціальнаго курса въ университетѣ)—потому, что въ средней школѣ не можетъ быть, по нашему мнѣнію, мѣста для такихъ учителей, которые въ совершенствѣ не знаютъ методологіи своего предмета, а такая методологія предполагаетъ обязательное знаніе логики [14]). При распредѣленіи логическаго матеріала, конечно, найдется работа и для словесника,—разумѣется, не при чтеніи произведеній изящной словесности, а на урокахъ грамматики родного языка. На этихъ урокахъ напр. долженъ быть разобранъ вопросъ о логическихъ сужденіяхъ. Предлагаемымъ нами распре-

---

[13]) Наиболѣе типичныя логическія схемы необходимо, по нашему мнѣнію, закрѣплять въ памяти учащихся при помощи системы письменныхъ работъ по разнымъ предметамъ (Объ этомъ см. ниже).

[14]) Логику иногда называютъ наукой наукъ, и это названіе весьма удачно выражаетъ всю обширную примѣнимость логическихъ принциповъ.... геологія есть логика, примѣненная къ объясненію образованія земной коры; біологія есть логика, примѣненная къ явленіямъ жизни.... Такимъ образомъ, каждая наука признается спеціально логической» («Элементарный учебникъ логики» —Стенли Джевонса, стр. 6—7).

дѣленіемъ логическаго матеріала мы ничего новаго не вносимъ ни въ педагогическую теорію, ни въ практику, если не считать новымъ того, что при нашей системѣ ни одинъ изъ преподавателей старшихъ классовъ не будетъ оставлять неразъясненными тѣхъ логическихъ пріемовъ, методовъ и терминовъ, съ которыми учащіеся имѣютъ дѣло на урокахъ его предмета, и не будетъ ждать, пока эти пріемы или методы будутъ выяснены преподавателемъ словесности.

Освободивъ словесника отъ значительнаго количества логическаго матеріала, заставляющаго его, въ случаѣ оставленія status quo учебнаго плана, постоянно нарушать предписаніе послѣдняго «собирать» матеріалъ «при разборѣ образцовъ», то и дѣло прибѣгать къ помощи математики, естествовѣдѣнія и др. предметовъ, мы находили бы полезнымъ ввести въ курсъ русскаго языка и словесности попутное прохожденіе психологіи.

Значеніе этой отрасли знаній настолько велико, что врядъ ли могутъ быть на этотъ счетъ какія-либо сомнѣнія. Не будемъ говорить о преподаваніи грамматики (не той, конечно, которая проходится въ средней школѣ въ настоящее время), понимать явленія которой безъ освѣщенія психологическими данными немыслимо [15]); но можно ли, спросимъ, понять Отелло безъ сравненія его поведенія съ научно засвидѣтельствованными данными въ отдѣлѣ психологіи объ аффектахъ, или вполнѣ ли будетъ ясна для учащихся медлительность дѣйствій и чрезмѣрная нерѣшительность Гамлета безъ сообщенія данныхъ о темпераментахъ (конечно, не въ схоластическомъ освѣщеніи)? А Онѣгинъ—съ его разладомъ ме-

[15]) См. напр. «Volkerpsychologie» von Wilhelm Wundt. I Band. Leipzig 1900.

жду умомъ, сердцемъ и волею?! И такъ безъ конца. Можно сказать, что изъ твореній перечисленныхъ въ конспектѣ авторовъ, $^3/_4$ имѣютъ захватывающій психологическій интересъ. Наконецъ, отчетъ о впечатлѣніи, полученномъ отъ любого произведенія, который долженъ быть обязателенъ для каждаго учащагося, не получитъ ли болѣе содержательности и осмысленности при знакомствѣ съ психологическими понятіями и примыкающими къ нимъ эстетическими положеніями, чѣмъ это въ большинствѣ случаевъ имѣетъ мѣсто въ настоящее время?

Теперь, по поводу указаній послѣднихъ строкъ конспекта, возвратимся къ вопросу о письменныхъ работахъ. Новый учебный планъ рекомендуетъ обратить серьёзное вниманіе на письменныя упражненія, начиная съ V класса. Нельзя не отнестись сочувственно къ признанію за письменными упражненіями большого значенія. Можно только пожелать, чтобы на эти упражненія обращалось серьёзное вниманіе, начиная уже съ I кл. Далѣе, не можемъ не отмѣтить нѣкоторой односторонности въ выборѣ темъ исключительно изъ области литературы и исторіи. Неужели въ жизни, къ которой должна готовить школа, намъ нужны только Бѣлинскіе, Незеленовы, Соловьевы, Костомаровы? Неужели школа, въ направленіи выработки письменной рѣчи и строго дисциплинированной логической мысли учащихся, ничего или почти ничего не сдѣлаетъ для преподаваемыхъ въ ней математики, естествознанія, отечествовѣдѣнія, законовѣдѣнія и пр. и, съ другой стороны, не воспользуется услугами этихъ предметовъ, въ смыслѣ использованія ихъ богатаго лексическаго матеріала и логически стройныхъ схемъ изложенія, для общаго развитія мысли и рѣчи учащихся? Мы думаемъ, что лексическій матеріалъ, своеобразныя особенности стиля и методъ изло-

женія въ различныхъ отрасляхъ знанія настолько разнообразны, что напр. надежда, на основаніи изученія Сервантесовскаго описанія боевого коня Донъ-Кихота, выработать умѣнье дать толковое описаніе строенія позвоночныхъ должна быть названа, по меньшей мѣрѣ, иллюзорной. Точно также наивно было бы думать, что знаменитый «садъ Плюшкина» можетъ оказать услугу напр. въ смыслѣ образца логической схемы для описанія флоры мѣстныхъ лѣсовъ.

Если возможны еще въ настоящее время сомнѣнія насчетъ необходимости установленія письменныхъ работъ по всѣмъ по возможности предметамъ во всѣхъ классахъ [16]), то это объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что вопросъ о письменномъ словѣ въ средней школѣ (какъ и многіе другіе дидактическіе вопросы) въ теченіе истекшихъ тридцати лѣтъ считался разъ навсегда разрѣшеннымъ оффиціальными программами, административными указаніями, а потому и не вызывалъ охотниковъ, за немногими исключеніями, подвергнуть его критической разработкѣ. Остается большинству дѣятелей средней школы неизвѣстнымъ и удачное примѣненіе системы письменныхъ работъ по многимъ предметамъ въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ.

Конспектъ, кромѣ темъ по литературнымъ вопросамъ, рекомендуетъ, какъ мы видѣли, и темы, имѣющія непосредственную связь съ исторіей. Конечно, исторія— богатѣйшій источникъ для темъ по самымъ разнообразнымъ видамъ словесныхъ произведеній: здѣсь находятъ себѣ мѣсто и даютъ богатый матеріалъ для стилистическихъ и логическихъ упражненій и «повѣствованіе», и

[16]) См. наши соображенія по этому вопросу въ «Фил. Зап.» (I—II 1900, стр. 7—10; III 1901, стр. 18—25).

«описаніе», и «разсужденіе»; но мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что упражненія на историческія темы должны вести преподаватели русскаго языка, занимающіеся на своихъ урокахъ, по новымъ программамъ, чтеніемъ исключительно произведеній изящной словесности. Необходимаго для историческихъ повѣствованія, описанія и разсужденія лексическаго матеріала ученики не найдутъ, строго говоря, ни въ одномъ изъ произведеній, перечисленныхъ въ программѣ по словесности; не найдутъ они здѣсь и логическихъ схемъ для подобныхъ работъ. И вотъ учитель словесности, если онъ на высотѣ своего призванія, долженъ спѣшить за помощью къ Соловьеву, Костомарову, Виноградову и «уловлять» тамъ стиль, лексическій матеріалъ, логическую схему и, что еще важнѣе, фактическое содержаніе—эту душу всякаго произведенія слова, которой подчиняются—и лексическій матеріалъ, и стиль, и логическая схема изложенія [17]) (схоластика иначе объ этомъ думала!). А между тѣмъ все это хорошо извѣстно «фасовому» представителю предмета исторіи и неоднажды использовано имъ въ его практикѣ.

Такая система письменныхъ упражненій не дала удовлетворительныхъ результатовъ въ нынѣшней средней школѣ, конечно, не по винѣ греческаго и латинскаго языковъ.....

---

[17]) Однимъ словомъ, учитель словесности передъ тѣмъ, какъ задать ту или другую историческую тему, долженъ разобрать съ учениками цѣлый рядъ аналогичныхъ темъ, разработанныхъ лучшими историками, т.-е. долженъ прекратить уроки по своей спеціальности и открыть чтенія по исторіи (См. «Методъ веденія сочиненій въ старшихъ классахъ гимназій» —Е. Бѣлявскаго).

Говоря о руководящемъ принципѣ при выборѣ темъ, конспектъ требуетъ, чтобы онѣ по возможности имѣли болѣе отвлеченный характеръ. Мы думаемъ, что такой характеръ темы могутъ имѣть лишь въ старшихъ классахъ, такъ какъ подобныя упражненія предполагаютъ продолжительную методическую подготовку на матеріалѣ менѣе отвлеченнаго и болѣе конкретнаго характера, и что способность учащихся отвѣчать на отвлеченные тематическіе вопросы будетъ находиться въ прямомъ отношеніи къ количеству, качеству и разнообразію продѣланныхъ ими (учащимися) предварительныхъ письменныхъ упражненій. А для того, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ достигнуты были хорошіе результаты, необходимо позаботиться объ установленіи отвѣчающей предъявляемымъ требованіямъ системы письменныхъ работъ. Повторяемъ, мы не знаемъ лучшаго принципа, который можно бы было положить въ основу этой системы, какъ принципъ примѣненія въ области письменнаго слова всѣхъ возможныхъ элементовъ натуральнаго метода.

Въ заключеніе, для удобства обозрѣнія высказанныхъ нами соображеній по поводу новаго учебнаго плана по русскому языку и словесности, выпишемъ наиболѣе существенное изъ конспекта, составленнаго комиссіей, и сдѣлаемъ къ нему тѣ дополненія, о желательности которыхъ мы говорили, вмѣстѣ съ тѣми измѣненіями и перемѣщеніями учебнаго матеріала, цѣлесообразность которыхъ мы старались доказать.

III.

Русскій языкъ, какъ языкъ школьнаго преподаванія вообще.

Успѣхи учащихся въ знаніи отечественнаго языка обусловлены всѣмъ ходомъ преподаванія въ школѣ и находятся въ тѣсной зависимости отъ того, насколько заботится о преуспѣяніи учениковъ въ немъ весь педагогическій персоналъ даннаго учебнаго заведенія.

Вполнѣ усвоенными учащимися должны быть признаваемы лишь такія свѣдѣнія, которыя могутъ быть ими изложены въ правильной и ясной словесной формѣ. Въ видахъ достиженія этой цѣли преподаватели всѣхъ предметовъ должны принимать во вниманіе и выполнять на практикѣ главнѣйшія указанія методики русскаго языка, помня, что всякія отступленія отъ требованій правильности, ясности и выразительности рѣчи не только парализуютъ возможность достиженія желательныхъ результатовъ въ дѣлѣ обученія отечественному языку, но и оказываютъ крайне вредное вліяніе на отчетливость, ясность и твердость усвоенія учебнаго матеріала, къ какой бы отрасли знанія онъ ни относился.

Въ виду, между прочимъ, того, что въ смыслѣ сближенія разговорной рѣчи съ болѣе точной и выработанной письменной (литературной) рѣчью имѣютъ огромное значеніе упражненія въ письменномъ словѣ, необходимо установить систему письменныхъ работъ, начиная съ I кл., по всѣмъ тѣмъ предме-

тамъ [18]), гдѣ слово учащихся является средствомъ обнаруженія ихъ знаній. Такая система, основанная на широкихъ началахъ практики, дастъ возможность достигнуть того, что переходящіе въ высшее отдѣленіе школы ученики будутъ грамотны, безъ обремененія ихъ трудно усваиваемымъ отвлеченнымъ грамматическимъ матеріаломъ. Письменныя упражненія по всѣмъ по возможности предметамъ въ старшихъ классахъ, представляя самый разнообразный лексическій, стилистическій и логическій матеріалъ, дадутъ прекрасные результаты и въ дѣлѣ выработки вообще умѣнья владѣть письменною рѣчью, и въ смыслѣ облегченія дальнѣйшей дѣятельности учащихся въ области письменнаго слова любой спеціальности. Письменныя упражненія должны вестись въ формѣ живого слова, отвѣчая такимъ образомъ требованіямъ натуральнаго метода усвоенія письменной рѣчи, и, сообразно съ этимъ, должны имѣть строго дидактическій характеръ, съ соблюденіемъ правилъ методики относительно предупрежденія ошибокъ, особенно грамматическихъ, во избѣжаніе образованія нецѣлесообразныхъ навыковъ.

Русскій языкъ и словесность, какъ особый предметъ преподаванія.

I, II и III кл. Чтеніе разсказовъ и статей и усвоеніе стихотвореній изъ области изящной словесности по хрестоматіи. Ближайшія задачи: элементарное ознако-

---

[18]) Это обстоятельство побудило бы г.г. преподавателей (несловесниковъ) ознакомиться, какъ слѣдуетъ, съ единымъ правописаніемъ (Гротовскимъ или другимъ какимъ—это безразлично), иначе никакихъ силъ не будетъ

мленіе съ семейной и бытовой сторонами личной и общественной жизни и внутреннимъ міромъ человѣка; этико-воспитательное воздѣйствіе на умъ, сердце и волю учащихся; эстетическое развитіе; усвоеніе соотвѣтсвеннаго содержанію статей и разсказовъ языкового матеріала.

Изъ грамматики (синтаксиса и этимологіи) должно быть усвоено то, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ правописанію, въ связи съ выработкой умѣнья наводить справки въ орѳографическомъ словарѣ, въ указаніяхъ грамматическихъ руководствъ и пр.

Письменныя работы [19]) по «предмету русскаго языка» должны состоять въ пересказываніи прочитаннаго и усвоеннаго изъ хрестоматіи и (къ концу курса III кл.) въ умѣньи учащихся излагать небольшіе и несложные эпизоды изъ личной жизни и изъ жизни окружающихъ.

IV кл. Систематизація грамматическихъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ въ первыхъ трехъ классахъ, въ связи

добиться грамотности, если физикъ будетъ держаться своего правописанія, историкъ—своего, законоучитель—своего (см. зам.: «Нѣсколько словъ о положеніи преподавателя рус. яз.», въ I—II в. в. «Фил. Зап.» за 1901 г.)

Ред.

[19]) Письменныя работы по естествознанію и географіи въ младшемъ отдѣленіи должны пріучать къ умѣнью точно описывать предметы и явленія окружающей природы. На урокахъ исторіи должны вестись работы повѣствовательнаго характера; матеріалъ для нихъ дадутъ несложные историческіе эпизоды и жизнеописанія выдающихся историческихъ дѣятелей. По закону Божію желательны упражненія въ передачѣ несложныхъ разсказовъ изъ Свящ. исторіи

съ концентрическимъ расширеніемъ этихъ свѣдѣній.

Продолженіе чтенія произведеній изящной словесности.

Письменныя работы болѣе сложнаго характера, но съ сохраненіемъ прежнихъ руководящихъ принциповъ.

Съ V кл. начинается систематическое чтеніе и разборъ образцовыхъ произведеній, при чемъ въ каждомъ классѣ посвящается нѣкоторое время и на ознакомленіе съ лучшими образцами иностранной словесности.

V кл. Сказки, былины, пѣсни. Фонвизинъ, Крыловъ, Карамзинъ, Жуковскій.

«Иліада», «Одиссея», отрывки изъ Данте.

VI кл. Грибоѣдовъ, Загоскинъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Островскій.

Мольеръ, Шиллеръ, Гете, Байронъ.

VII кл. Л. Толстой, А. Толстой, Даль, Григоровичъ, Достоевскій. «Остромирово евангеліе» [20]), «Слово о

---

[20]) Для насъ нѣсколько не понятно, почему въ курсъ литературы, съ одной стороны, внесены Загоскинъ, Даль и изгнанъ Кольцовъ, забыты Аксаковъ С. Т., Никитинъ, Плещеевъ, Полонскій, Майковъ, Гаршинъ и др.,—съ другой—оставлены—«Остромирово евангеліе», «Слово о полку Игоревѣ», но исключены—Лѣтопись (какъ литературн. памятникъ), поученія Ѳеод. Печерскаго, житіе его, написанное Несторомъ, и житіе Сергія Радонежскаго,—поученія Серапіона, Кирилла Туровскаго, «Поученіе къ дѣтямъ»—Вл. Мономаха, «Домострой», «Хожденіе» игумена Даніила и «Хожденіе за три моря»—А. Никитина, какъ памятники, свидѣтельствующіе о развитіи мысли и чувства русскаго народа въ лицѣ его лучшихъ представителей,—какъ памятники, по которымъ можно судить о важнѣйшихъ мо-

полку Игоревѣ», Кантемиръ, Ломоносовъ, Державинъ.

Софоклъ, Сервантесъ, Шекспиръ.

Письменныя работы [21]) должны имѣть непосредственую связь съ курсами литературы.

Психологія.

Элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи должны быть сообщаемы преподавателемъ русскаго языка и словесности какъ при прохожденіи грамматики, такъ и при чтеніи и разборѣ произведеній русской и иностранной литературъ.

Логика.

Какъ отдѣльный предметъ, логика не имѣетъ мѣста въ программахъ средней школы. Главнѣйшія свѣдѣнія изъ нея должны быть собираемы учащимися по

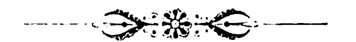
ментахъ въ духовной жизни русскаго народа, его способности усвоять чужое, быстро перерабатывать это чужое, часто при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ жизни, и проявлять свою оригинальность, самобытность... Почему важно познакомить учащихся съ вліяніемъ классицизма XVIII в., сентиментализма, романтизма на русскую литературу и обойти молчаніемъ вліяніе на неё Византіи и Сербіи—Болгаріи? Названные памятники до-Петровскаго періода русской литературы не много отнимутъ времени, а между тѣмъ дадутъ учащимся представленіе о постепенномъ духовномъ ростѣ нашихъ предковъ, ихъ идеалахъ... *Ред.*

[21]) Письменныя работы по прочимъ предметамъ должны вестись преподавателями, спеціалистами этихъ предметовъ, и имѣть непосредственную связь съ той или другой спеціальностью

путно на урокахъ тѣхъ предметовъ, гдѣ матеріалъ для этого имѣется подъ рукой.

Такимъ образомъ, на урокахъ математики должны быть даны свѣдѣнія изъ дедуктивной логики, на урокахъ естествовѣдѣнія—изъ индуктивной. Преподаватели прочихъ предметовъ должны разъяснять наиболѣе типичные логическіе пріемы, съ которыми учащіеся имѣютъ дѣло на урокахъ этихъ предметовъ. На урокахъ грамматики должны быть выяснены напр. вопросы объ образованіи понятій и о логическомъ сужденіи; на урокахъ физики и естествознанія должны быть даны понятія о гипотезѣ, аналогіи, классификаціи и т. д.

В. Гуссовъ.



Кто придумалъ слово „временщикъ"?

Кто ввелъ въ русскую рѣчь слово «временщикъ»: Пушкинъ, геніемъ котораго, по выраженію одного изъ нашихъ филологовъ, завершенъ рядъ славныхъ усилій, давшихъ русскому слову силу всемірную, силу служить прекраснымъ орудіемъ духу жизни и развитія, или кто другой изъ предшествовавшихъ великому поэту дѣятелей русской мысли и русскаго слова?

Мы не затронули бы этого вопроса, если бы не встрѣтили въ нѣсколькихъ учебникахъ теоріи словесности неправильнаго его рѣшенія.

Г-нъ Филоновъ, составитель извѣстныхъ «Русской хрестоматіи» и «Учебника по словесности», рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу Пушкина. На 14-й страницѣ его «Учебника по словесности», впервые вышедшаго въ свѣтъ въ 1878 году, сказано: «Пушкинъ придумалъ хорошее слово временщикъ».

На основаніи какихъ данныхъ г. Филоновъ приписываетъ великому поэту образованіе слова «временщикъ», намъ неизвѣстно; только съ его легкой руки и другіе составители учебниковъ теоріи словесности стали твердить то же самое. Такъ, въ «Теоріи словесности» г. Смирновскаго во всѣхъ изданіяхъ, начиная съ перваго, въ отдѣлѣ, гдѣ рѣчь идетъ о неологизмахъ, красуется фраза: «Пушкинъ придумалъ слово временщикъ»,

составитель «Теоріи словесности, учебнаго пособія для учениковъ VIII кл. гимназіи» (Москва 1892 г.), г нъ Преображенскій на стр. 31-й своей книги заявляетъ: «Пушкину принадлежитъ слово временщикъ»; г. Брайловскій въ «Краткомъ курсѣ теоріи слога, прозы и поэзіи» (Воронежъ, 1894 г., стр. 7) въ примѣръ неологизмовъ, «весьма удачно» образованныхъ Пушкинымъ, приводитъ также слово «временщикъ». Покойный Поливановъ, авторъ «Русской хрестоматіи», удостоенной преміи Петра Великаго, допустилъ тотъ же промахъ. Въ «теоріи слога», приложенной къ 1-й книгѣ 3-й части означенной хрестоматіи, на страницѣ XXIX-й напечатано: «Пушкинымъ введено слово временщикъ» (Изд. 5-е, М. 1896 г.). Представьте себѣ недоумѣніе внимательнаго читателя-ученика, усвоившаго «теорію слога», когда на страницѣ 158-й той же книги онъ прочтетъ въ отрывкѣ, взятомъ изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, фразу, въ составъ которой входитъ слово, яко бы введенное Пушкинымъ: «сей знаменитый временщикъ (Адашевъ) явился вмѣстѣ съ добродѣтелью царя и погибъ съ нею», и на стр. 178-й вторично найдетъ то же слово въ предложеніи: «мало жалѣли о старомъ безродномъ временщикѣ» (Бѣльскомъ).

Кромѣ статей Карамзина, въ хрестоматіи Поливанова ученикъ можетъ прочитать и статью Батюшкова: «Вечеръ у Кантемира». Здѣсь, на страницѣ 401-й, онъ узнаетъ, что послѣ Петра I «временщикъ смѣнялъ временщика, толпа льстецовъ—другую толпу».

Даже г. Яковлевъ, авторъ лучшаго учебника теоріи словесности, въ 4-мъ изданіи своей книги тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о развитіи языка посредствомъ словопроизводства, нашелъ нужнымъ, слѣдуя общему голо-

су, замѣтить: «Въ языкѣ литературномъ нерѣдко можно прослѣдить, какому лицу обязано своимъ происхожденіемъ то или другое слово: напр., достовѣрно извѣстно, что слова вліяніе, развитіе... составлены Карамзинымъ слово временщикъ—Пушкинымъ» («Учебн. курсъ теоріи словесности». Изд. 4-е С.Пб. 1898 г. стр. 9).

Въ новыхъ учебникахъ—г. Ливанова: «Учебный курсъ теоріи словесности» (Симбирскъ 1897 г. Стр. 36) и г. Павловича: «Учебникъ теоріи словесности» (С.-Петербургъ. 1899 г. Стр. 29)—введеніе слова «временщикъ» также приписывается Пушкину. Нелишеннымъ интереса является тотъ фактъ, что оффиціальный рецензентъ, помѣстившій въ «Журн. Мин. Народн. Просв.» (1898 г. іюнь) обстоятельный разборъ книги г. Ливанова, не отмѣтилъ Пушкинскаго «временщика», тогда какъ подробно перечислилъ всѣ другіе, даже самые незначительные, промахи, допущенные авторомъ «Учебнаго курса теоріи словесности» *).

Обратившись за рѣшеніемъ вопроса о «временщикѣ» къ печатнымъ трудамъ лица, спеціально посвятившаго себя за послѣднее время изученію языка и слога произведеній русскихъ писателей, начиная съ Кантемира, мы, къ сожалѣнію, и у него не найдемъ должныхъ указаній. Лицо это—г. В. Истоминъ, членъ педагогическаго отдѣла Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, авторъ многихъ сочиненій (въ 1897 году вышло въ свѣтъ его сочиненіе по счету 70-е)

Въ книгѣ г. Истомина: «Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній Лермонтова, Грибоѣдова и Пушкина въ лексическомъ, этимологическомъ, синтак

*) Во 2-мъ исправл. изд. кн. Ливанова (С.Пб. 1899 г.) на стр. 42 й опять встрѣчается «временщикъ» П—на.

тическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ» (Варшава, 1894 г.), на страницѣ 94-й, среди словъ и выраженій», составленныхъ Пушкинымъ, а также такихъ, которымъ придано иное, новое значеніе», помѣщено слово «временщикъ». Въ другихъ книгахъ, гдѣ г. Истоминъ разбираетъ особенности языка и слога произведеній Карамзина и Батюшкова, о неологизмѣ «временщикъ» не упомянуто. Не указано г. Истоминымъ это слово и при разборѣ произведеній Державина и Кантемира, хотя оно встрѣчается у того и другого писателя.

Такъ, въ стихотвореніи Державина: «Облако», написанномъ въ 1806 году, мы находимъ слѣдующія строчки:

«Или недолго временщикъ
На свѣтлой высотѣ бываетъ,
Но, вздувшись тукомъ, исчезаетъ
Скорѣй, чѣмъ сдѣлался великъ».

(Соч. Державина съ объяснит. прим. Грота. С.Пб. 1865 г. Т. II, стр. 591).

Академикъ Гротъ въ «Словарѣ къ стихотвореніямъ Державина» указываетъ и на другое стихотвореніе нашего поэта: «Время» (1805 г.), въ которомъ употреблено слово «временщикъ»:

«Напротивъ, живя безбожно
Всѣми временщикъ презрѣнъ:
Утѣсняя добродѣтель,
Самъ онъ тмитъ свой свѣтлый санъ».

(Соч. Державина Т. II, стр. 584).

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, при составленіи словаря къ Державину, Гротъ и ограничился

двумя первыми томами сочиненій Державина, какъ содержащими наиболѣе замѣчательныя произведенія его (Соч. Державина. Т. I, стр. 337). Очень можетъ быть, что и въ другихъ произведеніяхъ Державина встрѣчается «временщикъ».

Но еще до Державина и задолго до рожденія Пушкина ходили у насъ, на Руси, во многихъ спискахъ между любителями литературы произведенія одного поэта, написанныя имъ въ теченіе 1729--1731 г. То были сатиры Кантемира, изданныя, въ количествѣ 8, въ 1762 году. Во 2-й сатирѣ Кантемира: «Филаретъ и Евгеній», мы встрѣчаемъ существительное «временщикъ» и даже прилагательное, вышедшее теперь изъ употребленія: «временщичій».

1) . . . . «иной не спокоенъ,
Всѣмъ наскучилъ, хвастая, что былъ онъ достоинъ
Съ временщикомъ говорить».,.

«Спины своей не жалѣлъ, кланяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ временщичьимъ
ухамъ».

Давно появились въ печати труды Кантемира и Державина, а нѣкоторые наши словесники все еще стоятъ на томъ, что «Пушкинъ придумалъ слово временщикъ».

Употребленіе Кантемиромъ этого слова станетъ понятнымъ, если обратимъ вниманіе на время, въ которое онъ жилъ. Не онъ ли первый и ввелъ слово «временщикъ» въ русскій языкъ? или оно появилось, благодаря творчеству народа?

Рѣшеніе даже частнаго вопроса въ области исторіи развитія русской литературной рѣчи не лишено, какъ намъ кажется, интереса, и мы надѣемся услышать отъ знатоковъ русскаго языка отвѣтъ на поставленный выше вопросъ.

А. Суровцевъ.

По поводу нѣкоторыхъ неустановившихся случаевъ русскаго правописанія.

Уже нѣсколько разъ въ литературѣ воздвигалось гоненіе на буквы ъ, ѣ, і, ѳ. Много было высказано по этому поводу дѣльнаго и основательнаго, еще болѣе не дѣльнаго и не заслуживающаго серіознаго вниманія. Одни принимались за рѣшеніе вопроса съ сознаніемъ его важности и относились къ дѣлу съ подобающимъ спокойствіемъ, другіе относились къ дѣлу съ задоромъ низменнаго свойства, съ желаніемъ «безъ драки попасть въ большіе забіяки».

Я не стану касаться вопроса, можно ли замѣнить буквы: ѣ, і буквами ѳ, и,—нужна ли буква ъ и т. д.; я хочу обратить вниманіе на тотъ письменный знакъ, который появился сравнительно въ недавнее время, но который производитъ такую путаницу въ русской орѳографіи, какой не производятъ всѣ названныя буквы, взятыя вмѣстѣ. Обратите вниманіе на тотъ письменный знакъ, который называется единительнымъ (черточкой) и который ставится обыкновенно во многихъ сложныхъ словахъ. Прочтите нѣсколько страницъ текста любого изъ нашихъ изданій, и васъ невольно поразитъ то отсутствіе всякой правильности и послѣдовательности, какое чуть не десятками встрѣчается на каждой страницѣ въ употребленіи черточки, какъ соединительнаго знака. До какой крайности можно дойти въ этомъ отношеніи, показываетъ примѣръ одного изъ педагоговъ, кото-

рый въ своемъ учебникѣ русской грамматики [1]) пытался провести слѣдующее начертаніе: чрезвычайно-трудно, по-тысячѣ, такимъ-образомъ, весьма-важный, пять-тысячъ-разъ, такъ-и-быть, сверхъ-того, до-сихъ-поръ, изъ рода въ-родъ, рано-по-утру, съ-утра до-ночи, съ-часу-на-часъ, безъ-сомнѣнія, съ-котораго времени, совсѣмъ-противоположный, съ помощью, по крайней-мѣрѣ, для-того, не-смотря-на-то, къ-тому-же, между-тѣмъ-какъ, съ-другой-стороны. Попробуйте, читатель, разобраться въ этой хаотической массѣ словъ съ черточками.

Впрочемъ и то сказать: въ нашихъ руководствахъ нѣтъ точныхъ указаній относительно употребленія черточки, какъ соединительнаго знака. Въ нашихъ учебникахъ по русской грамматикѣ или слишкомъ мало говорится объ этомъ, или же не говорится вовсе ничего.

Болѣе подробныя указанія относительно употребленія черточки, какъ соединительнаго знака, мы находимъ у покойныхъ Грота и Буслаева, а также у г. Зелинскаго [2]). Но указанія ихъ не всегда отличаются опредѣленностью. Напримѣръ, у Грота сказано: «иногда нарѣчіе соединяется черточкой съ слѣдующимъ за нимъ прилагательнымъ». Конечно, такое правило въ сущности не даетъ ничего опредѣленнаго, потому что предоставляетъ всякому пишущему въ каждомъ частномъ случаѣ руко-

[1]) Омельяненко. Учебникъ русской грамматики. Изд. 1868 г.

[2]) Гротъ. Русское правописаніе. Изд. VIII стр. 117.

Буслаевъ. Учебникъ русской грамматики. Изд. 1888 г. стр. 132.

Зелинскій. Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. стр. 105.

водствоваться своими личными соображеніями. Имѣя это правило въ виду, мы должны совершенно оправдывать покойнаго Омельяненко, который писалъ: весьма-важный, чрезвычайно-трудный, совсѣмъ-противоположный. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нарѣчія иногда соединяются черточкой съ слѣдующимъ за нимъ прилагательнымъ; какія нарѣчія, предъ какими прилагательными, въ какихъ случаяхъ,—не извѣстно, почему же въ такомъ случаѣ не соединить черточкой нарѣчія: весьма, чрезвычайно, совсѣмъ съ прилагательными: важный, трудный, противоположный?

Покойный Буслаевъ говоритъ: «черточкой принято соединять нарѣчія съ приставкой по». Но, руководствуясь этимъ правиломъ, можно было бы писать: по-дробно, по-лезно, по-ложительно, по-степенно, по-верхностно, по-рядочно, по-перекъ, по-легче, по-чему и др. Все это нарѣчія съ приставкой по, но развѣ такое начертаніе ихъ возможно? Кромѣ того, если черточкой принято соединять нарѣчія съ приставкой по, то почему это правило не распространяется на другія части рѣчи? Почему имена существительныя и прилагательныя съ приставкой по не соединяются черточкой, напримѣръ: по-рядокъ, по-средникъ, по-дробный, положительный? Почему наконецъ исключеніе дѣлается для приставки по? Неужели потому, что такъ принято? Но почему такъ принято? Можетъ быть, есть возможность эту групу словъ: нарѣчія съ приставкой по подвести подъ общее правило?

Относясь къ дѣлу безъ всякаго давленія со стороны вкоренившагося обычая, я считаю вполнѣ цѣлесообразнымъ всѣ нарѣчія съ приставкой по подвести именно подъ общее правило правописанія. Есть, правда, случаи, когда освященное обычаемъ начертаніе слова

или его произношеніе слишкомъ противорѣчитъ научнымъ доводамъ. Тогда нечего дѣлать—надобно подчиниться силѣ обычая. Если мы читаемъ и пишемъ: гдѣ, здѣсь, вездѣ, если, то хотя начертаніе этихъ словъ противорѣчитъ грамматическимъ правиламъ,—тутъ поворотъ на филологическую почву является уже невозможнымъ. Если мы пишемъ: верхніе этажи, вмѣсто верхніи, добрыя дѣла, вмѣсто добрая, то такое начертаніе именъ прилагательныхъ освящено обычаемъ, пережило, такъ сказать, орѳографическую давность, и для данныхъ случаевъ филологическія указанія окажутся безсильными, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ оказывались таковыми. Покойный Гротъ сдѣлалъ попытку ввести начертаніе слова вядчина, вм. ветчина, основываясь на филологическихъ данныхъ; не разъ дѣлали попытки ввести начертаніе: этѣ, этѣхъ и т. д., по образцу: тѣ, тѣхъ, но эти попытки не имѣли успѣха: обычай оказался сильнѣе закона. Обычай въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ значеніе стихійной силы, съ которою такъ же трудно бороться, какъ со всякой стихійной массою. Если бы предлагаемое начертаніе не стояло въ рѣзкомъ противорѣчіи съ его произношеніемъ, тогда борьба со стихійною силою была бы болѣе посильна. Что касается нарѣчій съ приставкой по, то они именно къ данному случаю не подходятъ. Тутъ начертаніе слова не противорѣчитъ его произношенію; тутъ дѣло касается исключительно правописанія, и примѣненіе научныхъ доводовъ для даннаго случая относительно его начертанія не встрѣтитъ препятствій.

Въ грамматикѣ существуетъ правило: «предлоги съ нарѣчіями пишутся слитно, образуя ихъ приставки». Мы пишемъ: безпощадно, вполнѣ, довольно, заочно, наискось, налегкѣ, нарочно, обстоя-

тельно, прекрасно, различно, условно, слегка, всѣ эти нарѣчія безъ черточки, почему же приставка по должна быть соединена съ нарѣчіемъ черточкой? Буслаевъ, если судить по тѣмъ примѣрамъ, какіе онъ приводитъ: по-гречески, по-русски, по-дѣтски, имѣлъ въ виду лишь одну группу изъ числа нарѣчій съ приставкой по, но нѣтъ никакого основанія дѣлать исключеніе даже для этой одной группы. Въ самомъ дѣлѣ, если мы пишемъ всѣ нарѣчія съ предложными приставками совершенно слитно, то почему писать: по-русски, по-братски съ черточкой? Я того мнѣнія, что слова: порусски, понѣмецки, попріятельски, поволчьи и др. должны быть орѳографированы на общихъ основаніяхъ, совершенно слитно безъ черточки.

Относительно нарѣчій съ приставкой по у Грота мы находимъ слѣдующія указанія: «нарѣчія, образовавшіяся отъ полныхъ именъ прилагательныхъ въ дательномъ падежѣ, пишутся раздѣльно съ предлогомъ по: по старому, по домашнему [3]). Нарѣчія, образовавшіяся отъ мѣстоименій притяжательныхъ въ дательномъ падежѣ, соединяются съ предлогомъ по черточкой: по-моему, по-нашему». А нарѣчія, образовавшіяся отъ мѣстоименій указательныхъ въ дательномъ падежѣ, пишутся съ предлогомъ по совершенно слитно, безъ черточки: посему, потому, поэтому. Сюда же отнесено и нарѣчіе почему [4]). На чемъ же основывается такое дробленіе одной и той же группы нарѣчій? Если, какъ намъ извѣстно, нарѣчія, образовавшіяся отъ винительнаго падежа именъ прилагательныхъ полныхъ,

---

[3]) Филологическія разысканія. Т. II. стр. 366.

[4]) Русское правописаніе. Справочный указатель. Стр. XXVI.

пишутся съ предлогомъ слитно: вразсыпную, наудалую, всплошную, вкрутую, впервые, то почему пишутся съ предлогомъ раздѣльно нарѣчія, образовавшіяся отъ дательнаго падежа именъ прилагательныхъ? Если слитно съ предлогомъ пишутся нарѣчія, образовашіяся отъ мѣстоименій указательныхъ, то почему соединяются съ предлогомъ черточкой нарѣчія, образовавшіяся отъ мѣстоименій притяжательныхъ? Нѣтъ для этого никакихъ основаній. Самъ Гротъ выдѣляетъ изъ общей группы нарѣчія: повидимому и попустому, которыя, по его указанію, пишутся слитно, а относительно нарѣчія попрежнему въ одномъ мѣстѣ сказано, что оно пишется раздѣльно, а въ другомъ, что оно пишется слитно [5]). Все это показываетъ, какъ шатки основанія относительно начертанія нарѣчія съ приставкой по и прилагательными именами. Но какъ же помочь дѣлу?

Слѣдуетъ всѣ нарѣчія подвести подъ одно общее правило правописанія. Это лучше, съ какой бы стороны ни посмотрѣть на дѣло. Лучше въ учебномъ отношеніи, потому что тогда, вмѣсто нѣсколькихъ сбивчивыхъ правилъ правописанія съ исключеніями, явится одно совершенно опредѣленное,—лучше въ практическомъ отношеніи, потому что тогда сократится число словъ съ черточкой, меньше придется платить за наборъ и печать. Да и писать будетъ удобнѣе, потому что рѣже придется прерывать процессъ писанія. Гротъ говоритъ, что «соединеніе такихъ словъ въ одно послужило бы только къ напрасному обремененію словаря» [6]). Но этого обстоя-

[5]) Филологическія разысканія. Т. II, стр. 366. Русское правописаніе. Стр. 92.

[6]) Филологическія разысканія. Т. II, стр. 368.

тельства нельзя принимать въ расчетъ, когда дѣло касается ученія о правописаніи. Правила правописанія, подлежащія усвоенію, должны быть на первомъ планѣ.

У г. Зелинскаго ученіе объ употребленіи черточки въ словахъ сложныхъ изложено съ такой подробностью, какъ ни у кого другого, между тѣмъ сущность дѣла отъ этого мало измѣняется. Г. Зелинскій говоритъ: черточкой соединяются имя существительное съ прилагательнымъ и прилагательное съ прилагательнымъ, соединенныя въ одно понятіе. Примѣры: Троице-Сергіевская, Александро-Невская, Кіево-Печерская лавра. Но вѣдь слова: Сестрорѣцкъ, Борисоглѣбскій, благопріобрѣтенный, добродѣтельный, воздухонагрѣвательный, стрѣлообразный, колѣнопреклоненный и др. тоже состоятъ изъ существительнаго и прилагательнаго, соединенныхъ въ одно понятіе, но въ своемъ словарѣ г. Зелинскій всѣ эти слова пишетъ слитно, безъ черточки. Нижнедѣвицкъ, Верхнеднѣпровскъ, глухонѣмой, легковѣрный, долговѣчный, добросовѣстный, высокопреосвященнѣйшій, мелкопомѣстный—тоже составлены изъ двухъ прилагательныхъ, соединенныхъ въ одно понятіе, между тѣмъ всѣ они пишутся слитно [7]). Очевидно, правило, указанное г. Зелинскимъ, касается не всей совокупности именъ существительныхъ и прилагательныхъ, соединенныхъ съ прилагательными же въ одно сложное слово. Значитъ, правило это въ предложенной редакціи не соотвѣтствуетъ существу дѣла.

Г. Зелинскій настойчиво заявляетъ, что слово:

---

[7]) «Справочникъ по русскому правописанію» г. Зелинскаго, вып. I, стр. 81 и слѣд.

свѣтло-зеленый, пишется съ черточкой (стр. 89 и 105), между тѣмъ: свѣтложелтый, свѣтлосиній, темносѣрый, блѣдноголубой и другія слова подобнаго образованія у него пишутся слитно, безъ черточки [8]). Какая же здѣсь послѣдовательность?

Г. Зелинскій говоритъ: «мѣстоименія съ существительнымъ и числительнымъ, соединенныя въ одно понятіе, пишутся съ черточкой», при чемъ не даетъ ни одного примѣра соединенія мѣстоименія съ существительнымъ, между тѣмъ какъ сложныя слова: самомнѣніе, самозабвеніе, самопожертвованіе, всевѣдѣніе, Вседержитель, своекорыстіе и др. пишутся именно безъ черточки.

Г. Зелинскій говоритъ: «сложныя нарѣчія», соединенныя въ одно понятіе, пишутся съ черточкой», и приводитъ примѣры: по-нашему, по-русски. Но, если нарѣчія: по-нашему, по-русски, считать словами сложными, то въ такой же мѣрѣ необходимо считать сложными и слова: попусту, помаленьку, понапрасну, поголовно, попарно, и др., между тѣмъ самъ же г. Зелинскій пишетъ всѣ подобныя слова безъ черточки. Гдѣ же тутъ послѣдовательность? Впрочемъ въ данномъ случаѣ г. Зелинскій лишь повторяетъ ошибки своихъ предшественниковъ, а я уже достаточно говорилъ о нарѣчіяхъ съ приставкой по.

Г. Зелинскій говоритъ: «числительное съ прилагательнымъ, составляя одно понятіе, соединяется черточкой: пятиугольный, шестиаршинный, семи-гранный», и тутъ же прибавляетъ, что эти же самыя слова, числительныя съ прилагательными, пишутся и слитно. Но такое правило, право мало даетъ читате-

---

[8]) Тамъ же стр. 119, 164, 169.

лю опредѣленныхъ указаній. Г. Зелинскій поступилъ бы болѣе правильно, если бы, въ виду существующей двойственности, авторитетнымъ тономъ знатока высказался въ пользу одного какого либо начертанія и именно слитнаго, какъ болѣе основательнаго. Пишутся же слитно безъ черточки мѣстоименія съ прилагательными: своенравный, ежедневный, самостоятельный, всеобщій. Что касается числительныхъ съ прилагательными, то г. Зелинскій въ своемъ словарѣ вездѣ пишетъ эти слова слитно. Такое начертаніе утверждено авторитетными указаніями Грота[9]) и Буслаева[10]). Такое же начертаніе мы находимъ и въ «Словарѣ русскаго языка», составленномъ Академіей Наукъ[11]).

Есть случаи (употребленія черточки въ словахъ сложныхъ), которые могутъ быть точно формулированы, и есть случаи, точная формулировка которыхъ затруднительна. Случаи, которые могутъ быть точно формулированы, слѣдующіе: 1, черточкой соединяются слова синонимическія: житье-бытье, друзья пріятели, путь дороженька, злодѣйка-западня, тишь-безлюдье, уму-разуму; глаголы: жилъ былъ, живете-можете, плыветъ лоснится.

«Призатихъ говоръ-шумъ
Вь темной горенкѣ». *Кольцовъ.*

«И кипитъ-поспѣваетъ работа,
И болитъ-надрывается грудь» *Некрасовъ.*

2) Черточкой соединяются имена числительныя, означающія количество предметовъ приблизительно, напримѣръ: мальчику лѣтъ семь-восемь. Черточкой

---

[9]) Указатель къ русскому правописанію.

[10]) Учебникъ русской грамматики. Стр. 112, 181.

[11]) Словарь русскаго языка. Т. I, стр. 525, 983—994.

обозначается здѣсь пропускъ союза или. Сюда же должны быть отнесены и такія выраженія: недѣльку-другую, волей-неволей.

3) Частицы то, либо, нибудь, ка, съ, соединяются черточкой съ предшествующимъ словомъ, напримѣръ: ктото, чѣмъ-то, чѣмъ-либо, гдѣ-нибудь, возьми-ка, могу-съ. «Слона-то я и не примѣтилъ». «Сержусь-то я на самого себя: самъ кругомъ виноватъ».

4) Черточкой соединяются слѣдующіе отдѣльные случаи сочетанія словъ,—числительныхъ: самъдругъ, самъ-шостъ и под., мѣстоименій: кой-кто, кое-что; неизмѣняемыхъ частей рѣчи: кое-куда, кое-какъ, кое-гдѣ; чуть-свѣтъ, изъ-за, изъ-подъ; нарѣчій: въ-одиночку, въохапку, въобтяжку, и др., гдѣ предлогъ оканчивается на букву ъ, а слѣдующее слово начинается съ гласнаго звука.

Безъ черточки слитно пишутся слова: вопервыхъ, вовторыхъ, втретьихъ и т. д. подобно тому, какъ пишутся слитно: вдвое, втрое; также: тоесть, всетаки подобно тому, какъ пишутся будто, если.

Безъ черточки пишутся, не сливаясь въ одно слово, слѣдующія выраженія: можетъ быть, должно быть, можетъ статься, стало быть, такъ называемый, такъ напримѣръ, такъ сказать. Съ недавнихъ поръ эти выраженія начали писать иногда слитно, при помощи черты: можетъ-быть, такъ-называемый, но казалось бы, нѣтъ основаній измѣнять существующее ихъ начертаніе

Часто пишутъ ли, бы, же, соединяя черточкой съ предшедствующимъ словомъ. Но касательно даннаго случая въ наукѣ существуетъ категорическое правило: частицы бы, же, ли не составляютъ части предшествую-

щаго слова и пишутся отдѣльно отъ него [12]). Исключеній немного: дабы, чтобы, также, тоже, даже, однакоже, или, если, ежели, неужели. Поэтому слѣдуетъ писать: гдѣ же, такъ ли, взялъ бы; тѣмъ болѣе необходимо писать раздѣльно такія выраженія, какъ: взялъ было, придешь бывало, а не взялъ-было, придешь-бывало. Если же допустить начертаніе съ черточкой этихъ выраженій, то отчего бы тогда не соединять чертой такія глагольныя формы, какъ: буду писать, быть любимымъ? Вѣдь эти два слова обозначаютъ одно понятіе, одну глагольную форму: будущее время и неопредѣленное наклоненіе.

Какъ относиться къ тѣмъ случаямъ, гдѣ точная формулировка оказывается невозможной?

Тутъ необходимо установить какой-нибудь принципъ, которымъ и руководствоваться при каждомъ частномъ случаѣ. Гротъ въ своемъ руководствѣ къ русскому правописанію говоритъ: «черточка ставится между двумя существительными, соединяемыми въ одно названіе: царь-пушка, баба-яга, кума-лиса, адъюнктъ-профессоръ, генералъ-майоръ, чудо-богатырь». Но указанное общее положеніе не отличается точностью. Есть цѣлый рядъ соединенныхъ названій, которыя однако не пишутся съ черточкой: лицемѣръ, Богочеловѣкъ, языкознаніе, путешествіе, отечествовѣдѣніе, свѣтопреставленіе, домовладыка и др. Говоря о соединеніи черточкой двухъ именъ существительныхъ, необходимо точности ради напомнить тотъ признакъ, на который въ свое время указалъ Востоковъ: «знакомъ единитнымъ связываютъ два существительныхъ,

---

[12]) Буслаевъ. Учебникъ русской грамматики. Стр. 131. Гротъ, Русское правописаніе. Стр. 94.

соединенныхъ въ одно слово безъ перемѣны окончанія».[13]) Эта подробность важна въ томъ отношеніи, что тутъ сразу отдѣляется масса сложныхъ словъ, составленныхъ изъ двухъ существительныхъ, при помощи соединительной гласной, которыя всѣ пишутся слитно. Такимъ образомъ черточка ставится между двумя существительными соединенными въ одно названіе безъ перемѣны окончанія. Сюда относятся въ частности именно существительныя, обозначающія должности, званія, каковы: генералъ-губернаторъ, капитанъ-исправникъ, флигель-адъютантъ, кандидатъ-педагогъ, адъюнктъ-профессоръ, унтеръ-офицеръ, инженеръ-технологъ, оберъ-кондукторъ и др. Существенный признакъ этихъ сложныхъ словъ тотъ, что первая половина каждаго изъ нихъ не склоняется. Мы говоримъ обыкновенно: подать прошеніе генералъ-губернатору, поручить капитанъ-исправнику, произвести въ генералъ-майоры и т. д.

2) Сюда относятся названія географическія: Брестъ-Литовскъ, Каменецъ-Подольскъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Китай-городъ и др. Въ этихъ словахъ тоже склоняется одна лишь вторая половина: около Новоградъ-Волынска, за Брестъ-Лиитовскомъ.

3) Сюда относятся наши фамиліи: Немировичъ-Данченко, Говоруха-Отрокъ, Корыбутъ-Дашкевичъ, Миклуха-Маклай, и другія съ окончаніями именъ существительныхъ. Эти слова представляютъ нѣсколько своеобразное явленіе въ грамматиче-

---

[13]) Востоковъ. Русская грамматика. Изд. одиннадцатое, стр. 235.

скомъ отношеніи. Они то склоняются, то остаются безъ измѣненія, то склоняется одна какая-нибудь половина. Напримѣръ, въ словѣ Миклуха-Маклай склоняются обѣ половины, а въ женскомъ родѣ склоняется лишь первая половина. Въ словѣ: Немировичъ Данченко въ муж. родѣ склоняются обѣ половины слова, въ женскомъ же родѣ это слово несклоняемое. Корыбутъ-Дашкевичъ въ муж. родѣ склоняется лишь вторая половина, въ женскомъ родѣ это слово несклоняемое.

4) Съ недавнихъ поръ начали соединять черточкой приложенія съ ихъ опредѣляемыми словами, если приложенія состоятъ изъ одного слова. Сюда относятся прежде всего составныя слова, которыя, употребляясь въ совмѣстномъ сочетаніи, составили какъ бы одно понятіе: прейсъ-курантъ, адресъ-календарь, хлѣбъ-соль.

Сюда относятся затѣмъ слова, служащія эпитетами къ своему опредѣляемому слову: проказница-Мартышка, попрыгунья-Стрекоза; «Красавица-зорька въ небѣ загорѣлась». *Кольцовъ*. «Одна пѣвунья-ласточка подъ крышей обжилась». *Никитинъ*.

(Парамоновъ) «злого пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ».
Лермонтовъ.

Сюда относятся наконецъ слова, которыя являются приложеніями въ общемъ смыслѣ:

«Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои».
«Труженикъ-мужъ блѣднолицый
Не ложился: ему не до сна». *Некрасовъ*.

«По извилистой тропинкѣ шли два крестьянина-охотника».

«Чаще другихъ приходилось дежурить старику-надзирателю».

«Впопыхахъ занялъ Ломоносовъ у сосѣдей-нѣмцевъ размѣръ и форму».

Только въ томъ случаѣ, если приложеніе имя существительное собственное, оно не соединяется черточкой съ опредѣляемымъ словомъ, напримѣръ: наша старшая дочь Анастасія поступила въ гувернантки. Княгина Ольга приняла христіанство.

Впрочемъ, когда собственное имя служитъ названіемъ двухъ или нѣсколькихъ отдѣльныхъ предметовъ, а въ рѣчи необходимо точно обозначить, о чемъ именно говорится, тогда собственное имя соединяется съ приложеніемъ черточкой. Въ такихъ случаяхъ собственное имя стоитъ впереди приложенія. Извѣстны выраженія: Дюма-отецъ, Дюма-сынъ. Въ литературѣ часто находимъ случаи въ родѣ слѣдующихъ: «Судьба, неотступно терзавшая Недопюскина-отца, принялась и за сына». *Тургеневъ*.

«Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ» [14]).

Въ послѣднее время иногда пишутъ, соединяя черточкой, такія слова, какъ: Переяславль-Залѣсскій, Нижній-Новгородъ, Царское-Село, Патріаршіе-пруды; Ростовъ-на-Дону, Франк-

[14]) Соединеніе приложенія съ его опредѣляемымъ черточкой еще не получило окончательнаго утверженія, и въ литературѣ часто можно встрѣтить приложеніе въ видѣ отдѣльныхъ словъ, напр., «пригласить врача спеціалиста», и «пригласить врача-спеціалиста». «У Саввы пастуха вдругъ убывать овечки стали», а также—«у Саввы-пастуха вдругъ убывать овечки стали».

фуртъ-на-Майнѣ и др. Но въ этомъ нѣтъ рѣшительно никакой надобности.—1) У Грота мы находимъ совершенно категорическое указаніе на то, что подобныя слова пишутся отдѣльно одно отъ другого: Нижній Новгородъ, Царское Село, Великія Луки, Черная Грязь, Черная рѣчка [15]) и др. 2) Если писать Нижній Новгородъ, Царское-Село, то почему не писать помощью черточки: Нижняя-Гвинея, Беринговъ-проливъ, Атлантическій-океанъ, Ботническій-заливъ, Сѣверо-Американскіе-Штаты; почему не соединять черточкой: Святѣйшій Синодъ, Правительствующій Сенатъ?

Въ названіяхъ городовъ: Ростовъ на Дону, Франкфуртъ на Майнѣ выраженія на Дону и на Майнѣ являются обычными опредѣленіями, которыя обыкновенно не соединяются черточкой со своими опредѣляемыми словами.

Относительно именъ прилагательныхъ у Грота не сдѣлано никакихъ опредѣленныхъ указаній, потому что не можетъ же служить правиломъ то замѣчаніе, что «иногда нарѣчіе соединяется черточкой съ слѣдующимъ за нимъ именемъ прилагательнымъ» [16]). Но правило, высказанное выше касательно именъ существительныхъ, можетъ быть распространено и на имена прилагательныя, даже не на прилагательныя только, но и на другія части рѣчи, именно: «черточка ставится между двумя словами, составляющими одно понятіе, но которыя не принято писать слитно» [17]). Здѣсь только является

[15]) Русское правописаніе. Стр. 89.
[16]) Тамъ же стр. 118.
[17]) Тамъ же стр. 117.

нѣсколько излишней вторая половина правила: «которыя не принято писать слитно». Знаете ли, читатель, что значитъ писать, какъ принято? Это часто значитъ писать, какъ вамъ вздумается. Только такимъ правиломъ и можно объяснить начертаніе многихъ словъ, замѣчаемое въ дѣйствительности, напримѣръ: блѣдно-желтый и свѣтложелтый, блѣдно-зеленый и блѣдноголубой; изжелта-красный, изъ-желта бѣлый и изъ-красна-бѣлый; какъ будто и какъ-будто; стало быть, стало-быть и сталобыть; все таки, все-таки и всетаки; мало по малу, мало-по-малу и мало-помалу; то есть, то-есть и тоесть; черезъ чуръ, черезъ-чуръ и черезчуръ и мн. др.

Не всегда можно руководствоваться тѣмъ, какъ принято. Если грамотные люди не находятъ для себя указанія въ печатныхъ руководствахъ, какъ пишется то или другое слово, они пишутъ такъ, какъ имъ кажется лучше. Хорошо если кому-либо прирожденное чутье подскажетъ наилучшее рѣшеніе вопроса, а если избранное наудачу начертаніе не будетъ согласоваться съ научными доводами, тогда какъ же быть? Принятое начертаніе нерѣдко является, какъ результатъ неувѣренности, колебанія или даже просто невѣдѣнія; и ссылаться на этотъ авторитетъ людямъ присяжнымъ рѣшительно не пристало. Напротивъ того, слѣдуетъ подвергнуть повѣркѣ принятое начертаніе и отвергнуть его, если оно того заслуживаетъ. Такъ и поступаетъ Буслаевъ, когда говоритъ: «неправильно пишутъ: стóющій вм. стóящій, отъ стоить; значущій вм. значащій отъ значить» (стр. 58). Такъ поступаетъ и Гротъ, когда говоритъ, напримѣръ: «не слѣдуетъ употреблять отрицаніе не вмѣсто ни въ выраженіяхъ: что

ни, кто ни, какъ бы ни. Ошибочно говорить и писать: кто бы не былъ, какъ не больно» (стр. 97). Но Гротъ иногда, вмѣсто авторитетнаго указанія знающаго человѣка, предлагаетъ намъ руководствоваться неустойчивыми случаями принятаго начертанія *).

Какія же имена прилагательныя пишутся съ черточкой? Признакъ, указанный Востоковымъ относительно именъ существительныхъ, сюда не примѣняется, такъ какъ въ сложныхъ именахъ прилагательныхъ первое слово всегда измѣняетъ свое окончаніе [18])

Желательно прежде всего, чтобы всѣ сложныя слова писались слитно, безъ черточки, какъ быстрокрылый, благонамѣренный, глухонѣмой, двоюродный, первобытный, доброкачественный, собственноручный, честолюбивый, чистосердечный и мн. др. Прежде и было только такое слитное правописаніе. Черточка въ сложныхъ словахъ—явленіе болѣе поздняго времени, и встрѣчается она въ сочетаніяхъ словъ позднѣйшаго образованія То правило, предложенное Гротомъ, что «черточка ставится между двумя словами, составляющими одно понятіе», слѣдуетъ дополнить замѣчаніемъ: «гдѣ возможно обойтись безъ черточки, тамъ и слѣдуетъ безъ нея обходиться». Въ § о знакахъ препинанія Гротъ говоритъ: «чертой не слѣдуетъ злоупотреблять, и безъ прямой въ ней надобности лучше

*) Все сказанное мною не касается случаевъ, на которые наложила свою печать стихійная сила обычая.

[18]) Исключеніе представляютъ наши фамиліи съ окончаніемъ именъ прилагательныхъ: Завадскій-Краснопольскій, Орловъ-Давыдовъ, Квашнинъ-Самаринъ, Дунинъ-Борковскій и др., но все это прилагательныя только по формѣ, по значенію же это имена существительныя.

пользоваться другими знаками» (стр. 117). То же самое слѣдуетъ сказать и о чертѣ, какъ соединительномъ знакѣ. Въ начертаніи слова не должно быть ничего лишняго. Каждое слово должно состоять изъ тѣхъ письменныхъ знаковъ, какіе нужны для обозначенія его фонетическаго состава. Русскій языкъ стремится вообще къ упрощенію своего правописанія. Уже изгнаны изъ употребленія лишнія буквы алфавита (хотя и не всѣ), отброшены ударенія, какъ надстрочные знаки; уже пишутъ послѣ небныхъ **о** вмѣсто **е**, если на этотъ гласный звукъ падаетъ удареніе: значокъ, порошокъ, лужокъ, а не значекъ, лужекъ, порошекъ, какъ прежде писали; въ родительномъ падежѣ имен. прилагательныхъ на **ой** пишутъ **ого** вм. **аго** согласно произношенію; въ иностранныхъ словахъ часто отбрасываются буквы, которыя мало слышны или вовсе не слышны при произношеніи, напр.: комиссія, офиціальный, бурмистръ, вм. коммиссія, оффиціальный, бургмистръ. Вездѣ обнаруживается стремленіе къ устраненію всего ненужнаго. И совершается это устраненіе постепенно, безъ ломки: одна форма отживаетъ свой вѣкъ и уступаетъ мѣсто другой безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, безъ предписаній извнѣ. Каждое слово, повторяю, должно состоять изъ тѣхъ письменныхъ знаковъ, какіе нужны для его фонетическаго состава. Въ такихъ словахъ, какъ— сорокаградусный, противоположный, членораздѣльный, чернорабочій, остроконечный, прошлогодній, удобопонятный, и др., каждый письменный знакъ имѣетъ свое особое назначеніе, и нѣтъ въ нихъ ничего лишняго; все тамъ, что пишется, то и произносится. Черточка, какъ соединительный знакъ, не имѣетъ никакого фонетическаго значенія; роль этого знака чисто служебная, второстепенная. Во всѣхъ приведенныхъ вы-

ше словахъ это былъ бы совершенно лишній знакъ. Имѣя все это въ виду, я полагаю, что слѣдовало бы писать слитно, безъ черточки, и другія сложныя слова подобнаго образованія, какъ—свѣтлозеленый, блѣднорозовый, темносѣрый, яркокрасный, синебагровый и др. На этомъ же основаніи слѣдуетъ писать слитно, безъ черточки, такія слова, какъ—сѣверовосточный югозападный, западноевропейскій, южноафриканскій, древнеклассическій, римскокатолическій, среднеучебный, среднеобразовательный, тихоокеанская, желѣзнодорожный, сельскохозяйственный, военноучебный, машиностроительный, обоюдоострый, церковнославянскій, пятиаршинный, двѣнадцатилѣтній, тоесть всѣ тѣ слова, выражающія совершенно опредѣленныя понятія, которыя часто употребляются въ рѣчи, которыя сдѣлались достояніемъ русскаго языка, и съ которыми мы уже достаточно сроднились.

Слѣдуетъ ставить черточку въ тѣхъ сложныхъ именахъ прилагательныхъ, гдѣ начертаніе слитное, но безъ черточки показалось бы нѣсколько необычнымъ, таковы: изжелта-зеленоватый, искрасна-фіолетовый, изсиня-желтоватый, и болѣе короткія слова: изсѣра-зеленый и др.

2) Въ словахъ слишкомъ длинныхъ, къ которымъ не привыкъ нашъ глазъ. Сюда относятся прежде всего слова, составленныя изъ трехъ составныхъ частей, напримѣръ: фруктово-виноградноводочный, углеродисто-водородный, русско-французско-нѣмецкій, историко-филологическій, этико-соціологистическій, ветеринарно-бактеріолгическій, священно-церковнослужительскій. Затѣмъ сюда относятся вообще слишкомъ многосложныя, въ родѣ слѣдующихъ

литературно-музыкальный, политико-экономическій, художественно-литературный.

3) Въ словахъ случайнаго образованія, которыя составляются изъ готоваго словеснаго матеріала для каждаго частнаго случая, которыя представляютъ для насъ новое, часто даже своеобразное сочетаніе, напримѣръ: безсмертно-молодой, болѣзненно-желтый, допотопно-развитый, религіозно-сектантскій, квартально-надзирательскій и мн. др., которыми изобилуетъ наша пресса. Относительно правописанія всѣхъ подобныхъ словъ невозможно сдѣлать точныхъ указаній, потому что, собственно говоря, самыхъ-то словъ нѣтъ въ языкѣ въ готовомъ видѣ. Они создаются случайно и могутъ постоянно представлять затрудненія при правописаніи, тѣмъ болѣе что тутъ нельзя даже сослаться на принятое начертаніе ихъ: нѣтъ словъ, нѣтъ и принятаго начертанія ихъ. Тутъ именно слѣдуетъ имѣть въ виду указаніе Грота: «черточка ставится между двумя словами, составляющими одно понятіе». Но, да позволено будетъ прибавить: гдѣ возможно обойтись безъ черточки, тамъ и слѣдуетъ безъ нея обходиться.

З. О—въ,

Окончаніе будетъ.

П. ЖИТЕЦКІЙ. „Теорія поэзіи“. Кіевъ. 1898 г. Стр. 292.

Фамилія, стоящая на обертке книги, заглавіе которой мы выписали, принадлежитъ автору нѣсколькихъ почтенныхъ изслѣдованій въ области малорусскаго языка и поэзіи и одному изъ извѣстнѣйшихъ преподавателей въ Кіевскомъ учебномъ округѣ. Принявъ въ расчетъ эти данныя, а также широту исходной точки прежнихъ научныхъ трудовъ г. Житецкаго, въ одномъ изъ которыхъ онъ выставилъ положеніе, что «въ жизни языка отражаются бытовыя настроенія народнаго духа, народныхъ понятій, вѣрованій и идеаловъ», мы имѣемъ право ожидать, что «Теорія поэзіи» П. И. Житецкаго, составляющая вторую часть учебника по теоріи словесности, (первая часть котораго вышла нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ заглавіемъ: «Теорія сочиненія»), представляетъ явленіе, достойное вниманія. И въ этихъ ожиданіяхъ читатель не разочаруется.

Одну изъ особенностей новой книги въ ряду другихъ руководствъ по тому же предмету гимназическаго курса, которыхъ послѣ отнесенія теоріи словесности съ V класса на VIII появилось уже болѣе полутора десятка, заключается въ томъ, что теоретическія положенія и общіе выводы опираются на обстоятельный разборъ поэтическихъ произведеній исключительно русской словесности въ связи съ тѣми условіями, среди которыхъ появилось произведеніе. «Въ составъ этихъ условій входятъ, во-первыхъ, мѣстныя теченія общественной жизни, во-

-вторыхъ, большее или меньшее вліяніе литературныхъ школъ, совпадающее или не совпадающее съ этими теченіями» (предисловіе). Въ изложеніи народнаго творчества выясняются первобытныя вѣрованія, историческіе факты и бытовыя явленія народной жизни, на почвѣ которыхъ развилась народная поэзія.

Другая особенность въ обработкѣ книги. Въ большинствѣ нашихъ учебниковъ вообще, въ руководствахъ по теоріи словесности въ особенности, замѣчается ненужная ни для школы, ни для жизни схоластика какъ въ подборѣ сообщаемыхъ по традиціонной рутинѣ свѣдѣній, такъ и въ ихъ обработкѣ. Прямымъ послѣдствіемъ такой безжизненности учебника является отсутствіе интереса къ предмету у учащихся, которыхъ весть по иному пути, не по тому, котораго держится введенный въ заведеніи учебникъ, является для преподавателя нерѣдко большимъ рискомъ при нынѣшнемъ формализмѣ учебно-воспитательныхъ порядковъ.—«Преподаваніе всякаго предмета должно состоять въ разъясненіи, комментированіи учебника», категорически гласилось въ одномъ окружномъ циркулярѣ, когда ѣхало на ревизію важное лицо изъ Петербурга: «ходъ урока таковъ—чтеніе учебника учениками и разъясненіе его преподавателемъ.»

Книга кіевскаго педагога является отраднымъ исключеніемъ: человѣку, для котораго вопросы русской литературы не чужды, едва ли возможно прочесть ее безъ интереса. Это зависитъ какъ отъ содержанія, такъ и отъ формы изложенія. Несмотря на то́, что авторъ основательно знакомъ съ научными работами по тѣмъ вопросамъ и фактамъ, которые ему приходится разсматривать въ своемъ трудѣ, его собственная мысль не подавлена грудой свѣдѣній, не связана ими въ своемъ

теченіи. Вездѣ чувствуется (гдѣ больше, гдѣ меньше), что авторъ говоритъ свое, «отъ себя», отъ своего разума. Потому-то и языкъ учебника далекъ отъ обычной шаблонности и безцвѣтности учебныхъ руководствъ; при разнообразіи, сжатости и мѣткости, при безукоризненной литературности, онъ является послушнымъ выраженіемъ живой мысли, нося ясные слѣды индивидуальнаго психическаго строя автора. Отсюда слогъ книги, не скажемъ—блестящъ (что̀ служило бы, пожалуй, не въ похвалу учебной книгѣ), но тщательно отдѣланъ; не скажемъ—цвѣтистъ, но колоритенъ. Мы имѣемъ по русской словесности цѣльные курсы Галахова, Порфирьева, Евстафьева, Незеленова, въ послѣднее время четырехъ-томный трудъ Пыпина; но можемъ смѣло сказать, нигдѣ языкъ не дышитъ настолько жизнью духа, какъ въ трудѣ г. Житецкаго, несмотря на то, что излагаются вещи вообще не новыя и мысли не оригинальныя. Это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что г. Житецкій пробылъ, кажется, все время на преподавательской службѣ, которая имѣетъ страшную способность быстро старить и мертвить лицъ, посвятившихъ себя ей.

Интересъ, вызываемый чтеніемъ лежащей передъ нами книги, опредѣляется, впрочемъ, не только слогомъ, но и пріемами изложенія. Чтобы дать понятіе о послѣднихъ, мы приведемъ 2—3 примѣра.

Г. Житецкій нерѣдко, прежде чѣмъ установить теоретическое положеніе, разсматриваетъ какой-нибудь единичный фактъ, т.-е. идетъ наиболѣе раціональнымъ въ преподаваніи методомъ—отъ частнаго къ общему. Такъ, необходимость присутствія въ поэтическомъ произведеніи вымысла выводится изъ разбора стих. Лермонтова: «Сосна» (стр. 1—2); понятіе о драматическомъ

лицѣ дается путемъ сравненія — скупого рыцаря съ Плюшкинымъ, изъ котораго (сравненія) становится яснымъ, что герой Гоголя не могъ быть изображенъ въ драмѣ въ силу психическихъ основъ своей личности (стр. 17—18).

Авторъ книги старается устранить въ своемъ трудѣ отрывочность и сообщить его изложенію органическую цѣльность, напр., обзоръ богатырей такъ называемаго Кіевскаго цикла объединенъ, по примѣру извѣстнаго труда Ор. Ѳ. Миллера, анализомъ личности Ильи Муромца. При выясненіи эмоціи возвышеннаго на образцахъ народной лирики обозрѣвается по пѣснямъ судьба добраго молодца.

Къ достоинству учебной книги нужно отнесть и то, что составитель не выходитъ изъ круга тѣхъ произведеній русской поэзіи, съ которыми ознакомились ученики въ VI и VII классѣ. Вслѣдствіе этого, изучая теорію поэзіи по учебнику Житецкаго, ученикъ осмысленно повторяетъ главнѣйшія изъ знакомыхъ ему поэтическихъ произведеній, углубляясь въ ихъ внутренній смыслъ и внѣшнюю архитектонику.

Книга распадается на три части: а) поэзію, какъ искусство (1—21 стр.); б) народную поэзію (22—94 стр.) и в) литературныя формы поэзіи (95—292 стр.).

Въ первой части разсматриваются творческія силы въ искусствѣ, положеніе поэзіи въ ряду другихъ изящныхъ искусствъ и ея основныя формы.

Лучшею должна быть признана послѣдняя изъ этихъ главъ: объ отличіи лирики, эпоса и драмы,—глава, въ которой составитель обнаруживаетъ во всей силѣ рѣдкое умѣніе дать наглядное и вмѣстѣ глубокое понятіе о разсматриваемыхъ явленіяхъ. Менѣе насъ удовлетворяютъ

двѣ первыя главы, на которыя мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній *).

1) Стр. 2. Выяснивъ цѣлесообразность вымысла въ стих. Лермонтова: «Сосна», авторъ дѣлаетъ выводъ: «Очевидно, необходимая принадлежность поэтическаго мышленія есть вымыслъ». Обобщеніе въ такой формѣ выходитъ за предѣлы логическаго основанія: единичный фактъ говоритъ лишь о возможности, и въ книгѣ ничѣмъ не доказывается его всеобщность. На томъ же основаніи неубѣдительно и слѣдующее обобщеніе: «Итакъ, въ эстетическомъ наслажденіи заключается вся задача поэзіи, какъ и другихъ изящныхъ искусствъ». Да оно и невѣрно: «Наука и искусство равно стремятся къ познанію истины», говоритъ Карьеръ: «но первая переходитъ отъ факта къ понятію и къ идеѣ и выражаетъ мысль о бытіи въ ея всеобщности, строго различая отдѣльный случай и общее правило — законъ, тогда какъ второе воплощаетъ идею въ отдѣльномъ явленіи и сливаетъ идею и ея наглядное проявленіе (образъ) въ идеалѣ». Жаль, что г. Житецкій упустилъ изъ виду эту основную черту поэзіи, подробно выясненную въ трудѣ Потебни: «Мысль и языкъ», **)

*) Намъ пришлось прочесть слѣдующія рецензіи на разбираемую книгу: въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» (офиціальный отзывъ, принадлежащій, судя по слогу, г. Анненскому); въ «Русской Школѣ» (г. Келтуяла) и «Педагогическомъ Сборникѣ». Дѣлая свои замѣчанія, мы будемъ избѣгать того, что уже было отмѣчено до насъ въ педагогической критикѣ.

**) См также прекрасную статью проф. Овсянико-Куликовскаго: «А. С. Пушкинъ, какъ художественый геній» («Памяти А. С. Пушкина-.Юбилейный сборникъ. Изд. редакціи ж: «Жизнь». 1899 г.): «Художественное твор-

а вмѣстѣ съ тѣмъ и родство поэзіи съ словомъ вообще, указанное уже В. Гумбольдтомъ: «поэзія и проза суть явленія языка». Какъ въ созданіи языка, такъ и въ поэтическомъ творчествѣ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же основной законъ апперцепціи—объясненіе новаго, неизвѣстнаго при посредствѣ извѣстнаго, имѣющаго названіе *). Пониманіе поэзіи становится при такомъ взглядѣ неизмѣримо глубже и шире: «Поэзія—вездѣ, гдѣ за немногими чертами опредѣленнаго, замкнутаго образа стоитъ многообразіе значеній» (Потебня). Принадлежность къ поэзіи пословицъ и загадокъ, не охватываемыхъ опредѣленіемъ г. Житецкаго, хотя и разсматриваемыхъ имъ, тогда станетъ несомнѣнной. Тогда яснѣе будетъ также для пытливой мысли первобытнаго человѣка сущность и важность миѳическаго воззрѣнія на природу и народной символики.

2) Стр. 3. Въ выработкѣ альтруистическихъ чувствъ почтенный авторъ придаетъ слишкомъ много значенія мысли. Онъ забываетъ, что и для эгоистическихъ настроеній требуется нерѣдко сложная работа мысли (вспомнимъ о сверхчеловѣкѣ Ницше, о капитализмѣ Маркса); наоборотъ, образы невзрачнаго Акима во «Власти тьмы» Л. Толстаго и юродиваго Касьяна въ «Запискахъ охотника» Тургенева доказываютъ невѣрность положенія: «Чѣмъ возвышеннѣе чувства наши, тѣмъ болѣе они связаны съ дѣятельностью мышленія». Самъ авторъ на

чество есть теоретическая (не прикладная) умственная дѣятельность и естественно классифицируется вмѣстѣ съ другими видами таковой же умственной дѣятельности—съ научной и философской» (стр. 6).

*) См. нашу статью «Польза и вредъ поэзіи для учащейся молодежи» («Пед. Сборникъ» 1899 г. № 5).

9 стр уже правильнѣе говоритъ: «Оттуда же (т.-е. изъ сердца»; въ книгѣ сказано неудачно: выходитъ будто бы «изъ сердца поэта») исходятъ и всѣ высшія, такъ называемыя, симпатическія чувства человѣка». Вл. Соловьевъ говоритъ: «Для того, чтобы идея добра въ формѣ должнаго получила силу достаточнаго основанія или мотива, нужно соединеніе двухъ мотивовъ: достаточной ясности и полноты самой этой идеи въ сознаніи и достаточной нравственной воспріимчивости въ натурѣ субъекта» («Оправданіе добра», 29 стр).

3) Стр. 3. «Мы хорошо знаемъ, что сцены, изображенныя поэтомъ, — не наша личная жизнь; поэтому поэтическое изображеніе ея, повидимому, только возбуждаетъ, волнуетъ наше сердце, не подавляя его тѣми ощущеніями радости и горя, которыя испытываемъ мы, когда встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью».—То соображеніе, что жизнь, воспроизведенная поэтомъ, не наша личная, мало разъясняетъ умиротворяющее дѣйствіе поэзіи: вѣдь страданія ближняго въ дѣйствительности подавляютъ нашу душу, вносятъ въ нее тревогу и горечь. Отчего же чувство, вызываемое произведеніемъ искусства, иное въ качественномъ отношеніи?

Прямѣе подходитъ къ выясненію причинъ той гармоніи, которую вноситъ въ нашу душу жизнь, возведенная художникомъ въ «перлъ созданія», Э. Геннекенъ: «Слова «чувство прекраснаго» (при изображеніи печальныхъ сценъ) означаютъ, по нашему, слѣдующее состояніе духа: интенсивное возбужденіе одного или нѣсколькихъ чувствъ—при отсутствіи образовъ, положительно и, такъ сказать, лично прискорбныхъ, которые обыкновенно входятъ въ реальную эмоцію; иначе говоря—это ощущеніе, приливъ печали, безъ свойственной ей горечи

или ужаса» («Опытъ построенія научной критики». Пер. Струнина. 1892 г. Стр. 21). Психологъ Рибо параллельно этому усматриваетъ въ творческомъ вдохновеніи просвѣтленное сознаніе нашей безсознательной психики (consience inconsiente).

4) Стр. 5. «Благодаря найденному нами критерію прекраснаго въ природѣ, мы не назовемъ прекрасными предметовъ уродливыхъ». Если бы критерій, указанный г. Житецкимъ, былъ даже точно опредѣленъ, то и въ такомъ случаѣ для пониманія красоты одного его мало: нужно еще развитое эстетическое чувство. Наоборотъ, можно, не зная критерія, быть тонкимъ цѣнителемъ красоты.

5) Стр. 7. «Для художника необходимы тѣни, чтобы получилась перспектива; необходимо изображеніе печальныхъ и отталкивающихъ сторонъ жизни, чтобы съ большею силою могли выступить свѣтлыя и привлекательныя стороны ея. Это доказательство необходимости внесенія въ прекрасное искусства непрекрасной жизни мало убѣдительно: вспомнимъ «Ревизора» Гоголя, «Мертвыя души» его же: развѣ въ этихъ проиведеніяхъ изображеніе темныхъ сторонъ жизни служитъ вспомогательнымъ средствомъ для болѣе яркаго оттѣненія положительной дѣйствительности, воспроизведенной поэтомъ въ этихъ созданіяхъ?

6) Указывая на идейную сторону архитектуры, г. Житецкій говоритъ только, что «въ произведеніяхъ архитектуры идея художника выражается большею частью символически» (стр. 11), т. е. имъ упущена основная внутренняя сторона зодчества, сближающая его съ музыкой: «Архитектурное произведеніе возбуждаетъ въ нашей душѣ, подобно музыкѣ, извѣстныя настроенія чувствъ: чувство благоговѣнія или трепета предъ невѣ-

домымъ и таинственнымъ, или пріятныя и сладостныя, веселящія сердце ощущенія» и т. д. (Юрьевъ). Справедливо Фридрихъ Шлегель назвалъ архитектуру «застывшей музыкой».

7) Стр. 12. «Готическіе храмы, постепенно къ верху суживаясь и оканчиваясь шпилемъ, уходящимъ въ высь, напоминаютъ о среднихъ вѣкахъ, вѣкахъ христіанской набожности, которая направляла чувства и помыслы людей къ небу».—Этотъ примѣръ, вопреки намѣренію автора, не говоритъ объ эстетическомъ впечатлѣніи, производимомъ постройками стрѣльчатаго зодчества, о чемъ между тѣмъ можно найти прекрасныя строки, напр., въ статьѣ Гоголя: «Объ архитектурѣ нынѣшняго времени».

Во второй части руководства, распадающейся на четыре главы, особенно пріятное впечатлѣніе производятъ двѣ послѣднія: а) о народныхъ былинахъ и историческихъ пѣсняхъ, б) о народныхъ бытовыхъ пѣсняхъ.

Въ изложеніи былевого эпоса авторъ очень искусно воспользовался результатами многочисленныхъ изслѣдованій по этому вопросу. Г. Житецкій первый изъ составителей учебныхъ руководствъ вноситъ въ сознаніе школы современные научные выводы объ эпическомъ пѣснотворчествѣ. Такъ, напр., пользуясь недавними работами авторитетнѣйшаго знатока русскихъ былинъ, проф. Всеволода Миллера, онъ говоритъ о типическихъ мѣстахъ въ былинномъ эпосѣ, подмѣченныхъ еще Гильфердингомъ (loci communes, какъ ихъ называетъ Вс. Миллеръ въ «Русской Мысли» за 1895 г.); излагая о Святогорѣ, авторъ принимаетъ во вниманіе данныя, добытыя изъ сближенія Святогора съ Аникою-воиномъ, сдѣланнаго Веселовскимъ (въ «Вѣстникѣ Европы» 1875 г. № 4).

Въ основу характеристики бытовыхъ народныхъ пѣсенъ положена очень удачная мысль: выясненіе по пѣснямъ эмоцій возвышеннаго, трогательнаго и смѣшного. Здѣсь онъ вводитъ мысль ученика въ область психологіи; въ предшедствующихъ же главахъ онъ привлекаетъ для освѣщенія народнаго творчества данныя антропологическія и культурно-историческія; одного этого указанія достаточно для того, чтобы видѣть, насколько широко смотритъ г. Житецкій на свою задачу.

Теперь укажемъ на отдѣльныя мѣста второй части, съ которыми мы не можемъ согласиться.

1) Стр. 27. Фетишизмъ опредѣляется, какъ «вѣрованія въ чарующую силу одушевленныхъ и даже неодушевленныхъ предметовъ, посредствомъ которыхъ можно управлять духами». — Такое опредѣленіе не вполнѣ точно: предметамъ «поклоняются не ради присущей имъ силы или ради ихъ преимуществъ, а потому, что каждый изъ нихъ считается жилищемъ духа» («Исторія религіи» Мензиса С.-Пб. 1897 г., стр. 25).

2) Стр 49. Напрасно говорится о каликахъ перехожихъ, какъ о хранителяхъ былевого эпоса среди олончанъ (см. о сказителяхъ въ моей статьѣ: «Условія существованія русскаго былевого эпоса» — «Педагогическій Сборникъ» 1896 г. № 7).

3) Стр. 55. Авторъ, придерживаясь смутной классификаціи, которая установлена потерявшей уже въ наукѣ кредитъ миѳологической школой изслѣдователей героическихъ пѣсенъ, различаетъ богатырей старшихъ и младшихъ. Отличительной чертой первыхъ является «обладаніе безмѣрною силой». Но характеристика Вольги (стр. 56) не оправдываетъ зачисленія его въ разрядъ старшихъ.

4) Стр. 66. «Не унижаясь до лицемѣрія и мести,

Илья Муромецъ не забываетъ своего человѣческаго достоинства, поэтому не по душѣ ему спесь двора княжескаго. Въ первый пріѣздъ свой ко двору князя Владимира онъ поломалъ скамьи дубовыя, а князей и бояръ поприжалъ въ большой уголъ».—Правду сказать, мы не видимъ въ такомъ озорничествѣ въ княжескомъ дворѣ проявленія человѣческаго достоинства. Это достоинство обнаруживается въ тѣхъ варіантахъ, которые разсказываютъ, какъ Илья Муромецъ, пріѣхавшій изъ Мурома дорожкою прямоѣзжею, въ отвѣтъ на обидное недовѣріе князя Владимира:

«Во глазахъ, мужикъ, ты посмѣхаешься,
Во глазахъ, мужикъ, ты подлыгаешься»,

заявляетъ:

«Владимиръ, князь стольно—кіевскій!
Соловей Разбойникъ на твоемъ дворѣ,
И прикованъ онъ ко правому ко стремячку
ко булатному».

Здѣсь дѣйствительно чувствуется сила духа, которая сообщаетъ человѣку полное душевное равновѣсіе, дающее ему возможность спокойно взирать «на правыхъ и виновныхъ». Это сознаніе достоинства Ильею Муромцемъ роднитъ его съ олончанами, изъ жизни которыхъ Рыбниковъ приводитъ случай, наглядно разъясняющій нашу мысль объ истинномъ достоинствѣ: «У одного изъ пѣвцовъ былинъ полицейскій чиновникъ прежняго времени попросилъ взятку за какое-то дѣло. Крестьянинъ не далъ. Проѣзжая случайно черезъ деревню, чиновникъ какъ завидѣлъ этого крестьянина, такъ и бросился къ нему съ поднятыми кулаками. Тотъ спокойно отстранилъ его прочь отъ себя и замѣтилъ ему суровымъ голосомъ: «Ты, ваше благородіе, это оставь: я по этимъ дѣламъ никому еще должо́нъ не оставался» (III т., стр. XXII).

5) Стр. 75. «Не различая хронологическихъ моментовъ, они безсознательно подновляли и подновляютъ ее новыми подробностями исторической и топографической обстановки, которая чужда была первоначальной родинѣ былинъ».—Объ исторической обстановкѣ былинъ говорится въ книгѣ, но о топографической нѣтъ ничего. Объ этомъ нужно было бы сказать, воспользовавшись, напр., прекраснымъ описаніемъ Гильфердинга (стр. XXV).

Переходимъ къ третьей, самой обширной части: «Теоріи поэзіи». Въ ней заключается 19 главъ. Лучшими между ними должны быть признаны тѣ, въ которыхъ разсматриваются важнѣйшія произведенія русской драмы: «Борисъ Годуновъ» (гл. 13), «Недоросль» (гл. 14), «Горе отъ ума» (гл. 15), «Ревизоръ» (гл. 16). Въ этихъ разборахъ авторъ мастерски раскрываетъ ходъ драматическаго событія, отмѣчаетъ моменты, подвигающіе дѣйствіе впередъ; указываетъ на связь развязки съ общимъ развитіемъ драмы и ея идей.

Замѣчанія вызываются слѣдующими мѣстами:

1) Стр. 97 «Классическій (лат. classicus) человѣкъ, входившій въ составъ одного изъ пяти классовъ римскихъ гражданъ. Въ эпоху Возрожденія классическими писателями назывались лучшіе писатели римскіе, а потому и всѣ писатели, какъ римскіе, такъ и греческіе».—Здѣсь неясно, почему слово classicus, обозначавшее принадлежность къ какому—угодно изъ классовъ, установленныхъ Сервіемъ Тулліемъ, начало обозначать лучшее, выдающееся. Дѣло въ томъ, что classici назывались члены перваго класса (A. Gellii «Noctes Atticae» VI, 13); отсюда, уже у римлянъ, это слово прилагалось къ лучшимъ писателямъ, предста-

вителямъ золотого вѣка римской литературы (ibidem XIX, 8).

2) Стр. 101. Ходъ мыслей во вступленіи сатиры Кантемира: «Къ уму своему», переданъ весьма неполно (см. мой разборъ этой сатиры въ «Педагогическомъ сборникѣ» 1897 г. № 11).

3) Стр. 102. Изъ этой сатиры не видно, чтобы Сильванъ зналъ о нравственной пользѣ науки, что однако утверждаетъ г. Житецкій.

4) Стр. 106. Выписавъ стихи:

«Въ безмолвіи внимай, вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена»,

г. Житецкій говоритъ: «здѣсь и вступленіе, и тема оды».—Здѣсь лишь конецъ вступленія, которое заключаетъ 6 первыхъ строфъ.

5) Стр. 110. Приведенныя въ книгѣ строки изъ оды: «Богъ»—Державина, и «Вечерняго размышленія о Божіемъ величествѣ»—Ломоносова не заключаютъ въ себѣ сходства въ «словахъ и выраженіяхъ».

6) Стр. 121. «Стихотвореніе: «Чернь», начинается недоумѣніемъ черни по поводу пѣсни поэта».—Невѣрно.

7) Стр. 128. «Такъ какъ подразумѣвать можно многое, то отсюда получается многозначительность басни».—Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать: «многозначность» (см. Потебни: «Изъ лекцій по теоріи словесности», стр. 139 и сл.)

8) Стр. 136. «Гоголь любитъ иногда «спуститься въ сферу» жизни старосвѣтскихъ помѣщиковъ, чтобы отдохнуть на время отъ тревогъ жизни (1), чтобы въ обществѣ Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны укрѣпить свою вѣру въ добро» (2).—Первая цѣль вѣрно указана, но второе замѣчаніе находитъ себѣ

рѣшительное опроверженіе въ характерѣ творчества Гоголя. Самое цѣнное въ духовной природѣ матери Гоголя, съ которой срисовалъ художникъ Пульхерію Ивановну, выброшено: у Пульхеріи Ивановны подъ наружной добротой скрыта безвольная слабохарактерность, неспособная ни на дѣятельное проявленіе человѣколюбивыхъ стремленій, ни на подъемъ глубокаго религіознаго чувства (см. мой разборъ этого произведенія Гоголя въ «Педагогическомъ сборникѣ» 1895 г. №№ 11 и 12), и напрасно г. Житецкій думаетъ, что Гоголь вполнѣ сливается съ изображаемой имъ жизнью: онъ выше ея, и произноситъ надъ ней судъ, хотя не осуждаетъ.

9) Стр. 140—141. «Въ балладѣ Пушкина: «Бѣсы», изображается психологія страха, постепенно овладѣвающаго путниками подъ впечатлѣніемъ зимней метели, которая представляется имъ въ видѣ бѣсовъ. Сначала страхъ закрадывается въ душу ямщика, какъ человѣка болѣе суевѣрнаго, чѣмъ баринъ... А такъ какъ страхъ есть чувство заразительное, то онъ овладѣваетъ и бариномъ, который видитъ предъ собою «бѣсовъ разныхъ».—Смыслъ извѣстнаго стихотворенія непонятъ г. Житецкимъ. Нарисовавъ картинку въ началѣ баллады, баринъ—поэтъ говоритъ: «Страшно, страшно поневолѣ средь бѣлѣющихъ равнинъ». Итакъ, страхъ у барина появился независимо отъ чувства ямщика, подъ вліяніемъ бури. Сдѣланное послѣ того ямщикомъ въ разговорѣ съ бариномъ указаніе на бѣсовъ, какъ на причину явленій мятели, даетъ толчокъ воображенію поэта, который отдается игрѣ фантазіи. Но образы бѣсовъ не страшны ему, напротивъ—жалки и смѣшны:

«Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?

Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ?
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?»

Прежнее чувство страха, вызваннаго бурей, переходитъ у поэта въ тоску:

«Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ.»

10) Стр. 155. Говоря о томъ, какъ у Гоголя возникла мысль о созданіи поэмы: «Мертвыя души», г. Житецкій, можетъ-быть, имѣетъ въ виду слѣдующія строки изъ «Авторской исповѣди» Гоголя: «Пушкинъ заставилъ взглянуть на дѣло серіёзно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и, наконецъ, одинъ разъ онъ мнѣ сказалъ: «Какъ съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе!» Вслѣдъ за этимъ началъ онъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано; привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса, который, хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но, если бы не принялся за «Донъ-Кихота», никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями».—Очевидно, что Пушкинъ указывалъ Гоголю на Сервантеса для того, чтобы склонить его къ большому, серьёзному труду. Гоголь до этого разговора писалъ лишь небольшія шутливыя повѣсти; такія же никому теперь неизвѣстныя повѣсти писалъ и Сервантесъ. Литературная дѣятельность Сервантеса прошла бы безслѣдно, если бы ему не пришло на мысль написать подъ конецъ своей долголѣтней жизни большой и серьёзный романъ: «Донъ-Кихотъ». Гоголю нужно поскорѣе приняться за большое серьёзное произведеніе, такъ какъ у него здоровье слабо, и жизнь не обѣщаетъ быть продолжительной.—Таковъ

смыслъ словъ Пушкина, по свидѣтельству Гоголя. Между тѣмъ г. Житецкій хочетъ видѣть въ словахъ Пушкина совѣтъ Гоголю подражать Сервантесу въ выборѣ сюжета и даже проводитъ параллель между Чичиковымъ и Донъ-Кихотомъ. Такое толкованіе словъ Гоголя невѣрно, а параллель натянута.

11) Стр. 157. Поэма: «Мертвыя души», «должна была охватить въ одной цѣльной картинѣ всю русскую жизнь со всѣми ея смѣшными и печальными явленіями».—Задача поэта была шире: онъ хотѣлъ представить и «несмѣтвое богатство русскаго духа» (см. статью Алексѣя Веселовскаго въ «Вѣстникѣ Европы» 1891 г. № 3), о чемъ и самъ г. Житецкій упоминаетъ на стр. 165.

12) Стр. 160. Г. Житецкій упрекаетъ продавцовъ мертвыхъ душъ въ томъ, что они «заботились о личныхъ выгодахъ въ ущербъ общественному благу».—Но изъ четырехъ помѣщиковъ, продавшихъ Чичикову мертвыя души, одинъ Собакевичъ понималъ незаконность торговой сдѣлки, остальные же (Маниловъ, Плюшкинъ, Коробочка) этого не знали.

13) Стр. 184. «Когда писалъ Пушкинъ свою трагедію, исторія Карамзина была послѣднимъ словомъ науки, и онъ переложилъ это слово на языкъ поэзіи».—Проф. Ждановъ выяснилъ, что это общепринятое мнѣніе не вполнѣ вѣрно (см. его «О драмѣ Пушкина: «Борисъ Годуновъ», 1892 г.)

14) Стр. 185. «Трудно было Борису Годунову устоять противъ соблазна и не протянуть руки къ царскому вѣнцу. Но онъ хорошо зналъ всѣ трудности послѣдняго, рѣшительнаго шага. Отсюда колебанія, тѣмъ болѣе возможныя въ его положеніи, что спѣшить было нечего».—Ничто не говоритъ въ трагедіи о коле-

баніяхъ въ душѣ Годунова предъ принятіемъ престола. Напротивъ, въ 7-й сценѣ царь Борисъ вспоминаетъ о вступленіи на престолъ, какъ о единственно счастливомъ моментѣ:

«Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ охладѣвъ, скучаемъ и томимся.»

Самъ г. Житецкій тутъ же говоритъ: «Не трудно было нажать пружину, чтобы духовенство и бояре» снова попросили его. Но колебанія воли несовмѣстимы съ энергичнымъ дѣйствіемъ. Если Борисъ колебался, то, нужно думать, ему интересно было знать дѣйствительное расположеніе духовенства, бояръ, народа; нажиманіе же пружины противорѣчитъ этому.

15) Стр. 186. Г. Житецкій думаетъ, что первое появленіе Бориса въ трагедіи (сцена 4) произошло «тотчасъ послѣ избранія». На самомъ дѣлѣ согласіе дано Борисомъ 28 февраля 1598 г. (см. «Исторію Государства Россійскаго», т. X, гл. 3); сцена же въ Кремлевскихъ палатахъ произошла 30 апрѣля («И. Г. Р.», т. XI, гл. 1).

16) Стр. 191. Годуновъ «рылъ другимъ яму, въ которую самъ упалъ потомъ».—Такъ говоритъ г. Житецкій, выписавъ стихи изъ 9 й сцены о преслѣдованіяхъ и казняхъ Бориса. Но вѣдь самъ Борисъ умеръ естественною смертью, не являющеюся въ трагедіи наказаніемъ за незаконныя дѣянія, что выясняется и въ руководствѣ (стр. 149—195),

17) Стр. 191. Въ анализѣ сцены 10 й не подчеркнуто рѣзкое измѣненіе въ положеніи главнаго героя—«перемѣна счастія въ несчастіе», что Аристотель

называлъ «переломомъ», отводя ему важное мѣсто въ трагедіи («Поэтика», гл. 11).

18) Стр. 212. «По всему видно, что Чацкій получилъ вмѣстѣ съ Софьей домашнее образованіе въ домѣ Фамусова (1), затѣмъ три года путешествовалъ или, какъ говоритъ Софья, «искалъ ума» за границей (2)».—Мы скорѣе склонны думать, что Чацкій учился и въ Московскомъ университетѣ: иначе трудно объяснить фамусовскимъ воспитаніемъ «умъ, алчущій познаній»; да и самъ Грибоѣдовъ, изобразившій въ лицѣ Чацкаго самого себя, слушалъ лекціи въ университетѣ. Соображенія проф. Васильева по этому вопросу для насъ кажутся болѣе убѣдительными, чѣмъ мнѣніе г. Житецкаго (см. рядъ статей о Чацкомъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» за разные годы). Во всякомъ случаѣ для послѣдняго нѣтъ достаточныхъ основаній.—Если первое изъ двухъ выписанныхъ выше положеній оказывается безпочвеннымъ, то второе—несомнѣнно ошибочно: за эти три года отсутствія изъ Москвы Чацкій побывалъ и на штатской, и на военной службѣ, и лишь потомъ за границей. Вотъ данныя изъ комедіи. Чацкій говоритъ Горичеву:

«Не въ прошломъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? лишь утро—ногу въ стремя
И носишься на борзомъ жеребцѣ» (III, 6).

Съ этимъ согласно другое его показаніе:

«Я самъ къ нему (т.-е. мундиру) давно ль отъ нѣжностей отрекся?» (II, 5).

А вотъ слова Молчалина, указывющія, что Чацкій служилъ въ Петербургѣ при министерствѣ, нужно думать—раньше, чѣмъ въ полку:

«Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,

Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...» (Ш, 3).

19) Стр. 220. Г. Житецкій защищаетъ поведеніе Чацкаго такимъ соображеніемъ: «Люди, почувствовавшіе приливъ новыхъ силъ физическихъ или нравственныхъ, тотчасъ спѣшатъ примѣнить ихъ къ дѣлу, мало обращая вниманія на то, къ чему и для чего это нужно». — Этотъ доводъ указываетъ лишь на одну изъ причинъ страннаго поведенія Чацкаго, но не оправдываетъ этой странности. Для того, чтобы объяснить возбужденное состояніе Чацкаго, можно бы указать, помимо тревожныхъ отношеній между имъ и Софьей, еще на то, что онъ не спитъ уже третьи сутки:

«Не вспомнясь, безъ души,
Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семисотъ пронесся.. вѣтеръ, буря....
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ» (I, 7).

При этомъ есть основаніе думать, что у Чацкаго неврастенія, переданная ему по наслѣдству отъ матери:

«По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ» (Ш, 21),

говоритъ о Чацкомъ, вѣроятно, прилыгая, Фамусовъ, у котораго тотъ воспитывался. Показаніе Фамусова подтверждается и слухомъ, передаваемымъ еще до пріѣзда Чацкаго сочувствующей ему Лизой.

«Лѣчился, говорятъ, на кислыхъ онъ водахъ» (I, 5).

(см. нашъ взглядъ на поведеніе Чацкаго въ статьѣ: «Грибоѣдовъ» и «Горе отъ ума» — «Филологическія Записки» 1896 г. № 2).

Въ Чацкомъ есть и другія странности, напр., его любовь къ Софьѣ, которой онъ за три года не писалъ «двухъ словъ» (1,9), хотя психологически и такое явленіе естественно и не безпримѣрно: «Случается, что

извѣстныя чувства надолго погасаютъ, уступая мѣсто такимъ желаніямъ, удовлетвореніе которыхъ не совмѣстно съ ними, а затѣмъ возраждаются, когда уже казалось, что они умерли навсегда. Интересный примѣръ этого рода представляетъ Берліозъ въ своей любви къ г-жѣ Ф.. Онъ полюбилъ ее въ дѣтствѣ, затѣмъ имѣлъ очень разнообразныя любовныя похожденія, но подъ старость вернулся къ предмету своей первой любви и упорно добивался своей цѣли» («Психологія характера» Полана. 1896 г. Пб. Стр. 77).

20) «Чацкій, повидимому, мечталъ слить въ одно идеальное цѣлое «старину святую» съ широкимъ міровоззрѣніемъ, основаннымъ на европейскомъ просвѣщеніи. Съ этою мечтою онъ ринулся въ жизнь и потерпѣлъ крушеніе» (стр. 216).— «Разговоры Чацкаго были дѣйствіемъ, направленнымъ къ тому, чтобы вырвать Софью изъ круга людей и идей «минувшаго вѣка» (стр. 227).—Ни того, ни другого мы не видимъ въ комедіи, и г. Житецкій этого также не показалъ. Въ томъ-то и слабая сторона Чацкаго, что разсыпаемыя имъ направо и налѣво нападки безцѣльны, случайны и безрасчетны (? Ред).

21) Стр. 231. «Одинъ въ полѣ не воинъ», поэтому городничій и другимъ старается внушить свои опасенія».—Это не такъ просто. Двойственность въ поведеніи городничаго мы выяснили въ своихъ статьяхъ о «Ревизорѣ» (см. «Педагогическій Сборникъ» 1897 г. №№ 4, 8, 10).

22) Стр. 232. Предложеніе судьи въ «Ревизорѣ»: «впередъ пустить голову, духовенство, купечество», въ руководствѣ объясняется паникой. Г. Житцкій упускаетъ изъ виду слѣдующія слова Аммоса Ѳедоровича: «А я на этотъ счетъ покоенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто

зайдетъ въ уѣздный судъ? А, если и заглянетъ въ какую-нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а, какъ загляну въ докладную записку-а! только рукой махну. Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что въ ней правда, и что неправда» (I,3) и свидѣтельство самого Гоголя въ черновыхъ бумагахъ: «Для судьи всякое событіе, даже и то, которое навело страхъ на другихъ, есть находка, потому что даетъ пищу его догадкамъ и соображеніямъ, которыми онъ доволенъ, какъ артистъ своимъ трудомъ» (Изд. X, т VI, стр. 250).

23) Стр. 241 «Въ четвертомъ дѣйствіи послѣ совѣщанія о томъ, какъ «подсунуть» ревизору, чиновники собрались въ домѣ городничаго».—Невѣрно: они собрались и тутъ уже совѣщаются.

24) Стр. 246. «Вторая развязка сообщаетъ комедіи («Ревизору») большую полноту и законченность дѣйствія».—Объ излишествѣ второй развязки какъ съ точки зрѣнія эстетической, такъ и моральной см. въ моей первой статьѣ о «Ревизорѣ» («Педагог. Сборн.» 1897 г. № 1).

25) Стр. 268. «Ни въ одномъ произведеніи Пушкинъ не обнаружилъ прозрѣнія поэтической правды въ самыхъ обыденныхъ явленіяхъ русской жизни съ такой глубиной и силой, какъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ». «Капитанская дочка» въ этомъ отношеніи выше, что прекрасно раскрыто въ книгѣ Черняева, посвященной разбору этой повѣсти.

Вотъ главнѣйшіе изъ неотмѣченныхъ на страницахъ педагогической печати недосмотровъ и промаховъ въ прекрасной книгѣ почтеннаго ученаго и педагога. Въ интересахъ учащейся молодежи желательно, чтобы они не перешли въ послѣдующія изданія, что и составляетъ цѣль моихъ немалочисленныхъ замѣчаній.

Въ заключеніе нахожу нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этой книгѣ, какъ объ учебномъ руководствѣ. Учебныя руководства можно разбить, по способу изложенія и обработкѣ, на два типа. Одни имѣютъ задачей дать дѣтямъ, для домашняго повторенія и справокъ, сжато формулированные научные факты—это учебники въ собственномъ смыслѣ. Книга г. Житецкаго принадлежитъ къ другому типу: ее ученикъ не въ состояніи заучивать, да и учителю трудно по ней задавать классу «уроки» для домашняго приготовленія; она можетъ служить прекраснымъ руководствомъ, но только въ томъ случаѣ, когда ученикъ, чувствуя въ себѣ интересъ къ предмету, будетъ вчитываться и вдумываться въ изложенное: тогда это руководство дастъ ученику хорошіе образцы языка, какимъ излагаются историко-литературные вопросы, и—пріемовъ изложенія. Кое-что въ этой книгѣ, написанной вообще необычнымъ для гимназиста языкомъ, окажется и совсѣмъ не по силамъ ученику средней школы, напримѣръ, почти цѣликомъ 1-я глава 2-ой части.

Выдающійся по своимъ достоинствамъ трудъ г. Житецкаго найдетъ, можно думать, большое распространеніе въ нашей школѣ въ томъ случаѣ, если съ нетерпѣніемъ ожидаемая всѣмъ русскимъ обществомъ реформа средняго образованія приметъ въ расчетъ самодѣятельность воспитанника, что было до сихъ поръ совершенно упущено, и безъ чего лучшія стороны и силы молодой души неизбѣжно должны блекнуть и атрофироваться.

А. И. Флёровъ.

Одесса.
1900 г. 9 февраля.

Элементарные уроки по русской грамматикѣ*).

Краткая этимологія

Для старшаго отдѣленія приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и вообще для тѣхъ классовъ различныхъ школъ, въ которыхъ изучается элементарная этимологія.

Урокъ 39.

Третье склоненіе.

Третье склоненіе по падежамъ имѣетъ особыя окончанія. Къ этому склоненію относятся

имена существительныя женскаго рода на **ь**.

Падежи.	Единственное число.		
Именит. и зват.	ь	лан-ь,	печ-ь
Родительный	и	лан-и,	печ-и
Дательный	и	лан-и,	печ-и
Винительный	ь	лан-ь,	печ-ь
Творительный	ью	лан-ью,	печ-ью
Предложный	и	о лан-и,	о печ-и

Падежи.	Множественное число.		
Именит. и зват.	и	лан-и,	печ-и,
Родительный	ей	лан-ей,	печ-ей.
Дательный	ямъ, амъ	лан-ямъ,	печ-амъ.
Винительный	ей, и	лан-ей,	печ-и.
Творительный	ями, ами	лан-ями,	печ-ами.
Предложный	яхъ, ахъ	о лан-яхъ,	о печ-ахъ.

*) Продолж. См. в.в. IV—V и VI 1900 г. и I—II, III и IV—V 1901 г.

Именительный падежъ единств. числа въ 3 скл. оканчивается на **ь**.

Правило. *Дательный и предложный падежи единств. числа оканчиваются на* **и**, *а не на* **ѣ**.

Винительный падежъ единст. числа всегда сходенъ съ именительнымъ, а во множеств числѣ—съ родит. и именительнымъ: съ родит у именъ предметовъ одушевленныхъ, съ именительнымъ—у именъ предметовъ неодушевленныхъ и умственныхъ.

Третье склоненіе мягкое; но послѣ шипящихъ вмѣсто **я** пишется **а**: ноч-**амъ**, ноч-**ами**, о ноч-**ахъ**.

Упражненія въ правописаніи сущ. 3 склоненія Именительный падежъ.

Задача 1.

Поставить недописанныя окончанія.

Отъ холода по моему тѣлу пробѣжала дрож..—Бров.. и глазъ рядкомъ живутъ.—Смерть никого не щадитъ.—Ноч.. есть время для сна.—И мыш.. въ норку тащитъ корку.—Ходитъ спес.. надуваючись, съ боку на бокъ переваливаясь.—Будетъ дожд..—будетъ и рож..—Жизн.. людей коротка.—Хрѣнъ употребляется въ пищу, несмотря на гореч..—Гордост.. не достоинство человѣка.—Смѣлост.. городà беретъ.—Старост.. ведетъ за собой всякую немощ..—Стерляд.—вкусная рыба.—Глупая рѣч..—не пословица..—Взрослая доч..—помощница матери.

Задача 2.

Поставить пропущенныя буквы.

Лож.. не ж..вуща —Б..дняку и грош.. дорогъ.—

Ерш..—не спорое кушанье.—Это еж..: его руками не возьмешь.—Клещ..—вредное нас..комое.—Всякая вещ.. должна имѣть свое м..сто.—Хорошій уч..никъ долженъ оказывать помощ.. слабому.—Бородач.. во всю моч.. пог..нялъ лошадей.—Ковш.. употребляется для насыпані.. муки или зерна.—Верхній этаж.. всегда суше нижняго. Дич..—ж..рна бываетъ осен..ю.—Для печат.. употребляется сургуч..—Тиш.. да глад..—Божья благодат.—Гороховый струч..—лакомство для деревенскихъ ребятишекъ.

Задача 3.

Поставить пропущенныя буквы.

Во всякой игр . бываетъ выигрыш.. и проигрыш. —На стол . ст..итъ кувшинч. къ съ у..кимъ горл..шкомъ.—Ужъ какъ я ль мою коров..шку люблю! сытна пойла я коров..шк.. нал..ю!—У сестриц.. Варен..к.. есть въ спал..н . особый уголоч..къ, въ которомъ ст..итъ карточный дом..къ со всѣми ея кукл..ми.—Въ полноч.. не всякій пойдетъ на кладбищ . — Лучшее укр. шені.. челов..ка —см. рені..—Д..ти поб..жали въ училищ ., но опоздали: въ училищ.. уже нач. лись уроки. – Пошелъ ст..рикъ ко своей землянк.., а землянк.. нѣтъ ужъ и сл..да.—Пушечны.. ядр.. складываются кучами.—С..но скошено и сложено въ копн..—Много кр..вавыхъ по боищ.. происх..дило на п..ляхъ нашей родин..!—Для простын.. чаще употребляется л..няное полотно.—Косточки изъ вишен.. не нужно гл..тать.—Мелкій торгаш.. продаетъ всякую ветош..—

Задача 4.

Просклонять слова: степь, болѣзнь.

Урокъ 40.

Дательный, творительный и предложный падежи единственнаго числа 3-го склоненія, 1 и 2.

Для объясненія.

Голодной **кумѣ** только хлѣбъ **на умѣ**.

Зимою хорошо жить въ **городѣ**, а лѣтомъ въ **деревнѣ**.

Крестьянинъ кормится **земл-ею**.

Дѣти пошли гулять съ **нян-ею**.

Лакома овца къ **сол-и**, а коза къ **вол-ѣ**.

По **шерст-и** собак-ѣ и кличка дается.

Честь человѣка—не **въ знатност-и** и **богатств-ѣ**, а въ **добродѣтел-и**.

Люди съ **лихост-ію**, а Богъ съ **милост-ію**.

По птицѣ охотники стрѣляютъ **дроб-ью**.

Правила.—*Имена существительныя 1 склоненія въ дательномъ, а 2-го и въ предложномъ падежахъ единственнаго числа оканчиваются на* **ѣ**, *если предъ* **ѣ** *нѣтъ* **і**, *а имена 3 склоненія—на* **и**.

Имена существительныя 2 склоненія съ окончаніемъ на **я** творительный падежъ единственнаго числа имѣютъ на **ею**, при чемъ окончаніе **ею** нельзя сократить въ **ью**; имена же 3 склоненія въ творительномъ падежѣ единственнаго числа оканчиваются на **ію**, при чемъ **і** можно сократить въ **ь**.

Задача 1.

Поставить въ дательномъ, предложномъ и творительномъ падежахъ единственнаго числа слѣдующія существительныя: кожа, дыня, бровь, туча, вечерня, кровь, дача, обѣдня, радость, птица, воля, печаль, чаша, колокольня, смерть, жизнь.

Задача 2.

Поставить въ дательномъ падежѣ единственна-

го числа съ предлогами **къ, по** слѣдующія существительныя:

чаша, башня, печь, гордость, околица, куча, пѣсня, нога, горесть, водица, кляча, вишня, мудрость, роща, черешня, мышь.

Задача 3.

Поставить въ предложномъ падежѣ единственнаго числа съ предлогами: **при, въ, по, о** (объ) слѣдующія существительныя:

рѣчь, купальня, свѣча, сестрица, дверь, крыша, горечь, совѣсть, глушь, бойница, туча, яблоня, юность, старость.

Задача 4.

Поставить въ творительномъ падежѣ единственнаго числа съ предлогами: **надъ, за, подъ, съ** слѣдующія существительныя:

груша, басня, крѣпость, ложь, пшеница, душа, пашня, бодрость, помощь, курица, ноша, конюшня, мысль, рожь, колыбель.

Задача 5.

Поставить пропущенныя буквы.

При сытост.. помни голо..ъ, при богатств.. убожество.—Къ старост.. люди сл..бѣютъ.—За рощ.. на гор.. стояло селені.. съ каменною церков..ю и единственною мельниц..—При радост.. мы болтливы, при печал.. м..лчаливы —Къ полноч.. въ жилищ-.хъ людей все ст. хаетъ.—Крес..ный ходъ шелъ со святын..ю.—Переноси гор. съ твердост..ю.—На колокольн.. зазвонили къ вечерн..—Солдаты идутъ съ веселою пѣсн..—Будь гото..ъ къ радост.. и къ скорб..—За молн..ю сл..дуетъ громъ.—Насъ встр..-тили съ радост..ю.—Въ чащ.. лѣса прохладно.—Въ нашей спал..н.. св..тло и уютно.—Въ крѣпост..

много пушекъ и боевыхъ снарядовъ.—По болѣзн.. выбираются и лѣкарств..—Караванъ подошелъ къ пустын..—Къ обѣдн.. сл..дуетъ ходить не ѣвши.—Церков.. бываетъ съ колоконьн..ю.—Дѣти познакомились съ истор..ю и географ..ю.—Т..жело разставаться съ жизн..ю. Съ моею сестриц..ю шалун..ю ничего не сд.лаешь..—На кляч.. возятъ воду.—Св.нья валяется въ гряз.., какъ въ перин..—

Задача 6.

Просклонять слова: мышь, вещь.

Урокъ 41.

Дательный и предложный падежи единственнаго числа существительныхъ на ій, ія, іе, ья, ье

Для объясненія.

Андре-й Боголюбскій и **Димитрі-й** Донской были русскіе князья.

Назавтра намъ задали урокъ по **исторі-и** объ Андреѣ Боголюбскомъ и **Димитрі-и** Донскомъ.

Сегодня мама разсказывала намъ о **пророк-ѣ Илі-и**.

Въ пятой **заповѣд-и** за почтеніе къ родителямъ обѣщается Божіе **благословені-е**. При **благословені-и** Божіемъ дѣти будутъ жить въ **счасті-и** и **долголѣті-и**.

Правило.—*Если основа имени существительнаго мужескаго, женскаго или средняго рода оканчивается на* **і**, *то въ дательномъ и предложномъ падежахъ единственнаго числа такія существительныя оканчиваются на* **и**, *а не на* **ѣ**.

Задача 1.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ указать основу въ именахъ существительныхъ и объяснить окончаніе.

При дядѣ Василіи Степановичѣ въ нашемъ

имѣніи дѣла шли превосходно.—Братъ хорошо учится по географіи.—При вниманіи и прилежаніи можно многому научиться.—Малороссія была присоединена къ Великороссіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.—Въ нашей кавалеріи прекрасныя лошади.—Дѣдушка проводитъ дни свои въ спокойствіи и благополучіи.—Іерусалимъ находится въ Турціи.—Просителю обѣщали мѣсто при первой вакансіи.

Задача 2.

Указать основу существительныхъ и поставить ихъ въ дательномъ и предложномъ падежахъ единственнаго числа:

Сергій, витія, привѣтствіе, Арсеній, линія, обиліе, корпія, слѣдствіе, сандалія, колебаніе, проскомидія, свиданіе, рекомендація, приказаніе, иллюминація, удостовѣреніе.

II.

Мы поѣхали къ тетушкѣ **Марі-и** Ивановнѣ, важной особѣ.

Тетушкѣ **Марь-ѣ** Ивановнѣ на именины принесли много подарковъ.

Няня часто разсказываетъ намъ о покойной бабушкѣ **Анастасі-и** Петровнѣ.

На моей старой нянѣ **Настась-ѣ** Петровнѣ сегодня праздничное платье.

Нужно молиться Господу о **здраві-и** живыхъ и объ **упокоені-и** усопшихъ.

Здоровь-е—даръ Божій. При **здоровь-ѣ** и радость знаешь, и горе легче переносишь; поэтому о **здоровьи** должно постоянно заботиться.

Льняное **бѣльé** прочно и красиво.

Въ льняномъ **бѣльѣ** лѣтомъ прохладнѣе, чѣмъ въ бѣльѣ изъ бумажнаго полотна.

Правило. *Если въ концѣ основы именъ существительныхъ женскаго рода буква* **і** *сократилась*

въ **ь**, *то дательный и предложный падежи такихъ существительныхъ оканчиваются не на* **и**, *на* **ѣ**.

Въ среднемъ родѣ, въ концѣ основы, буква **і** можетъ также сокращаться въ **ь**: ученi-е—учен-ье. Если въ такихъ существительныхъ въ именит. падежѣ на окончаніи **е** нѣтъ ударенія, то въ предложномъ падежѣ на концѣ одинаково можно писать или **и**, или **ѣ**: въ ученьи, въ ученьѣ; но, если въ именительномъ падежѣ надъ окончаніемъ **е** стоитъ удареніе, то въ предложномъ падежѣ пишется **только ѣ**: **ружь-é=о ружь-ѣ́, мыть-é=о мыть-ѣ́**.

Задача 1.

Поставить пропущенныя буквы.

О покойномъ дяд.. Григорі.. Иванович.. всѣ сож..лѣютъ.—Ко мнѣ пріѣхалъ товарищ , по фамил... Алмазовъ.—Мороженое даютъ по маленькой порц..—Въ Росс.., главнымъ образомъ въ Сибир.., добывается много золота.—При наводнен.. часто пог..баютъ и люди.—Моей сестриц.. Софь.., большой ш..лунь.. и кр..кунь.., пришлось сегодня постоять въ угл..—На молочн..ц . Дарь.. л..житъ обяза..ость дост..влять намъ каждый д..нь сливки.—Сегодня намъ разсказывали о великомученик.. Георгі.. Побѣдоносц..—При бездѣль.. можно поглупѣть.—При игрѣ мы разд..лились на партіи; въ нашей парт.. было шест.. человѣкъ.—Б..дн..ки разсказали намъ о своемъ жить..—быть..; мы помогли имъ.—Въ счасті.. должно помнить о несчасть.. другихъ.—Пр..вославная в..ра перенесена къ намъ изъ Греці..—Баб .шк.. ворчунь.. ничѣмъ не угодишь.

Задача 2.

Просклонять слова: губернія, судья, селенье.

М. Львовъ.

Продолженіе будетъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СЛОВАРЯ

Пушкинскаго прозаическаго языка *).

Эта снисходительность, которую не смѣетъ порицать авторъ рукописи, именно и составляетъ главную прелесть той части книги, которая посвящена описанію нашего отечества. *О г-жѣ Сталь*...

б) Другія опредѣленія.

Если долгъ безпристрастія требовалъ, чтобъ я указывалъ иногда на недостатки разбираемаго мною сочиненія, то можетъ ли кто-нибудь изъ русскихъ авторовъ жаловаться на заносчивость или невѣжество Ѳеофилакта Косичкина? *Журн. ст., Нѣск. сл. о миз. Булг.*

Съ удивленіемъ замѣтили мы непонятное упущеніе со стороны неизвѣстнаго автора некролога:.. *Ст. и зам. изъ „Л. газ.“*, *I*. См. еще: *О драмѣ, 6 Молодой авторъ. Журн. ст., Веч. на хут.*

... Мы желали къ онымъ (повѣстямъ) присовокупить хотя краткое жизнеописаніе покойнаго автора... *Пов. Бѣлк., отъ изд.*

Мы не хотѣли скрыть или ослабить и порицанія, и вольныя сужденія нашего автора... *Зап. бриг. Моро-де-Бр. Пред.* См. еще: *Пов. Бѣлк. Отъ изд.*

1. **Ага́**—**междом.**

Акулина! другъ мой, Акулина! повторялъ онъ, цѣлуя ей руки... Въ эту минуту дверь отворилась, и Григорій Ивановичъ вошелъ—„Ага! сказалъ Муромскій: „да у васъ, кажется, дѣло совсѣмъ уже слажено“ *Бар.-кр.* А ты что

*) Продолженіе. Начало см. вып. VI—V.

дѣлалъ въ моемъ саду?—„Малину кралъ". - Ага! Слуга въ барина... *Дубр. XVII.* См. еще. *Арапъ П. В., III.*

2. Агá, й, м. (тур.).

Генералъ-лейтенантъ Берхгольцъ возвратился съ тѣмъ же янычарскимъ агою, который однимъ словомъ погналъ всю турецкую армію въ ея окопы. *Зап. бриг. Моро-де-Бр.*

'Аггелъ, а, м.

Новое изданіе очень мило. Съ Богомъ, милый ангелъ или аггелъ Асмодей. *Пис. № 44 (Вяземскому).*

Агéнтъ, а, м.

Гриммъ, странствующій агентъ французской философіи, въ Лейпцигѣ засталъ русскихъ студентовъ за книгою „О разумѣ"... *Радищ.*

Іезуитъ Заленскій, Княгиня Дульская и какой-то боларскій архіепископъ... были главными агентами мазепиной измѣны. *Прим. къ Полт.*

'Агнецъ, áгнца, м.

Жду не дождусь появленія въ свѣтъ вашихъ стиховъ; только ихъ получу, заколю агнца, восхвалю Господа—и укра шу цвѣтами свой шалашъ. *Пис. № 47.*

Агріóпа, ы, ж.

Майковъ, трагикъ, встрѣтя Фонвизина, спросилъ у него, заикаясь по своему обыкновенію: видѣлъ ли ты мою Агріопу?—Видѣлъ.—Что жъ ты скажешь объ этой трагедіи?—Скажу: Агріопа— ...Остро и неожиданно! Не правда ли? Помѣсти это въ біографію, а я скажу тебѣ спасибо. Что до Телоскопа (другая Агріопа), то у меня его покамѣстъ нѣту. Да напиши къ Салаеву, чтобы онъ тебѣ всю эту дрянь послалъ. *Пис. № 268.*

Агронóмъ, а, м

Алексѣй Вульфъ здѣсь же, отставной студентъ и гусаръ, усатый агрономъ... *Пис. 451.*

Адвока́тъ, а, м.

Не знаю, прибѣгнулъ ли онъ (Падуровъ) во время суда къ защитѣ сего закона; можетъ быть онъ его не зналъ... Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ, доказывающихъ необходимость **адвокатовъ**. *Ист. пуг. б., прим. 125. См. еще. Пис. Вяз. 31 г.*

Сверхъ **адвокатовъ** вы должны еще опасаться и литературной черни... *Журн. ст., Вольтеръ.*

Онъ (Вольтеръ) расточаетъ то искусныя разсужденiя **адвоката**, то придирки прокурора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истиннаго краснорѣчiя. *Журн. ст., Вольтеръ.*

Аде́птъ, а, м.

Императрица, долго смотрѣвшая на ученiя французскихъ философовъ, какъ на игры искусныхъ бойцовъ, и сама ихъ ободрявшая своимъ царскимъ рукоплесканiемъ, съ безпокойствомъ видѣла ихъ торжество и съ подозрѣнiемъ обратила вниманiе на русскихъ мартинистовъ, которыхъ считала проповѣдниками безначалiя и **адептами** энциклопедистовъ. *Радищ.*

Администра́цiя, iи, ж.

Отселѣ указъ объ экзаменахъ, мѣра слишкомъ демократическая и ошибочная, ибо она нанесла послѣднiй ударъ дворянскому просвѣщенiю и гражданской **администрацiи**, вытѣснивъ все новое поколѣнiе въ военную службу. *Зап. о нар. восп.*

Адмиралте́йскiй, ая, ое.

Ибрагимъ видалъ Петра... въ **адмиралтейской** коллегiи, утверждавшаго морское величiе Россiи... *Арапъ П. В.* 3.

Адмиралтейство, а, ср.

Отведено мѣсто для гостинаго двора, пристани, присутственныхъ мѣстъ, **адмиралтейства**... *Мат. для ист. П. В., 1703.*

Онъ (Ибрагимъ) горѣлъ нетерпѣніемъ услышать что-нибудь о графинѣ и собрался ѣхать въ **адмиралтейство**, надѣясь тамъ застать еще Корсакова... *Арапъ П. В.*, *III*.

Адмиралтействъ коллегія.

... Опредѣленъ былъ начальникомъ оренбургской комиссіи членъ государственной **адмиралтействъ коллегіи** контръ-адмиралъ, кн. Василій Урусовъ. *О Татищ.*

Адмиралъ. а, м.

Прадѣдъ мой былъ женатъ на меньшей дочери **адмирала** графа Головина... *Крит. зам.*

Капитанъ Байронъ, сынъ знаменитаго **адмирала** и отецъ великаго поэта, навлекъ на себя соблазнительную славу. *Журн. ст.*, *Л. Байр.* См. еще *тамъ же*, *Зап. бриг. Моро-де Бр.*

Съ другой стороны повелѣлъ онъ (государь) **адмиралу** и вице-адмиралу... ѣхать въ Азовъ. *Зап бриг. Моро-де-Бр.* См. еще *Зам. отъ ред.* (*О сборн. кн. Вяз*).

Адресовать ую, уютъ.

1. Въ основномъ значеніи, съ указаніемъ мѣста, куда что-либо адресуется.

... Напишите мнѣ, гдѣ вы, а письмо **адресуйте**: въ Лукояновскій уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ Болдино. *Пис. № 249.* Сильвіо получалъ письма, **адресованныя** въ нашъ полкъ... *Выстр. I.* Если вамъ будетъ досугъ написать мнѣ двѣ строчки, **адресуйте** ихъ на Дворцовую набережную, въ домѣ Баташева, у Прачешнаго моста. *Пис. № 412.* (Письма) были **адресованы** въ армію изъ Кистеневки. *Дубр.*, *VI.*

Безъ указанія этого мѣста.

Куда **адресуешь** ты свои письма? *Пис. № 429.* Какъ **адресовать** письма къ Ѳедору Николаевичу? *Пис. № 447.*

2. В ъ знач. переносномъ: направлять кого къ кому.

На всякій случай, если насъ гонитъ графъ К., то у насъ остается графъ Юрьевъ, я **адресую** тебя къ нему. *Пис. № 427.*

Адресова́ться, су́юсь, суются—страд. зал.

Подписка въ С. П. Б. принимается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Иногородные могутъ **адресоваться** въ газетную экспедицію. *Зам. отъ редакціи, въ III кн. „Совр“.*

'Адресъ, а, м.

1. Надпись на письмѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, ходилъ по рукамъ списокъ съ **адреса** одного изъ его писемъ: „Акулинѣ Петровнѣ Курочкиной, въ Москвѣ, напротивъ Алексѣевскаго монастыря, въ домѣ мѣдника Савельева, а васъ покорнѣйше прошу доставить письмо сіе А. Н. Р.“ *Бар.-кр.*

Какъ твой **адресъ** глупъ—такъ это объяденіе! *Пис. № 431.* **Адресъ** былъ написанъ рукою батюшки. *Кап. д., V.*

2. Мѣстожительство кого-либо.

Чарскій ласково разстался съ импровизаторомъ, взялъ себѣ его **адресъ** и въ тотъ же вечеръ поѣхалъ за него хлопотать. *Ег. н., I.*

Нащокина не нашелъ я на старой его квартирѣ; насилу отыскалъ его у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ Ильинской (не забудь **адреса**). *Пис. № 315.*

Мой будущій **адресъ**: въ домѣ Китаевой *Пис. № 283.* Скажи мнѣ **адресъ** Рахманова. *Пис. № 322.* См. еще *Пис. № 17, № 57, № 82, № 313, № 352, № 353, № 410, № 427, № 428 и др.*

'Адскій, ая, ое.

Мильтонъ говоритъ, что **адское** пламя давало только

различать вѣчную тьму преисподней. V. 60—61. Потомство мнѣ судія. Оно пойметъ мою Еву, падающую въ адскую ночь, какъ сладкое сновидѣніе. *Журн. ст.*, *О Мильт.*

Но можно ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую **адскую** неблагодарность? *Пис. № 120.* **Адская** усмѣшка. *Кап. д.*, *IV.*

Адъ, а, м.

Такъ я хочу въ свою очередь создать свой міръ между **адомъ**, землею и небомъ. *Журн. ст.*, *О Мильт.* См. еще тамъ же.

В ъ з н а ч. п е р е н о с н о м ъ.

Развѣ вы не видите, что пожаръ Москвы есть гибель всему французскому войску, что (Наполеонъ)... принужденъ будетъ скорѣе отступить... И вы могли думать, что французы сами изрыли себѣ **адъ**: русскіе, русскіе зажгли Москву!—*Росл.*

... Коли хочешь быть уменъ—женись, коли хочешь быть въ **аду**—женись... *Ег. н.*, *Черн. набр.*

Адъюнктскій, ая, ое.

Думаю, что вамъ надо требовать вашего **адъюнктскаго** жалованья во время вашихъ трудовъ—и только. *Пис. № 340.* (*Погод.*).

Адъюнктъ, а, м.

Тутъ онъ (Пугач.) встрѣтилъ астронома Ловица... **Адъюнктъ** Иноходцевъ, бывшій тутъ же, успѣлъ убѣжать. *Ист. пуг. б.*, *VIII.*

Адъютантъ, а, м.

Послѣ генерала N. N., у котораго батюшка былъ нѣкогда **адъютантомъ**. *Ист. с. Гор.*

Потемкинъ послалъ однажды **адъютанта** взять изъ казеннаго мѣста 100,000 рублей. *Прим. къ Ист. зам.* См. еще: *Ист. анекд.*, *6 и 7; Зап. бриг. Моро де-Бр.*

Письмо это доставитъ тебѣ Сенявинъ, **адъютантъ** гр. Воронцова... *Пис. № 76.*

Потемкинъ: Ты, братецъ мой, **адъютантъ** такого-то? *Ист. анекд.*, 7. См. еще *тамъ же*; *Пис. № 140.*

Я отобѣдалъ у Андрея Карловича, втроемъ съ его старымъ **адъютантомъ**. *Кап д.*, *II.* Догадливый **адъютантъ**. *Ист. анекд.*, *6.*

Генера́лъ-адъюта́нтъ.

Вольскій, богатый молодой человѣкъ, привыкшій подчинять свои чувства мнѣнію другихъ, влюбился въ нее потому, что **генералъ-адъютантъ** N на одномъ придворномъ балу рѣшительно объявилъ, что Зинаида первая красавица въ Петербургѣ. *Отр. Ег. н.*, *II.*

Въ пять часовъ вечера одинъ изъ **генералъ-адъютантовъ** его царскаго величества привезъ фельдмаршалу приказъ... *Зап. бриг. Моро-де-Бр.* См. еще *Прим. къ Мѣдн. Всадн.*

'Азбука, и, ж.

1. Рядъ буквъ, означающихъ въ опредѣл. порядкѣ звуки какого-либо языка.

Акулина выучилась **азбукѣ** удивительно скоро. *Бар.-кр.*

Мнѣ было совѣстно, для опроверженія критикъ, повторять школьныя или пошлыя истины, толковать объ **азбукѣ**, риторикѣ; оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненій, а что всего затруднительнѣе — важно говорить. Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons. *Крит. зам.* См. еще *М. Шон.*, *I.*

Тоже съ опредѣленіями: **русская, славянская, французская, греческая азбука.**

Пиши мнѣ по-русски, потому что, слава Богу, съ моими конституціонными друзьями я скоро позабуду **русскую азбуку**. *Пис. № 14.*

Буквы, составляющія славянскую азбуку, не представляютъ никакого смысла. *Мелк. зам.*

Мнѣ гораздо болѣе нравится трагедія, составленная изъ азбуки французской. *Мелк. зам.*

Для поддержанія ученой своей славы принужденъ онъ (Полевой) былъ обратиться къ русскому букварю и преобразовать оный такъ, что свѣдѣнія Михаила Трофимовича въ греческой азбукѣ отнынѣ не подлежатъ уже никакому сомнѣнію. *Журн. ст., Отр. изъ лит. лѣт.*

2. Книжка для первонач. обученія грамотѣ, букварь.

(Я) успокоился, увидѣвъ затасканную азбуку и ариѳметику, изданную для народныхъ училищъ. *Отр. неок. пов., I.*

Во всемъ домѣ, кромѣ азбуки, купленной для меня, календарей и новѣйшаго Письмовника, никакихъ книгъ не находилось. *Ист. с. Гор.*

(Ср. при этомъ ...Для поддержанія ученой своей славы принужденъ онъ (Полевой) былъ обратиться къ русскому букварю и преобразовать оный. *Отр. изъ лит. лѣт.*).

'Азбучный, а я, о е.

Кто же еще за тобой ухаживаетъ, кромѣ Огарева? пришли мнѣ списокъ по азбучному порядку. *Пис. № 359.*

Азіáтецъ, тца, м.

Дѣло въ томъ, что молодой азіатецъ, непривыкшій къ коляскѣ, видѣлъ въ ней скорѣе западню, нежели убѣжище. *Пут. въ Арзр., II.*

Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, которымъ былъ обязанъ пребыванію моему между азіатцами. *Изъ дн., О холерѣ.*

В. А. Водарскій.

Продолженіе будетъ.

Содержаніе I—VI вып. „Фил. Зап.“ за 1900 г.

Содержаніе I и II выпусковъ.

Содержаніе III выпуска.

„Критонъ“ или: „Объ обязанностяхъ гражданина“—этическій діалогъ Платона (окончаніе)—переводъ—*С. В. Мышецкаго.*

Одно мѣсто въ „Поученіи“ Мономаха“—профессора *А. И. Соболевскаго.*

Объяснительное чтеніе стихотвореній: „Нива“—А. Майкова, „Три пальмы“ и „Вѣтка Палестины“—Лермонтова и „Подражаніе псалму XIV“—Языкова—*К. В. Ельницкаго.*

Нужна ли буква „ять?“—*Д. Н. Ѳомина.*

Историческое и фонетическое правописаніе требуетъ существованія буквы „Ѣ“ въ русской азбукѣ—*С. Н. Прядкина.*

Содержаніе IV—V выпусковъ.

Объ изданіи „Филологическихъ Записокъ“ въ 1901 году.

Очеркъ изъ исторіи европейской драмы (продолженіе)—*А. А. Чебышева.*

Миѳологическій элементъ въ сербской народной поэзіи—*Н. М. Гальковскаго.*

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ—*Н. В. Шеметовой.*

Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ (продолженіе)—*И. И. Замотина.*

А. Н. Майковъ, какъ поэтъ—*В. П. Брюханова.*

Ученые труды Л. Н. Майкова—*Н. Н. Вакуловскаго.*

О происхожденіи и смыслѣ собственныхъ именъ нѣкоторыхъ животныхъ—*Д. А. Никольскаго.*

Уроки объяснительнаго чтенія: разборъ басенъ Крылова—*Д. Н. Ѳомина.*

При этой книгѣ прилагается „Указатель“ статей „Ф. З.“ за 13 лѣтъ.

Содержаніе VI выпуска.

Содержаніе I—VI вып. „Фил. Зап.“ за 1901 г.

Содержаніе I—II выпусковъ.

Энциклопедическій словарь издателя Ф. Павленкова— *Н. К. Рамзевича.*

Вѣнокъ на могилу А. А. Хованскаго.

Содержаніе I—VI в.в. „Филологическихъ Записокъ“ за 1900 г.

Содержаніе III выпуска.

Звуки и рѣчи, какъ результаты работъ органовъ— *С. С. Рогозина.*

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ (продолженіе) *Н. В. Шеметовой.*

Д. В. Григоровичъ, какъ народный писатель (продолженіе)—*П. Н. Щукина.*

Объяснительное чтеніе стихотвореній—*К. В. Ельницкаго.*

Главнѣйшіе факторы выработки устной и письменной рѣчи учащихся въ практикѣ средней школы филологическаго типа и сравнительная оцѣнка ихъ—*В. М. Гуссова.*

Славянскія извѣстія—*А. І. Степовича.*

Элементарные уроки по русской грамматикѣ для старшаго отдѣленія приготов. классовъ средн. учебн. завед. и вообще для школъ, въ которыхъ изучается элементарная этимологія (продолженіе)—*М. М. Львова.*

Содержаніе IV—V выпусковъ.

Объ изданіи „Филологическихъ Записокъ“ въ 1902 году.

Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Отъ издательницъ „Филологическихъ Записокъ“.

Три политическихъ направленія въ древней Греціи (по „Иліадѣ“—Гомера)—*І. М.*

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ (продолженіе)—*Н. В. Шеметовой.*

Значеніе Гончарова въ исторіи русской литературы (продолженіе)—*П. Н. Щукина.*

Д. В. Григоровичъ, какъ народный писатель (продолженіе)—*Его же.*

Матеріалы для біографіи И. С. Никитина.

Эпитеты въ русскихъ былинахъ (продолженіе)—*П. Д. Первова.*

Объяснительное чтеніе стихотвореній и народныхъ басенъ—*К. В. Ельницкаго.*

По пути къ разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ школьнаго преподаванія—*В. М. Гусова.*

Нѣсколько соображеній по поводу новаго учебнаго плана для средней школы по русскому языку и словесности (окончаніе будетъ въ слѣд. вып.)—*Его же.*

Нѣсколько словъ объ „ореографическихъ словаряхъ г.г. Алексѣева и Сеславина“—*З. О—ва.*

Затруднительные случаи русскаго правописанія (окончаніе)—*Д. Н. Ѳомина.*

Элементарные уроки по русской грамматикѣ—продолженіе)—*М. М. Львова.*

Матеріалы для словаря Пушкинскаго прозаическаго языка (продолженіе будетъ)—*В. А. Вѣдарскаго.*

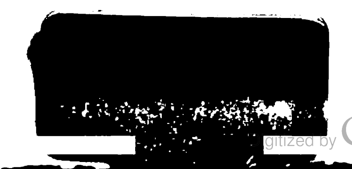
Объявленія.

Содержаніе VI выпуска.

Объ изданіи „Филологическихъ Записокъ“ въ 1902 году.

Отъ издательницъ „Филологическихъ Записокъ“.

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ (продолженіе будетъ)—*Н. В. Шеметовой.*



UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118457123